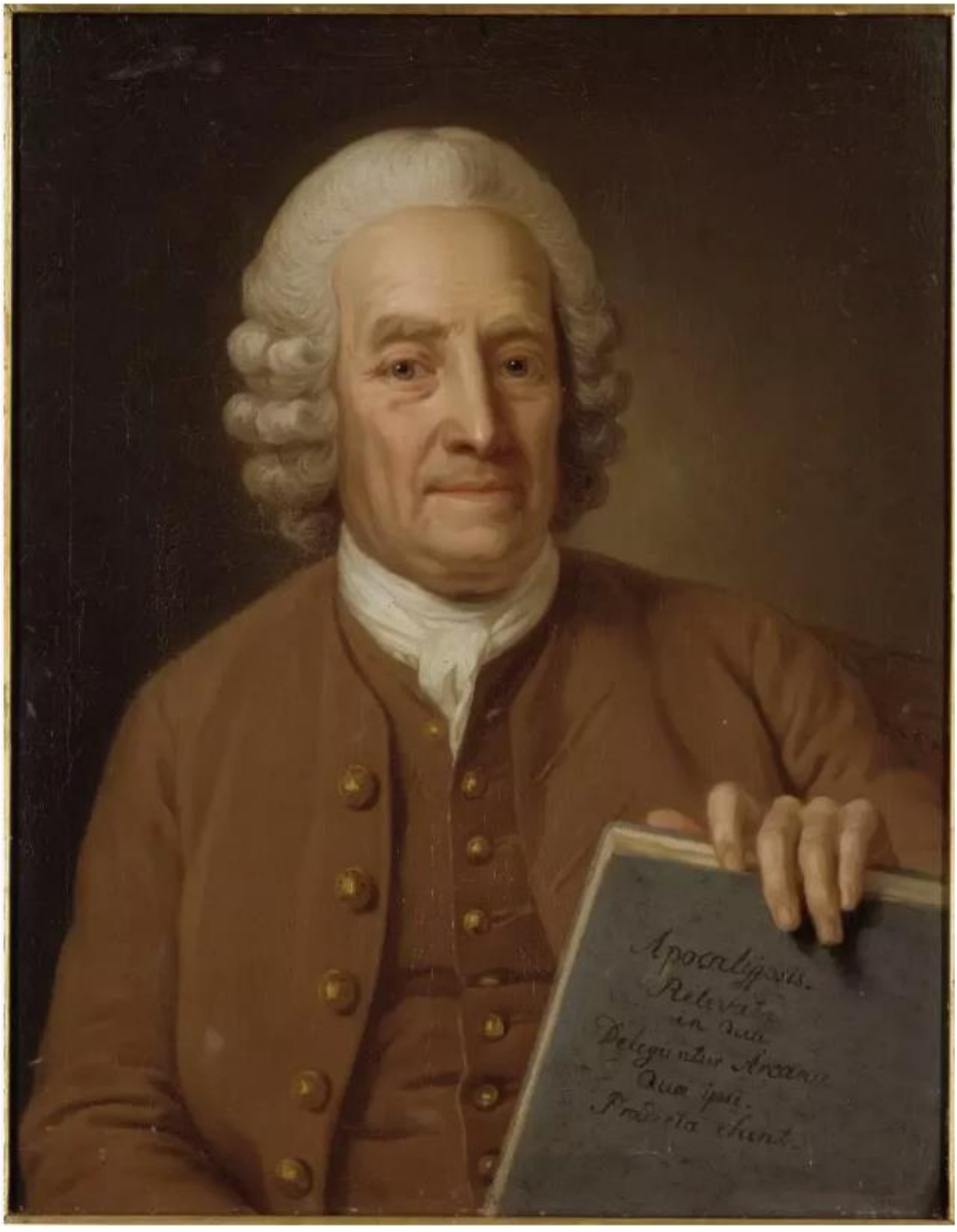

Сведенборг, Эммануил

Эммануил Сведенборг

МУДРОСТЬ АНГЕЛЬСКАЯ О БОЖЕСТВЕННОМ ПРОВИДЕНИИ

Emanuelis Swedenborg

Sapientia Angelica de Divina Providentia

Перевод с латыни Э. Трайбс

Общее оглавление

Глава первая

Божественное Провидение есть управление Божественной Любви и Божественной Мудрости Господа (1-26)

(3) Вселенная со всеми и каждым из предметов, содержимых ею, создана Божественной Любовью посредством Божественной Мудрости

(4) Божественная Любовь и Божественная Мудрость исходят как одно от Господа

(4) Одно не существует без формы, но сама форма образует это одно

(4) Форма образует одно тем совершеннее, чем предметы, входящие в форму, отчетливее различны, а между тем соединены

(5) Это одно в некотором образе во всяком творении

(7) От Божественного Провидения дабы всякое творение, в общем и в частном, было таким одним и если не есть, то стало бы

(10) Добро любви настолько есть добро, насколько оно соединено с истиною мудрости, и истина мудрости настолько истина, насколько она соединена с добром любви

(14) Добро любви, не соединенное с истиной мудрости, не есть добром в себе, но добром по видимости, и истина мудрости, не соединенная с добром любви, не есть истиной в себе, но истиной по видимости

(16) Господь не терпит, дабы что-либо было разделено, поэтому всякая вещь должна быть в добре и в то же время в истине или во зле и в то же время во лжи

Глава вторая.

Божественное провидение Господа имеет целью Небо,

происходящее из рода человеческого (27-45)

(28) Небо есть союз с Господом

(32) Человек от сотворения таков, что он может все более и более

соединяться с Господом

(33) Как человек может быть сочетаем ближе и ближе с Господом и затем как это сочетание представляется более и более близким

(33) Как это сочетание представляется более и более близким

(34) Чем ближе человек в союзе с Господом, тем он становится разумнее

(37) Чем ближе человек соединен с Господом, тем он счастливее

(42) Чем ближе человек соединяется с Господом, тем отчетливее ему кажется, что он принадлежит себе, и тем яснее он замечает, что принадлежит Господу

Глава третья.

Божественное Проведение Господа во всем соделываемом взирает на Бесконечное и Вечное (46-69)

(52) Бесконечное и Вечное в Себе может *лишь* взирать на бесконечное и вечное по себе в конечных

(55) Божественное Провидение, во всем соделываемом, взирает на бесконечное и вечное по себе, особенно в спасении Рода Человеческого

(56) Образ Бесконечного и Вечного в разнообразии всех предметов

(56) Образ бесконечного и вечного в плодотворительстве и размножении всего

(60) Образ Божественного Вечного существует в ангельском Небе

(64) Взирать на Бесконечное и Вечное в образовании ангельского Неба

Глава четвертая.

Есть законы Божественного Провидения, неизвестные людям (70-190)

Закон Божественного Провидения, дабы человек действовал в свободе по рассудку (71-99)

(73) Человек обладает Рассудком и Свободой, или Рациональностью и Свободой, и эти две способности по Господу в человеке

(74) Все, что человек соделывает в свободе, согласное или несогласное с рассудком, лишь бы оно было по его свободе, ему представляется как свое

(78) Все, что человек творит в свободе, по рассудку, ему становится присущим как его и за ним остается

(82) Посредством этих двух способностей человек преобразуем Господом и возрождаем, без них же он не может быть ни преобразован, ни возрожден

(87) Посредством этих двух способностей человек может быть настолько преобразован и возрожден, насколько он быть может доведен или к признанию, что всякое добро и всякая истина, которые он мыслит и творит, от Господа, а не от него самого

(92) Сочетание Господа с человеком и сочетание взаимное человека с Господом соделывается теми двумя способностями

(96) Господь во всей прогрессии своего Божественного Провидения сохраняет неприкосновенными и как бы святыми эти две способности у человека

(97) Посему от Божественного Провидения, дабы человек действовал в

свободе, по рассудку Закон Божественного Провидения, что человек как бы сам собою удаляет из человека внешнего зло как грехи; и Господь может, только таким способом, а не иначе, удалять зло в человеке внутреннем и в то же время во внешнем (100-128)

(103) Каждый человек имеет Внешнее и Внутреннее мысли

(106) Внешнее мысли человека в себе такое же, как внутреннее

(111) Внутреннее не может быть очищено от вожделений зла, пока зло в человеке Внешнем не было удалено, потому что оно препятствует

(114) Зло в человеке Внешнем не может быть удалено Господом иначе, как посредством человека

(118) Из предыдущего следует теперь подтверждение пункта V, а именно: что человек должен как бы сам собою удалять из человека Внешнего зло

(119) Тогда Господь очищает человека от вожделений зла в человеке

Внутреннем и от самого зла в человеке Внешнем

(123) Непрерывное действие Божественного Провидения Господа состоит в сочетании человека с Собою и Себя с человеком Закон Божественного Провидения, дабы человек не был внешними средствами понуждаем мыслить и желать, и любить присущее религии, но дабы человек сам стремился к этому и иногда себя понуждал (129-153)

(130) Никто не может быть преобразован посредством чудес и знамений, ибо они неволят

(134) Никто не преобразован виденьями и разговорами с умершими, потому что они неволят

(136) Никто не преобразован угрозами или карами, ибо они неволят

(138) Никто не преобразован в состояниях нерациональности и несвободы

(145) Принуждать себя самому не против рациональности и не против свободы

(150) Внешний человек должен быть преобразован человеком внутренним, а не наоборот Закон Божественного Провидения, дабы человек был веден и поучаем с Неба Господом посредством Слова, учения, проповедей по Слову, и по видимости, как бы самим собою (155-187)

(155) Человек веден и поучаем одним Господом

(162) Человек веден и поучаем одним Господом посредством Ангельского неба и от этого Неба

(165) Человек веден Господом посредством наития и обучаем посредством просветления

(171) Человек поучаем Господом посредством Слова, доктрины и

проповедей по Слову, и таким образом непосредственно самим Господом

(174) Человек веден и поучаем Господом во внешних, во всей видимости, как бы сам собой Закон Божественного Провидения, дабы человек не сознавал и не ощущал действия Божественного Провидения, но дабы он знал его и признавал (176-190)

(176) Если бы человек сознавал и ощущал действие Божественного Провидения, он бы не поступал в свободе по рассудку, и ничего ему бы не казалось, как бы идущим от него Подобное тому, если бы человек обладал предведением событий

(180) Если бы человек видел явственно Божественное Провидение, он бы вошел в порядок и строй его хода и их испортил бы или истребил

(182) Если бы человек видел явственно Божественное Провидение, он отрицал бы Бога, или бы сделал себя Богом

(187) Человеку дано видеть Божественное Провидение сзади, а не с

лицевой стороны, а также в состоянии духовном, а не в состоянии

природном

Глава пятая.

Собственная предусмотрительность ничтожна, но представляется существующей, и должна представляться как бы существующею, но Божественное Провидение по особенностям универсально (191-213)

(193) Все мысли человека исходят от чувств его жизненной любви, и без этих чувств нет и не может быть никакой мысли

(197) Чувства жизненной любви человека ведомы одному Господу

(200) Чувства жизненной любви человека ведутся Господом посредством Его Божественного Провидения, а его мысли, от которых происходит человеческая предусмотрительность, ведутся одновременно

(201) Господь Своим Божественным Провидением соединяет вместе чувства любви всего Человеческого Рода в одну форму, которая есть формой человеческой

(204) Небо и Ад суть в такой форме

(205) Признавшие одну природу и одну человеческую предусмотрительность составляют Ад, а признавшие Бога и Его Божественное Провидение составляют Небо

(206) Откуда происходит и что такое собственная предусмотрительность

(207) Откуда происходит и что такое Божественное Провидение

(208) Кто и каковы признающие одно и признающие другую

(210) Все это не может иметь места, если только не представляется человеку, что он мыслит сам собою и располагает сам собою

Глава шестая.

Божественное Провидение взирает на вечное, на временные же вещи лишь настолько, насколько они согласуются с вечными (214-220)

(215) Временное относится к почестям и богатствам, также к почету и наживам в Мире

(215) Что такое почести и богатства и откуда они

(215) Какова любовь к почестям и к богатствам ради них самих, и какова любовь к почестям и богатствам ради дел

(215) Эти любови различаются между собою, как Ад и Небо

(215) Различие между этими родами любви с трудом познается человеком

(216) Вечное относится к почестям и богатствам духовным, принадлежащим любви и мудрости в Небе

(217) Почести и богатства, или почет и избыток, суть благословениями

или проклятиями

(217) Почести и богатства, будучи благословениями, духовны и вечны; когда же они проклятия, то временны тленны

(217) Почести и богатства, которые суть проклятиями, относительно

почестей и богатств, которые суть благословениями, как ничто относительно всего и как то, что в себе не есть относительно того, что в себе есть

(218) Временное и Вечное разделено человеком, но соединено Господом

(219) Что такое временное и что такое вечное

(219) Человек в себе временен, а Господь в Себе вечен; следовательно, от человека может исходить лишь то, что временно, от Господа же то, что вечно

(219) Временное отделяет от себя вечное же соединяется с временным

(219) Господь соединяет с Собою человека посредством видимостей

(219) Господь соединяет с Собою человека посредством соответствий

(220) Соединение временного и вечного в человеке есть Божественным

Провидением Господа

(220) От Божественного Провидения дабы человек освобождался смертию природного и временного и облекался в духовное и вечное

(220) Господь Своим Божественным Провидением соединяется с природным посредством духовного с временным посредством вечного, согласно с делами

(220) Господь соединяется с делами посредством соответствий и таким

образом посредством видимостей, согласно с подтверждениями их человеком

(220) Такое соединение временного с вечным есть Божественным Провидением

Глаза седьмая.

Человек внутренне вводится в истины веры и в дела милосердия, лишь насколько он может в них быть удержан до конца жизни (221-233)

(222) Человек может быть введен в мудрость вещей духовных и также в их любовь, и все-таки не быть преобразован

(226) Если человек впоследствии отступает и принимает обратное направление, то он профанирует святое

(227) Все, что человек мыслит, говорит и делает по воле, ему присваивается и остается — как добро, так и зло

(227) Господь, Своим Божественным Провидением, приуготовляет и располагает постоянно так, чтобы зло было само по себе, а добро само по себе, и чтобы таким образом они были разделены

(227) Но это не может быть соделано, если человек сначала признает истины веры и живет по этим истинам, а потом удаляется и их отрицает

(227) Тогда он смешивает добро и зло так, что оные не могут быть разделены

(227) Так как добро и зло у каждого человека должны быть отделены, а у того, кто такой, они отделены быть не могут, то, следовательно, такой человек уничтожается во всем, что есть истинно человеческого

(229) Есть много родов профанации святого, но этот род наихудший из всех

(231) Первый род профанации совершается теми, кто шутит по Слову и над Словом по Божественным Церкви и над этими Божественными

(231) Второй род профанации совершается теми, кто понимает и признает Божественные Истины, а между тем живет противно этим Истин

(231) Третий род профанации совершается теми, которые применяют буквальный смысл Слова к подтверждению дурной любви и ложных принципов

(231) Четвертый род профанации совершается теми, которые устами произносят вещи благочестивые и святые и тоном голоса, и жестами притворяются, что тронуты любовью к ним, но сердцем им не верят и не любят их

(231) Пятый род профанации совершается теми, кто относит к себе Божественное

(231) Шестой род профанации совершается теми, кто признает Слово, а между тем отрицает Божественность Господа

(231) Седьмой род профанации совершается теми, которые сначала признают Божественные истины и живут по этим истинам, а затем отступают и отрицают их

(232) Поэтому Господь не вводит внутренне человека в истины мудрости и в добро любви, как лишь насколько человек может быть в них удержан до конца жизни

(233) Во внутренних человека не может быть зла одновременно с добром, ни, следовательно, неправды зла одновременно с добром истины

(233) Добро и истина добра не могут быть внесены Господом во внутренние человека, как лишь насколько зло и ложь оп зла были удалены

(233) Если бы добро со своею истиною было внесено прежде или в большем количестве, чем зло со своею неправдою не было удалено, то человек отрешился бы от добра и вернулся бы к своему злу

(233) Когда человек во зле, то многие истины могут быть внесены в его разумение и заключены в его памяти и между тем не быть профанированы

(233) Но Господь Своим Божественным Провидением способствуете величайшим предусмотрением, чтобы добро не было принято прежде, чем человек не удалит, как бы сам собою, зло в человеке внешнем, ни в большем количестве, чем удалит он его

(233) Если бы это было прежде и в большей пропорции, то воля извратила бы добро, а разумение исказило бы истину, смешав их со злом и ложью

(233) Ради этого Господь не вводит внутренне человека в истины мудрости и добро любви

Глава восьмая.

Законы Попущения суть тоже Законами Божественного Провидений ничто не может быть допущено без причины, и нет причины в ином, как лишь в каком-либо законе Божественного Провидения (234-274)

(241) Мудрейший из людей Адам и его супруга поддались соблазну змея, и Бог Своим Божественным Провидением не воспрепятствовал этому

(242) Их первый сын Каин убил своего брата Авеля, и Бог тогда не отклонил его от этого, говоря с ним, но только проклял его после убийства

(243) Израильский народ в пустыне поклонялся золотому тельцу и признал его Богом, выведшим его из Египта, а между тем Иегова это видел с горы Синайской, вблизи, и не воспрепятствовал тому

(244) Давид сделал исчисление народа, и по причине этого была наслана чума, погубившая несколько тысяч человек, и Господь к нему послал пророка Гада не до проступка, но после — возвестить ему о наказании

(245) Было попущено Соломону установить идолослужение

(246) Было попущено многим царям после Соломона профанировать Храм и святыни Церкви

(249) Всякий поклонник самого себя и природы утверждается против Божественного Провидения, когда видит в миру столько нечестивых и столько нечестия с их стороны, и в то же время славу, извлекаемую некоторыми из оного, без того чтобы Бог налагал на них какое-либо наказано

(250) Поклонник самого себя и природы утверждается против Божественного Провидения, когда видит, что нечестивые введены к почестям и становятся вельможами и примасами, затем также изобилуют в богатствах, живут в пышности и великолепии, между тем как почитатели Бога — в презрении и нищете

(254) Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения, когда разбирает религии различных народов, например, что есть люди, не имеющие никакого понятия о Боге, и есть поклонники солнца и луны, другие же, поклонники идолов и резных изображений

(255) Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения, когда размышляет, что Магометанская религия принята в стольких империях и королевствах

(256) Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения, когда видит, что Религия Христианская только в меньшей части обитаемого земного шара, называемой Европою, и что и там она разделена

(257) Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения тем, что во многих Государствах, где принята Христианская религия, есть люди, мыслимых и произнесенных, а не в творимых добрых делах

(259) Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения тем, что в Мире Христианском было столько ересей, и есть еще таковые, как Квакеры, Моравские братья, Анабаптисты и многие другие

(260) Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения тем, что Иудейство еще продолжается

(262) Может подняться сомнение относительно Божественного Провидения из того, что весь Христианский Мир поклоняется Богу под тремя Лицами, а это значит поклоняться трем Богам, и до сих пор не видел он, что Бог един в лице и в сущности, в Котором Троица, и что этот Бог есть Господь

(264) Духовный смысл Слова не был открыт ранее, потому что если б был открыт, то Церковь профанировала бы его и тем профанировала бы самую святость Слова

(264) Также подлинные истины, из которых состоит духовный смысл Слова, были открыты Господом лишь по совершении Последнего Суда и когда новая Церковь, разумеемая под Новым Иерусалимом, имела быть установленною Господом

(265) Может подняться сомнение относительно Божественного Провидения в том, что до сих пор не было известно, что избегать зол как грехов есть сама Христианская Религия

(274) Может подняться сомнение относительно Божественного Провидения из того, что до сих пор было неведомо, что человек живет человеком по смерти, и это прежде чем оно не проявится

Глава девятая.

Зло попускается для цели, которая есть — спасение (275-284)

(277) Всякий человек во зле, и должен быть извлечен из него, дабы быть преобразованным

(278) Зло не может быть удалено, прежде чем оно не проявится

(278а) О Признающих себя виновными во всех грехах и не изыскивающих в себе никакого

(278) О тех, которые из-за мирских дел нисколько не помышляют о грехах и, следовательно, не могут их знать

(278) О тех, которые благоволят к грехам и не могут их знать

(278) У всех таких грехи не проявляются и, следовательно, не могут быть удалены

(278) Причина, не известная доныне, по которой зло не может быть удалено, если только оно не разыскано, не проявлено, не признано, не исповедано и если не отступятся от него

(279) Насколько зло удалено, настолько оно отпущено

(279) Заблуждение века — мысль, что зло отделено и даже выброшено вон, когда оно отпущено

(279) Заблуждение века, что состояние жизни человека может быть изменено в одну минуту, что таким образом злой может сделаться добрым, следовательно, быть выведенным из ада и тотчас перенесенным в Небо, и оное по непосредственной Благости Божьей

(279) Питающие такие верования вовсе не знают, что такое зло и что такое добро

(279) Верующие, что спасение совершается мгновенно и что благость непосредственна, не знают, что чувства, присущие воле, суть простыми изменениями состояния чисто органических субстанций духа

(281) Таким образом попускается зло для цели, которая есть спасение

Глава десятая.

Божественное Провидение Господа равно у злых, как и у добрых (285-307)

(287) Божественное Провидение универсально в самих особенностях, не только у добрых, но также у злых, и тем не менее оно не во зле их

(295) Злые бросаются постоянно сами во зло, но Господь их постоянно извлекает из зла

(296) Есть вещи, бесчисленные в каждом зле

(296) Злой погружается сам беспрерывно глубже и глубже в свое зло

(296) Божественное Провидение относительно злых есть постоянным попущением злу с целью, дабы они были постоянно из него извлекаемы

(296) Отрешение ото зла совершается Господом тысячью способов, даже весьма сокрытых

(297) Злые не могут быть вполне извлечены из зол и введены в добро

Господом, пока уверены, что собственная предусмотрительность есть все, а Божественное Провидение — ничто

(298) Собственное умствование, когда воля во зле, видит только ложь и

не желает и не может видеть иного

(298) Если собственное умствование тогда видит истину, то отворачивается от нее и искажает ее

(298) Божественное Провидение соделывает постоянно, что человек видит истину, и даже ему дарует любовь ее сознавать и принимать

(298) Человек через это извлекается из зла, но не сам собою, а Господом

(299) Господь управляет адом противоположностями, и злыми, которые в миру, Он управляет в аду, что до их внутренних, но не внешних

Глава одиннадцатая.

Божественное Провидение не присваивает кому бы то ни было ни добро, ни зло, но собственная предусмотрительность присваивает то и другое (308-321)

(310) Что такое собственная Предусмотрительность и что такое не собственная Предусмотрительность

(312) Человек, по собственной предусмотрительности, убеждается и подтверждает в себе, что всякое добро и всякая истина — от него и в нем, и то же самое со всяким злом и со всякой ложью

(317) Все, в чем человек убедил себя, и в чем он утвердился, остается как собственное у него

(318) Нет ничего, что не могло бы быть подтверждено, и ложь может быть подтверждена более, чем истина

(318) Когда ложь подтверждена, то истина не показывается; но от подтверждений истины показывается ложь

(318) Способность подтверждать все желаемое не есть умом, но только изощренностью, могущею существовать даже у злых

(318) Есть подтверждение умственное, и в то же время не волевое, но всякое подтверждение волевое есть тоже умственное

(318) Подтверждение зла волевое, и в то же время умственное, производит в человеке веру, что собственная предусмотрительность есть все, а Божественное Провидение — ничто, но не так относительно одного подтверждения умственного

(318) На века остается все, подтвержденное волею, и в тоже время разумением, но не то, что подтверждено одним разумением

(320) Если бы человек верил — так как это истина — что всякое добро и всякая истина от Господа, и всякое зло и всякая ложь от ада, то он бы не присваивал себе добра и не вменял бы его в заслугу, и не присваивал бы зла и не ставил бы себя в нем ответственным

(321) Подтверждающий в себе видимость, что мудрость и предусмотрительность — от человека и затем как принадлежащие в нем ему, может лишь видеть, что если бы было иначе, то он бы не был человеком, но был бы животным или статуей, а между тем это наоборот

(321) Верить и мыслить — так как это истина, — что всякое добро и всякая истина от Господа, и всякое зло и всякая ложь от ада, представляется невозможным, а между тем это истинно человечное и затем ангельское

(321) Верить и мыслить так невозможно для не признающих Божественности Господа и того, что зло есть грехом, но возможно для признающих эти два пункта

(321) Признающие эти два пункта размышляют лишь о зле, которое в них, и отгоняют его от себя в ад, откуда оно, насколько избегают они его и отвращаются от него как от грехов

(321) Таким образом, Божественное Провидение не присваивает никому зла и никому добра; но собственная предусмотрительность присваивает то и другое

Глава двенадцатая.

Всякий человек может быть преобразован, и нет предопределения (322-330)

(323) Цель сотворения есть Небо, произведенное из Рода Человеческого

(324) Всякий человек был создан, дабы жить вечно в счастливом состоянии

(324) Таким образом, всякий человек был создан, дабы войти в небо

(324) Божественная Любовь не может иначе, как желать этого, и Божественная Мудрость иначе, как способствовать этому

(325) Затем от Божественного Провидения, дабы всякий человек был спасен, и были спасены признающие Бога и живущие хорошо

(326) Признание Бога соделывает сочетание Бога с человеком и человека с Богом, отрицание же Бога соделывает разъединение

(326) Каждый признает Бога и сочетается с Ним по добру своей жизни

(326) Добро жизни, или хорошо жить, — это избегать зол, потому что они против религии и, таким образом, против Бога

(326) В этом общее всех религий, через которые каждый может быть спасен

(327) Вина самого человека, если он не спасен

(328) Всякая религия, с течением времени, оскудевает и истощается

(328) Всякая религия оскудевает и истощается ниспровержением образа Божия в человеке

(328) Это происходит от постоянных умножений наследственного зла в поколениях

(328) Тем не менее от Промысла Господня, дабы каждый был спасен

(328) Также от Промысла, дабы новая Церковь следовала за Церковью, предшествовавшей и родящиеся в лоне Церкви, есть безумною ересью

(328) Также от Промысла, дабы новая Церковь следовала за Церковью, предшествовавшей и опустошенной

(329) Таким образом, все предназначены для Неба, и никто для ада

(330) Предназначение иное, как к Небу, противно Божественной Любви, которая бесконечна

(330) Предназначение иное, как к Небу, противно Божественной Мудрости, которая бесконечна

(330) Предположение, что могут быть спасены лишь родящиеся в лоне Церкви, есть безумною ересью

(330) Предполагать, что некоторые из рода человеческого осуждены по Предопределению — жестокая ересь

Глава тринадцатая.

Господь не может действовать против законов Божественного Провидения, потому что действовать против этих законов — было бы действовать против Божественной Любви и против Божественной Мудрости, таким образом, против самого себя (331-340)

(332) Действие Божественного Провидения на спасение человека начинается от его рождения и продолжается до конца его жизни и затем в вечности

(335) Действие Божественного Провидения производится постоянно средствами чистой Благости

(338) Спасение мгновенное, по чистой благости, невозможно

(338) Верование в спасение, совершаемое мгновенно, по непосредственной благости, взято от природного состояния человека

(338) Это верование происходит от незнания состояния духовного, которое совершенно отлично от состояния природного

(338) Рассмотренные в самих себе, учения всех Церквей Христианского мира против спасения, совершаемого мгновенно, но, тем не менее, внешние люди Церкви поддерживают его

(340) По верованию в спасение, совершаемое мгновенно, по одной

непосредственной благости, вводится жизненная обеспеченность

(340) По этому верованию осуждение вменяется Господу

Глава первая

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ ЕСТЬ УПРАВЛЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ И БОЖЕСТВЕННОЙ МУДРОСТИ ГОСПОДА

1. Чтобы понять, что такое Божественное Провидение и каково Управление Божественной Любви и Божественной Мудрости Господа, важно знать, что было сказано и указано О Божественной Любви и Божественной Мудрости в Трактате об этом предмете; это следующие предложения: в Господе Божественная Любовь принадлежит Божественной Мудрости и Божественная Мудрость принадлежит Божественной Любви (34-39). Божественная Любовь и Божественная Мудрость не могут иначе, как быть и существовать в других, созданных ими (47-51). Все предметы Вселенной созданы Божественной Любовью и Божественной Мудростью (52, 53, 151-156). Все предметы Вселенной суть приемники (recipientia) Божественной Любви и Божественной Мудрости (54-60). Господь является перед Ангелами как Солнце; Теплота, исходящая от него, есть Любовь, и Свет, исходящий от него, есть Мудрость (83-88, 89-92, 93- 98, 296-301). Божественная Любовь и Божественная Мудрость, исходящие от Господа, составляют одно (99-102). Господь всей вечности, Который есть Иегова, сотворил из Себя, а не из ничего Вселенную и все предметы Вселенной (282-284, 290-295). Эти предложения пояснены в Трактате, озаглавленном Мудрость Ангельская о Божественной Любви и о Божественной Мудрости.

2. Из этих предложений, вместе с тем, что было пояснено в том же самом Трактате о Сотворении Мира, можно действительно видеть, что Управление Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости называется Божественным Провидением; но там была речь о Творении, а не о Сохранении состояния вещей после творения, а так как это сохранение есть управление Господа, то посему предмет этот будет теперь изложен; но настоящая Глава касается сохранения союза Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости, или Божественного Добра и Божественной Истины, в сотворенных предметах; об этом будет показано в таком порядке:

I. Вселенная со всеми и каждым из предметов, содержимых ею, создана Божественной *Л*юбовью посредством Божественной Мудрости. **II**. Божественная *Л*юбовь и Божественная Мудрость исходят как одно от Господа. **III**. Это одно есть, в некотором образе, во всяком создании.

IV. От Божественного Провидения, дабы всякое создание было, в общем и в частности, таким одним, и если не есть, то стало бы таким. **V**. Добро *л*юбви настолько есть добром, насколько оно в соединении с истиною мудрости, и истина мудрости настолько есть истиною, насколько она в соединении с добром *л*юбви. **VI**. Добро *л*юбви, не соединенное с истиною мудрости, не есть в себе добром, но это есть добро по видимости, и истина мудрости, не соединенная с добром *л*юбви, не есть в себе истиною, но эта истина по видимости. **VII.**

Господь не терпит, дабы что-*л*ибо было разделено, поэтому каждый предмет должен быть или в добре и, в то же время, в истине, или во зле и, в то же время, во *л*жи. **VIII** То, что в добре и, в то же время, в истине, есть чем-*л*ибо, и то, что во зле и, в то же время, во *л*жи, не есть чем-*л*ибо. **IX**. Божественное Провидение Господа содействует дабы, зло и, в то же время, *л*ожь служили для уравновешивания, для отношения, для очищения и, таким образом, для соединения добра и истины в других.

3. I. Вселенная со всеми и каждыми из предметов, содержимых ею, создана Божественной *Л*юбовью посредством Божественной Мудрости. Что Господь всей вечности, Который Иегова, есть по естеству Божественная *Л*юбовь и Божественная Мудрость, и что Он из Себя, Сам Собою сотворил Вселенную и все предметы Вселенной, было показано в Трактате О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости, из чего следует предложение, что Вселенная со всеми и каждым из предметов, которые содержит, создана Божественной *Л*юбовью посредством Божественной Мудрости.

В вышепоименованном Трактате было тоже показано, что без мудрости *Л*юбовь ничего не может соделать и что без *л*юбви Мудрость тоже не может ничего соделать; ибо *л*юбовь без мудрости или воля без разумения не может ничего ни мыслить, ни даже видеть или чувствовать и ничего произносить, поэтому *л*юбовь без мудрости или воля без разумения не может ничего творить, подобно же и мудрость без *л*юбви или разумение без воли не может ничего ни мыслить, ни даже видеть или чувствовать и ничего произносить, посему мудрость без *л*юбви или разумение без воли не может ничего творить; в самом деле, а если отнять *л*юбовь, то нет никакой воли и, следовательно, нет никакого действия, так как оное существует у человека, когда он сделает что-*л*ибо, тем более оно существовало у Бога, Который есть сама *Л*юбовь и сама Мудрость, когда Он творил и создавал Вселенную и все предметы Вселенной.

Что Вселенная со всеми и каждым из предметов, которые содержит, была создана Божественной *Л*юбовью посредством Божественной Мудрости, может быть подтверждено всем, что представляется зрению в мир.

Возьми только какой-*л*ибо предмет в частности, рассмотри его с некоторою мудростью, и ты будешь убежден; возьми дерево, или его семя, или его плод, или его ветку, или его *л*ист и, сосредоточив насколько есть в тебе мудрости, посмотри на этот предмет в хороший микроскоп: ты увидишь дивные вещи, а внутреннее, которого ты не видишь, поразительнее еще; разбери порядок в его последовательности, как дерево растет от семени до нового семени, и

рассмотри, нет ли в этой последовательности постоянного усилия к распространению вперед, ибо последнее, к чему оно стремится, есть семя, в котором сызнова производительная сила его.

Если тогда ты пожелаешь мыслить духовно, — ты это можешь, если захочешь, — не увидишь ли ты мудрости? Сверх того, если ты пожелаешь додуматься духовно, ты увидишь, что эта производительная сила не происходит от семени, ни от Солнца мира, которое есть чистый огонь, но что она в семени от Бога Создателя,

Которому принадлежит бесконечная Мудрость, и что не только она в нем была при творении, но и с тех пор постоянно в нем; ибо поддержание есть непрерывное созидание, так же, как содержимость есть непрерывное существование (sustentatio enim est perpetua creatio, sient subsistentia то же самое est perpetua existentia).

Когда же ты от действия отнимешь волю, — дело прекращается; или, когда от слова отнимешь мысль, слово прекращается; или, когда от движения отнимешь усилие, движение прекращается, одним словом, когда от действия отнимешь причину, действие пропадает; так и с остальным.

Во всем творении вложена сила, но эта сила ничего не делает сама собою, она действует из Того, Кто вложит силу. Взгляни еще на какой-нибудь предмет на земле, например, на шелковичного червя, на пчелу или другое насекомое и рассмотри его сперва природно, затем рационально и, наконец, духовно — и тогда, если ты можешь мыслить глубоко, ты будешь поражен всем, из чего состоят они — и, допустив говорить в себе мудрость, ты скажешь в своем восхищении: "Кто не видит в этом божественного!

Все тут принадлежит Божественной Мудрости". Ты еще больше будешь удивлен, если рассмотришь действия (usus) всего созданного, как они в своем порядке идут постепенно до человека и от человека к Создателю, от Которого происходят, и как от сочетания Создателя с человеком зависит сцепление всего и (если ты признать способен) сохранение всего.

Что Божественная *Любовь* создала все, но ничего не создала без Божественной Мудрости видно будет из нижеследующего.

4. II. Божественная *Л*юбовь и Божественная Мудрость исходят как одно от Господа. Оно опять очевидно по тому, что было пояснено в Трактате О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости, именно в этих главах:

Бытие и Существование в Господе раздельно одно (14-17). В Господе бесконечное раздельно одно (17-22). Божественная *Л*юбовь принадлежит Божественной Мудрости, и Божественная Мудрость принадлежит Божественной *Л*юбви (34-39). *Л*юбовь без супружества с Мудростью не может ничего соделать (401-403). *Л*юбовь ничего не творит иначе, как в союзе с Мудростью (409, 410). *Д*уховная Теплота и духовный Свет, исходя от Господа Как Солнца, составляют одно, так же, как и Божественная *Л*юбовь и Божественная Мудрость в Господе одно (99-102). Из того, что было представлено в этих статьях, явственно видна истина этого предложения.

Но так как неизвестно, каким образом две вещи, различные между собой, могут действовать как одно, я укажу здесь, что одно (unum) не существует без формы, но что сама форма образует это одно тем превосходнее, чем предметы, входящие в форму, отчетливее различны, а, между тем, соединены.

1. Одно не существует без формы, но сама форма образует это одно. Кто мыслит с устремлением ума, может ясно увидеть, что одно не существует без формы и, если существует, то форма есть; в самом деле, все существующее обладает от формы тем, что называется Качеством, что называется принадлежностью, затем, что называется переменой состояния и также отношением и другим подобным; поэтому, что не в форме, то не принадлежит ни к какому аффекту *л*юбви (Affectiones), а то, что не принадлежит ни к какому аффекту *л*юбви, не принадлежит ни к чему; форма сама дает все это, а так как все предметы формы, если совершенна она, взаимно относятся друг к другу, как в цепи звено относится к звену, то следует, что форма сама образует это одно и, таким образом, субъект, которому можно присвоить качество, состояние, аффект, следовательно, что-*л*ибо, по степени превосходности формы.

Таким одним есть все, что мы видим глазами в мире, и таким одним есть все, что мы не видим глазами во внутреннем ли природы или в духовном мире; таким одним есть человек, таким одним есть человеческое общество, таким одним есть Церковь и все Ангельское Небо перед Господом; словом, таким одним есть сотворенная Вселенная, не только в общем, но и в каждой частности.

Дабы все, вообще и в частности, было формами, неизбежно, чтобы Создавший все был Самою Формою, и чтобы от этой Формы происходило все, созданное в формах; оное и было представлено в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, например, в этих главах: Божественная Любовь и Божественная Мудрость суть субстанция и форма (40-43); Божественная Любовь и Божественная Мудрость суть субстанцией в себе и формою в себе, таким образом Само Собою и единым (44-46); Божественная Любовь и Божественная Мудрость суть одно в Господе (14-17, 18-22).

Они исходят от Господа как одно (99-102 и в других местах).

2. Форма образует одно тем совершеннее, чем предметы, входящие в форму, отчетливее различны, а между тем соединены. Это не легко впадает в разумение, если разумение не на высоте; ибо видимость в том, что форма не может образовать одно иначе, как из подобий равенства вещей, составляющих форму. Я об этом предмете часто говорил с Ангелами, и они мне сказали, что это одна из тайн, которую их мудрецы сознают ясно, а менее мудрые темно; но истина в том, что форма тем совершеннее, чем предметы, составляющие ее, отчетливее различны и все же, особенным способом, соединены; они подтверждали это обществами в небесах, которые, взятые вместе, составляют форму неба, и Ангелами каждого общества в том, что чем более независим Ангел сам по себе, таким образом свободен и любит своих сочленов как бы сам собою и по своему расположению, тем форма общества совершеннее.

Они поясняли это также супружеством добра и истины в том, что чем отчетливее добро и истина двое, тем они совершеннее могут составлять одно; подобно же тому любовь и мудрость; и в том, что не различающееся — неопределенно, от чего происходит всякое несовершенство формы. Но каким образом вещи совершенно различные соединяются и составляют одно, они подтверждали несколькими примерами, главным образом, тем, что в человеке бесчисленные органы различны, а тем не менее соединены, различны по оболочке и соединены связками; тоже относительно любви и всего присущего его любви и относительно мудрости и всего присущего мудрости, которые в сознании как одно. (Смотрите большие подробности об этом предмете в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (14-22); и в Трактате О Небе и об Аде (56 и 489). Оное приведено, ибо от Ангельской Мудрости.

5. III. Это одно в некотором образе во всяком творении. Что Божественная *Л*юбовь и Божественная Мудрость, сущие в Господе, — одно и исходящие от Него как одно, в некотором образе и во всяком творении, можно видеть по указанному в Трактате О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости и особенно по читаемому в N 47-51, 55-60, 282-284, 290-295, 313-318, 319-326, 349-375; в этих местах было пояснено, что Божественное во всяком творении, ибо Бог Создатель, Который есть Господом вечности, произвел из Самого Себя Солнце Духовного Мира и посредством этого Солнца все предметы Вселенной; что это (следовательно) Солнце, произведенное от Господа и в Котором Господь, не только первая, но и единственная субстанция, от которой все произошло, и так как оно — субстанция единственная, то следует, что эта субстанция есть во всем сотворенном, но с бесконечным разнообразием, сообразно действиям (службам). Теперь, так как в Господе обретаются Божественная *Л*юбовь и Божественная Мудрость, а в Солнце, происходящем от Господа, Божественный огонь и Божественное сияние и через Солнце духовная теплота и духовный свет, и попарно составляют одно, то следует, что это одно в некотором образе во всем

сотворенном. Отсюда все во Вселенной относится к Добру и Истине и даже к сочетанию добра и истины, или, что-то же самое, все во Вселенной относится к *Л*юбви и к Мудрости, и к сочетанию любви и мудрости, ибо добро принадлежит любви, а истина принадлежит мудрости; в самом деле, любовь называет добром все, что ее, и мудрость называет истиной все, что ее; что сочетание их во всяком творении, будет видно в последующем.

6. Признано многими, что есть субстанция единичная и тоже первичная, от которой все происходит, но какова эта субстанция — неизвестно; полагают, что она так проста, как ничего нет проще, и может быть приноровлена к точке, не имеющей никакого протяжения, и от бесчисленного множества этих точек существуют формы притяжения; но это иллюзия, получившая начало от идеи пространства; ибо такая малейшая точка лишь по идее этой представляется; но тем не менее правда в том, что чем что-либо проще и чище, тем оно совершеннее и полнее; от чего происходит то, что чем внутреннее рассматриваем предмет, тем более в нем открывается дивного, совершенно прекрасного, и таким образом в субстанции первичной самое дивное, совершенное и прекрасное.

Что это так, то потому, что первая субстанция от духовного Солнца, которое, как было сказано, происходит от Господа и в Котором Господь; и таким образом, единою субстанцией есть это самое Солнце, которое, не будучи в пространстве, есть всем во всем, в величайшем и в малейшем созданной Вселенной.

Потому, что это Солнце есть субстанцией первой и единой, от которой происходит все, следует, что в ней есть вещи бесконечно многочисленнее тех, которые можно видеть в субстанциях произведенных, называемых субстанционными и наконец веществом; эти вещи не могут быть видимы в-последних, потому что они нисходят от Солнца степенями двоякого рода, по которым все совершенства умаляются; отсюда, как было сказано, — чем внутреннее рассматриваем предмет, тем более в нем открывается дивного, совершенного и прекрасного.

Все оное сказано в подтверждение того, что Божественное есть, в некотором образе, во всяком творении, но менее и менее видимо, опускаясь по степеням, и еще менее, когда нижняя степень, отделенная от степени высшей засорением, огораживается земною материей. Но это может показаться темным, если только не прочтено и не понято изложенное в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости о Солнце духовном (83-172); о Степенях (173-281); и о Сотворении Вселенной (282-357).

7. IX. От Божественного Провидения дабы всякое творение, в общем и в частном, было таким одним и если не есть, то стало бы таким, значит дабы, во всяком творении было что-либо от Божественной Любви и в то же время от Божественной Мудрости, или, что-то же, дабы во всяком творении было добро и истина или союз добра и истины, так как добро принадлежит любви, и так как истина принадлежит мудрости, что было сказано выше (5), то впоследствии вместо любви и мудрости будет часто сказано добро и истина, вместо союза любви и мудрости — супружество добра и истины.

8. По вышеизложенному параграфу очевидно, что Божественная Любовь и Божественная Мудрость, которые в Господе одно и исходят от Господа как одно, суть в некотором образе в каждой сотворенной Им вещи; теперь будет изложено об этом одном или о союзе, называемом супружеством добра и истины.

I. Это супружество в самом Господе, ибо, как было сказано, Божественная Любовь и Божественная Мудрость в Нем одно.

II. Оно от Господа, ибо во всем, что исходит от Господа, есть любовь и мудрость, вполне соединенные; эти оба (начала) исходят от Господа как Солнца: Божественная Любовь как Теплота и Божественная Мудрость как Свет.

III. Они приемлются Ангелами раздвоенными, но Господом соединяемы в них; то же самое с членами Церкви.

IV. По наитию любви и мудрости, исходящих как одно от Господа в Ангелов Неба и в членов

Церкви, и по принятию этой любви и этой мудрости ангелами и человеками, Господь назван в Слове Женихом и Супругом, а Небо и Церковь названы Невестой и Супругой.

V, Итак, насколько Небо и Церковь в общем и ангел Неба и человек Церкви в частности пребывают в этом союзе или в супружестве добра и истины, настолько они суть образом и подобием Господа; ибо эти два (начала) суть в Господе и суть Господом.

VI. Любовь и Мудрость в Небе и в Церкви вообще и в Ангеле Неба, и в человеке Церкви в частности составляют одно, когда Воля и Разумение, так же, как когда добро и истина, составляют одно, что-то же, когда милосердие и вера составляют одно, или опять что-то же самое, когда учение по Слову божию и жизнь по этому учению составляют одно.

VII. Но каким образом эти два (начала) составляют одно в человеке и во всем, что в человеке, было показано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, Пятая часть, то есть вопрос о Сотворении человека и, главное, о Сотворении воли и разумения сердцем и легкими (385-432).

9. Но каким образом они составляют одно в предметах, которые ниже и вне человека, как-то в Царстве животном, также и в Царстве растительном, будет сказано впоследствии в разных местах.

Следует изложить сперва эти три пункта. Во-первых, что во Вселенной и во всех и в каждом из предметов вселенной, созданных Господом, есть супружество добра и истины. Во-вторых, что это супружество после сотворения было разъединено в человеке. В-третьих, от Божественного Провидения дабы разъединенное стало одним и дабы супружество добра и истины было восстановлено.

Эти три пункта были подтверждены разными способами в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, так что бесполезно подтверждать их далее. Каждый также по рассудку может видеть, что так как супружество добра и истины, бывшее от создания во всем созданном, затем разъединено, то Господь действует постоянно, дабы оно было восстановлено и, следовательно, его восстановление и затем союз сотворенной Вселенной с Господом посредством человека есть дело Божественного Провидения.

10. V. Добро любви настолько есть добро, насколько оно соединено с истиною мудрости и истина мудрости, настолько истина, насколько она соединена с добром любви. Добро и истина берут оные из своего начала; добро в своем начале в Господе, подобно же оному и истина, ибо Господь есть само добро и сама истина, и оба в нем составляют одно. Отсюда выходит, что добро в Ангелах Неба и в людях земли настолько есть добром в себе, насколько оно соединено с истиной, и истина настолько истиной в себе, насколько она соединена с добром. Что всякое добро и всякая истина исходят от Господа — известно; и так как добро составляет с истиною одно, а истина с добром одно, то следует, что для того, чтобы добро было добром в себе, а истина — истиной в себе, — необходимо чтобы они составляли одно в приемнике, который есть ангел неба и человек земли.

11. Известно, правда, что все предметы во Вселенной относятся к добру и истине; ибо под добром разумеется то, что в обширном вместе охватывает и облекает все присущее любви; и под истиной разумеется то, что в обширном вместе охватывает и облекает все присущее мудрости, но неизвестно еще, что добро не есть что-либо, если не соединено с истиной, и что истина не есть чем-либо, если не соединена с добром; кажется, правда, что добро есть чем-либо без истины и истина есть чем-либо без добра, но тем не менее это не так. В самом деле, Любовь, которой все произведения называются добром, есть Бытие предмета, а Мудрость, которой все произведения называются истинами, есть Существование предмета по этому Бытию, что и было показано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (14-16); поэтому, как Бытие без Существования не есть что-либо, ни Существование без Бытия, то и добро без истины не есть что-либо, ни истина без добра. Что такое добро без отношения к чему-либо? Может ли оно быть названо добром?

Ибо оно не принадлежит никакому чувству и никакому постижению. То, что в соединении с добром затрагивает и подлежит сознанию и чувству, относится к истине, ибо относится к тому, что в разумении. Если сказать кому-либо просто "добро, и не "это или то определенное — добро", будет ли тогда добро чем-либо?

Оно становится реальным, когда прилагается к тому или этому доброму существу; этот союз с добром не совершается иначе, как в разумении, а все от разумения относится к истине. То же и с волей; воля без знания, без сознания и без мысли того, чего желает человек, не есть что-либо, но с этими тремя оно становится чем-либо. Все воли принадлежит любви и относится к добру, и все знания, сознания и мысли принадлежит разумению и относится к истине; из этого следует, что желать не есть что-либо, но желать того или другого есть чем-либо. То же самое со всяким действием, ибо действие есть добро; если действие (USLIS) не направлено на какой-либо предмет, с которым оно составляет одно, то оно не есть действием и таким образом не есть чем-либо.

Действие извлекает из разумения свое "что-либо", и то, что потом соединено с действием или придано ему, относится к истине, из которой действие извлекает свое качество. Из этих объяснений можно видеть, что добро без истины не есть что-либо, так же, как истина без добра не есть что-либо. Сказано, что добро с истиною и истина с добром суть что-либо, из чего следует, что зло с ложью и ложь со злом не суть чем-либо, ибо эти последние противоположны тем, а противоположное уничтожает; здесь оно уничтожает это "что-либо". Но об этом предмете будет говорено впоследствии.

12. Но существует брак (соединение — conjugium) добра и истины в причине и существует брак добра и истины по причине в явлении. Брак добра и истины в причине есть брак воли и разумения или любви и мудрости; брак этот во всем том, что человек желает и мыслит и вследствие оного решает и замышляет; этот же брак входит в явление и его производит; но проявляясь, эти два (начала) отличны одно от другого, ибо сплоченное тогда становится последовательным.

Например, когда человек имеет желание и мысль питаться, одеться, поместиться, торговать или работать, разговаривать, то он сперва одновременно желает и мыслит или решает и намеревается; когда же он сведет все эти расположения в явления, тогда одно следует за другим, но тем не менее неизменно составляя одно и то же в воле и мысли; действия в этих явлениях принадлежат любви или добру, а средства действий принадлежат разумению или истине.

Каждый сможет подтвердить эти общие примеры примерами частными, если только отчетливо сознает, что относится к добру любви и что относится к истине мудрости, и отчетливо также, как оно относится в причине и как оно относится в явлении.

13. Не однажды было сказано, что любовь составляет жизнь человека, но любовь не отдельно от мудрости или добро не отдельно от истины в причине; ибо любовь отдельная или добро отдельное не есть чем-либо; вот почему любовь, составляющая интимную жизнь человека, и которая исходит от Господа, есть любовь вместе с мудростью, даже любовь составляет жизнь человека, насколько он есть приемником, и нет отдельной любви в причине, но только есть она в явлении, ибо любовь не может быть у разумеемою без качества, а ее качество есть мудрость; качество же или мудрость не может существовать иначе, как по своему Бытию, которое есть любовь, отсюда выходит, что они — одно, то же самое относительно добра и истины.

Теперь, так как истина исходит от добра так же, как мудрость исходит от любви, посему эти два (начала), взятые вместе, называются любовью и добром; ибо любовь в своей форме есть мудрость и добро в своей форме есть истина, всякое же качество — от формы, а не иначе. Из этих объяснений можно видеть, что добро не более добро, как насколько оно соединено со своею истиною, и что истина не более истина, как насколько она соединена со своим добром.

14. Добро любви, не соединенное с истиной мудрости, не есть добром в себе, но добром по видимости, и истина мудрости, не соединенная с добром любви, не есть истиной в себе, но истиной по видимости. Правда в том, что нет добра, которое было бы добром в себе, если оно не соединено со своею истиною, и нет истины, которая была бы истиной в себе, если она не соединена со своим добром; однако есть добро, отдельное от истины, и истина, отдельная от добра; это у лицемеров и льстецов, у злых людей, каковы бы они ни были, и у тех, кто в добре природном, не будучи ни в каком добре духовном.

Те и другие могут делать добро Церкви, Отечеству, Обществу, Согражданину, Неимущим, Бедным, Вдовам и Сиротам, могут также разуметь истины, мыслить о них по разумению, говорить о них и поучать их по мысли; а между тем это добро и истина не суть в них внутренне, следовательно, не суть добром и истиной в себе, а лишь по видимости; ибо они лишь для них самих и

для мира, а не для добра самого и не для истины самой, следовательно, не по добру и не по истине, и принадлежат устам и телу, а не сердцу.

Они могут быть сравнены с золотом и серебром, положенным на обожженное или гнилое дерево, или на навоз, а выраженные истины подобны развеянному дыханию или блуждающему огню, который является и исчезает; тем не менее снаружи они кажутся реальными.

Они себе такими представляются, но для других они могут представляться иначе, для тех, кто слушает и принимает, не зная, что они такие, ибо влияние действует на каждого, согласно внутреннему каждого; в самом деле истина входит в слух другого, какими бы не произносилась она устами, и принимается духом, согласно состоянию и качеству духа. У тех, которые по наследственности в добре природном и ни в каком добре духовном, она подобна же почти тому: ибо внутреннее всякого добра и всякой истины духовно, и эта духовность рассеивает зло и ложь, но одно природное им благоприятствует; благоприятствовать же злу и лжи и делать добро не согласуется.

15. Если добро может быть отделено от истины и истина отделена от добра и если после отделения они могут представляться как добро и истина, то это потому, что человек имеет способность действовать, которая называется Свободой, и способность понимать, которая называется Рациональностью, и по злоупотреблению этими способностями человек может казаться во внешнем совсем иным, каков он во внутреннем, и, следовательно, злой человек может делать добро и говорить истину, и дьявол может притвориться ангелом света.

Но об этом предмете смотрите в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости следующие статьи: Начало зла происходит от злоупотребления способностями, свойственными человеку, и называемыми Рациональностью и Свободою (**264-270**). Эти обе способности суть так же у злых, как и у добрых (**425**). Любовь без супружества с мудростью или добро без супружества с истиною не могут ничего соделать (**401**). Любовь ничего не творит иначе, как в сочетании с мудростью или разумением **(409**).

Любовь сочетается с мудростью или разумением и соделывает, что мудрость или разумение сочетаются взаимно (**410, 411, 412**). Мудрость или разумение, по мощи, которую ему дает любовь, может вознестись и сознать вещи, принадлежащие свету, исходящему от Неба, и их принимать (**413**). Подобно же тому может и любовь вознестись и принимать вещи, принадлежащие теплоте, исходящей от Неба, если любит мудрость, свою супругу, в этой степени (**414, 415**).

Иначе любовь оттягивает от вознесения мудрость или разумение, дабы оно действовало как одно с нею (**416-418**). Любовь очищена в разумении, если они вознесены вместе, и загрязнена в разумении и разумением, если они не вознесены вместе (**419-421**). Любовь, очищенная мудростью в разумении, становится духовной и небесной, но любовь, загрязненная в разумении, становится чувственной и плотской (**422-424**). То же самое с милосердием и верой и их сочетанием **(427-430).** Что такое милосердие в небесах (**431**).

16. VII. Господь не терпит, дабы что-либо было разделено, поэтому всякая вещь должна быть в добре и в то же время в истине или во зле и в то же время во лжи. Божественное Провидение Господа имеет главной целью, дабы человек был в добре и одновременно в истине, и оно действует в этой цели, ибо таким образом человек есть своим добром и своею любовью, и также своею истиною, и своею мудростью; в самом деле, через это человек есть человеком, ибо он тогда есть образом Бога. Но так как человек, живя в миру, может быть в добре и в то же время во лжи, также во зле и в то же время в истине и даже быть во зле и в то же время в добре, следовательно, двойственным и как такое разделение уничтожает этот образ и, следовательно, человека, то Божественное Провидение Господа стремится во всем и в каждом из своих действий к тому, дабы это разделение не имело места; и так как для человека лучше быть во зле и в то же время во лжи, чем в добре и в то же время во зле, Господь дозволяет, чтобы он пребывал в таком состоянии, не желая этого, но по невозможности противиться тому, из-за цели, которая есть спасение.

Что человек может быть во зле и в то же время в, истине, и Господь не противится тому из-за цели, которая есть спасение, то это потому, что разумение человека может быть вознесено в свет мудрости и видеть истины или их признавать, услышав, в то время как любовь остается внизу; ибо человек может быть разумением своим в небе, а любовью в аду; невозможно отказать быть таким человеку, ибо он не может быть лишен двух способностей, по которым он, человек, и отличается от животных и посредством которых он единственно может быть возрожден и, следовательно, спасен, а именно Рациональности и Свободы; ибо ими человек может действовать по мудрости и тоже по любви, не принадлежащей мудрости; он может по мудрости видеть с вышины внизу любовь и видеть, иначе, намерения влечения, следовательно, зло и ложь, а также добро и истины жизни своей и своей доктрины, без знания и без признания в себе которых он не может быть преобразован, ибо об этих двух способностях было уже говорено и будет больше сказано впоследствии.

Такова причина, по которой человек может быть в добре и в то же время в истине, и быть во зле и в то же время во лжи, также быть в добре и в то же время во лжи и быть во зле и в то же время в истине.

17. Человек в миру может с трудом войти в то или другое сочетание или в союз, то есть в сочетание добра и истины или зла и лжи; ибо, живя в миру, он держится в состоянии преобразования или возрождения, но по смерти всякий человек входит в то или другое сочетание, ибо тогда он не может быть преобразован или возрожден; тогда он остается таким, какова была для него его жизнь в миру, то есть какова была для него главенствующая любовь; если в нем была жизнь любви ко злу, то от него отнимается всякая истина, которую в миру он приобрел от наставника, из проповедей и из Слова; когда же истина отнята, он наполняется ложью, согласующейся с его злом, подобно губке, всасывающей воду; и наоборот, если в нем была жизнь любви к добру, то от него удаляется всякая ложь, которую он воспринял в миру, слушая или читая, и вместо лжи ему дается истина, согласующаяся с его добром.

Это самое разумеется под словами Господа: "Отнимите от него талант и отдайте тому, кто имеет десять талантов; ибо кто имеет, тому дано будет, дабы ему преумножилось, а у неимущего отнимется и то, что имеет" (**Матф. XXV. 28, 29; XIII, 12; Марк IV, 25; Лука VIII, 18; XIX, 24 до 26)**.

18. Если каждый после смерти должен быть или в добре и в, то же время в истине, или во зле и в то же время во лжи, то это потому, что добро и зло не могут быть в сочетании, ни добро и в то же время ложь зла, ни зло и в то же время истина добра, ибо они противоположны, а противоположности борются между собой, пока одно не истребит другое. Те, которые во зле и в то же время в добре, подразумеваются под следующими словами Господа Церкви Лаодикеев в Апокалипсисе: "Знаю твои дела, что ты не холоден и не горяч; лучше было бы, чтобы ты был холоден или горяч; но как ты тепловат и не горяч, Я извергну тебя из уст Моих" (**III, 15, 16**). И также под словами Господа: "Никто не может служить двум господам, ибо или одного возненавидит, а другого будет любить или к одному привяжется, а о другом станет не радеть" (**Матф. VI, 24**).

19. То, что в добре и в то же время в истине, есть что-либо и то, что во зле и в то же время во лжи, не есть что-либо. Что то, что в добре и в то же время в истине, есть чем-либо, видно в вышеизложенном **(11)**, из чего следует, что то, что во зле и в то же время во лжи, не есть что-либо. Под "не может быть чем-либо" понимается, что не имеет нисколько мощи и нисколько жизни духовной; те, кто во зле и в то же время во лжи, каковыми суть все в аду, имеют, правда, силу между собою, ибо злой дух может делать зло и делает его тысячью способами; однако по злу он может делать зло только злым, но не может сделать никакого зла добрым, и если делает добрым зло, что иногда случается, то это по сочетанию с их злом: откуда искушения, которые суть наваждениями злых духов на человека и, следовательно, борьбой, посредством которой добрые могут быть избавлены от своего зла.

Так как нет могущества у зла нисколько, то следует, что перед Господом весь ад не только как бы ничто, но относительно могущества решительно ничто; что это так, я видел подтверждение множеством опытов. Но удивительно, что все злые считают себя могучими, и это потому, что они все относят к собственной предусмотрительности и также к хитрости и лукавству и ничего не относят к Господу, а добрые ничего не относят к собственной предусмотрительности, но все относят к Господу, Который Всемогущ.

Что зло и ложь не суть чем-либо, то также потому, что в них нисколько нет духовной жизни, отчего жизнь адских духов и назвали не жизнью, а смертью; все существующее чем-либо принадлежит жизни; быть чем-либо не может принадлежать смерти.

20. Те, которые во зле и в то же время в истине, могут быть уподоблены орлам, летающим высоко и падающим, когда крылья отняты у них; в самом деле, так же действуют по смерти, став духами, люди, которые понимали истины, говорили о них, им поучали, а между тем не обращали вовсе взоров к Господу в жизни своей; чувственными началами они возносятся высоко и иногда входят в небеса и подделываются под ангелов света, а когда истины отняты у них и они выведены наружу, то падают в ад.

Орлы и означают также хищников, обладающих умственным знанием, а крылья означают истины духовные; было сказано, что таковы суть те, которые не обращают взоров к Богу в жизни своей; обращать взоры к Богу означает одно лишь: мыслить, что такое или иное зло есть целиком против Бога, и из-за этого не делать его.

21. IX. Божественное Провидение Господа соделывает дабы зло и в то же время ложь служили для уравновешивания, для отношения и для очищения и таким образом для соединения добра и истины в других. По вышеизложенному можно видеть, что Божественное Провидение Господа действует постоянно, дабы в человеке добро соединялось с истиною, и это потому, что такое соединение есть Церковью и Небом; ибо это соединение в Господе и во всем исходящем от Господа; по этому соединению Небо названо браком, и Церковь подобна оному; также Царствие Божие в Слове уподоблено браку; по этому соединению суббота у Церкви Израильской была самым священным праздником культа, ибо означала это соединение; отсюда же, что в Слове и во всех и в каждом из предметов Слова есть брак добра и истины.

Об этом браке см. Учение Нового Иерусалима о Святом Писании (80-90). Брак добра и истины исходит от брака Господа с Церковью, а брак Господа с Церковью исходит от брака Любви и Мудрости, которые в Господе, ибо добро принадлежит любви, а истина принадлежит мудрости.

Из оного можно видеть, что вечный объект Божественного Провидения — это соединение в человеке добра с истиною и истины с добром, ибо таким способом человек соединяется с Господом.

22. Но так как многие расторгали и расторгают этот брак, особенно разделением веры и милосердия — ибо вера принадлежит истине, и истина принадлежит вере, и милосердие принадлежит добру, а добро принадлежит милосердию — и тем, соединяя в себе зло и ложь, стали таким образом противоположностями, то от Промысла Господня, дабы они, тем не менее, служили сочению добра и истины в других равновесием, отношением и очищением.

23. От Промысла Господня соединение добра и истины в других через Равновесие между Небом и Адом; ибо от ада постоянно выдыхается зло и в то же время ложь; и от Неба постоянно выдыхается добро и в то же время истина; каждый человек, пока живет в миру, держится в этом Равновесии и через оное в свободе мыслить, желать, говорить и делать, свобода, в которой он может быть преобразован. Об этом духовном Равновесии, по коему есть свобода в человеке, см. в Трактате О Небе и об Аде (**589-596 и 597-603**).

24. От Промысла Господня соединение добра и истины в других через Отношение; в самом деле, добро познается лишь по отношению к другому, меньшему, добру и по противоположности ко злу; всякое сознание и всякое чувство оттуда происходят; ибо их качества оттуда происходят; так всякое удовольствие ощущается по отношению к меньшему удовольствию и посредством неудовольствия; всякая красота по отношению к меньшей красоте и посредством некрасивости; подобно тому всякое добро, принадлежащее любви, сознаваемо и чувствуемо по отношению к меньшему добру и опосредством зла; а всякая истина, принадлежащая мудрости, сознаваема и чувствуема по отношению к меньшей истине и опосредством лжи.

Необходимо быть разнообразию в каждом предмете от его максимума до его минимума; когда же есть разнообразие от минимума до максимума и в противоположности его, тогда и является Равновесие, тогда по степеням образуется с той и с другой стороны отношение, и увеличивается или уменьшается сознание и ощущение предмета. Но следует знать, что противоположность отнимает и также возбуждает сознание и чувство. Она их отнимает, когда смешивается, и возбуждает, когда не смешивается; вот почему Господь заботливо отделяет добро и зло в человеке, дабы они не смешивались; так же Он отделяет Небо от Ада.

25. От Промысла Господня соединение добра и истины в других через Очищение, которое производится двояко: одним способом посредством Искушений и другим — посредством Брожений. Духовные искушения не что иное, как борьба против зла и лжи, выдыхаемых от ада и затрагивающих.

Ими человек очищается от зла и лжи, и в нем добро соединяется с истиной и истина с добром. Духовные Брожения производятся разными способами, как в небесах, так и на земле; но в мире неизвестно, что оно такое и как они производятся; в самом деле это зло и ложь, которые будучи пущены в общества, производят то же, что закваска, положенная в муку или в сок виноградный, и посредством которой вещества разнородные отделяются и однородные соединяются, и отсюда чистота и прозрачность. Эта закваска подразумевается под словами Господа: "Царство небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не скисло все" (**Матф. XIII, 33; Лука XIII, 21**).

26. От Промысла Господня совершаются действия эти путем соединения зла и лжи в обретающихся в аду; ибо не только в небе, но и в аду Царство Господнее есть Царством действий. Промысел Господень таков, дабы не было ни личности, ни вещи, которыми не производились бы действия.

Глава вторая

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ ГОСПОДА ИМЕЕТ ЦЕЛЬЮ НЕБО, ПОИСХОДЯЩЕЕ ИЗ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

27. Что Небо не образовано из нескольких Ангелов, сотворенных вначале, и что Ад не происходит от какого-нибудь дьявола, созданного ангелом света и низверженного с Неба; но что Небо и Ад происходят из Рода Человеческого — Небо из тех, которые в любви добра и затем в разумении истины, Ад же из тех, которые в любви зла и затем в разумении лжи, — об этом я имел сведения и наглядность, по долгому сообщению, с ангелами и духами; о настоящем предмете см. представленное в Трактате О Небе и об Аде (311-316), затем сказанное и в Продолжении о Последнем Суде и о Духовном мире от начала до конца. И как потому что Небо происходит из Рода Человеческого и есть сожительством с Господом на вечность, следует, что Небо было для Господа целью творения, и так как оно было целью творения, то оно есть целью Божественного Провидения Господа.

Господь создал Вселенную не для Себя, но для тех, с которыми Он должен быть в Небе; ибо любовь духовная такова, что хочет дать свое другому и насколько это может, настолько она в своей Сущности, в своем Мире и в своем Блаженстве; духовная любовь извлекает это из Божественной Любви Господа, которая такова в бесконечной степени; из этого следует, что Божественная Любовь и затем Божественное Провидение имеет целью Небо, состоящее из людей, ставших ангелами и становящихся ангелами, которым бы Господь мог даровать все блаженства и всякое счастие, принадлежащие любви и мудрости, и даровать их по Самому Себе в них; иначе невозможно Ему, ибо Его образ и подобие суть от создания в них; образ Его в них есть мудрость, и Его подобие в них есть любовь, и Господь в них есть любовью, соединенною с мудростью, и мудростью, соединенной с любовью, или, что-то же самое, добром, соединенным с истиной, и истиной,

соединенной с добром; о соединении этом было сказано в предыдущей главе. Но так как неизвестно, что такое Небо вообще или у нескольких, и что такое Небо в частности или у кого-либо; и также, что такое небо в мире духовном и что такое небо в мире природном, а между тем знать это весьма важно, ибо небо есть целью Божественного Провидения, то я изложу оное в некотором свете и в таком порядке:

I. Небо есть союз с Господом.

II. Человек по творению таков, что может быть ближе и ближе в союзе с Господом.

III. Чем ближе человек в союзе с Господом, тем он становится разумнее.
IV. Чем ближе человек в союзе с Господом, тем он становится счастливее.

V. Чем ближе человек в союзе с Господом, тем ему отчетливее кажется, что он принадлежит себе, и тем яснее он замечает, что принадлежит он Господу.

28. I. Небо есть союз с Господом. Небо есть Небом не по ангелам, а по Господу, ибо *любовь* и мудрость, в которых ангелы и которые составляют Небо, исходят не от них, а от Господа и даже суть Господом в них. И так как *любовь* и мудрость принадлежат Господу и суть Господом в Небе, *любовь* же и мудрость составляют жизнь ангелов — то очевидно также, что их жизнь принадлежит Господу и даже есть Господом; что Ангелы живут Господом; сами они в этом сознаются; из того можно видеть, что небо есть союз с Господом. Но так как союз с Господом существует различно, и вследствие того Небо в одном не сходно с Небом в другом, то следует, таким образом, что Небо является по союзу с Господом; что союз бывает ближе и ближе и также отдаленнее и отдаленнее, это увидится в следующей главе.

Здесь будет сказано нечто об этом союзе, как он совершается и каков он. Есть союз Господа с ангелами и союз ангелов с Господом, таким образом, взаимный; Господь наитствует в *любовь* жизни ангелов и ангелы приемлют Господа своею мудростью и ею сочетаются с Господом взаимно.

Все же, надобно знать: ангелам кажется, что они сами сочетаются с Господом мудростью, но, тем не менее, это Господь сочетает их мудростью с Собой, ибо их мудрость исходит от Господа; то же самое, если сказать, что Господь сочетается с ангелами добром и что ангелы взаимно сочетаются с Господом истиною; ибо всякое добро принадлежит *любви* и всякая истина принадлежит мудрости.

Но так как этот союз есть тайною, которую не многие без объяснения понять могут, то я, насколько возможно, развею ее объяснениями, доступными пониманию. В Трактате О Божественной *Любви* и Божественной Мудрости (404, 405), было представлено как *любовь* сочетается с мудростью, а именно: по влечению знать, откуда является влечение к истине, по влечению понимать, откуда является сознание истины, и по влечению видеть то, что знаешь и понимаешь, откуда является мысль.

Господь наитствует во все эти влечения, ибо они суть производствами *любви* жизни каждого, но ангелы приемлют это наитие в сознании

истины и в мысли, ибо в оных наитие обнаруживается для них, а не во влечениях любви; но так как сознания и мысли представляются ангелам как бы от них, хотя они происходят от влечений любви, исходящих от Господа; но эта видимость для того, дабы ангелы взаимно сочетались с Господом, хотя Господь их сочетает с Собою, ибо само влечение производит эти сознания и мысли, так как влечение, принадлежащее любви, есть их душою; в самом деле нельзя ничего ни сознавать, ни мыслить без влечения любви, и каждый сознает и мыслит по этому влечению; из этих объяснений очевидно, что взаимное сочетание ангелов с Господом совершается не ими, но как бы ими. Таково же сочетание Господа с Церковью и Церкви с Господом, которое называется браком небесным и духовным.

29. Всякое сочетание в Мире духовном совершается наглядно: там если кто-либо думает о другом, по влечению говорит с ним, другой тотчас находится в его присутствии, и они видятся друг с другом лицом к лицу; то же самое, если кто-либо думает о другом по влечению любви; по этому влечению есть сочетание, но по предыдущему лишь присутствие одно; в этом особенность духовного Мира; причина та, что все там духовны; иначе, чем в Мире природном, где все материальны; в Мире природном подобная вещь совершается у людей в чувствах любви и в мыслях духа; но так как в Мире природном суть пространства, в Мире же духовном пространства — одна лишь видимость, по сему то, что в мысли каждого духа в Мире духовном, совершается и в действительности (актуально).

Это сказано дабы, известно было, как совершается союз Господа с ангелами и взаимный по видимости союз ангелов с Господом; ибо все Ангелы обращают лик к Господу, и Господь взирает на их чело, но Ангелы взирают Господу в очи, потому что чело соответствует любви и чувствам любви, а очи соответствуют мудрости и сознаниям мудрости; но ангелы не сами собою обращают лик к Господу, а Господь их обращает к Себе, и Он их обращает наитием в любовь их жизни и этим наитием входит в сознание и в мысли и таким образом обращает ангелов. Во всем присущем человеческому духу есть такой же кругооборот от любви к мыслям и по мыслям к любви любовью, этот кругооборот может быть назван кругооборотом жизни.

О предмете этом см. в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости несколько глав, например, следующие: Ангелы постоянно обращают лик свой к Господу как к Солнцу (124-134); все внутреннее ангелов, как дух, так и тело, подобным же образом обращены к Господу как к Солнцу (135-139). Каждый дух, каким бы ни был его характер, подобным образом обращается к своей господствующей любви (140-145); любовь сочетается с мудростью, и по этой же причине с ней взаимно сочетается мудрость (410-412). Ангелы пребывают в Господе, и Господь — в них; поэтому ангелы восприемники только Господа на Небесах (113-118).

30. Господни небеса в природном мире называются церковью, и ангел этих Небес — это человек церкви, который соединен с Господом; и после того, как он оставляет этот мир, он становится ангелом духовных небес. Из этого ясно, что то, что было сказано об ангельских небесах, должно также быть понятным по отношению к человеческим небесам, называемым церковью.

Это взаимное соединение с Господом, которое образует небеса в человеке, явлено в следующих словах у Иоанна: "Пребудьте во Мне и Я в вас... кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего" (**Иоан. XV, 4,5).**

31. Следовательно, из этого можно видеть, что Господь есть небеса не только в целом вместе со всем в них, но и в частности, со всяким единичным. Ибо каждый ангел — это небеса в своей последней форме, и эти небеса составлены из ангелов и есть ангельские сообщества; что это так, смотрите в сочинении О Небесах и об Аде (**51-58).**

А поскольку это так, пусть никто не придерживается заблуждения, которое многим первым приходит на ум, что Господь присутствует на Небесах среди ангелов или что Он пребывает с ними как царь в своем царстве, Он является там перед их взором в солнце, однако по отношению к их жизни и мудрости Он пребывает в них.

32. II. Человек от сотворения таков, что он может все более и более (теснее) соединяться с Господом. Это можно заключить из объяснения в книге О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости, в третьей части, где повествуется о степенях, в особенности из того, что в человеке от сотворения есть три степени прерывные, или высоты (**230-235**). То, что эти три степени есть в каждом человеке от рождения и что если они открыты, то человек пребывает в Господе и Господь в нем (**236-241**). Все совершенства восходят и нисходят по степеням и в соответствии с ними (**199-204).** Из этого следует, что человек такой от сотворения, что может по степеням все теснее и теснее соединяться с Господом.

Однако всем надлежит знать, каковы эти степени, и что они двух родов: степени раздельные, или степени высоты и степени продолженные, или степени широты, (gradus discreti et continui), — и какая между ними разница; а также, что в каждом человеке по творению и, следовательно, от рождения суть три степени раздельные, или высоты; что человек, родясь, входит в первую степень, называемую природной, которую он может в себе увеличить, продолжив ее до того, что станет рациональным; что он входит во вторую степень, называемую духовной, если живет по духовным законам порядка, которые суть Божественные истины; и что он может даже войти в третью степень, называемую небесной, если живет по небесным законам порядка, которые суть Божественное добро.

Эти степени в действительности открываются Господом в человеке, по его жизни в Миру, но они открываются сознательно и ощутительны только по выходе его из Мира, и по мере того, как открываются и затем совершенствуются они, человек все ближе и ближе сочетается с Господом. Это сочетание в приближении может увеличиваться вечно, и у ангелов вечно увеличивается оно, но тем не менее не может ангел дойти до первой степени *Л*юбви и Мудрости Господних или достигнуть этой степени, ибо Господь Бесконечен, ангел же конечен, а нет отношения между Бесконечным и Конечным.

Так как никто не может понять ни состояние человека, ни состояние его возвышения и его приближения к Господу, не зная этих степеней, то о

них специально было изложено в Трактате О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости (см. **173-281**).

33. В немногих словах будет сказано, как человек может быть сочетаем ближе и ближе с Господом и затем как это сочетание представляется более и более близким.

I. Как человек сочетаем ближе и ближе с Господом. Совершается оное не по знанию только, и не по просветлению ума, и не по мудрости одной даже, но по жизни, связанной с ними; жизнь человека есть его любовь, а любовь разнородна; в общем есть любовь ко злу и любовь к добру; любовь ко злу есть любовью прелюбодеяний, мести, обмана, богохульства, ограбления других от их добра; любовь ко злу чувствует приятность и удовольствие при мысли об этих деяниях и при их совершении; вожделения или чувства этой любви в таком же большом количестве, как и злые деяния, к которым любовь эта сводится; и сознания и мысли этой любви в таком же большом количестве, как неправды, благоприятствующие этим злам и подтверждающие их; эти неправды составляют одно со злом, подобно тому как разумение составляет одно с волей; они не раздельны одно от другого, ибо одно другому принадлежит.

Теперь, так как Господь наитствует в любовь жизни каждого и по чувствам любви в сознания и его мысли, а не наоборот, как было сказано выше, то следует, что Он не может сочетаться ближе, иначе как по мере удаления любви ко злу с ее чувствами, которые суть вожделения; а так как эти вожделения находятся в природном человеке, человек же чувствует, что действует как бы сам собою во всем, что ни творит по природному человеку, то, следовательно, человек должен удалять как бы сам собою зло этой любви, и тогда, насколько он его удаляет, настолько Господь ближе и ближе сочетается с ним; что вожделения с их удовольствиями замыкаются и запирают двери перед Господом, и что они не могут быть изгнаны Господом, пока сам человек держит запертыми двери и снаружи нажимает и толкает, чтобы не отворились они; то, что человек сам должен отворить, очевидно по словам Господним в Апокалипсисе: "Се стою у двери и стучу; если кто услышит Мой голос и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним и он со Мною" (**III, 20**).

Очевидно, что насколько кто избегает зол, как диавольских и как противящихся вхождению Господа, настолько ближе и ближе сочетается он с Господом, и ближе еще сочетается тот, кому они отвратительны; ибо зло и диавол одно, и ложь зла и сатана одно. Так же, как есть наитие Господне в любовь добра и ее чувства, а через них в сознания и мысли, которые все от добра, в коем человек, почему и суть истинами, — есть и наитие дьявола, то есть ада, в любовь ко злу и ее чувства, которые суть вожделениями, которые все от зла, в коем человек, почему и суть ложью.

II. Как это сочетание представляется более и более близким. Чем более зло удалено в природном человеке, тем, что изгнано и принято в отвращение, тем ближе человек сочетается с Господом; а как Любовь и Мудрость, которые суть Господом Самим, не обретаются в пространстве, ибо чувство, принадлежащее любви, и мысль, принадлежащая мудрости, ничего не имеют общего с пространством, то, следовательно, Господь является ближе соответственно соединению любви и мудрости и отдаленнее соответственно отвержению любви и мудрости; в духовном мире пространства не существует, и расстояния и присутствия там суть видимостями, зависящими от сходства и несходства чувств; ибо, как было сказано, чувства, принадлежащие любви, и мысли, принадлежащие мудрости, которые в себе духовны, не суть в пространстве.

Об этом предмете смотрите что было сказано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (7-10, 69-72 и в других местах). Союз Господа с человеком, в котором зло было удалено, разумеется под словами Господа: "Чистые сердцем Бога узрят" (Матф. V, 8); и под этими словами: "Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их — Мы обитель у него сотворим" (Иоан. XIV, 21, 23). Иметь заповеди — это знать; и соблюдать заповеди — это любить, ибо то же сказано в этом стихе: "Кто соблюдает заповеди Мои, тот Меня любит".

34. III. Чем ближе человек в союзе с Господом, тем он становится разумнее. Так как у человека по творению и, следовательно, по рождению суть три степени жизни, как было сказано (32), то, главным образом, в нем три степени мудрости; эти степени раскрываются в человеке по мере сочетания, они раскрываются по мере любви, ибо любовь есть само сочетание; однако возвышение любви лишь смутно сознается человеком, но возвышение мудрости ясно сознается теми, кто знает и видит, что такое мудрость.

Причина, по которой степени мудрости сознаются, та, что любовь входит, посредством чувств, в осознания и мысли, и те являются перед внутренним зрением ума, соответствующим внешнему зрению тела; отсюда выходит, что представляется мудрость, а не чувство любви, производящее ее.

С оным то же, что со всем, совершаемым в действительности человеком; заметно, как оно совершается телом, но не то, как оно совершается душой; сознается также, как человек размышляет, постигает и мыслит, но не как душа этих размышлений, постижений и мыслей, которая есть влечением к добру и истине, их производит.

Есть три степени мудрости: природная, духовная и небесная; в природной степени мудрости человек находится, пока он живет в миру; эта степень в нем может быть усовершенствована до высочайшей точки, и тем не менее не может она выйти в духовную степень, ибо степень духовная не держится природной по продолженности, но соединена с нею посредством соответствий; в духовной степени мудрости обретается человек по смерти, и эта степень такова, что может быть усовершенствована до высочайшей точки, но он не может войти в небесную степень мудрости, ибо эта степень небесная не держится степени духовной по продолженности, но соединена с нею посредством соответствий. По этим объяснениям можно видеть, что мудрость может возвышаться трояким родом, и в каждой степени может быть совершенствуема в однородном виде до высочайшей точки.

Схватывающий умом возвышения и совершенствования этих степеней может в некотором роде сознавать сказанное об Ангельской Мудрости, что она неизреченна; мудрость эта столь неизреченна, что тысячи идей мысли ангелов по мудрости их могут собой представить лишь одну идею мысли человеков по их мудрости, ибо девятьсот девяносто девять других идей мысли ангелов не могут войти, будучи сверхприродны; что это так, мне было несколько раз дано познать живым опытом. Но, как было выше сказано, никто не может войти в неизреченную мудрость ангелов, иначе как сочетаясь с Господом и соответственно этому сочетанию, ибо один Господь раскрывает степень духовную и степень небесную, но лишь у тех, которые разумны от Него; разумны же от Господа отвергающие от себя дьявола, то есть зло.

35. Но да не мыслят, что кто-либо разумен потому что знает многое, кто с некоторым светом оное сознает и может говорить умно об оном, разве только мудрость в нем соединена с любовью, ибо любовь своими чувствами ее производит; если же не соединена с любовью, то она как метеор, исчезающий в воздухе, или как падучая звезда; но мудрость, соединенная с любовью, есть как постоянный свет Солнца и как неподвижная звезда.

Человек настолько любит мудрость, насколько отвращается от диавольской ереси ада, то есть от вожделений зла и лжи.

36. Мудрость, подлежащая сознанию, есть постижение истины по влечению к истине и, главным образом, к истине духовной; есть истина гражданственности, истина нравственности и истина духовная; те, кто в духовной истине, по влечению к ней, обретаются также в сознании истины гражданственности и истины нравственности, ибо влечение к истине духовной есть душа этих сознаний. Я часто говорил о мудрости с Ангелами, которые мне сказали, что мудрость есть соединение с Господом, ибо Господь есть сама Мудрость, и что в соединение это входит тот, кто отбрасывает далеко от себя ад, и входит в такой мере, в какой его отбрасывает; они мне говорили, что представляют себе Мудрость великолепным Дворцом, прекрасно украшенным, в который входят по двенадцати ступеням; что никто не входит на первую ступень, иначе как от Господа по соединению с Ним; что каждый всходит согласно соединению, и по мере того как поднимается, сознает, что никто не мудр сам собою, что все мудры от Господа, и также то, что знания его, относительно того, что он не знает, все равно как несколько капель воды относительно большого озера. Двенадцатью ступенями Дворца мудрости означается добро в соединении с истинами и истины в соединении с добром.

37. IV. Чем ближе человек соединен с Господом, тем он счастливее. То, что сказано выше (**32 и 34**), о степенях жизни и мудрости, соответственно сочетанию с Господом, может быть сказано о степенях счастья; в самом деле, счастье, блаженство и приятности поднимаются соответственно тому, как высшие степени духа, именуемые степенью духовною и степенью небесною, раскрываются в человеке, и эти степени после земной жизни его, вечно возрастают.

38. Всякий человек, пребывающий в удовольствиях восхождений зла, ничего не может знать об удовольствиях влечений к добру, в которых ангельское Небо, ибо эти два рода удовольствий абсолютно противоположны одно другому во внутреннем и, следовательно, во внешнем, но на поверхности самой они различаются мало; в самом деле, всякая любовь имеет свои удовольствия, даже любовь ко злу у того, кто в вожделениях ее, как-то любовь прелюбодействовать, мстить, обманывать, красть, предаваться жестокости, и даже у самых злых богохульствовать о предметах Церкви и изливать свой яд против Божества; источник этих удовольствий есть любовь властвовать из любви к себе; удовольствия эти исходят из вожделений, которые овладевают внутренним духа, оттуда спускаются в тело и в нем возбуждают нечистое, щекочущее фибры; следовательно, из удовольствия духа, согласно вожделениям, рождается удовольствие тела; в чем состоят и каковы нечистоты, щекочущие фибры тела, каждый по смерти может узнать в духовном Мире; то вообще элементы трупные, извергаемые каловые, гнилостные и уриноватые, ибо ад изобилует подобными нечистотами, которые суть соответствиям, как это видно в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (422-424); но по входе в ад эти постыдные удовольствия изменяются в страшные мучения; сказано это для вразумления, в чем состоит и каково благополучие неба, о котором теперь будет речь, ибо каждый предмет познается по своей противоположности.

39. Блаженства, приятности, удовольствие и услада, одним словом, счастье неба, не могут быть описаны словами, но могут быть чувственно сознаваемы в небе; в самом деле, что сознается только чувственно, не может быть описано, ибо не входит в идеи мысли и, следовательно, в слова; разумение только видит, но видит то, что принадлежит мудрости и истине, а не то, что принадлежит любви или добру; вот почему это счастье невыразимо; но, тем не менее, оно повышается в той же степени, как и мудрость; его видоизменения бесконечны, и каждое неизреченно; я слышал об этом и это познавал.

Но это счастье вступает по мере того, как человек удаляет вожделения любви ко злу и лжи, как бы сам собою, но тем не менее Господом, ибо это счастие есть счастием любви к добру и истине, и любови эти противоположны вожделениям любви ко злу и лжи; счастие влечений любви добра и истины имеет свое начало в Господе, следовательно, в сокровенном, и оттуда распространяется во внутреннем, до последних; так что наполняют ангела и соделывают, что он весь, так сказать, одно наслаждение. Такое счастие есть с бесконечным разнообразием в каждом влечении добра и истины, особенно в любви мудрости.

40. Удовольствия вожделений зла и удовольствия чувства добра не могут быть сравнены, ибо внутренне в удовольствиях вожделений зла есть дьявол и внутреннее в удовольствиях чувств добра есть Господь. Если желать сравнения, то удовольствия вожделений зла не могут быть сравнены иначе, как с похотливыми удовольствиями лягушек в прудах или змей в местах смрадных; а удовольствия чувства добра могут быть сравнены с наслаждениями духа (animi) в садах и цветниках, испещренных цветами; в самом деле, то, что действует на лягушек и змей, действует также в адах на тех, которые в вожделениях зла, и то, что действует на дух в садах и цветниках, действует также в Небесах на тех, которые в чувстве добра; ибо, как было выше сказано, нечистое по соответствию действует на злых, а чистое по соответствию действует на добрых.

41. Из этого можно видеть, что чем ближе кто в соединении с Господом, тем он становится счастливее; но это счастие обнаруживается редко на земле, ибо человек тогда в состоянии природном, природное же сообщается с духовным не по продолженности, а по соответствию; и это сообщение лишь ощущается некоторым родом спокойствия и мира в духе (animus), что случается особенно после борьбы со злом; когда же человек оставляет природное состояние и вступает в состояние духовное, что бывает после его выхода из мира, то счастие вышеописанное последовательно обнаруживается.

42. V. Чем ближе человек соединяется с Господом, тем отчетливее ему кажется, что он принадлежит себе, и тем яснее он замечает, что принадлежит Господу. По видимости, чем более кто сочетается с Господом, тем менее он принадлежит себе; такая видимость у всех грешников, также и у тех, которые по религии своей мыслят, что они не под игом закона и что никто не может делать добро сам собою; ибо как те, так и другие могут видеть, что не быть в возможности ни мыслить, ни желать зла, но добро одно, — это не принадлежать себе; и из того, что сочетавшиеся с Господом не желают и не могут мыслить и желать зла, они заключают в себе, по видимости, что это значит не принадлежать себе, а между тем совершенно наоборот.

43. Есть адская свобода, и есть свобода небесная; от адской свободы мыслить и желать зло и, насколько законы гражданские и нравственные не препятствуют, выражать его и делать; и наоборот, от небесной свободы мыслить и желать добро и, насколько можно, выражать его и делать; все, что по свободе человек мыслит, желает, выражает и делает, сознается им как свое, ибо всякая свобода исходит для каждого из его любви; посему те, которые в любви ко злу, не могут не сознавать, что свобода адская есть настоящая свобода, но пребывающие в любви к добру сознают, что свобода небесная есть настоящая свобода: следовательно, те и другие сознают, что обратное есть рабство; но никто не может отрицать, что либо то, либо другое есть свобода; ибо две свободы, противоположные себе, не могут быть каждая в себе свободой, и, сверх того, неоспоримо, что быть управляему добром есть свобода, а быть управляему злом есть рабство; ибо быть управляему добром — это быть управляему Господом, а быть управляему злом, это быть управляему дьяволом; теперь, так как все, соделываемое человеком в свободе, ему кажется своим, ибо принадлежит его любви, и так как (что выше было сказано) действовать по любви значит действовать в свободе, то следует, что сочетание с Господом производит, что человеку кажется, что он свободен и поэтому принадлежит себе, и чем ближе сочетание с Господом, тем он свободнее и более себе принадлежит.

Если ему отчетливее кажется, что себе принадлежит, то потому, что Божественная Любовь такова, что желает, чтобы все ее принадлежало другому — человеку и ангелу; такова всякая духовная Любовь, особенно Божественная Любовь; и сверх того, Господь никогда не принуждает кого бы то ни было, ибо все, к чему принуждаем человек, ему не кажется своим, а что ему не кажется своим, не может стать предметом его любви, ни, следовательно, ему быть присвоено; вот почему человек постоянно виден Господом в свободе; в свободе также преобразован и возрожден. Но будет больше сказано в последующем о предмете этом; см., что было сказано выше (**4**).

44. Если касательно человека, то чем отчетливее ему кажется, что он принадлежит себе, тем он яснее замечает, что принадлежит Господу; и это потому, что чем ближе он сочетается с Господом, тем он становится разумнее, как было показано выше **(34-36)**; а мудрость поучает тому и дает замечать. Ангелы третьего Неба, будучи самыми мудрыми из Ангелов, сознают оное и называют настоящей свободой; но быть управляемым собою они называют рабством: они представляют причину этого в том, что Господь наитствует непосредственно не в присущее их сознанию и их мыслям по мудрости, но в чувства любви к добру и через них в те первые; и что они сознают наитие в чувство, по которому имеют мудрость, и затем все, что они мыслят по мудрости, им представляется исходящим от них и как бы сущим их, и этим совершается сочетание.

45. Так как Божественное Провидение имеет целью небо, происходящее из рода человеческого, то следует, что оно имеет целью сочетание рода человеческого с Господом (**28-31**); затем оно также имеет целью, дабы человек сочетался с Ним ближе и ближе (**32, 33**), ибо таким образом человек имеет небо более внутренне; затем еще оно имеет целью дабы человек становился разумнее (**34-36**) и счастливее (**37-41**), ибо человек имеет небо по мудрости и, соответственно ей, и счастье через мудрость; наконец, оно имеет целью, дабы отчетливее казалось человеку, что он себе принадлежит, и замечал он яснее, что принадлежит Господу (**42-44**). Все оное присуще Божественному Провидению Господа, ибо есть Небом, которое оно имеет целью.

Глава третья

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ГОСПОДА ВО ВСЕМ СОДЕЛЫВАЕМОМ

ВЗИРАЕТ НА БЕСКОНЕЧНОЕ И ВЕЧНОЕ

46. В Миру Христианском известно, что Бог Бесконечен и Вечен, ибо в Учении о Троице Афанасии сказано, что Бог Отец есть Бесконечен, Вечен и Всемогущ, равно как и Бог Сын и Бог Дух Святой, но что они не суть трое Бесконечные, трое Вечные и трое Всемогущие, но Один; из того следует, что если Бог Бесконечен и Вечен, то относить к Богу можно лишь Бесконечное и Вечное. Но что такое Бесконечное и Вечное? Оное не может быть понято, потому что конечное не способно постичь бесконечное, и может быть понято потому, что существуют идеи отвлеченные, которыми можно видеть, что вещи суть, хотя и не видно, какие они; есть такие идеи о Бесконечном, например, что Бог, будучи Бесконечен, или что Божественное, будучи Бесконечно, есть само Бытие, что оно сама Сущность и сама Субстанция; что оно сама Любовь и сама Мудрость или само Добро и сама Истина, что, таким образом, оно есть Само в Себе (Ipsum), или что оно есть Сам Человек; затем, если сказать, что Бесконечное есть Все, например, что Бесконечная Мудрость есть Всеведение, и что Бесконечное Могущество есть Всемогущество. Но все же оное вступает в темноту мысли и может из непонятного обратиться в отрицательное, если из идеи не извлечено выносимое мыслию из природы и, главным образом, из двух свойств, присущих природе из пространства и времени, — ибо они ограничивают идеи и производят то, что идеи абстрактные суть как бы ничем; если же можно извлечь эти представления у человека, как оно имеет место с ангелами, то Бесконечное может быть понято через поименованные представления; и затем, можно понять, что человек есть что-либо, потому что он создан Богом Бесконечным, Который есть Всем; что человек есть субстанцией конечной, ибо создан Бесконечным Богом,

Который есть самой Субстанцией; что человек есть мудростью, ибо создан Бесконечным Богом, Который есть сама Мудрость, и так в остальном; ибо если бы Бесконечный Бог не был Всем, не был самой Субстанцией, не был самою Мудростью, то человек бы не был чем-либо; он или не был бы ничем, или был бы одной идеей, чем он и есть по мнению визионеров, именуемых идеалистами. По тому, что было указано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, очевидно, что Божественная Сущность есть Любовь и Мудрость (28-39); что Божественная Любовь и Божественная Мудрость суть самою Субстанцией и самою Формою и таким образом Самим в Себе и Единым (40-46); что Бог сотворил из Самого Себя, а не из ничего, Вселенную и все предметы Вселенной (282-284): из того следует, что все сотворенное, а главным образом, человек и в нем любовь и мудрость, есть чем-либо, а не одной лишь идеей, что он есть; ибо если бы Бог не был Бесконечен, то не существовало бы конечного; если б Бесконечное не было Всем, не существовало бы чего-либо; и если б Бог не сотворил все из Самого Себя, то не было бы ничего: одним словом, мы есть потому, что Бог есть.

47. Теперь, так как мы касаемся Божественного Провидения, а здесь того, что во всех действиях оно имеет в виду бесконечное и вечное, и так как этот предмет не может быть отчетливо обсужден иначе, как в известном порядке, — то вот каков будет этот порядок:

I. Бесконечное в Себе и Вечное в Себе есть то же самое, что Божественное.

II. Бесконечное и Вечное в Себе может только взирать на бесконечное и вечное по Себе в конечных.

III. Божественное Провидение во всем соделываемом взирает на бесконечное и вечное по Себе, особенно в спасении Рода Человеческого.
IV. Образ Бесконечного и Вечного существует в Ангельском Небе, происходящем из спасенного Рода Человеческого.

V. Взирать на бесконечное и вечное в образовании Ангельского Неба, дабы оно было перед Господом, как один Человек, который есть образом Господа — есть сокровенное Божественного Провидения.

48. I. Бесконечное в Себе и Вечное Себе есть то же самое, что Божественное. Это можно видеть по нескольким местам в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости. Что Бесконечное в Себе и Вечное в Себе есть Божественное — взято оное из Ангельской идеи; Ангелы понимают Бесконечное не иначе, как Божественное Бытие, и Вечное — как Божественное Существование. Все же люди могут видеть и не видеть, что Бесконечное в Себе и Вечное в Себе есть Божественное; могут видеть оное те, которые не мыслят о Бесконечном по пространству и о Вечном по времени; но не могут видеть оного те, которые мыслят о Бесконечном и Вечном по пространству и времени; таким образом, могут оное видеть те, которые мыслят более возвышенно, то есть внутренне в рациональном, но не могут видеть оного те, которые мыслят низко, что не может быть ни бесконечности пространства и, следовательно, бесконечности времени, которое есть вечное по себе (a quo), ибо бесконечность — без начала и конца, или без пределов; они мыслят также, что не может быть бесконечного по себе, ибо по себе предполагает предел и начало, или предыдущее (a quo); что, следовательно, легкомысленно говорить Бесконечное и Вечное по себе, ибо этим как бы говорим, Бытие по Себе, что было бы противоречиво; ибо Бесконечное по себе было бы Бесконечным по Бесконечному и Бытие по себе было бы Бытием по Бытию, и это Бесконечное и это Бытие было бы или то же, что Бесконечное, или было бы конечным. Поэтому и подобному, подлежащему зрению в рациональном, очевидно, что есть Бесконечное в себе и Вечное в себе, и что-то и другое есть Божественное, от которого все происходит.

49. Я знаю, что многие скажут в себе: возможно ли охватить внутренне, в своем рассудке, что-либо без пространства и времени и понять, что это не только есть, но что оно есть все и что оно Само в Себе, от чего все происходит? Но подумай внутренне, разве любовь или какой-либо из ее аффектов и мудрость или какое-либо из ее созданий и даже мысли — в пространстве и во времени? И ты поймешь, что нет; и так как Божественное есть сама Любовь и сама Мудрость, то следует, что Божественное не могло быть зачато в пространстве и во времени, и Бесконечное тоже нет; чтобы сознать это яснее, рассмотри: во времени или в пространстве мысль? Предположи в ней прогрессию двенадцати- или десятичасовую; это пространство времени не может ли тебе показаться часом или двумя, не может ли оно показаться также днем или двумя? Оно является по состоянию аффекта, от которого происходит мысль; если это аффект радости, в котором о времени не мыслят, то мысль десяти- и двенадцатичасовая едва будет с час времени или два; но выходит наоборот, когда это аффект печали, по котором обращают на время внимание; отсюда очевидно, что время есть только видимость по состоянию аффекта, от которого происходит мысль; то же самое с расстоянием пространства в мысли, когда ты гуляешь или путешествуешь.

50. Так как Ангелы и Духи суть чувствами, принадлежащими любви, и мыслями, происходящими от этих чувств, они поэтому не в пространстве и не во времени; видимость пространства и времени для них по состоянию чувств и мыслей, происходящих от чувств; посему, когда кто-либо из них мыслит по расположению чувства о другом, с намерением его увидеть или говорить с ним, другой присуществует сейчас же. Отсюда выходит, что при каждом человеке присутствуют духи, которые в одинаковом чувстве с ним: злые духи с тем, кто аффектирован подобным злом, и добрые духи с тем, кто в аффекте подобного добра, и они присутствуют так, что человек среди них — как кто-нибудь среди общества; пространство и время ничего не значат для присутствия, и это потому, что чувства и мысль, происходящая от чувства, не суть ни в пространстве, ни во времени, а духи и ангелы суть чувствами и мыслями, происходящими от этих чувств.

Что это так, мне дано было познать живым опытом в течение нескольких лет и также тем, что я беседовал со многими после их смерти, как с европейцами из разных государств, так и с жителями Азии и Африке, и разных их государствах, и они все были около меня; если бы для них существовало пространство и время, то потребовалось бы путешествие и на него время.

Больше того, каждый человек, по врожденному в себе или в духе, знает это, в чем я имею доказательство, ибо никто не думал ни о каком расстоянии пространства, когда я сказывал, что беседую с таким и таким-то, умершим в Азии, в Африке или в Европе; например, с Кальвином, с Лютером, с Меланхтоном; или с каким-либо королем, с каким-либо правителем, с каким-либо священником области отдаленной; и даже никому не пришло в мысль сказать: как мог он разговаривать с жившими в этих местах? И как они могли прийти к нему и быть в его присутствии, когда между ними находились земли и моря? Через то для меня стало очевидным, что никто не может мыслить по пространству и времени, мысля о тех, которые в Духовном Мире. Но что для них есть видимость пространства и времени, видно в Трактате О Небе и об Аде (**162-169; 191-199**).

51. Теперь, по этим объяснениям, можно видеть, что должно мыслить о бесконечном и о вечном, следовательно, о Господе, вне пространства и времени, и что так можно мыслить; что так именно мыслят те, которые мыслят внутренне в рациональном; Бесконечное и Вечное для них то же самое, что Божественное; так мыслят ангелы и духи; по мысли, отвлеченной от времени и пространства, можно понять Божественное Вездесущее и Божественное Всемогущество, также Божественность их вечности, но не по мысли, к которой привязана идея пространства и времени.

Очевидно, что можно мыслить о Боге от вечности, но никогда о природе от вечности; что, следовательно, можно мыслить о создании Вселенной Богом, но вовсе не о создании природою, ибо собственное (Proprium) природы — пространство и время, тогда как Божественное вне пространства и времени. Что Божественное вне пространства и времени, видно в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (**7-10, 69-72, 73-76** и в других).

52. II. Бесконечное и Вечное в Себе может *лишь* взирать на бесконечное и вечное по себе в конечных. Под Бесконечным и Вечным разумеется Само Божественное, как было показано в предыдущей главе; под конечным разумеется все сотворенное Бесконечным и в главной степени человеки, духи и ангелы; а взирать на бесконечное и вечное по себе в конечных — это взирать на Себя Самого в них, как взирает человек на свой образ в зеркале; что это так, было показано в нескольких частях Трактата О Божественной *Любви* и Божественной Мудрости, главным образом, где было пояснено, что в сотворенной Вселенной есть образ человека и образ бесконечного и вечного (**317**, **318**), следовательно, образ Бога Создателя, то есть, Господа всей вечности. Все же, знать должно, что Божественное в себе — в Господе, но Божественное по себе есть Божественное, исходящее от Господа в творения.

53. Дабы это было понятно полнее, надобно пояснить: Божественное может взирать лишь на Божественное и не может взирать иначе, на него, как в сотворенных собою; что это так, очевидно по тому, что никто не может смотреть на другого иначе как по-своему в себе: любящий другого смотрит на него по любви к себе; мудрый смотрит на другого по мудрости в себе; он может, это правда, видеть, любит или не любит его другой, разумен он или неразумен, но видит это он по своей любви и по своей мудрости в себе, и поэтому он в союзе с тем другим, насколько тот его любит так, как он его, или насколько тот разумен так, как он, ибо таким образом они составляют одно.

То же самое Божественное в себе; ибо Божественное в себе не может взирать на Себя по способу другого, например, по способу человека, духа и ангела, ибо в них нет ничего Божественного в себе a quo (от чего все происходит), а взирать на Божественное по тому, в ком ничего нет Божественного, — это взирать на Божественное по не-Божественному, что невозможно; поэтому Господь соединен с человеками, с духами и с ангелами так, что все относящееся к Божественному не от них исходит, но от Господа; в самом деле, известно, что всякое добро и всякая истина, которые в ком-либо есть, исходят не от него, а от Господа и что, более того, никто не может даже назвать Господа или произнести

имена Его, Иисуса и Христа, иначе, как от Господа. Из того следует, что Бесконечное и Вечное, которое есть то же, что Божественное, взирает на все бесконечно в конечных и сочетается с конечными по степени восприятия ими мудрости и любви. Одним словом, Господь не может обитать у человека и у ангела иначе, как в том, что Его, а не в соби их (Proprium), ибо собь их есть зло и если бы она и была добро, то она все-таки конечна, и не способна, в себе и по себе, вместить бесконечное.

По этим объяснениям можно видеть, что невозможно никогда, чтобы конечное взирало на Бесконечное, но возможно, дабы Бесконечное взирало на бесконечное по себе в конечных.

54. Представляется, что Бесконечное не может сочетаться с конечным, ибо нет соотношения между Бесконечным и конечным, и конечное неспособно вмещать Бесконечное, но, тем не менее, сочетание есть как потому, что Бесконечное все из себя создало, что было доказано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (**282-284**), так и потому, что Бесконечное в конечных не может взирать на иные, как на Бесконечные по себе, и это Бесконечное может представляться в конечных как бы сущим в них; таким образом есть соотношение между конечным и бесконечным не через конечное, но через Бесконечное в конечном, и, таким образом, конечное способно вместить бесконечное, не конечное в себе, но конечное как бы в себе, по Бесконечному по себе в конечном. Впоследствии будет сказано более об этом предмете.

55. III. Божественное Провидение, во всем соделываемом, взирает на бесконечное и вечное по себе, особенно в спасении Рода Человеческого. Бесконечное и Вечное в себе есть Само Божественное, или Господь Сам в Себе; Бесконечное и Вечное по себе есть Божественное исходящее, или Господь в других, Им сотворенных, — в человеках и ангелах; и это Божественное по себе способствует тому, дабы все творения были содержимы в порядке, в котором и для которого оно было сотворено, и так как Божественное исходящее оное производит, то следует, что это все — Божественное Провидение.

56. Что Божественное Провидение во всем соделываемом взирает на бесконечное и вечное по себе, можно видеть из того, что все сотворенное продвигается от Первого, Которое есть Божественное и Вечное, к последним, и от последнего к Первому (a quo) [от которого все исходит], как было показано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости в той Части, где вопрос о Сотворении Вселенной; и так как во всей прогрессии есть сокровенно это Первое (a quo), то следует, что Божественное Исходящее, или Божественное Провидение, во всем соделываемом взирает на какой-либо образ бесконечного и вечного; оно взирает на него во всем, но в некоторых предметах явственно сознается, в других же нет; оно представляет этот образ явственно сознаваемым в разнообразии всех предметов и в плодотворительности и размножении всего. Образ Бесконечного и Вечного в разнообразии всех предметов обнаруживается в том, что нет одной вещи, совершенно такой, как другие, и во всю вечность не может быть; это заметно по лицам людей от первого творения и, следовательно, по духу их, которого типами суть лица и, сверх того, по чувствам, сознаниям и мыслям, ибо из оного слагается дух.

Отсюда выходит, что в целом небе нет двух ангелов и двух духов, которые были бы и те же, и во всю вечность не может быть; то же самое с каждым видимым предметом в том и другом мире, как в природном, так и в духовном; из этого можно видеть, что разнообразие бесконечно и вечно. Образ бесконечного и вечного в плодотворительстве и размножении всего очевиден по свойству, дарованному семенам в царстве растительном и производительной силе в царстве животном, особенно у рыб, и в том, что если бы плодотворение и размножение соответствовали способности, то пространства всего земного шара, даже Вселенной, наполнились бы в один век; оное показывает ясно, что в этой способности сокрыто усилие в рождаемости до бесконечности, и так как плодотворение и размножение не прекращались от начала создания и не прекратятся во всю вечность, то следует, что в этой способности есть усилие к рождаемости вечной.

57. То же с людьми, относительно их чувств, принадлежащих любви, и созданий, принадлежащих мудрости; разнообразие тех и других бесконечно и вечно, и также плодотворимость их и размножение, которые духовны; ни один человек не обладает чувством и сознанием, настолько подобным чувству и сознанию другого человека, чтобы они были те же самые, и это все может быть во всю вечность; также чувства могут плодиться и сознания размножаться без конца; что знания не смогут никогда истощиться — известно. Эта способность плодиться и размножаться без конца, или бесконечно и вечно, есть в природных (началах) у людей, в духовных у ангелов духовных и в небесных у ангелов небесных.

Таковы не только чувства, сознания и знания в общем, но даже каждая и малейшая вещь, зависящая от них в частности. Они таковы, ибо ведут существование от Бесконечного и Вечного в Себе через Бесконечное и Вечное по себе. Но так как конечное нисколько не имеет в себе Божественного, то нет ни малейшей доли этого Божественного в человеке и в ангеле, как принадлежащего им; ибо человек и ангел конечны и суть только приемниками, которые сами по себе мертвы; что в них живого есть — идет от Божественного исходящего, сочетаемого с ними смежностью (per contiguum) и которое им представляется как бы своим. Что это так, увидится впоследствии.

58. Если Божественное Провидение взирает на бесконечное и вечное по себе, в особенности в спасении Рода Человеческого, то это потому, что цель Божественного Провидения есть Небо, происходящее из рода человеческого, как 3i0 показано было выше (**37-45),** и так как в этом цель, то следует, что преобразование и возрождение человека и, таким образом, его спасение имеет ввиду Божественное Провидение, ибо Небо слагается из спасенных и возрожденных. Так как возродить человека, — это соединить в нем добро и истину, или любовь и мудрость, как соединены они в Божественном, исходящем от Господа, то поэтому Божественное Провидение при спасении рода человеческого особенно оное имеет в виду; образ бесконечного и вечного в человеке только в союзе добра и истины.

Что Божественное исходящее соделывает это в роде человеческом, явствует по тем, которые исполнены Божественного исходящего, называемого Духом Святым, пророчествование о котором говорится в Слове, и по тем, которые, будучи просветлены, видят истины Божественные в небесном сасіе, главные в ангелах, которые чувственно сознают присутствие, наитие и сочетание, но замечают даже они, что сочетание это не иное, как то, которое можно назвать присоединением.

59. Еще не ведомо, что Божественное Провидение во всей прогрессии человека взирает на его состояние вечное; оно не может иметь в виду иного, ибо Божественное Бесконечно и Вечно, а Бесконечное и Вечное, или Божественное, — не во времени, и, таким образом, все будущее для него есть настоящим; так как Божественное таково, то следует, что во всем, им соделываемом, есть вечное. Но мыслящие по времени и по пространству с трудом сознают оное, не только потому, что они любят временное, но также потому, что они мыслят по настоящему времени в мире, а не по настоящему времени в небе; настоящее время в небе так же не существует для них, как конец земли; те же наоборот, которые в Божественном, через то что мыслят по Господу, мыслят также по вечности, когда мыслят по настоящему времени, говоря себе: "Что не вечно — есть ли это чем-либо? Временное относительно не все ли равно, что ничто? И не становится ли оно ничем, когда пропадает? Иначе с вечным, оно одно Есть, ибо его естество не конечно".

Мыслить так — это мыслить по вечности, мысля в то же время по настоящему времени; и когда человек мыслит так, а живет в то же время так, то Божественное исходящее в нем или Божественное Провидение во всякой прогрессии взирает на состояние его вечной жизни в Небе и ведет его к этому состоянию. Что Божественное в каждом человеке, как злом, так и добром, взирает на вечное, впоследствии будет видно.

60. IV. Образ Божественного Вечного существует в ангельском Небе. Между предметами, которые необходимо знать, есть также ангельское Небо, ибо кто религиозен — мыслит о Небе и хочет туда прийти, но Небо дается лишь тем, кто знает к нему путь и следует по нем; можно отчасти познать этот путь, зная, из кого состоит Небо и то, что никто не становится ангелом, или не впадает в Небо, если из мира не принес с собою ангельское; и в ангельском (начале) есть знания пути по следованию по нем и следование по нем по знанию пути. В Мире духовном в действительности есть пути, ведущие к каждому обществу неба и к каждому обществу ада, и каждый видит, как бы сам собою свой путь; если он видит, то потому, что там пути для каждой любви и что любовь открывает путь и ведет каждого к его сотоварищам; никто не видит другого пути, кроме пути своей любви: из этого очевидно, что ангел есть небесная любовь, иначе он бы не увидел пути, ведущего в Небо. Но это может стать очевидным из описания Неба.

61. Дух всякого человека есть чувство и затем мысль, и так как всякое чувство принадлежит любви и всякая мысль — разумению, то всякий дух есть своя любовь и затем свое разумение; от этого, когда человек мыслит только по духу, что бывает, когда он дома, размышляет в себе, то мыслит он по чувству, принадлежащему его любви; из этого можно видеть, что человек, становясь духом, что происходит по смерти его, есть чувством своей любви и немного мыслию, как тою, которая принадлежит его чувству; он — чувство дурное или вожделение, если в нем была любовь ко злу, и чувство доброе, если в нем была любовь к добру; и каждый обладает чувством добрым, насколько избегает зол как грехов, или чувством дурным, насколько не избегает зол.

Теперь, так как все духи и все ангелы суть чувствами, то очевидно, что все Ангельское Небо — не что иное, как Любовь всех чувств добра и затем мудрость всех постижений истины, и так как всякое добро и всякая истина исходит от Господа, и Господь есть сама Любовь и сама Мудрость, то следует, что ангельское Небо есть образ Господа;

и так как Божественная Любовь и Божественная Мудрость в Форме своей есть человек, то следует что ангельское Небо не может быть иначе, как в форме человеческой; но об этом предмете будет сказано более в следующей главе.

62. Если ангельское Небо есть образом Бесконечного и Вечного, то потому, что оно образ Господа, а Господь Бесконечен и Вечен. Образ Бесконечности и Вечности Господа обнаруживается в том, что есть мириады мириадов ангелов, из которых слагается Небо; что они составляют столько обществ, сколько есть общих чувств небесной Любви, что в каждом обществе каждый ангел есть своим чувством, отличным от других; что из стольких же чувств в общем и в частности происходит Форма Неба, которая перед Господом как одно, не иначе как и человек — одно, и что эта Форма вечно совершенствуется соответственно численности, ибо чем более входящих в Форму Божественной Любви, которая есть Формою форм, тем союз совершеннее. Из этих объяснений видно, что образ Бесконечного и Вечного существует в ангельском Небе.

63. Из познания Неба по данному краткому описанию очевидно, что чувство, принадлежащее *л*юбви, соделывает небо в человеке. Но кто об этом знает в настоящее время! Кто знает даже, что такое чувство *л*юбви к добру, и то, что чувства *л*юбви к добру бесчисленны и бесконечны? Ибо, как было сказано, каждый ангел, отлично от другого, есть чувством своим, и Форма Неба есть формою всех чувств Божественной *Л*юбви, которые в Небе. Соединить все эти чувства в одну форму никто не может иной, как только Тот, Кто есть Сама *Л*юбовь и сама Мудрость и, в то же время, Бесконечен и Вечен; ибо бесконечное и вечное — во всем этой формы, бесконечное в сочетании и вместе в непрерывности; если бы бесконечное и вечное отнялось от нее, то она бы рассеялась в минуту. Кто иной может соединить чувства в форме, и даже кто иной может сложить единство этой форме?

Ибо единство ее не может быть составлено иначе, как по идее единичной каждого; есть мириады мириадов ангелов, из которых слагается эта форма, и мириады входящих в нее каждый год и имеющих войти в течение вечности; все дети входят в нее, и взрослых столько, сколько чувств *л*юбви к добру. По этим объяснениям можно снова увидеть образ бесконечного и вечного в ангельском Небе.

64. V. Взирать на Бесконечное и Вечное в образовании ангельского Неба, дабы оно было перед Господом как один Человек, который есть образ Господа — сокровенное Божественного Провидения. Что все Небо перед Господом как один человек и подобно тому каждое Общество Неба, и что из одного следует, что каждый ангел — человек в совершенной форме, потому что Бог Создатель, который есть Господом от вечности, есть Человек, видно в Трактате О Небе и об Аде (59-86) и что отсюда соответствие, всего от Неба со всем, что в человеке (87-102). Что целое Небо как один человек — оного я сам не видел, ибо целое Небо может быть видимо одним Господом, но что целое Общество Неба, большое или малое, представляется как один человек — это я часто видел, и тогда мне было сказано, что величайшее Общество, которое есть Небом, в своем составе представляется подобно же тому перед Господом, и поэтому каждый ангел есть человек в целой форме.

65. Так как целое Небо перед Господом как один человек, то оно различается на столько обществ, сколько органов, черев (viscera) и членов у человека, и каждое Общество в общем на столько обществ частных и особенных, сколько больших частей в каждом органе; из этого ясно видно, каково Небо. Итак, потому что Господь есть Самый Человек, а Небо его образом, то говорится, что быть в Небе — это быть в Господе. Что Господь есть Самый Человек, видно из Трактата О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости (**11-13, 285**).

66. Из этих объяснений можно в некотором роде увидеть ту таинственную частность, которая может быть названа ангельскою, а именно, что каждое чувство добра и в то же время истины есть человеком в форме своей, ибо все, исходящее от Господа, извлекает из Его Божественной *Л*юбви быть чувством и из Его Божественной Мудрости быть сознанием истины. Чувство истины, исходящее от Господа, представляется сознанием и затем мыслию в ангеле и в человеке, и это потому, что замечают сознание и мысль, но мало чувство, от которого они происходят, между тем как они исходят от Господа с *л*юбовью истины как одно.

67. Теперь, так как человек, по своему творению, есть небом в самой малой форме и затем образом Господа, и так как небо состоит из стольких чувств любви, сколько ангелов, и каждое чувство в своей форме есть человек, то следует, что постоянное действие Божественного Провидения в том, дабы человек стал небом в форме и затем образом Господа и дабы, так как оное соделывается чувством любви к добру и истине, он стал этим чувством; в оном постоянное действие Божественного Провидения, но его сокровенное в том, дабы оно было в том или другом месте в небе и в том или другом месте в Божественном небесном Человеке, ибо тогда он в Господе. Но это бывает с теми, кого Господь может вести к Небу, и так как Господь предвидит оное, то Он способствует постоянно к тому, дабы человек стал таким, ибо кто допускает вести себя к Небу, так приготовляется к своему месту в Небе.

68. Небо, было сказано, различается на столько обществ, сколько органов, черев и членов в человеке, частица же их не может быть в ином месте, как на своем; а так как ангелы суть такими частицами в Божественном небесном Человеке, и только бывшие людьми становятся ангелами, то следует, что человек, допускающий вести себя к Небу, постоянно приуготовляем Господом к своему месту, что соделывается соответствующим расположением к добру и истине; к этому же месту и назначен человек-ангел по своем выходе из мира.

69. Но человек, который не допускает вести себя к небу, и не назначает себя в Небо, приготовляется к своему месту в аду; ибо сам по себе человек постоянно стремится в самый глубокий ад и постоянно отклоняем Господом; тот же, кто не может быть отклонен, приготовляется к своему месту в аду, на которое назначается тотчас после своего выхода из мира; это место в положении, обратном к месту в Небе, ибо Ад противоположен Небу; поэтому так же, как человек-ангел, по любви добра и истины, имеет место, назначенное в небе, человек-дьявол, по любви зла и лжи, имеет назначенное место в аду; в самом деле, две противоположности, приведенные в порядок, в положении, подобном по обратности одно к другому, удерживаются в сцеплении. В оном сокровенное Божественного Провидения относительно Ада.

Глава четвертая

ЕСТЬ ЗАКОНЫ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОВИДЕНИЯ, НЕИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДЯМ

70. Что есть Божественное Провидение — известно, но каково Божественное Провидение — неизвестно. Если неизвестно, каково Божественное Провидение, то потому, что Его Законы затаены и были до сих пор сокрыты в мудрости ангелов; но теперь они имеют быть явлены, дабы относилось к Господу то, что Ему принадлежит, и не относилось ни к какому человеку того, что не принадлежит ему; в самом деле, в мире большинство приписывает все себе или своей предусмотрительности, а то, чего не могут оному приписать, называют случаем или судьбою, не зная, что предусмотрительность человеческая — ничто, и случай и судьба — слова пустые. Сказано, что законы Божественного Провидения затаены и до сих пор сокрыты были в мудрости ангелов; причина оному та, что в Христианском Мире разумение в Божественных делах замкнулось религией и впоследствии стало до того притупленным и неподатливым, что человек не мог знать, потому что не понимал, или не хотел, потому что не мог понять, относительно Божественного Провидения ничего иного, кроме того, что оно существует, ни рассмотреть рассуждением, существует оное или не существует, общее ли только оно или частное; разумение, замкнутое религией, не могло идти далеко в Божественных вопросах.

Но так как было признано Церковью, что человек не может сам собою делать добро, которое в себе было бы добром, ни мыслить истину, которая в себе была бы истиною, и так как оное — одно с Божественным Провидением, а верование в одном из этих пунктов зависит, следовательно, от верования в другой, то дабы один не был утверждаем, а другой отрицаем и таким образом тот и другой не пали, настоятельно необходимо явить, что такое Божественное Провидение;

но это явлено быть не может, если законы, которыми Господь способствует волевым и разумным (началам) в человеке и ими управляет, не открыты; ибо если законы дают понять, каково Божественное Провидение, то только знающий, каково оно, может оное признать, ибо тогда он видит; вот почему законы Божественного Провидения, до сих пор сокрытые в мудрости ангелов, явлены теперь.

1

Закон Божественного Провидения,

дабы человек действовал в свободе по рассудку

71. Что есть для человека свобода мыслить и желать, как ему угодно, но нет свободы показать все, что он мыслит, и делать все, что он желает, — это известно; вот почему Свобода, здесь подразумеваемая, есть духовная свобода, а не природная свобода, разве только они составляют одно; ибо мыслить и желать — духовное, а говорить и делать — природное; оно даже явственно различается у человека, ибо человек может мыслить то, чего не говорит, и желать того, чего не делает; из этого очевидно, что духовное и природное отделимо в человеке, посему человек не может перейти из одного в другое иначе, как по решению (детерминации); это решение может быть уподоблено двери, которая сначала должна быть заперта и затем должна быть отворена; но эта дверь стоит как бы отворенною у тех, кто по рассудку мыслит и желает согласно с законами гражданскими государства и с законами нравственными общества, ибо такие говорят, что думают, и также делают, что желают; и наоборот: эта дверь стоит как бы запертою у тех, кто мыслит и желает противное этим законам; обращающий внимание на свои желания и затем на свои действия заметит, что такие решения часто являются по нескольку раз в одном разговоре и в одном поступке.

Это предварительно представлено, дабы известно было, что действовать в свободе по рассудку — значит мыслить и желать свободно, и затем говорить и делать то, что согласно с рассудком.

72. Но так как немногие из людей знают, что этот Закон может быть Законом Божественного Провидения, особенно потому, что человек таким образом свободен мыслить зло и ложь, между тем как Божественное Провидение ведет постоянно человека к мысли и желанию добра и истины, то следует, дабы сознано это было, отчетливо оное объяснить, что и будет исполнено в таком порядке:

I. Человек обладает Рассудком и Свободой, или Рациональностью и Свободой, и эти обе способности по Господу в человеке.

II. Все, что делает человек в свободе, согласное или несогласное с рассудком, лишь бы было по его свободе, ему представляется как свое.
III. Все, что человек делает в свободе по своей мысли, ему становится присущим как его и за ним остается.

IV. Посредством этих двух способностей человек преобразовывается и возрождается Господом, без них же он не может быть ни преобразован, ни возрожден.

V. Посредством этих двух способностей человек может быть настолько преобразован и возрожден, насколько может быть ими приведен к признанию, что всякое добро и всякая истина, которые он мыслит и произносит, исходят от Господа, а не от него самого.

VI. Сочетание Господа с человеком и взаимное сочетание человека с Господом соделывается этими двумя способностями.

VII. Господь во всей прогрессии своего Божественного Провидения сохраняет неприкосновенным и как бы святым эти две способности в человеке.

VIII. Посему от Божественного Провидения, дабы человек действовал в свободе, по рассудку.

73. Человек обладает Рассудком и Свободой, или Рациональностью и Свободой, и эти две способности по Господу в человеке. Что человек имеет способность понимать, которая есть Рациональность, и способность мыслить, желать, говорить и делать то, что он понимает, которая есть Свободой, и что эти две способности по Господу в человеке, было объяснено в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (**267-270, 425**), и также выше (**43, 44).** Но так как может подняться несколько сомнений относительно этих способностей при размышлении о них, то я сначала желаю сказать только несколько слов о Свободе действия по рассудку в человеке.

Сперва надобно знать, что всякая Свобода принадлежит любви, так что любовь и свобода — одно и то же; а так как любовь есть жизнь человека, то Свобода принадлежит также жизни человека; в самом деле, всякое удовольствие человека происходит от его любви; не существует удовольствия другого происхождения, а действовать по удовольствию любви — это действовать свободно, ибо удовольствие увлекает человека, как увлекает все река, что несут ее воды по течению.

Теперь, так как есть различная любовь — одна гармонирующая с другою, а другая наоборот, — то следует, что есть, подобно тому, и различная Свобода; но вообще есть три рода Свободы: Природная, Рациональная и Духовная. Свобода Природная у каждого человека по наследству, ибо человек любит только себя и мир; первая жизнь человека — ничто иное, и так как всякое зло существует от этих двух родов любви, и затем это зло становится даже принадлежностью любви, то следует, что мыслить и желать зло есть природной Свободой человека; когда же рассуждениями подтвердит он ее в себе, то действует в свободе по своему рассудку; творить, таким образом, зло — это действовать по способности, называемой Свободой; а подтверждать его — это действовать по способности, называемой Рациональностью.

Например, по любви, в которой человек родится, он желает прелюбодействовать, обманывать, богохульствовать, мстить; когда же подтвердит он это зло в себе и через то на него смотрит как на позволительное, тогда, по удовольствию любви к нему, он замышляет его м желает свободно, как бы по рассудку,

и насколько законы гражданские не удерживают его, высказывает его и совершает; от Провидения Божественного так поступать попущено только человеку, ибо у него Свобода.

Человек в этой свободе по природе, ибо он по наследству в ней; и в свободе этой те, кто рассуждениями подтвердили ее в себе, по удовольствию любви к себе и к миру. Свобода рациональная происходит от любви славы из-за почета или богатства; удовольствия этой любви в том, чтобы казаться в форме внешней человеком нравственным, и любя эту репутацию, человек не обманывает, не прелюбодействует, не мстит, не богохульствует, и так как это поведение происходит из его рассудка, то действует в свободе по рассудку он искренно, справедливо, целомудренно, дружелюбно и даже может по рассудку об этом хорошо говорить; но если его рациональность лишь природная, а не духовная в одно и то же время, то и свобода эта лишь свобода внешняя, а не внутренняя свобода, ибо, тем не менее, внутренне он не любит этого добра, но любит его только внешне, из-за славы, как было сказано; поэтому добро, которое он делает, в себе не есть добром, он может даже говорить, что его должно делать для общественного блага, но он не говорит того из любви к общественному благу, он это говорит из любви к почету и выгоде; его свобода ничего не извлекает из любви к общественному благу, ни также рассудок его, ибо согласен с любовью; вот почему Свобода, рациональная по внутреннему, есть природной Свободой; свобода эта тоже представляется каждому Божественным Провидением.

Свобода духовная происходит от любви к жизни вечной; в эту любовь и в удовольствие этой любви не входит никто иной, как только мыслящий, что зло есть грех, не желающий из-за этого его и возводящий взоры к Господу, лишь только человеки так поступают, как они в свободе этой; ибо человек не может обладать способностью не желать зол, потому что они — грехи, и его из-за этого не делать, иначе как по внутренней, высшей свободе, происходящей от внутренней и высшей любви.

Эта Свобода вначале не представляется свободой, хотя она ею есть, но позднее представляется, и тогда человек действует в настоящей свободе, по настоящему рассудку, мысля, желая, высказывая и творя добро и истину. Эта свобода возрастает по мере того, как природная свобода умаляется, становится служебной и соединяется со свободою рациональной, очищая ее. Каждый может войти в эту свободу, если только пожелает мыслить, что есть вечная Жизнь и что удовольствие и блаженство жизни во времени и на время суть только проходящие, относительно удовольствия и блаженства жизни в вечности и на вечность; человек может это мыслить, если пожелает, ибо имеет Рациональность и Свободу, и Господь, от Которого исходят эти две способности, ему дает постоянно это мочь.

74. II. Все, что человек соделывает в свободе, согласное или несогласное с рассудком, лишь бы оно было по его свободе, ему представляется как свое. В чем Рациональность и в чем Свобода, присущие человеку, нельзя яснее узнать, как по сравнению людей с животными; и эти последние не обладают никакою свободою или способностью свободно желать, и затем у них нет ни разумения, ни воли; но вместо разумения у них есть знание и вместо воли чувство, то и другое природные; и так как у них нет тех двух способностей, то нет у них и мысли, но вместо мысли у них есть внутреннее зрение, составляющее с внешним зрением по соответствию — одно.

Каждое чувство имеет свою подругу, как бы супругу; чувство природной любви имеет знание, чувство духовной любви — ум, чувство небесной любви — мудрость; чувство любви без этой супруги не есть чем-либо, ибо есть оно как бы бытием без существования, или как бы субстанцией без формы, о которых нельзя себе составить никакой идеи; отсюда происходит, что во всем созданном есть что-либо, могущее относиться к супружеству добра и истины, как это было показано уже несколько раз; в животных есть супружество чувства любви и знания; в них чувство принадлежит природному добру, а знание — истине природной.

Теперь, так как чувство любви и знание в них составляют абсолютное одно и их любовь не может возвыситься над знанием, ни их знание над любовью, и если возвышаются, то одновременно то и другое, и так как в них нет никакой духовности, в которой, или в свете и теплоте которой, они бы могли возвыситься, то в них нет ни способности понимать, или рациональности, ни способности желать свободно, или свободы, но есть одна чистая природная любовь и знание.

Природная любовь их есть влечением питаться, селиться, размножаться, избегать и ненавидеть вредное для себя, со всем знанием, которого требует природное влечение это; и так как таково состояние их жизни, то они не могут думать в себе "я хочу или не хочу этого", или "я знаю или не знаю этого"; ни также менее еще "я это понимаю, и я это люблю", но они бывают побуждаемы по влечению любви знанием, без рациональности и без свободы.

Что они побуждаемы так, исходит не от природного мира, но от мира духовного; ибо ничего нет в мире природном, что бы ни было в связи с миром духовным; всякая причина, производящая действие, — оттуда. Смотрите об этом предмете некоторые подробности в **N 96.**

75. Иначе с человеком: не только есть в нем чувство любви природной, но также чувство любви духовной и чувство любви небесной; ибо Дух человеческий — в трех степенях, как было показано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, третья часть; посему человек может возвышаться из природного знания в духовный ум и оттуда в небесную мудрость; и по этим двум (началам) ума и мудрости возводить взоры к Господу и с Ним быть сочетаем, отчего он и живет вечно; но это возвышение относительно любви не имело бы места, если бы в нем не было способности возвышаться разумением по рациональности и того желать в свободе.

Человек по этим двум способностям может мыслить внутри себя о предметах, которые он чувствами телесными сознает вне себя, и он может мыслить внешним способом о вещах, о которых мыслить способен низшим, ибо каждый может сказать: "Я думал об этом, и я думаю об этом", затем" Я желал этого и я желаю этого"; затем также:

"Я понимаю, что это так, мне это нравится потому-то" и так далее.

Из этого очевидно, что человек может также мыслить над мыслью и ее видеть, как бы ниже от себя; человек обладает этими по Рациональности и по Свободе; по рациональности в том, что может мыслить высшим способом, а по свободе в том, что по любви желает так мыслить, ибо, не имея свободы так мыслить, он не имел бы ни желания, ни, следовательно, мысли.

Вот почему не желающие понимать иного, кроме принадлежащих миру и природе мира, а не того, что такое добро и истина нравственная и духовная, не могут возвыситься из знания в разумение, а тем более в мудрость; ибо они засорили эти способности; и люди они только потому, что, по врожденным в них Рациональности и Свободе, могут понимать, если пожелают, и также могут пожелать. По этим двум способностям человек может мыслить и по мысли говорить; во всем остальном люди не суть людьми; они — животные, и некоторые из них, по злоупотреблению этими способностями, хуже животных.

76. Каждый по рациональности незаслоненной может видеть или усвоить себе, что человек не может быть ни в какой любви познавания и ни в какой любви понимания, без видимости, что все это — от него: ибо всякое удовольствие и всякая приятность, таким образом все, что от воли, исходит от влечения, принадлежащего его любви. Кто может желать знать что-либо и желать понимать что-либо, если не находит в этом какой-либо приятности влечения любви? И кто может иметь эту приятность, если то, что влечет его, не представляется ему своим? Если бы ничего не было его, но все было бы от другого, то есть, если бы кто-либо по своей любви вмещал что-либо в дух другого, не имеющего никакого влечения знать и понимать, как от себя самого, разве этот другой воспринял бы и даже мог бы воспринять? Не был ли он тем, что называется животным или чурбаном? Из этого можно видеть, что, хотя есть наитие всего, что человек сознает, мыслит и знает и по сознанию желает и творит, тем не менее от Божественного Провидения Господа,

дабы оное казалось, как бы присущим человеку, ибо как оно было сказано, иначе человек ничего не воспринял бы и не мог бы одарен быть никакими разумением и мудростью.

Известно, что всякое добро и всякая истина принадлежат не человеку, а Господу, и между тем представляется человеку как бы его, а так как всякое добро и всякая истина представляются таким образом, то и все предметы Церкви и Неба, следовательно, любви и мудрости и то же самое милосердия и веры представляются не иначе, и между тем ничто из этого не принадлежит человеку; никто не может воспринять их от Господа, если только не кажется ему, что он их сознает сам собою.

Поэтому можно видеть справедливость данного предложения, что все, что человек совершает в свободе, согласное или несогласное с рассудком, лишь бы это было по его свободе, ему представляется своим.

77. Кто по своей способности, именуемой рациональностью, не может понять, что-то или другое добро вообще полезно и что-то или другое зло вообще вредно, например, что справедливость, искренность и чистота в супружестве вообще полезны, и что несправедливость, неискренность и прелюбодеяние с супругами других вообще вредно, и что, следовательно, эти рода зол в себе пагубны, а те рода добра в себе благотворны?

Кто не может сделать оного предметом своего рассудка, если пожелает! Человек имеет рациональность, имеет свободу и насколько избегает зол в себе, потому что они вредны обществу, насколько его рациональность и его свобода развиваются, обнаруживаются, направляют его и дают ему сознание и силу исполнения, и насколько он оное творит, настолько смотрит на добро такое, как друг смотрит на друга Из этого знания по своей способности, именуемой рациональностью, человек может сделать заключение относительно добра полезного обществу в мире духовном, и относительно вредного в нем зла; если только вместо зла он сознает грех, и вместо добра — дела милосердия; из оного человек может также сделать предмет для своего рассудка, если пожелает, ибо имеет рациональность и свободу и, насколько избегает этих зол как грехов) насколько его рациональность и свобода развиваются, обнаруживаются, направляют его и дают ему сознание и силу исполнения, и насколько он творит оное, настолько смотрит на дела милосердия как ближний смотрят на ближнего, по любви обоюдной. Теперь) так как Господь, по причине восприятия и сочетания) желает дабы все, что человек творит свободно, по рассудку, ему, казалось бы, своим) и это даже есть рассудочно, то следует что человек может по рассудку (ибо оное для его вечного спасения) желать избегать зол как грехов и поступать так, обращаясь с мольбой к Божественной мощи Господней.

78. III. Все, что человек творит в свободе, по рассудку, ему становится присущим как его и за ним остается. Оное есть следствием того, что собь человека и его свобода составляют одно, собь человека принадлежит жизни его, и то, что человек делает по жизни, он делает в свободе; также собь человека принадлежит его любви, ибо любовь есть жизнь каждого, и то что делает человек по любви жизни своей, он делает в свободе. Что действует человек в свободе по мысли, то это потому, что присущее жизни или любви кого-либо, тоже становится предметом мысли и ею подтверждается, когда же оное подтверждено, то совершается в свободе, по мысли; ибо все, что совершает человек, совершает он волею, по разумению; свобода же присуща воле, а мысль — разумению.

Человек даже может поступать по свободе против рассудка и в несвободе по рассудку, но эти поступки не присваиваются человеку и принадлежат лишь его устам и его телу, а не его духу и его сердцу; но принадлежащие его духу и его сердцу, становясь делами его уст и его тела, присваиваются человеку; что это так, можно доказать несколькими примерами, но здесь не место тому. Быть присвоену человеку — значит войти в его жизнь, стать принадлежностью его жизни, следовательно, стать его собью.

Что человек не обладает, тем не менее, ничем, что было бы его собственностью, но кажется лишь что обладает, будет видно впоследствии; здесь только показано, что всякое добро, которое делает человек в свободе по рассудку, ему присваивается как бы его, ибо при мысли, желании, речи и поступке оно ему представляется своим, между тем как добро принадлежит не человеку, но Господу в человеке **(N 76).** Но как присваивается зло человеку, увидится в отдельной главе.

79. Сказано, что совершаемое человеком в свободе, по рассудку — остается; в самом деле, ничто из усвоенного себе человеком не может быть искоренено, ибо стало принадлежностью его любви и, в то же время, его рассудка, или его воли и, в то же время, его разумения, и, следовательно, принадлежностью его жизни; оно, правда, может быть удалено, но тем не менее не может быть отброшено; и когда удалено оно, то как бы перенесено из центра в окружности и там остается; это значит, что оно остается,

Например, если человек в детстве или в юности усвоил себе какое-либо зло по удовольствию своей любви, то есть если он обманывал, богохульствовал, предавался мести, прелюбодеянию, то совершив это зло в свободе, по своей мысли, он себе также его усвоил; но если затем кается он, избегает его и считает грехом, который надобно ненавидеть, и таким образом удерживается от него в свободе, по рассудку, то добро, которому это зло служит противоположностью, присваивается ему; тогда добро это в центре и удаляет зло в окружности все далее и далее, по мере того, как оно удерживается и отвращается от него; но, тем не менее, оно не может быть отброшено, так чтобы сказать, что вырвано оно; все же, будучи так удалено, оно может представиться как бы вырванным; это имеет место, потому что человек отклоняется от зла Господом и удерживаем в добре; то же самое со всяким наследственным злом и личным злом человека.

Оное именно видел я наглядно доказанным в Небе у некоторых, которые будучи удерживаемы в добре Господом, считали себя без греха, но дабы не мыслили они, что добро, в котором они пребывали, — собственное их, они были высланы с

Неба и погружены в свое зло до тех пор, пока не прознали, что они в зле сами по себе, а в добре по Господу; после этого прознания они были возвращены в Небо. Да будет же известно, что добро присваивается человеку лишь потому, что оно постоянно принадлежит Господу в человеке, и насколько человек признает оное, настолько Господь допускает, дабы добро казалось человеку как его, то есть допускает, дабы казалось человеку, что он любит ближнего или имеет милосердие как бы сам собою, что он убежден или имеет веру как бы сам собою, что

он делает добро и понимает истину и поэтому разумен, как бы сам собою; по этим доказательствам человек может видеть, каков он и как сильна видимость, в которой Господу угодно дабы обратился человек, и угодно это Господу ради спасения человека, ибо без этой видимости никто не может быть спасен. Смотрите сказанное о предмете этом выше **(42-45).**

80. Ничто из того, что человек только мыслит, ни даже что он мыслит пожелать, ему не присваивается, если он не желает этого настолько, что, когда может, совершает желаемое; причина та, что когда человек впоследствии совершает, то совершает оное по воле разумением или по чувству воли мыслию разумения; но пока предмет принадлежит одной мысли, он не может быть усвоен, потому что разумение не сочетается с волею, или потому, что мысль разумения не сочетается с чувством воли; но воля и ее чувство сочетается с разумением и его мыслью, как было показано в нескольких местах Трактата О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости, пятая часть. Это означается словами Господа:

"Что входит в уста, не оскверняет человека, но что исходит из сердца устами, оскверняет человека" (**Матф. XV, 11, 17, 18, 19**); устами в смысле духовном означается мысль, ибо мысль говорит устами; а сердцем в этом смысле означается чувство, принадлежащее *л*юбви; человек, мысля и говоря по этому чувству, становится нечистым; сердцем тоже означается чувство, принадлежащее *л*юбви или воле, а устами мысль, принадлежащая разумению. См. также у *Л*уки (**VI, 45).**

81. Зло, которое считает человек позволительным, хотя не совершает его, тоже ему присваивается; в самом деле, что позволительно в мысли, то позволительно и по воле, ибо они согласны; посему человек, считая зло позволительным, разрывает внутренние узы относительно этого зла и отклоняем от совершения его лишь внешними узами, которые суть боязни, а так как дух человека благосклонен к этому злу, то лишь только внешние узы удалены, он его совершает, считая позволительным; пока же совершает его постоянно в духе своем. Об этом предмете см. Учение Жизни для Нового Иерусалима **(108-113).**

82. IV. Посредством этих двух способностей человек преобразуем Господом и возрождаем, без них же он не может быть ни преобразован, ни возрожден. Господь поучает, что если кто не родится снова, не может увидеть Царствие Божие; **(Иоанн, III, 3, 5, 7);** но что такое родиться снова или возродиться, знают немногие, потому что не знают, что такое любовь и милосердие, ни, следовательно, что такое вера, ибо не знающий, что, такое любовь и милосердие не может знать, что такое вера, так как милосердие, и вера составляют одно, как добро и истина, и как чувство, принадлежащее воле, и мысль, принадлежащая разумению; об этом союзе см. в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (**427-431);** и также в Учении Нового Иерусалима **(13-24)** и выше **(3-20)**.

83. Если никто не может войти в Царствие божие, не будучи рожден сызнова, то потому, что человек, по наследственности от родителей, родится во зле всякого рода, со способностью, удалив это зло, сделаться духовным; не сделавшись духовным, он не может войти в Небо; из природного стать духовным — это родиться снова или возродиться.

Но дабы знать, как человек бывает возрожден, следует рассмотреть следующие три вопроса: Каково его первое состояние, которое есть состоянием осуждения? Каково его второе состояние, которое есть состоянием преобразования? И каково его третье состояние, которое есть состоянием возрождения?

Первое состояние человека, которое есть состоянием осуждения, у каждого человека по наследственности от родителей, ибо человек по нем родится в любви к себе и в любви к миру, и от этой двойной любви, как источника, во зле всякого рода; удовольствиями этой двойной любви ведется он, и удовольствия производят его незнание, что он во зле; ибо всякое удовольствие любви ощущаемо как благо; посему если человек не возрожден, то ничего оного он не знает, как только то, что любить себя и любить мир выше всего есть настоящее благо, и что владычествовать над другими и обладать блаженствами других есть благо наивысшее, ибо оно не взирает по любви ни на кого другого, но как дьявол взирает на дьявола, или вор на вора, когда они действуют заодно.

Подтверждающие в себе, по удовольствию, ту и другую любовь и зло, из них вытекающее, остаются природными и становятся чувственно плотскими; в собственной, принадлежащей их духу, мысли они в безумии, но тем не менее могут, будучи в миру, говорить и поступать рационально и разумно, ибо они — люди и, следовательно, имеют рациональность и свободу, но это тоже у них по любви к себе и миру.

По смерти, став духами, они другого удовольствия иметь не могут, как то, которое имели в духе, будучи в миру; и это удовольствие есть удовольствием адской любви, которое изменяется в неудовольствие, в скорбь и страдания ужасные, что означается в Слове мукой и адским огнем.

По этим объяснениям очевидно, что первое состояние человека есть состоянием осуждения и что в таком состоянии не допускающие возродить себя.

Второе состояние человека есть состоянием преобразования, это когда человек начинает мыслить о Небе, из-за небесной радости, и, таким образом, о Боге, от Которого получается небесная радость; но он сперва об этом мыслит по удовольствию своей любви; радость небесная есть для него удовольствием этим, пока же удовольствие этой любви царит с удовольствиями зол, которые из них вытекают, не может он пенять иного, как только то, что выйти в небо — это молиться, слушать проповеди, приступать к

Таинству Причащения, подавать бедным, помогать неимущим, расходовать на храмы, жертвовать на больницы и другие подобные вещи; человек в таком состоянии только знает, что спасет мысль одна о том, чему поучает религия, называется ли оное верой или верой и милосердием; если он не понимает ничего иного, кроме того, что мыслит, и тем спасается, то потому, что вовсе не мыслит о зле, в удовольствиях которого обретается, и пока удовольствия остаются, остается также зло; удовольствие его происходит от вожделения, которое постоянно внушает зло и даже его производит, если какое-либо опасение не удерживает.

Пока зло остается в вожделениях и затем в удовольствиях своей любви, нет никакой веры, никакого милосердия, никакого благочестия, никакого культа, разве только во внешности; перед светом кажется, что есть, но тем не менее нет того; можно оное сравнить с водами, вытекающими из нечистого источника, которые употребляемы быть не могут.

Пока человек таков, что мыслит о Небе и о Боге по религии и не мыслит нисколько о зле как о грехе, он еще в первом состоянии, но вступает во второе состояние или в состояние преобразования, когда начинает мыслить, что есть грех, и более еще, когда помыслит, что-то или другое — грех, расследует, насколько оное в себе, и не пожелает.

Третье состояние человека, которое есть состоянием возрождения, следует за предыдущим и есть его продолжением; оно начинается тогда, когда человек удерживается от зла, потому что оно — грех; он подвигается, по мере того, как их избегает; он совершенствуется, по мере того, как борется с ними, и тогда, по мере того, как он по Господу побеждает, он возрождается.

У возрожденного порядок жизни изменен: из природного он становится духовным, ибо природное, отделенное от духовного, противно порядку, духовное же в порядке; посему человек возрожденный поступает по милосердию и делает присущим вере то, что присуще милосердию.

Но тем не менее насколько он становится духовным, настолько в истине; ибо всякий человек возрождается истинами и жизнию по истинам; в самом деле, истинами он познает жизнь и жизнью творит истины, таким образом он сочетает добро с истиною, что есть духовный брак, в котором Небо.

85. Что посредством двух способностей, именуемых рациональностью и свободой, человек преобразован и возрожден, и что без них он быть не может ни преобразован, ни возрожден, то потому, что Рациональностью он может понимать и знать, что зло и что добро, и затем что ложь и что истина; а Свободою он может желать того, что понимает и знает; но пока царит удовольствие любви ко злу, он не может свободою желать добра и истины, ни их соделать принадлежностью своего рассудка: посему не может он присвоить их себе; ибо, как было сказано, если соделываемое человеком в свободе; по рассудку ему присваивается как бы его, то человек не может быть ни преобразован ни возрожден; он впервые действует по удовольствию любви к добру и истине, когда удовольствие любви ко злу и лжи удалено, ибо два удовольствия любви, противоположные между собою, не могут одновременно существовать; действовать по удовольствию любви — это действовать в свободе, а когда рассудок благоприятствует любви, то также действовать по рассудку.

86. Человек, как злой, так и добрый, обладает рациональностью и свободой, посему как злой, так и добрый могут понять истину и творить добро; но злой того не может в свободе, по рассудку, а добрый может; потому что злой пребывает в удовольствии любви ко злу, а добрый в удовольствии любви к добру; оттого истина, которую злой человек понимает, и добро, которое он творит, не присвояются ему, но присвояются человеку доброму; без присвоения же, как присущего человеку, нет ни преобразования, ни возрождения.

В самом деле, у злых зло с ложью как бы в центре, а добро с истиною как бы в окружностях; у добрых добро с истинами в центре, а зло с ложью з окружностях; у тех, как и у других, присущее центру распространяется до оконечностей, как от огня, который в центре, распространяется теплота, а ото льда, который в центре, — холод; таким образом добро в окружностях у злых загрязнено злом центральным, а зло в окружностях у добрых смягчено добром центральным; посему зло не служит к осуждению возрожденного, а добро не спасает не возрождённого.

87. V. Посредством этих двух способностей человек может быть настолько преобразован и возрожден, насколько он быть может доведен или к признанию, что всякое добро и всякая истина, которые он мыслит и творит, от Господа, а не от него самого. Только что было сказано, что такое преобразование и возрождение, и также то, что человек может быть преобразован и возрожден посредством двух способностей, которые суть Рациональность и Свобода, и так как оное соделывается ими, то будет еще нечто сказано о них. Человек по Рациональности может понимать и по Свободе может желать, то и другое как бы сам собою; но быть в возможности в свободе желать добро и затем по рассудку творить его может только возрожденный; злой может по свободе желать зло и его творить по мысли, которую он подтверждениями делает как бы согласною с рассудком; ибо зло может быть также подтверждено, как добро, но лишь иллюзиями и внешними видимостями, которые, будучи подтверждены, становятся ложью, и когда зло подтверждено, то оно представляется согласным с рассудком.

88. Всякий человек, имеющий какую-либо мысль, происходящую от внутреннего разумения, может видеть, что мочь желать и мочь понимать — не от человека, а от Того, Кому принадлежит самая мощь, то есть, самое Могущество в своей сути. Подумай только в себе: откуда "мочь"? Не от Того *ли*, у Кого это в самой *силе*, то есть, у Кого это в Нем и от Него? Посему мочь — в себе Божественно.

Для того, дабы мочь, нужно дозволение и затем направление, идущее от внутреннего или внешнего в себе; глаз не может видеть сам собою, ни ухо слышать само собою, ни уста говорить сами собою; ни руки действовать сами собою, дозволение и затем детерминация должны идти от духовного (начала); дух же не может мыслить или желать того или другого сам собою, разве только нечто внутреннее и высшее к тому приводит его; то же самое с тем, STO мочь понимать и мочь желать: не может оное исходить от иного, кроме Того, Кто Сам в Себе может желать и может понимать.

По этим доказательствам очевидно, что способности, именуемые Рациональностью и Свободой, от Господа, а не от человека, и так как они от Господа, то следует, что человек сам собою не желает ничего и не понимает ничего, но только что желает и понимает, как бы сам собою. Что это так, может подтвердить в себе каждый, кто знает и верит, что воля всякого добра и разумение всякой истины — от Господа, а не от человека. Что "человек ничего не может взять сам собою; ничего делать сам собою", поучает Слово в Иоанне **(III, 27, XV, 5).**

89. Теперь, так как каждое желание исходит от любви и каждое понимание исходит от мудрости, следует, что мочь желать исходит от Божественной Любви и мочь понимать исходит от Божественной Мудрости, и таким образом то и другое от Господа, Который есть Самою Божественной Любовью и Самою Божественною Мудростью.

Из того следует, что действовать в свободе по рассудку не происходит от чего-либо другого. Каждый поступает по рассудку, ибо свобода, также, как и любовь, не может быть отделена от воли; но у человека есть воля внутренняя и есть воля внешняя, и он может поступать по внешней и не по внутренней в то же время; так поступают лицемеры и льстецы и, тем не менее, внешняя воля исходит от свободы, ибо исходит от любви казаться иначе, чем на деле, или от любви какого-либо зла, замышляемого по любви внутренней воли; но так как сказано было, злой человек не может творить в свободе по рассудку иное кроме зла, ибо не может в свободе по рассудку творить добро; он может творить его, но не по внутренней свободе, которая есть собственная его свобода и от которой внешняя свобода извлекает то, что он не добр.

90. Сказано, что человек может быть настолько преобразован и возрожден, насколько приведен теми двумя способностями к признанию, что всякое добро и всякая истина, которые он мыслит и творит, исходят от Господа, а не от него самого; что человек не может признать этого иначе, как теми двумя способностями, это потому, что те способности от Господа и принадлежат Господу в человеке, как очевидно из того, что выше сказано; следовательно, человек не может оного сам собою, но совершает по Господу, все он может как бы сам собою, Господь дарует это каждому: пусть думают, что сами собою, однако, кто разумен, признает, что не сам собою, иначе добро, которое творит, и истина, которую мыслит, не суть ни истиной, ни добром в себе, ибо в них человек и нет в них Господа: добро то, в котором человек, если оно сделано для спасения, есть добром, вменяемым в заслугу, но добро, в котором Господь — не заслуги ради.

91. Но что признание Господа и признание того, что все добро и вся истина от Него исходят, преобразовывают и возрождают человека, не многие могут видеть по разумению, ибо можно подумать в себе: "Зачем это признание, Господь же Всемогущ и желает спасения всех и зачем может и хочет, если склонен к благости?" Но мыслить так — это не мыслить по Господу, ни, следовательно, по внутреннему разумению, то есть по какому-либо просветлению; посему здесь будет сказано несколько слов о том, что такое признание производит. В мире духовном, где пространства суть только видимостями, мудрость творит присутствие, а любовь — сочетание, и наоборот. Есть признание Господа по мудрости, и есть признание Господа по любви; признание Господа по мудрости, которое рассматриваемое в себе, есть только знанием, существует по учению; а признание Господа по любви существует по жизни, по учению это признание творит союз, а то — присутствие: посему же отвергающие учение о Господе удаляются от Него, а так как они же отвергают жизнь, то и отрешаются от Него; все же, не отвергающие учения, а только жизнь, в присутствии Его, но, тем не менее, отрешены; они как знакомые, беседующие между собою, но не любящие друг друга, и как два человека, из которых один говорит с другим как друг, но ненавидит его как недруг.

Что это так, известно по той общей идее, что тот, кто хорошо поучает и хорошо живет — спасен, но не тот, кто поучает хорошо, а живет дурно, и что не признающий Бога не может быть спасен. По этим объяснениям видно, какого рода обладают религией мыслящие о Господе по вере (как называют они свое убеждение), а ничего не делающие по милосердию; посему Господь говорит: "Зачем зовете Меня: Господи, Господи, и не делаете того что Я говорю? Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои, и исполняющий их подобен человеку, который строит дом и положит основание на камне; а кто слушает и не исполняет подобен человеку, строящему дом на земле без основания" **(Лука, VI, 46-49).**

92. VI. Сочетание Господа с человеком и сочетание взаимное человека с Господом соделывается теми двумя способностями. Сочетание с Господом и возрождение — одно и то же, ибо насколько кто сочетается с Господом, настолько он возродился; посему все сказанное о возрождении можно сказать о сочетании, и сказанное о сочетании можно сказать о возрождении.

Что есть сочетание Господа с человеком и взаимное сочетание человека с Господом, Господь тому поучает Сам в Иоанне: "Пребудете во Мне и Я в вас; кто пребывает во Мне и Я в нем приносит много плода" (XV, 4, 5). "В тот день узнаете, что вы во Мне и Я в вас" (XIV, 20). По одному рассудку каждый может видеть, что нет сочетания душ (animi), если только нет взаимности, и что взаимность сочетает; если кто любит другого и им взаимно не любим, то по мере того как один приближается, другой отходит; если же любят они друг друга взаимно, то по мере того как один приближается, другой приближается тоже, и сочетание совершается; любовь желает быть любимой: это врождено в ней, и насколько она взаимолюбима, настолько она в самой себе и в своем удовольствии.

По этим объяснениям очевидно, что если бы Господь только любил человека и не был бы человеком взаимно, любим, то Господь приближался бы, а человек бы отдалялся; таким образом Господь желал бы постоянно прийти к человеку и войти в него, а человек бы отвертывался и отходил; с теми же, которые в аду, так и есть, но с теми, которые в Небе, есть сочетание взаимное.

Так как Господь желает сочетания с человеками, ради спасения человека, Он также Промыслом способствует к тому, дабы у человека была взаимность; взаимность у человека в том, что добро, которое он желает и творит в свободе и истине, которую он мыслит и выражает по этому желанию и по рассудку, ему представляется как от него, и в том, что это добро в его воле и истина в его разумении представляются как бы его; и даже это добро и эта истина представляются человеку как его и от него, совершенно так, как если бы они ему принадлежали; никакой разницы нет.

Рассмотри, сознает *ли* кто каким-*либо* чувством это иначе? И об этом представлении, как бы сам собою, см. выше (**74-77**); и о признании как бы своего **(78-81**); одна разница в том, что человек должен признать, что он не сам собою творит добро и мыслит истину, но по Господу и, следовательно, добро, которое он творит и истина, которую он мыслит, не принадлежат ему; так мыслить по какой-*либо* любви воли, потому что это истина, соделывает сочетание; ибо таким образом человек взирает к Господу, и Господь взирает на человека.

93. Какова разница между верующими, что всякое добро от Господа, и верующими, что добро от них самих, мне дано было слышать и видеть в Мире духовном. Верующие, что добро от Господа, обращают лице к Господу и получают удовольствие и блаженство добра; но верующие, что добро от них самих, смотрят на себя и мыслят, что они заслужили, а так как они смотрят на себя, то могут сознавать лишь удовольствие своего добра, которое не есть удовольствием добра, но удовольствием зла, ибо собь человека есть зло, а удовольствие, ощущаемое как благо, — ад.

Если творившие добро и веровавшие что они творили его сами собою не получат по смерти той истины, что всякое добро от Господа, то они смешиваются с адскими гениями и, наконец, составляют с ними одно; получившие же эту истину преобразовываются; но получают только те, которые в жизни возводили к Богу взоры: возводить в жизни к Богу взоры — не что иное, как избегать зол как грехов.

94. Сочетание Господа с человеком и взаимное сочетание человека с Господом совершаются любовью к ближнему как к самому себе и любовью к Господу выше всего; любить ближнего как самого себя есть не что иное, как поступать с ним без притворства и без несправедливости, не иметь ненависти и не мстить, не оскорблять его и не бесславить, не прелюбодействовать с его супругой и не делать против него других подобных вещей. Кто не может видеть, что творящие подобное не любят ближнего как самого себя? А кто не делает оного, потому что-то зло против ближнего и грех против Господа, тот поступает с искренностью, справедливостью, дружбою и верностью с ближним, а так как Господь поступает подобно же тому, то взаимное сочетание совершается, и при взаимном сочетании все, что делает ближнему человек, он это делает по Господу, а все, что делает человек по Господу, есть добро; и тогда ближний для него не личность, но добро в личности. Любить Господа выше всего есть ни что иное, как не делать зла Слову, ибо в Слове Господь, ни святым предметам Церкви, ибо в святых предметах Церкви Господь, ни душе кого бы то ни было, ибо душа каждого в руке Господа; избегающие этих зол, как против громадных, любят Господа выше всего, но то лишь любящие ближнего как самого себя, ибо эти две любви в союзе.

95. Так как есть сочетание Господа с человеком и человека с Господом, то поэтому есть две скрижали закона — одна для Господа, другая для человека; насколько человек исполняет как бы сам собою законы своей скрижали, настолько Господь ему дарует исполнять законы своей; но человек, не исполняющий законов своей скрижали, которые все относятся к любви к ближнему, не может исполнять законов скрижали Господней, которые все относятся к любви к Господу;

как может любить Господа убийца, вор, прелюбодей и лжесвидетель? Не говорит ли рассудок, что быть таким и любить Бога противоречиво?

Не таков ли дьявол, и может ли он не ненавидеть Бога? Но когда человек имеет отвращение как к адскому к убийствам, прелюбодеяниям, кражам и лжесвидетельствам, то любить Бога он может, ибо тогда он отворачивает лице от дьявола, дабы обратить его к Господу, и когда он обращает лице к Господу, ему даруются любовь и мудрость, которые входят в человека через лицо, а не через заднюю часть головы. Так как сочетание с Господом совершается таким образом, а не иначе, посему Скрижали эти названы были союзом, и между ними существует союз.

96.VII. Господь во всей прогрессии своего Божественного Провидения сохраняет неприкосновенными и как бы святыми эти две способности у человека. Причина в том, что человек без этих двух способностей не имел бы ни разумения, ни воли и, таким образом, не был бы человеком; в том также, что, без этих двух способностей, не мог бы он сочетаться с Господом и, следовательно, быть преобразован и возрожден, затем еще, что человек без этих двух способностей не имел бы ни бессмертия, ни жизни вечной.

По сведениям, данным в предыдущем, о том, что такое Свобода и Рациональность, можно, правда, увидеть, что оно так и есть, но оного не видно ясно, разве только причины того не будут представлены на вид как заключения; и каждую из них пояснить должно.

Человек без этих двух способностей не имел бы ни разумения, ни воли и таким образом не был бы человеком. В самом деле, у человека есть воля, потому что он может свободно желать, как бы сам собою, способность же свободно желать, как бы сам собою происходит от способности, постоянно даруемой Господом человеку, именуемой Свободою; и человек имеет разумение, потому что, как бы сам собою, он может понимать, соответствует или нет такая-то или другая вещь рассудку, а понимать, соответствует ли вещь рассудку или нет исходит от другой способности, постоянно даруемой человеку Господом, именуемой Рациональностью.

Эти способности сочетаются в человеке как Воля и Разумение; а именно потому, что человек может желать, он может также понимать, ибо желать не существует без понимать, понимание — его товарищ или его союзник, без которого он не может быть; вот почему со способностью, называемой свободой, дарована способность, называемая рациональностью; если от понимания отнимешь ты желание, то не поймешь ничего, и насколько ты желаешь, настолько ты можешь понимать, если только средства, называемые знаниями, суть налицо или одновременно открыты; ибо знания суть как орудия в руках рабочего.

Сказано: насколько желает, может понимать, то есть, насколько любит понимать, ибо воля и любовь — одно; то представляется, правда, парадоксом для тех, которые не любят понимать и не хотят затем, а кто не хочет, говорит, что не может; но в следующей главе будет сказано, кто не могущие понимать и, кто с трудом понимающие.

Без подтверждения очевидно, что если бы человек не имел Воли по способности, именуемой Свободой, и Разумения по способности, именуемой Рациональностью, то он бы не был человеком; животные не имеют способностей этих; представляется, что животные также могут желать и также могут понимать, но они не могут; это в них аффект природный, который, сам в себе, есть желанием со знанием, своей подругой, который их единственно влечет и заставляет делать то, что они делают; есть, правда, в знании их гражданственное и моральное, но они не выше этого знания, ибо в них нет духовного, которое дает сознавать нравственное и, следовательно, аналитически мыслить о нем; они, правда, могут быть научены чему-либо, но это лишь нечто природное, приданное к их знанию и, в то же время, к их чувству, и воспроизводимо зрением или слухом, но которое никогда не становится предметом мысли, а еще менее того рассудка; об этом предмете ***см. выше***

(74). Человек бы не мог, без этих двух способностей, быть сочетаем с Господом, ни, следовательно, преобразован и возрожден, что и было доказано выше; в самом деле, Господь обитает в этих двух способностях у людей, как у злых, так и у добрых, и посредством них сочетается с каждым человеком; отсюда происходит, что злой может так же понимать, как и добрый, и что в нем воля добра и разумения истины — в возможности, если же не в действии, то по злоупотреблению этими двумя способностями. Что Господь обитает в этих двух способностях у каждого человека, то по наитию воли Господней, в том, что Он желает быть принятым человеком, сотворить обитель у него и даровать ему благополучия жизни вечной; оное принадлежит воле Господней, ибо принадлежит его Божественной Любви. Воля Господня творит, что то, что человек мыслит, говорит, желает и делает кажется в нем как бы его.

Что наитие воли Господней соделывает оное, может быть подтверждено особенностями духовного Мира; ибо иногда Господь преисполняет Ангела своего Божественностью, так что Ангел не знает ничего иного, как то, что он — Господь; так были преисполнены Ангелы, виденные Авраамом, Агарью, Гедеоном, которые засим называли себя Иеговой и о которых говорится в Слове; так же дух может быть преисполнен другим духом до того, что он не знает ничего иного, как то, что он тот другой; это я видел очень часто; в Небе известно также, что Господь действует Волею и то, чего желает Он, — совершено.

По этим объяснениям очевидно, что Господь сочетается с человеком и соделывает, что человек взаимно сочетается с Ним. Но как человек, посредством этих двух способностей, взаимно сочетаем и, следовательно, а как он, посредством них, преобразован и возрожден, было сказано выше и будет говорено пространнее впоследствии.

Человек без этих двух способностей не имел бы ни бессмертия, ни жизни вечной; это следствие сказанного, что через них совершается сочетание с Господом и затем преобразование и возрождение. Через сочетание человек имеет бессмертие, а через преобразование и возрождение он имеет жизнь вечную; и так как через эти способности есть сочетание

Господа со всяким человеком, как злым, так и добрым, что было сказано, то потому всякий человек бессмертен, но жизнь вечная, то есть, жизнь неба только для человека, в котором есть взаимное сочетание от самых внутренних до последних. Из тех объяснений можно видеть причины, по которым Господь, во всей прогрессии Своего Божественного Провидения, сохраняет неприкосновенными и как святыми эти две способности в человеке.

97.VIII. Посему от Божественного Провидения дабы человек ***действовал*** в свободе, по рассудку. Действовать в свободе по рассудку ***и действовать*** по Свободе и Рациональности — одно и то же, далее, ***действовать*** по воле и по разумению — то же самое; но иное ***действовать*** в свободе по рассудку, или по свободе и рациональности, ***и действовать*** по настоящей свободе, по настоящему рассудку и в настоящей свободе и по настоящей рациональности; в самом деле, человек, делая зло по любви ко злу и подтверждая его в себе, действует, правда, в свободе, по рассудку, но, тем не менее, его свобода не есть самой в себе свободой, или настоящей свободой, но это адская свобода, которая, в самой себе, есть рабством; и рассудок его не есть самим в себе рассудком, но то рассудок побочный, или неправильный, или кажущийся таким от подтверждений; все же то и другое от

Божественного Провидения, ибо если бы свобода желать зло и как бы согласовывать его подтверждениями с рассудком была отнята от природного человека, то свобода и рациональность погибли бы, и, в то же время, воля и разумение: человек бы не мог быть отклоняем от зла, ни преобразован, ни, следовательно, сочетаем с Господом, ни жить в вечности; посему Господь сохраняет Свободу в человеке, как человек сохраняет зеницу своего ока. Но, тем не менее. Господь, посредством свободы, постоянно отклоняет человека от зол, и насколько может, отклоняет его посредством свободы, настолько же посредством свободы Он насаждает добро и таким образом, постепенно, вместо свободы адской вводит свободу небесную.

98. Было сказано выше, что человек имеет способность желать, называемую Свободой, и способность понимать, называемую Рациональностью; следует знать, что эти две способности как бы врождены человеку, ибо сама человечность в них; но, как было сказано, иное дело поступать в свободе по рассудку и иное дело поступать в настоящей свободе (ipsa libertas), по настоящему рассудку; только допустившие возродить себя Господом действуют в самой свободе, по самому рассудку; все другие поступают в свободе по мысли, которую они как бы согласуют с рассудком.

Тем не менее всякий человек, если только не родился идиотом или до крайности глупым, может достигать настоящего рассудка и, посредством него, настоящей свободы; но если не достигает, тому есть несколько причин, которые будут впоследствии открыты; здесь будет только сказано, кто те, у которых настоящая Свобода и в то же время настоящий Рассудок или настоящая Рациональность не могут существовать, и те, у которых с трудом они существовать могут.

Настоящая Свобода и настоящая Рациональность не могут существовать у идиотов по рождению, ни у тех, которые позднее стали идиотами, пока они идиоты. Свобода настоящая и Рациональность настоящая не могут также существовать у глупых и бессмысленных по рождению, ни у некоторых, ставших такими по отупению от праздности, или от горя, извратившего и совершенно замкнувшего внутреннее их духа, или от любви к низкой жизни.

Настоящая Свобода и настоящая Рациональность не могут также существовать в христианском Мире у тех, которые абсолютно отрицают Божественность Господа w святость Слова и удерживают в себе это отрицание подтвержденным до конца жизни, ибо под этим разумеется грех против Святого Духа, который не отпустится ни в этом веке, ни в грядущем **(Матф. XII, 31, 32).**

Настоящая Свобода и настоящая Рациональность не могут также существовать у тех, которые все относят к природе и ничего к Божественному и которые, посредством рассуждений, судя по видимым предметам, сделали оные предметом своей веры, ибо такие — атеисты. Настоящая Свобода и настоящая Рациональность могут с трудом существовать у сильно утвердившихся во лжи религиозной, ибо утверждающий ложь отрицает истину; но у не утвердившихся, к какой бы они религии не принадлежали, могут существовать; см. об этом сказанное в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании **(91-97).**

Младенцы и дети не могут достичь настоящей Свободы и настоящей Рациональности, прежде достижения юности, потому что внутреннее духа в человеке постепенно открывается; пока оно как семена в плоде незрелом, которые не могут произрастать в земле.

99. Было сказано, что настоящая Свобода и настоящая Рациональность не могут существовать у тех, которые отрицают Божественное Господа и святость Слова, ни у тех, которые утвердились за природу против Божественного, и что они с трудом могут существовать у тех, которые утвердились сильно во лжи религиозной; но, тем не менее, такие все не потеряли самих способностей: я слышал от атеистов, сделавшихся дьяволами и сатанами, что они понимали тайны мудрости так же хорошо, как и ангелы, но лишь тогда, когда их слышали в изложении других; но вернувшись в свои мысли, они их более не понимали; поэтому это было так, что они не желали, — но им показано было, что они могли бы даже желать, если бы любовь ко злу и затем ее неудовольствия их не отклоняли; услышав это, они тоже поняли и подтвердили, что могли бы, но не желают мочь, потому что таким образом не могли бы желать того, что желают, то есть зла, по удовольствию его вожделения; я часто слышал в Мире духовном такие поразительные вещи, и ими вполне убедился, что каждый человек имеет свободу и рациональность и может достигнуть настоящей свободы и настоящей рациональности, если избегает зол как грехов.

Но взрослый человек, не достигший в миру настоящей Свободы и настоящей Рациональности, не может никогда достичь и после смерти, ибо тогда состояние его жизни остается вечно таким, каким было в миру.

2

Закон Божественного Провидения,

что человек как бы сам собою

удаляет из человека внешнего зло как грехи;

и Господь может, только

таким способом, а не иначе,

удалять зло в человеке внутреннем и в то

же время во внешнем

100. Каждый по одному рассудку может видеть, что Господь, Который есть само Добро и сама Истина, не может войти к человеку, прежде чем зло и ложь не удалены, ибо зло противоположно добру, а ложь противоположна истине; две же противоположности не могут никогда смешаться, но когда одна приблизится к другой, то происходит борьба, продолжающаяся до тех пор, пока одна не уступит места другой, и тогда уступающая удаляется, а другая овладевает местом.

В такой оппозиции находятся Небо и ад, или Господь и дьявол: может ли кто-либо помыслить по рассудку, что Господь может войти туда, где царит дьявол, или что Небо может быть там, где ад?

Кто, по рациональности, дарованной каждому здравомыслящему человеку, не видит, что для того чтобы Господь вошел, надобно чтобы дьявол был изгнан, или для того, чтобы небо вошло, надобно чтобы ад был удален?

Эта противоположность разумеется под словами, обращенными с неба Авраамом к богачу в ад: "Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят" **(Лука, XVI, 26).**

Само зло есть адом, а само добро есть небом, или, что-то же, — само зло есть дьяволом и само добро есть Господом; и человек, в котором зло

царит, есть адом в самой малой форме, а человек, в котором царит добро, есть небом в самой малой форме. Раз это так, может ли небо войти в ад, ежели между ними утверждена пропасть, столь великая, что невозможно перейти из одного в другое? Из этого следует, что ад должен быть совершенно удален, для того чтобы Господь мог войти с небом.

101. Но множество людей, особенно утвердившихся в вере, отдельной от милосердия, не знают, что они в аду, когда пребывают во зле; они не знают даже, что такое зло, по той причине, что не мыслят вовсе о зле, говоря, что они все под игом закона и что таким образом закон не осуждает их; что так как они ни в чем не могут содействовать спасению, то и не могут удалить от себя никакого зла, что сверх того не могут делать сами собою никакого добра; это они, которые устраняют размышление о зле, и потому что устраняют это мыслить, они постоянно во зле. Что это их разумеет Господь под означением козлов (**Матф. XXV) 41-46 [32, 33]),** видно в Учении Нового Иерусалима о Вере (**61-68**).

О них сказано в стихе **41**: Идите от Меня проклятые в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его. Ибо не мыслящие вовсе о зле в себе, то есть, не исследующие себя и затем не отступающиеся от него, не могут знать, что такое зло, и тогда любят зло, по удовольствию, которое оно им доставляет; в самом деле, не знающий, что такое зло, любит зло, и устраняющий мысль о зле пребывает постоянно во зле; он как слепец, который не видит, ибо мысль видит добро и зло, как видит глаз красоту и безобразие; человек же обретается во зле, не только в то время, когда он мыслит и желает зло, но и тогда когда он верит, что зло не является перед Богом, и когда верит, что если оно является, то он прощен, ибо, таким образом, он мыслит, что он вне зла; если такие люди удерживаются делать зло, то удерживаются не потому, что это грех перед богом, но потому что боятся законов и потери доброго имени; все же они его делают в духе, ибо дух человека мыслит и желает; посему то,

что человек в миру мыслит в духе, он, по выходе из мира, творит, став духом. В Мире духовном, куда приходит каждый человек по смерти своей, не спрашивают кого-либо: "Какова была твоя вера?" ни: "Какова была твоя доктрина?", но: "Какова была твоя жизнь?" — следовательно, таков он или иной; ибо известно, что какова жизнь кого-либо, такова его вера и также такова его доктрина; ибо жизнь творит себе доктрину и творит себе веру.

102. По тому, что было сказано, можно видеть, что закон Божественного Провидения, дабы зло было удалено от человека, ибо если не удалено оно, то Господь не может сочетаться с человеком и привести его с Собою в Небо.

Но так как неизвестно, что человек должен как бы сам собою удалять зло в человеке внешнем, и если человек не делает того, как бы сам собою, то Господь не может удалить у него зло в человеке внутреннем, предмет этот, следовательно, представлен будет рассудку, на его свет, в таком порядке:

I. Каждый человек обладает Внешним и Внутренним мысли.

II. Внешние мысли человека в себе таковы, как Внутренние.

III. Внутреннее не может быть очищено ото зла, пока не удалено зло в человеке Внешнем, потому что оно препятствует.

IV. Зло в человеке Внешнем не может быть удалено Господом иначе, как посредством человека.

V. Человек должен как бы сам собою удалять из человека Внешнего зло.
VI. Тогда Господь очищает человека от вожделений зла в человеке Внутреннем и от самого зла в человеке Внешнем.

VII. Непрерывное действие Божественного Провидения Господа состоит в сочетании человека с Собою и Себя с человеком, дабы Он мог ему даровать благополучия жизни вечной, что возможно лишь настолько, насколько зло с его вожделениями удалено.

103. Каждый человек имеет Внешнее и Внутреннее мысли.

Под внешним и внутренним мысли здесь то же разумеется, что под человеком Внешним и человеком Внутренним, и под ними не разумеется ничто иное, как внешнее и внутреннее воли и разумения; ибо воля и разумение составляют человека, и так как эти два (начала) обнаруживаются в мыслях, то и сказано, что внешнее и внутреннее мысли. Теперь, так как не тело человека, но его дух желает, понимает и затем мыслит, то следует, что это внешнее и внутреннее есть внешним и внутренним духа человека. То, что исполняет тело словами или делами, есть только действие, происходящее от внешнего и внутреннего его духа, ибо тело есть одно послушание.

104. Что каждый совершеннолетний человек имеет внешнее и внутреннее мысли, следовательно, внешнее или внутреннее воли и разумения или внешнее и внутреннее духа, а это то же самое, что внешний и внутренний человек, очевидно для того, кто обращает внимание на мысли и намерения другого, по его словам, и поступкам, и также на свои, когда он в обществе, и когда нет; ибо человек может разговаривать дружески с другим по мысли внешней и между тем быть его врагом в мысли внутренней; человек может говорить о любви к ближнему и о любви к Богу по мысли внешней и, в то же время, по чувству этой мысли, когда между тем в своей внутренней мысли он не ставит ни во что и не боится Бога.

Человек может говорить также о справедливости гражданских законов и о добродетелях нравственных, о предметах учения и жизни духовной по внешней мысли и по внешнему чувству; и между тем, когда один с собою, говорит по мысли и по чувству внутренним против гражданских законов, против моральных добродетелей и против предметов доктрины и духовной жизни; так поступают обретающиеся в вожделениях зла, но не желающие показать этого перед святыми. Большинство также, слыша, как говорят другие, сказывают в себе: "Думают ли они внутренне так, как думают на словах? Верить им или нет? Каковы их намерения?"

Что у льстецов и лицемеров есть двойственная мысль, это достоверно; в самом деле, они могут удерживаться и наблюдать, чтобы внутренняя мысль не открывалась, а некоторые могут скрывать ее более и более внутренне и, так сказать, замыкают двери, чтобы не показывалась она.

Что человек обладает мыслию внешнею и мыслию внутреннею, это очевидно в том, что он может своею внутреннею мыслию видеть свою внешнюю мысль и также размышлять о ней и судить, дурна она или нет. Если таков дух человека, то потому что он получил две способности, идущие от Господа, Свободу и Рациональность; если бы не обладал он внешним и внутренним мысли, то он не мог бы этими способностями ни осознать, ни усмотреть в себе зла, ни быть преобразован, не мог бы даже говорить, а только издавал бы звуки, как животные.

105. Внутреннее мысли идет от жизненной любви и ее аффектов и от происходящих от них сознаний; внешнее мысли идет от содержимого в памяти, служащей жизненной любви как подтверждения и средства для цели. Человек с детства до юности пребывает во внешнем мысли по расположению к знанию, которое тогда составляет его внутреннее; тоже нечто пробивается от вожделения и, следовательно, склонности, происходящей от жизненной любви, родившейся с ним по его рождении, но впоследствии по тому, как он живет, образуется любовь его жизни, которой чувства и затем сознания составляют внутреннее его мысли, и из жизненной его любви образуется любовь сродства, которой удовольствия и, затем, знания, вызванные из памяти, составляют внешнее его мысли.

106. II. Внешнее мысли человека в себе такое же, как внутреннее. Что человек с головы до ног такой, какова *любовь* его жизни, было показано выше; здесь же будет нечто сказано о жизненной *любви* человека, потому что нельзя прежде этого сказать ничего о чувствах, которые вместе с сознаниями составляют внутреннее человека, ни об удовольствиях чувств, которые, вместе с мыслями, составляют внешнее человека.

Чувства *любви* существуют во множестве; но есть две *любви*, которые над ними как владыки и цари: это *Любовь* небесная и *Любовь* адская. *Любовь* небесная есть *любовь* к Господу и к ближнему, а *любовь* адская есть *любовь* к себе и к миру. Это *любови*, противоположные одна другой, как небо и ад; ибо пребывающий в *любви* к себе и к миру желает добра только себе, между тем как пребывающий в *любви* к Господу и к ближнему желает добра всем.

Эти две *любови* суть жизненными *любовями* человека, но с большим разнообразием. *Любовь* небесная есть жизненной *любовью* тех, кого ведет Господь, а *любовь* адская есть жизненной *любовью* тех, кого ведет

дьявол. Но *Любовь* жизни каждого не может существовать без производства (derivationes); производствами адской *любви* суть чувства зла и *лжи*, особенно похоти; производствами небесной *любви* суть чувства добра и истины, особенно почитания (dilectiones). Чувств адской *любви*, которые суть в особенности похотями, такое же множество, как и зол, и чувств небесной *любви*, которые суть в особенности почитания, в таком же множестве, как и благ.

Любовь живет в этих чувствах, как владыка в своем владении или как царь в своем государстве; владение или государство той и другой *любви* основаны на присущем духу, то есть воле и разумению и затем телу. Жизненная *любовь* человека со своими чувствами и происходящими от них сознаниями и со своими удовольствиями и вытекающими от них мыслями управляет всем человеком. Внутреннее — его чувствами и сознаниями, а Внешнее — его удовольствиями чувств и вытекающими от них мыслями.

107. Форма правления может быть в некотором роде видима по сравнениям: Любовь небесная с чувствами добра и истины и с происходящими от них сознаниями, в то же время с удовольствиями этих чувств и вытекающими от них мыслями, может быть уподоблена дереву, замечательному своими ветвями, своими листьями и своими плодами; жизненная любовь есть этим деревом, ветви с листьями суть чувствами добра и истины с их сознаниями,

а плоды суть удовольствиями чувств с их мыслями. Но адская Любовь со своими чувствами зла и лжи, которые суть похотями и с вытекающими от них мыслями, может быть уподоблена пауку и его паутине; сама любовь — пауку; вожделения зла и лжи с внутренним коварством суть нити в форме сети, ближайшие к поместилищу паука; удовольствия этих вожделений с хитрыми злоумышлениями суть более отдаленные нити, в которых летающие мухи ловятся, запутываются и поедаются.

108. По этим сравнениям можно, правда, видеть сочетания всего, воли и разумения или духа человека и его жизненной любви, но не рационально. Это сочетание может быть видимо рационально таким образом: всегда есть три вещи, составляющие одно — цель, причина и явление; жизненная любовь есть цель, чувства с их сознаниями суть причина, а удовольствия с их мыслями суть явления; ибо как цель владеет средствами в явлении, так любовь, посредством чувств, владеет в удовольствиях, и посредством сознаний, в мысли; самые явления суть в удовольствиях духа и в мыслях этих удовольствий, когда удовольствия принадлежат воле, а мысли разумению, и, таким образом, есть полное согласие; тогда эти явления его духа, и если они не входят в действия тела, то они тем не менее в действии, когда есть согласие; они тогда одновременно в теле, и во всем живут с любовью его жизни и стремятся в действие, которое совершается, если не препятствует ничто; таковы вожделения зла и самое зло в тех, которые в духе своем считают зло позволительным.

Теперь, так же, как цель сочетается с причиною и, по причине, с явлением, жизненная любовь сочетается с внутренним мысли и по внутреннему с внешним; отсюда очевидно, что внешнее мысли человека так же в себе, как его внутреннее, ибо цель полагает все свое в причину, и через причину в явление, потому что в явлении единственно существенное то, что есть в причине и, по причине, в цели, и потому что цель, таким образом, есть самое существенное, что входит в причину и явление, почему причина и явление и называются целью предшествующею и последнею целью.

109. Часто кажется, что Внешнее мысли человека не такое в себе, как Внутреннее; но это потому, что жизненная любовь со своими внутренними, окружающими ее, помещает под собою Наместника, называемого Любовью Средств, и приказывает ему остерегаться и наблюдать, дабы ничто из ее вожделений не показывалось.

Этот Наместник, по лукавству своего господина, который есть жизненною любовью, говорит и поступает по гражданственным учреждениям Государства, нравственного рассудка и по духовным предметам Церкви, и у некоторых с таким лукавством и ловкостью, что никто не видит, что они не таковы, как говорят и поступают и, даже, вследствие такого притворства, они едва знают сами, что иные они; таковы все лицемеры, таковы священники, ставящие ни во что ближнего и не боящиеся Бога, а между тем проповедующие о любви к ближнему и любви к Богу; таковы судьи, судящие из-за даров и дружбы и, в то же время, представляющиеся усердными в справедливости и говорящие о суде по рассудку; таковы купцы неискренние в сердце и обманщики, когда поступают чистосердечно ввиду барыша; и таковы прелюбодеи, когда по рациональности, которой пользуется каждый человек, они говорят о целомудрии супружества, и тому подобное. Но когда эти самые люди снимают с Любви средств — этого Наместника их жизненной любви, — одежды из пурпура и тонкого батиста, которыми они окрыли его, и надевают на него домашнее платье, тогда совершенно противное мыслят они и часто по мысли говорят интимным друзьям, пребывающим в подобной же жизненной любви.

Можно подумать, что когда по любви средств они говорили с такой справедливостью, искренностью и благочестием, то качества внутреннего мысли не было во внешнем их мысли, но, тем не менее, оно было: это в них лицемерие, это в них любовь к себе и к миру, которой лукавство в том, чтобы сделать себе репутацию, ввиду почета и наживы, до последней видимости; то же качество Внутреннего их мысли пребывает во Внешнем по мысли, когда они говорят и поступают таким образом.

110. Но у тех, которые в Небесной *Любви*, Внутреннее и Внешнее мысли или Внутренний человек и Внешний человек составляют одно, когда они высказываются, и разницы они не знают; их жизненная *любовь* со своими чувствами добра и сознаниями истины есть как бы душою того, что они мыслят и затем говорят, и делают; если они священники, то проповедуют по *любви* к ближнему и по *любви* к Господу, если они судьи, то судят по сущей справедливости; если негоцианты, то действуют по сущей искренности; если женаты, то *любят* супругу по самому целомудрию, и так в остальном.

Их жизненная *Любовь* тоже имеет Посредника — *Любовь* средств, которого они наставляют и направляют действовать благоразумно и одевают его одеждою усердия в истинном учения и, в то же время, к добру жизни.

111. III. Внутреннее не может быть очищено от вожделений зла, пока зло в человеке Внешнем не было удалено, потому что оно препятствует. Из того, что было сказано выше, следует, что внешнее мысли человека в себе таково, как внутреннее мысли, и что они в связи между собою, как две вещи, из которых одна не только внутреннее в другой, но и исходит из другой; посему одно не может быть отнято без того, чтобы и другое не было отнято в то же время; так происходит со всяким внешним, исходящим из внутреннего, со всяким последующим, исходящим из предыдущего, и со всяким явлением, исходящим из причины. Теперь, так как вожделения, в товариществе с лукавствами, составляют у злых внутреннее мысли, а удовольствия вожделений вместе с злоумышлениями составляют у них внешнее мысли — то и другое, соединенное в одно, то следует, что внутреннее не может быть очищено от вожделений, пока зло в человеке внешнем не удалено.

Надобно знать, что внутренняя воля человека в вожделениях и внутреннее разумение в лукавстве, и что его внешняя воля в удовольствиях вожделений и его внешнее разумение в злоумышлениях, происходящих от лукавства; каждый может видеть, что вожделения и их удовольствия составляют одно, и что лукавство и его злоумышления также составляют одно; и эти четыре вещи в одной серии

и составляют вместе как бы один пучок; поэтому еще очевидно, что внутреннее, состоящее из вожделений, не может быть отброшено, иначе как удалением внешнего, состоящего во зле. Вожделения своими удовольствиями производят зло, но когда зло считается позволительным, что происходит при согласии воли с разумением, то удовольствия и зло составляют одно; что согласие есть самим деянием — достоверно, и это говорит Господь: "Если кто взглянет на жену другого с вожделением, то уже совершил прелюбодеяние с нею в сердце своем" (**Матф., V, 28**). То же самое с другим злом.

112. Посему можно видеть, что для того, чтобы человек был очищен от вожделений зла, надобно, чтобы зло было совершенно удалено из внешнего человека, ибо ранее нет выхода для вожделений, а если выхода нет, то вожделения остаются внутри, создают из себя самих удовольствия и принуждают человека к согласию, следовательно, к деянию: вожделения входят в тело по внешнему в нем, и если есть согласие во внешнем с ними, то они сразу в теле; ощущаемое удовольствие там; что каков дух, таково тело, и таким образом таков весь человек, видно в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости **(362-370).** Это может быть доказано сравнениями и примерами тоже.

Сравнениями: вожделения с их удовольствиями могут быть уподоблены огню; чем более огонь поддерживается, тем менее вспыхивает, и чем свободнее его порывы, тем более он распространяется до уничтожения в городе домов и в лесу деревьев; вожделения зла и уподоблены огню в Слове, а зло вожделений — пожару; вожделения зла с их удовольствиями представляются также огнями в мире духовном, адский огонь есть ничто другое. Они могут быть также уподоблены потопам и наводнениям, когда разрушены оплоты и плотины. Они могут быть также уподоблены гангрене и нарывам, которые приносят телу смерть, по мере того как распространяются, или если не заботятся об их уврачевании.

Примерами: весьма очевидно, что если в человеке внешнем зло не удалено, то вожделения с их удовольствиями растут и изобилуют; чем более вор ворует, тем более он желает воровать, до того, наконец, что не может удержаться: то же самое с обманщиком, по мере того как обманывает он; опять то же относительно ненависти и мести, сладострастия и неумеренности, прелюбодеяния и богохульства.

Что любовь владычествовать по любви к себе возрастает по мере того, как узда отпущена, — известно это; то же самое с любовью обладать богатствами по любви к миру; кажется, что для той и другой любви нет ни пределов, ни конца. Из того очевидно, что насколько зло не удалено в человеке внешнем, настолько вожделения зла изобилуют, и что вожделения возрастают в той же мере, как узда отпущена злу.

113. Человек не может сознавать вожделений своего зла; он, правда, сознает их удовольствия, но мало размышляет о нем, ибо удовольствия веселят мысли и отгоняют размышления; если бы со стороны не знал он, что это зло, то назвал бы его добром и совершал бы в свободе, по рассудку своей мысли; поступая так, он себе их присваивает: насколько признает он позволительными их, настолько увеличивает двор царящей любви, которая есть его жизненная любовь: вожделения образуют двор той любви, ибо они как ее министры и сателлиты, посредством которых она управляет внешними, составляющими ее царство: если царь — дьявол, то его министры и сателлиты — безумства, а подданные его царства — неправды всякого рода, которых министры, называемые мудрецами, хотя они безумны, заставляют казаться истинами и признаваемыми быть за истины, с помощью рассуждений, извлеченных из иллюзий и с помощью фантазий.

Разве состояние такое человека может быть изменено иначе, как удалением зла в человеке внешнем? Таким даже образом удаляются вожделения, связанные со злом; иначе нет выхода для вожделений, ибо они замкнуты, как осажденный город или как затянутый нарыв.

114. IV. Зло в человеке Внешнем не может быть удалено Господом иначе, как посредством человека. Во всех христианских Церквях было принято пунктом доктрины, что человек, приступая к Святому Причастию, должен исследовать себя, увидеть и признать свои грехи и покаяться, отрекаясь от них и отвергая их, потому что они от дьявола, и что иначе грехи не отпускаются ему и он осужден. Англичане, хотя стоят они за доктрину отдельной веры, но проповедуют открыто в молитве перед Святым Причастием исследование, признание грехов, покаяние, раскаяние и обновление жизни и угрожают тем, кто этого не делает, говоря, что в таком случае дьявол войдет в них, как в Иуду, наполнит их всяким нечестным и пагубным их душу и тело.

Немцы, шведы и датчане, которые также в доктрине одной веры, поучают тому же самому в момент перед Святым Причащением, даже с угрозою, что если поступят иначе, то подвергнут себя адским карам и вечному осуждению за смешение святого со скверной.

Эти угрозы производятся громко священниками перед теми, кто должен приступать к Тайной вечере и услышаны бывают ими с полным признанием, что это так. Между тем, те же самые личности, слушая в тот же день проповедь об одной вере и мнение, что Закон не осуждает, ибо Господь его исполнил за них, что сами собою они не могут сделать добра, которое бы не было ради заслуги, что, таким образом, добрые дела в себе не имеют ничего спасительного, но что спасает одна вера, возвращаются домой совершенно позабыв прежнюю проповедь и отбросив ее, насколько размышляют они по проповеди об одной вере.

Теперь из этих двух учений, которое вернее. Две вещи, противоположные одна другой, не могут быть истинами: или без исследования, без знания, без признания, без исповедания, без отречения от грехов, следовательно, без покаяния нет отпущения грехов и, следовательно, спасения, а вечное осуждение, или же такие действия ни в чем не способствуют спасению, потому что Господь крестною страстию вполне удовлетворил за все грехи людские в пользу тех, которые в вере, и пребывающие в одной вере, с убеждением, что это так, и с доверием на вменение заслуги Господней,

суть без грехов и представляются перед Богом как бы с омытым и блестящим лицем.

Из этого весьма очевидно, что общее верование всех Церквей в христианском мире есть такое, что человек должен себя исследовать, видеть и признать свои грехи и затем от них удерживаться, и что иначе нет спасения, но осуждение. Что в этом тоже божественная истина, ясно видно из Слова, по местам, где повелевается человеку покаяние, например, по следующим: Иисус сказал: "Сотворите достойные плоды покаяния; уже секира при кроне дерева лежит; всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубят и бросят в огонь" (**Лука, III, 8, 9**).

"Если не покаетесь, все погибнете" (**Лука, XIII, 3, 5**). Иисус проповедывал Евангелие царствия Божия, — "Покайтесь и веруйте в Евангелие" (Марк, I, 14, 15). Иисус послал учеников своих и, пойдя, они проповедывали покаяние (Марк, VI, 12). Иисус сказал Апостолам, что надлежало проповедану быть Покаянию и отпущению грехов во всех народах (**Лука, XXIV, 47).** Иоанн проповедовал крещение Покаяния для оставления грехов (**Марк, I, 4; Лука, III, 3**). Подумай также об этом по какому-либо разумению, и если в тебе религия, то увидишь, что покаяние в грехах есть дорогой, ведущей к небу, а вера, отдельная от покаяния, не есть верою, и что те, кто не верят, потому что они не каются, суть на дороге, ведущей в ад.

115. Те, которые в вере, отдельной от милосердия, и убедились поизречению Павла Римлянам, что человек спасен верою без дел закона (**III, 28**), чтят это изречение как солнце, почему и становятся подобны тем, которые с усилием устремляют глаза на солнце, от чего их ослепленное зрение ничего не замечает среди света; в самом деле, они не видят, что подразумевается в этих местах под делами закона, а именно обряды, описанные Моисеем в своих Книгах, которые везде названы Законом, но не Заповеди; таким образом из опасения, дабы не подразумевали Заповедей, объясняет он это место, говоря: "Уничтожаем ли мы Закон верою? Никак, но утверждаем закон".

Утвердившиеся по этому изречению в отдельной вере, устремляя взгляды на это изречение, как на солнце, не видят также, что когда Павел исчисляет Законы веры, то это сущие законы милосердия. Что есть вера без этих законов? Они не видят также места, где исчисляет он злые дела, говоря, что совершающие зло не могут войти в небо. Поэтому видно, какое затмение введено одним этим местом, дурно понятым.

116. Что зло в человеке Внешнем не может быть удалено иначе, как посредством человека, потому что это от Божественного Промысла, дабы все, что человек слышит, видит, мыслит, желает, произносит и делает, казалось ему совершенно как от него; что без этой видимости не было бы для человека никакого восприятия Божественной Истины, никакого побуждения делать добро, никакого усвоения любви и мудрости или милосердия и веры, никакого затем сочетания с Господом, следовательно, никакого преобразования, никакого возрождения и, таким образом, никакого спасения, было показано выше (**71-95 и след**.).

Очевидно, что без этой видимости не может быть ни покаяния в грехах, ни даже веры; также далее, что человек без этой видимости не человек, но лишенный рациональной жизни, он подобен животному; вопроси, если желаешь, свой рассудок, представляется ли иначе, чем как так, что человек мыслит по себе самому о добре и об истине как духовной, так гражданской и нравственной, и тогда восприми доктрину, что всякое добро и всякая истина от Господа, и никакого нет добра, никакой нет истины от человека, не признаешь ли ты за следствие, что человек должен делать добро и мыслить истину, как бы по себе самому, но тем не менее признавать, что оное по Господу, следовательно, удалять также зло, как бы сам собою, но тем не менее признавать, что это делает по Господу.

117. Многие не знают, что они во зле, потому что не совершают его во внешних, боясь законов государственных, так же, как потери доброго имени, и таким образом привыкают избегать зол как вредящих их выгодам; но если не избегают они зол по принципу религиозному, потому что это грехи и против Бога, то вожделения зла с их удовольствиями остаются в них, как нечистые воды, замкнутые или стоячие; пусть исследуют они мысли свои и свои намерения, и они найдут их такими, если только знают, что такое грех.

Таковы во множестве утвердившиеся в вере, отдельной от милосердия; веруя, что Закон не осуждает, они даже не обращают внимания на грехи, и некоторые сомневаются, есть ли грех, и думают, что, если есть, так-то не грех перед Богом, потому что они прощены.

Таковы те природные моралисты, верящие, что жизнь гражданственная и нравственная с ее предусмотрительностью производит все, а Божественное Провидение ничего не производит. Таковы заботливо ищущие репутации честности и искренности ради почета и наживы. Но кто таков, и в то же время презирает религию, становится он по смерти духом вожделения; такие духи представляются себе людьми, но издали, другим, — приапами, и видят в темноте, а не в свете, как совы.

118. Из предыдущего следует теперь подтверждение пункта V, а именно: что человек должен как бы сам собою удалять из человека Внешнего зло. Это тоже было пояснено в трех главах Учения Жизни для Нового Иерусалима, а именно в первой, что никто не может избегать грехов, до степени внутреннего отвращения к ним, иначе как посредством борьбы против них (**92-100);** во второй, что человек должен избегать грехов и бороться против них как бы сам собою (**101-107**); в третьей, что если кто-либо избегает грехов по другому поводу, чем тот, что они грехи, то их не избегает, а только делает, что они не показываются перед светом (**108-113**)

119. VI. Тогда Господь очищает человека от вожделений зла в человеке Внутреннем и от самого зла в человеке Внешнем. Если Господь очищает человека от вожделений зла тогда, когда человек удаляет зло как бы сам собою, то потому, что Господь не может ранее очистить его, ибо зло в человеке внешнем, и вожделения зла в человеке внутреннем, и они совокупны между собою как корень со стволом; если же зло не удалено, то нет и отверстия, ибо зло препятствует; оно запирает дверь, которая не может быть отперта Господом иначе, как посредством человека, как было сказано. Когда таким образом человек отворяет дверь как бы сам собою, то Господь в то же время искореняет вожделения.

Это также потому, что Господь действует в сокровенном человека, а через сокровенное в последующих до последних, и человек обретается, в то же время, в последних; посему пока последние удерживаются запертыми самим человеком, то никакое очищение не может быть соделываемо Господом; но лишь во внутренних совершается Господом действие, такое же, как действие Господнее в аду, которого человек, пребывающий в вожделениях и в то же время во зле, есть формой, действие, которое лишь есть распределением, дабы одно не уничтожило другое, и дабы добро и истина небыли нарушены. Что Господь понуждает и настаивает постоянно, дабы ему человек отпер дверь, ясно видно из слов Господних в Апокалипсисе: "Се стою у двери и стучу, если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, а он со Мною" (**III, 20**).

120. Человек не знает ничего о состоянии внутреннего своего духа или своего внутреннего человека, между тем как есть бесконечно много вещей, из которых ни одна не доходит до его знания; ибо Внутреннее мысли человека, или его Внутренний человек, есть его самый дух, и в этом духе вещей до бесконечности или столь же бесчисленных, как в теле человека, даже бесчисленнее еще, ибо дух человека, по своей форме, есть человек, и в духе все соответствует всему человека в теле.

Теперь, так как человек ни по какому ощущению не знает, как его дух или душа действуют за раз, и, в частности, во всем его тела, то человек не знает также как действует Господь во всем его духовного начала или его души, то есть во всем его духа: действие непрерывно; человек вовсе не участвует в них, но тем не менее Господь не может очистить человека ни от какого вожделения зла в духе его или в его внутреннем человеке, покуда человек удерживает внешнее запертым; человек удерживает свое внешнее запертым злами, из которых каждое ему представляется единичным, хотя зол в каждом зле бесконечное число; когда человек удаляет одно из этих зол как единичное, то Господь удаляет бесчисленные зла, которые в этом одном.

Оное подразумевается тем, что тогда Господь очищает человека от вожделений в человеке внутреннем и от самих зол в человеке внешнем.

121. Множество людей воображает, что очищает человека от зол только вера в то, чему поучает Церковь, а некоторые воображают, что это добрые дела, иные — что это знание и речи о предметах Церкви и поучения им; опять иные — что это чтение Слова и книг благочестия; другие — что это посещение храмов, слушание проповеди и, главное, преступление к Святой Вечере; еще другие — что-то отказ от мира и предание себя благочестию, и некоторые — что это признания себя виновными во всех грехах и так далее. Но тем не менее все это не очищает человека, если только не исследует он себя, не увидит грехов своих, не признает их, не осудит себя из-за них, и не покается, отрекаясь от них; и все это он должен делать как бы сам собою, но признавая сердцем, что это по Господу.

Прежде чем не сделано это, все вышеприведенное ни к чему не служит, ибо все оно — заслуги ради, либо из лицемерия, и такого рода люди представляются в небе перед ангелами, как красивые проститутки, испорченность которых распространяет смрадный запах, или как безобразные женщины, украшающие себя румянами, или как лицедеи и фигляры в театре, или как обезьяны в платье людском.

Но когда зло удалено, то внешние пустые действия становятся деяниями любви, и творящие их представляются в небе, перед ангелами, прекрасными человеками и как бы их товарищами и союзниками.

122. Но надобно хорошо знать, что человек, дабы покаяться, должен обращать взоры к одному Господу; если он их обращает к одному Богу Отцу, то он не может быть очищен, не может быть также очищен, если к Отцу ради Сына, или к Сыну как Человеку лишь; в самом деле, есть один только Бог, и Господь есть этим Богом, Его Божественность и Человечность есть одно Лице, как было показано в Учении Нового Иерусалима о Господе.

Дабы всякий человек, который должен каяться, обращал взоры к одному Господу, Господь установил Таинство Евхаристии, которое утверждает оставление грехов у покаявшихся, утверждает оно потому, что в этом Таинстве Причащения каждый обязательно обращает взоры к одному Господу.

123. VII. Непрерывное действие Божественного Провидения Господа состоит в сочетании человека с Собою и Себя с человеком, для возможности дать ему благополучия жизни вечной, что не может быть сделано иначе, как по мере того, как удалено зло со своими вожделениями.

Непрерывное действие Божественного Провидения Господа состоит в сочетании человека с Собою и Себя с человеком, а это сочетание называется преобразованием и возрождением, вследствие чего — спасение для человека, как было показано выше (**27-45**). Кто не видит, что сочетание с Богом есть жизнь вечная и спасение?

Это видит всякий верующий в то, что люди от создания суть образом и подобием Бога, Бытие (**I, 26, 27**), и знающий, что такое образ и подобие Бога.

Какой человек со здравым рассудком, мысля по рациональности и желая мыслить в свободе, может поверить, что есть три Бога, равные по сущности, и что Божественное Бытие или Божественная Сущность может быть разделена?

Что Троица в одном Боге, может быть обмыслено и понято, как понято, что в ангеле и человеке есть душа и тело, и исходящее жизни, посредством души и посредством тела; и так как эта Троица может быть только в Господе, следовательно, и сочетание должно быть с Господом.

Употреби в действие рациональность и, в то же время, свободу мыслить, и ты увидишь эту истину в ее свете, но прежде того допусти, что есть Бог, что есть небо и что есть жизнь вечная.

Теперь, потому что есть один Бог, и человек соделан от создания образом и подобием Бога, и потому что по адской любви и по вожделениям этой любви, и по удовольствиям этих вожделений, человек вошел в любовь всех зол и затем уничтожил в себе образ и подобие Божие, явствует, что непрерывное действие Божественного Провидения Господа состоит в сочетании человека с Собою и Себя с человеком и в соделании того, дабы он стал Его образом; что это все

ради возможности Господа дать человеку благополучия жизни вечной, следует опять из того, что такова Божественная *Л*юбовь: но что

Он не может их дать ему, ни сделать его своим образом, если только человек не удаляет само собою грехов в человеке внешнем, то потому, что Господь не только Божественная *Л*юбовь, но и Божественная Мудрость, и что Божественная *Л*юбовь ничего не соделывает иначе, как по Божественной Мудрости и посредством нее, что человек не может быть сочетаем с Господом и таким образом преобразован, возрожден и спасен, если только не дозволено ему поступать в свободе, по рассудку, ибо через это человек есть человеком, это по Божественной Мудрости Господа, и все, что по Божественной Мудрости Господней, также принадлежит Его Божественному Провидению.

К сказанному я прибавлю две тайны Ангельской Мудрости, по которым можно видеть, каково Божественное Провидение; первая — то, что Господь не действует в человеке никогда ни в какой частности отдельно, не действуя в то же время во всем; второе — что Господь действует сокровеннейшими и последний одновременно.

1. Господь никогда не действует в человеке ни в какой частности отдельно, не действуя в то же время во всем человеке, потому что все человека в таком сцеплении и через сцепление в такой форме, что это все действует не как несколько, а как одно; что человек относительно тела в таком сцеплении и через сцепление в такой форме — известно; Дух человеческий (Mens humana) в такой же форме, по связи всего, что его составляет, ибо Дух есть духовный человек и есть в сущности человеком; из того явствует, что дух (spirit) человека, который есть духовным началом (Mens) в теле, есть человеком во всей своей форме, и также человек по смерти одинаково человек, как и в миру, с единственной развей, что он отбросил бренные останки, составлявшие в миру его тело.

Теперь, потому что человечья форма такова, что все части составляют общее, действующее как одно, то явствует, что одна часть не может быть сдвинута с места, ни изменена относительно состояния, иначе как с согласия всех прочих, ибо если бы одна была сдвинута с места или изменена по состоянию, то форма, действующая как одно, потерялась бы.

Из этого обидно, что Господь никогда не действует ни в какой части отдельно, не действуя в то же время во всем; так действует Господь в целом ангельском небе, ибо целое ангельское небо в очах Господа как один Человек; точно так же действует Господь в каждом ангеле, ибо каждый ангел есть небом в самой малой форме; так же еще Он действует в каждом человеке, ближе, во всех особенностях его духа и, посредством их, во всём его теле, ибо дух (Mens) человека есть его душа (spirit) и, по сочетанию с Господом, есть ангелом, а тело есть послушание.

Но следует хорошо заметить, что Господь действует особенно и даже исключительно в каждой частности человека, но, в то же время, посредством всего его формы, и не изменяя, тем не менее, состояния ни одной части, или ничего в частности, разве только соответственно всей форме; о предмете этом будет сказано более впоследствии, когда покажется, что Божественное Провидение общее, ибо оно в частностях, и что оно частное, ибо оно в общем.

2. Господь действует сокровеннейшими и последними в одно и то же время, потому что так, а не иначе все и каждое содержится в сцеплении, ибо посредствующие зависят от интимных, постепенно до последнего, и в последних совокупны они; в самом деле, в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, третья часть, было показано, что в последнем — сборное (simultanelius) всего, начиная от первых.

Даже поэтому Господь всей вечности, или Иегова пришел в мир, облек и принял на Себя Человечность в-последних, дабы быть первыми одновременно в-последних, и таким образом, от первых, посредством последних, управлять целым миром и спасти людей, который Он может спасти по Законам своего Божественного Провидения, сущим тоже Законами Его Божественной Мудрости. Оное и было известно в Мире христианском, а именно, что ни один смертный не мог бы спастись, если бы Господь не пришел в мир; см. об этом предмете в Учении Нового Иерусалима о Вере **(35).** Отсюда происходит, что Господь называется Первым и Последним.

125. Эти ангельские Тайны были даны предварительно для того, дабы возможно было понять, как Божественное Провидение Господа действует на сочетание человека с собой и Себя с человеком; это действие не совершается отдельно ни в какой частности человека, не совершаясь в то же время во всех: и оно совершается посредством сокровенных человека и его последних одновременно: сокровенным человека есть его жизненная Любовь, последнее есть то, что во внешнем его мысли; каковы эти вещи у злого человека, — было показано в предыдущем. Отсюда снова очевидно, что Господь не может действовать сокровенными и последними одновременно, иначе как с человеком, ибо человек с Господом в последних; так как действует человек в-последних, зависящих от его произвола, ибо они в его свободной воле, и Господь действует сокровенными человека в последующих до последних. То, что есть в интимном человека и в последующих от интимных до последних, абсолютно неведомо человеку, потому не знает совершенно человек, каким образом

Господь ими действует и что в них совершает; но так как это первое совокупимо с последним в одно, явствует, что нет необходимости, дабы человек знал

что-либо иное, кроме того, что он должен избегать зол как грехов и обращать к Господу взоры. Так, а не иначе, его жизненная любовь — адская от рождения, может быть Господом удалена, и вместо нее может быть насаждена любовь жизни небесной.

126. Когда любовь жизни небесной насаждена Господом вместо любви жизни адской, то влечения к добру и к истине насаждены вместо вожделений зла и лжи, а добро любви небесной насаждено вместо зла адской любви; тогда предусмотрительность насаждена вместо лукавства и мысли мудрости вместо хитрых мыслей, таким образом человек вторично возрожден и становится новым. Каково добро, заменяющее зло, видно в Учении Жизни для Нового Иерусалима (**67-73, 74-79, 80-86, 87-91**). Там же видно, что насколько человек бежит и отвращается от зол, как от грехов, настолько он любит истины мудрости (**32-41**), затем настолько он имеет веру и духовен (**42-52**).

127. Что общее верование во всем христианстве такое, дабы человек исследовал себя, увидел свои грехи, признал их, покаялся перед Богом и отрекся от них, и что в том покаянии отпущение грехов и затем спасение, было выше показано по молитвам перед Святым Причащением, во всех Церквях Христианских. Это же можно видеть по так называемой вере Афанасия, принятой тоже во всем христианстве, где в конце суть слова:

"Господь придет судить живых и мертвых; в Его пришествие сотворившие добрые дела войдут в жизнь вечную, а сотворившие злые в огонь вечный".

128. Кто не знает по Слову; что каждый по смерти получает в удел жизнь сообразно своим деяниям. Открой Св. Писание, прочитай, и ты увидишь ясно, но удали тогда мысли касательно веры и оправдания посредством ее одной Господь поучает этому везде в Слове; в свидетельство приведу эти немногие места "Всякое дерево, не приносящее доброго плода, будет срублено и брошено в огонь; и так по их плодам узнаете их" (**Матф. VII, 19, 20**).

"Многие мне скажут в этот день: Господи, Господи, не Твоим ли Именем мы пророчествовали? И не в Твоем ли Имени много чудес сотворили мы? Но тогда Я им скажу открыто: Я никогда не знал вас, отойдите от меня, делающие беззаконие" (**Матф. VII, 22, 23**).

"Всякого слушающего слова Мои сии 14 исполняющего их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке" (**Матф. VII, 24, 26, Лука, VI, 46-49**).

"Приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего и тогда воздаст каждому по его делам" **(Матф. XVI, 27**). "Царство Божие отнимется от вас и дано будет народу, приносящему ему плоды его" (**Матф. XXI, 43**). Иисус сказал: "Матерь Моя и братья Мои — это слушающие Слово Божие и исполняющие его" (**Лука, VIII, 21**). "Тогда вы станете стоять вне и стучать з дверь, Он вам скажет:

отойдите от Меня, делатели беззакония" (**Лука, XIII, 25, 27**). "Творившие добро изыдут в воскресение жизни, а творившие зло в воскресение суда".

Иоанн, V, "Мы знаем, что грешников Господь не слушает, ко если кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает".

(Иоанн, IX, 31). "Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете" (**Иоанн, XIII, 17**). "Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня, и Я возлюблю его, и приду к нему, и обитель у него сотворю" (**Иоанн, XIV, 15, 21-24**). "Вы — друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам.

Я вас избрал, дабы плод приносили вы и дабы ваш плод пребывал" (**Иоанн, XV, 14, 16**). Господь сказал Иоанну: "Ангелу Эфесской Церкви напиши: знаю дела твои; имею против тебя, что ты оставил первое милосердие твое.

Покайся и твори прежние дела твои, иначе сдвину светильник твой с его места" (**Апок. II, 1, 2, 45**). "Ангелу Смирнской Церкви напиши: знаю твои дела" (**Апок. II, 8, 9**). "Ангелу Пергамской Церкви напиши: знаю твои дела. Покайся" (**Апок. II, 12, 13, 16**). "Ангелу Тиатирской Церкви напиши: знаю твои дела, и твое милосердие, и твои дела последние более многочисленны, чем первые" (**Апок. II, 18, 19**). "Ангелу Сардийской Церкви напиши: знаю дела твои, что ты имеешь имя быть живым, но ты мертв. Я не нашел твои дела совершенными перед Богом. Покайся" (**Апок. Ill, 1, 2, 3**). "Ангелу филадельфийской Церкви напиши: знаю твои дела" (**Апок. Ill, 7, 8**). "Ангелу Лоокадикейской Церкви напиши; знаю дела твои. Покайся" (**Апок. Ill, 14, 15, 19**). "Я услышал голос с неба говоривший: блаженны мертвые, умирающие в Господе; дела их следуют за ними" (**Апок. XIV, 13**). "Книга была раскрыта, которая есть Книга жизни, и судимы были мертвые все по их делам" (**Апок. XX, 12, 13**). "Се гряду скоро, и награда Моя со Мною, дабы воздал Я каждому по его делам" (**Апок. XXII, 12**).

Эти места в Новом Завете, их еще больше в Ветхом Завете; приведу лишь следующие: "Стань у двери дома Иеговы и там возвести это слово: Так сказал Иегова Саваоф, Бог Израиля:

Соделайте добрыми ваши пути и ваши дела; не доверяйтесь словам лжи, говоря: Храм Иеговы, Храм Иеговы, Храм Иеговы здесь; разве похищая, убивая, прелюбодействуя и лжесвидетельствуя, вы придете потом и станете передо Мною, в этом Доме, на котором названо Мое Имя и скажете: Мы избавлены, тогда как вы творите эти мерзкие дела.

Разве пещерой воров стал этот Дом? и также Я, вот Я видел; слово Иеговы" (Иеремия, **VII, 2, 3, 4, 9, 10, 11**).

3

Закон Божественного Провидения,

дабы человек не был внешними средствами понуждаем мыслить

и желать,

и любить присущее религии,

но дабы человек сам стремился к этому и иногда себя понуждал

129. Этот Закон Божественного Провидения есть следствием двух предыдущих законов, которые в том, дабы человек действовал в свободе, по рассудку **(71-99**) и дабы действовал он сам собою, хотя по Господу, таким образом, как бы сам собою (**100-128**). Так как быть понуждаему — это действовать не в свободе по рассудку и не самим собою, но по неволе и по воле другого, то оттого Закон этот Божественного Провидения идет в порядке, после двух предыдущих.

Каждый знает, что никто не может быть принужден думать, чего он не хочет думать, и желать, чего он думает не желать, ни, следовательно, верить, чему он не верит, и еще меньше того верить, чему он не хочет верить, ни любить, чего он не любит, и еще менее того, чего не желает любить; ибо дух человека или его духовное начало в полной свободе мыслить, желать, верить и любить; он в свободе этой по наитию из духовного мира, который не принуждает, — ибо в этом миру дух или духовное начало человека; но он в свободе этой не по наитию природного мира, которое не восприемлется, разве только оба мира действуют за одно.

Человек может быть доведен до заявления, что он мыслит или желает некоторых вещей, что он верит им и их любит, но если не соответствуют они теперь или потом чувству его или его рассудку, то он о них не мыслит, их не желает, не верит им и их не любит. Человек может быть принужден говорить в пользу религии и действовать по религии, но не может быть принужден мыслить в ее пользу по какому-либо верованию, ни желать предметов религии по какой-либо любви.

Каждый в государстве, где охраняются справедливость и суд, принужден не говорить против религии и не действовать против нее, но тем не менее никто не может быть принужден мыслить и желать в ее пользу, ибо в свободе каждого мыслить и желать в пользу ада, так же как мыслить и желать в пользу неба; но рассудок учит, каков тот и каков другой, и какая участь ожидает одного, и какая ожидает другого, и только воле по рассудку принадлежат соизволение и выбор.

Из этого можно видеть, что Внешнее не может принуждать Внутреннее, однако оное случается иногда, но бывает опасно, что и будет представлено в следующем порядке:

I. Никто не преобразован посредством чудес и знамений, ибо они неволят.

II. Никто не преобразован видениями и разговорами с умершими, ибо они неволят.

III. Никто не преобразован угрозами и карами, ибо они неволят.

IV. Никто не преобразован в состоянии нерациональности и несвободы.

V. Принуждать себя самому — не против рациональности и свободы.
VI. Человек Внешний должен быть преобразован человеком Внутренним, а не наоборот.

130. I. Никто не может быть преобразован посредством чудес и знамений, ибо они неволят. Выше сказано было, что в человеке есть внутреннее и внешнее мысли, и что через внутренние мысли Господь наитствует в его внешнее и, таким образом, его наставляет и ведет; затем, что от Божественного Провидения Господа, дабы человек действовал в свободе, по рассудку; но то и другое обратилось бы у человека в ничто, если бы творились чудеса и человек бы ими приневолен был верить.

Что это так, можно увидеть рационально таким образом: нельзя отрицать, что чудеса дают веру и сильно убеждают в том, что речи и поучения творящего чудеса суть истина, и что в начале оное настолько занимает внешнее мысли человека, что-то внешнее, так сказать, связано и поражено; и через это человек лишен своих двух способностей — рациональности и свободы, в такой мере, что не может действовать в свободе по рассудку, и тогда Господь не может наитствовать посредством внутреннего во внешнее его мысли и представляет лишь подтверждать рациональностью то, что по чуду стало объектом его веры.

Состояние мысли человека таково, что внутренним мысли он видит предметы во внешнем мысли в некотором роде, как в зеркале; ибо, как было выше сказано, человек может видеть свою мысль ничем конечно иным, как только внутреннею мыслию; и когда он видит предмет как бы в зеркале, то может обращать его во вое стороны и формировать до тех пор, пока он не покажется ему прекрасным; этот предмет, если он истина, может быть сравним с молодой девушкой или молодым человеком, обоими прекрасными и живыми; когда же человек не может обращать этого предмета во все стороны, ни формировать его, и верит ему только по убеждению, введенному чудом, то если это истина, его можно сравнить с молодой девушкой или с молодым человеком, изваянными из камня или дереза, в которых ничего нет живого; его можно также сравнить с предметом, который постоянно виден один перед глазами, и закрывает собою все предметы позади и около; его можно также сравнить с продолженным звуком в ушах, отнимающим сознание гармонии, произведенной несколькими звуками: чудеса

производят такую слепоту и такую глухоту в человеческом духе; то же самое с каждым подтвержденным предметом, какой-либо рациональностью не расследованным прежде своего подтверждения.

131. Из этого можно видеть, что вера, внушенная чудесами, не есть верою, но убежденностью; ибо ничего нет рационального в ней, ни тем более ничего духовного; это лишь внешнее без внутреннего; то же самое со всем, что совершает человек по этой самой вере: признает ли он Бога, служит ли Ему в доме своем или в храме, делает ли добро.

Если только одно чудо приводит человека к признанию, к культу или благочестию, то человек действует по природному человеку, а не по духовному, ибо чудо вводит веру внешним, а не внутренним путем, таким образом от мира, а не от неба, а Господь к человеку входит не иначе, как внутренним путем, которым есть Слово, доктрина, проповеди по Слову, и так как чудеса замыкают дорогу эту, то ныне и не творится никаких чудес.

132. Что таковы чудеса, можно ясно видеть по сотворенным чудесам перед народами еврейским и израильским; хотя сии видели столько чудес в Земле Египетской, затем на Чермном море, другие в пустыне, и особенно на горе Синай, откуда был провозглашен Закон, а между тем, месяц спустя, сделали себе они золотого Тельца и признали его Иеговой, выведшим их из земли Египетской (**Исход, XXXII, 4, 5, 6**).

Затем по чудесам, совершенным позднее в земле Ханаанской, они же, между тем, отступали каждый раз от заповеданного богопочитания.

Подобно же тому по чудесам, творимым перед ними Господом, когда Он был на земле, а они распяли Его. Если творились чудеса у Иудеев и Израильтян, то потому, что они были люди совершенно внешние; они введены были в землю Ханаанскую для того лишь, чтобы прообразовать Церковь и ее внутреннее внешними культа; человек злой так же может прообразовать, как и добрый, ибо внешнее культа суть обрядности, которые у них служат все прообразами духовного и небесного; более того, Аарон, хотя сделавший золотого тельца и поставивший служение ему (**Исход, XXXII, 2, 3, 4, 5, 35**), мог, тем не менее, прообразовать Господа и Его дело спасения; и так, потому что их нельзя было привести внутренними культа прообразовать эти духовные и небесные, то они были приневолены чудесами.

Если они не могли быть приведены к тому внутренними культа, то потому, что не признавали Господа, хотя все Слово, которое было у них, трактует об одном Господе, а не признающий Господа не может воспринять никакие внутренние культа, но с тех пор, как Господь явил Себя и был принят и признан в Церквях Богом вечным, чудеса прекратились.

133. Действие чудес совсем иное на добрых, чем на злых: добрые не желают чудес, но верят чудесам, которые в Слове, и если они слышат о каком-либо чуде, то не иначе обращают на него внимание, как на слабое доказательство, подтверждающее их веру, ибо мыслят по Слову, таким образом по Господу, а не по чуду. Но иначе со злыми: они, правда, могут быть чудесами заставлены и приневолены к вере, даже к культу и благочестию, но лишь на короткое время; ибо внутри их сокрыто зло, которого вожделения и затем удовольствия действуют постоянно во внешнее их культа и их благочестия, и дабы выпустить их из темницы и дать удовлетвориться вне, они обращают взоры на чудо и кончают тем, что называют его мечтой, или искусством, или делом природы и таким образом возвращаются в свое зло; а возвращающийся во зло от культа оскверняет истины и благо Богопочитания, а участь профанаторов по смерти наихудшая; это они означаются словами Господа в (**Матф, XII, 43, 44, 45**); их последнее состояние становится хуже первого.

Сверх того, если бы творились чудеса у тех, которые не верят по чудесам, приведенным в Слове, то им бы должно было совершаться постоянно и в глазах всех тех, кто такие. Из этого можно видеть, почему ныне не творятся чудеса.

134.II. Никто не преобразован виденьями и разговорами с умершими, потому что они неволят. Видения бывают двух родов, Божественные и Дьявольские. Божественные видения совершаются представлениям в Небе, а дьявольские видения совершаются магическими действиями в аду; есть также фантастические Видения, которые суть иллюзиями в аду; есть также фантастические Видения, которые суть иллюзиями отвлеченного духа.

Божественные Видения, которые, как было сказано, совершаются представлениями в Небе, подобны видениям пророков, бывших во время этих видений не в теле, а в духе; ибо видения не могут являться никакому человеку во время бодрствования его тела, посему, когда являлись они пророкам, то сказано тоже, что они были в духе, как это видно по следующим моментам: Иезекииль говорит: "Дух поднял меня и возвратил в Халдею к заточению, в Видении Бога в Духе Бога, так нашло на меня Видение, которое я видел" (**XI, 1, 24**).

Он также говорит, что Дух восхитил его между землею и небом и провел в Иерусалим, в Видениях Бога (**VIII, 3**) и след. Подобно тому он был в видении Божием или в Духе, когда видел четырех животных, которые были Херувимами, (**гл. 1 и X**), и также, когда он видел новый Храм и новую Землю, и Ангела, измеряющего их (гл. **XL-XLVIII**).

Что он тогда был в видениях Божьих, он это говорит в (гл**. XL, 2, 26)** и в Духе (гл. **XLIII, 5**). В подобном состоянии был Захария, когда он видел человека на коне посреди мирт (гл**. I, 8**) и след. Когда он видел четыре рога и человека с тесьмой для измерения в руке (гл. **II, 1, 3**) и след.

Когда он видел светильник и две маслины (IV**, 2, 3).** Когда он видел летающий свиток и Ефод. (гл. V**, 1, 6).** Когда он видел четыре колесницы, выходящие из четырех гор, и коней (гл. **VI, 1 и след.).** В подобном состоянии был Даниил, когда он видел четырех животных, выходящих из моря (гл. **VII, 1** и след.), и когда он видел битву между бараном и козлом (гл. **VIII, 1 и** след.).

Что он все это видел в видении своего Духа, он то говорит в (гл. **VII, 1,2,7, 13; гл. VIII, 2; гл. X, 1, 7);** он также говорит, что видел Ангела Гавриила в видении (гл. **IX, 21**).

В видении духа был также Иоанн, когда он видел все описанное им в Апокалипсисе; таким образом когда он видел семь светильников и посреди них Сына Человеческого (гл. **I, 12-16**). Когда он видел Престол в небе и Некоего, сидящего на престоле, и четырех животных, которые были херувимами, вокруг престола (гл. **N**). Когда он видел Книгу жизни, которую Агнец взял (гл. **V**).

Когда он видел коней, выходящих из книги (**гл. VI**). Когда он видел семь ангелов с трубами (**гл. VIII).** Когда он видел открытыми колодцы, бездны и выходящую из них саранчу (**гл. IX**). Когда он видел дракона и его битву с Михаилом (**гл. XII**). Когда он видел двух животных, восходящих одно из моря, другое из земли (**гл. XIII**).

Когда он видел женщину, сидящую на багряном звере (**гл. XVII)** и разрушенный Вавилон (**гл. XVIII**). Когда он видел новое Небо, и новую Землю, и нисходящий с Неба Святой Иерусалим (**гл. XXI**) и когда он видел реку воды жизни (**гл. XXII**).

Что он это видел в видении духовном, сказано в (**гл. 1, II, IV, 2, V, 1, VII, 1, XXI, 12**). Таковы были видения, явившиеся с Неба перед зрением их духа, но не перед зрением их тела.

Ныне нет подобных видений, ибо если бы были они, то не поняли бы их, так как они суть представлениями, из которых каждое означает внутренние Церкви и таинственные частности Неба (arcana Caeli). Что видения эти должны были прекратиться, когда Господь пришел в мир, оно было даже предсказано Даниилом (**гл. IX, 24**).

Что касается дьявольских Видений, они являлись иногда; они бывали вводимы духами исступленными и духовидцами, называвшими себя по заблуждению, в коем находились, Духом Святым.

Но ныне эти духи собраны Господом и низвергнуты в ад, отдельный от адов других духов. Из этого очевидно, что никто не может быть преобразован видениями иными, кроме тех, которые в Слове. Бывают тоже Видения фантастические, но они суть чистыми иллюзиями отвлеченного духа.

134[a]. Что никто не может быть преобразован разговором с умершими, видно по словам Господа, относительно Богатого в аду и Лазаря на лоне Авраама: "Богатый говорит: прошу тебя, отче Авраме, пошли Лазаря в дом отца моего — ибо у меня пять братьев, — пусть он засвидетельствует им, дабы и они не пришли в это место мучения. Авраам ему сказал: у них есть Моисей и Пророки, пусть слушают их.

Он же сказал: нет, отче Авраме, но, если кто из мертвых придет к ним, — покаются. Он отвечал ему: если Моисея и Пророков не слушают, то, хотя бы кто из мертвых воскрес — не убедятся" (Лука, XVI, 27-31). Разговор с умершими произвел бы такое же действие, как и чудеса, о которых сказано было, а именно, что человек бы убедился и был бы приневолен к культу на малое время, но так как оное лишает человека рациональности и замыкает в то же время зло, как уже было выше показано, то наваждение такое, или внутренние узы, порываются, и замкнутое зло вырывается с богохульством и профанацией; это случается лишь тогда, когда духи вводят какой-либо догмат религии, чего не делает ни один добрый дух, ни того менее ангел неба.

135. Тем не менее, даровано говорить с духами, но редко с ангелами неба, и это было даровано многим в прошлых веках; когда оно допущено, то духи разговаривают с человеком на его родном языке, но лишь немногими словами; говорящие по соизволению Господнему не сказывают и не учат никогда ничему, отнимающему свободу рассудка, ибо Господь один поучает человека посредственно, через Слово, в просветление, о котором будет впоследствии говорено; что это так, мне дано было познать собственными опытами, ибо от многих лет до нынешней поры я разговаривал с духами и с Ангелами, и ни один дух не пожелал и ни один ангел не пожелал мне ничего сказать, а тем менее поучать чему-либо из Слова, или какому-либо доктринализу по Слову, но один Господь, Который явил Себя мне и затем постоянно является перед моими глазами как Солнце, в котором Он Сам — так Он является ангелам, — меня поучал и просветлял.

136. III. Никто не преобразован угрозами или карами, ибо они неволят. Известно, что внешнее не может понуждать внутреннее, но что внутреннее может понуждать внешнее; затем известно, что внутреннее отвергает принуждение со стороны внешнего до того, что отвращается; известно также, что внешние удовольствия влекут внутреннее к соизволению и любви; можно узнать, что есть внутреннее вынужденное и внутреннее свободное.

Но все это, хотя бы и известно, должно быть доказано; ибо много есть вещей, которые, как только их услышат, сейчас бывают сознаны как истина, ибо таковы они, и затем подтверждены, но если они, в то же время, не укреплены доказательствами, то могут быть разбиты аргументами, происходящими от иллюзий и отрицаемы наконец.

И потому предметы, только что представленные как известные, опять возьмутся для рационального подтверждения.

Во-первых.

Внешнее не может понуждать внутреннее, но внутреннее может понуждать внешнее. Кто может быть понуждаем верить и *любить*?

Человек настолько же не может быть понуждаем верить, насколько он не может быть понуждаем мыслить, что данная вещь такая, когда он мыслит, что она иная, и человек настолько же не может быть понуждаем *любить*, насколько он не может быть понуждаем желать того, чего он не желает; также вера принадлежит мысли, а *любовь* принадлежит воле; тем не менее внутреннее может быть понуждаемо внешним не выражаться дурно против законов государства, добрых нравов и святынь Церкви: внутреннее может быть вынуждено к тому угрозами и карами, и даже оно понуждаемо и должно быть понуждено; но это внутреннее не собственно человечное, это внутреннее общее у человека со зверьми, и они могут быть тоже понуждаемы; внутреннее человечное выше этого внутреннего животного: здесь разумеется человечное внутреннее, которое понуждаемо быть не может.

Во-вторых.

Внутреннее отвергает понуждение со стороны внешнего до того, что отвращается, потому что внутреннее желает быть в свободе и любить свободу; ибо свобода принадлежит любви или жизни человека, как было выше сказано; свобода же, чувствуя себя понуждаемой, уходит, так сказать, в себя и отвращается и смотрит на понуждение как на своего врага; ибо любовь, составляющая жизнь человека, раздражается и заставляет, таким образом, человека мыслить, что он не принадлежит себе и не живет для себя.

Если внутреннее человека таково, то это по Божественному Провидению Господа, дабы человек действовал в свободе, по рассудку. Из того очевидно, что опасно понуждать людей к Божественному культу угрозами и карами. Но есть допускающие себя принудить к религии и есть такие, которые не допускают принудить себя; допускающие себя принудить суть во множестве римские католики, или те, однако, у которых ничего нет внутреннего в культе, а все лишь внешнее; не допускающие себя принудить суть во множестве из английской нации — доказательство, что есть внутреннее в их культе, и то, что есть во внешнем, исходит из внутреннего; внутреннее их, относительно религии, представляется белыми облаками в свете духовном; но внутреннее тех первых, относительно религии, представляется в духовном свете как тучи; в мире духовном видимы тот и другой феномен, и кто пожелает — может увидеть их, как только придет в тот мир по смерти; сверх того, вынужденный культ замыкает зло, которое тогда сокрыто, как огонь в дереве под золой, огонь, который поддерживается и постоянно распространяется, пока не разгорится пожарами; культ не вынужденный, но добровольный, не замыкает в себе зол; зло в нем, как огни, которые вдруг разгораются и пропадают.

Из этого очевидно, что внутреннее отвергает принуждение в той мере, что отвращается. Что внутреннее может понуждать внешнее, то это потому, что внутреннее как господин, а внешнее — как служитель.

В-третьих.

Внешние удовольствия влекут внутреннее к соизволению и также к любви. Есть удовольствия двух родов: удовольствия разумения и удовольствия воли; удовольствия разумения суть также удовольствиями мудростями, и удовольствия воли суть также удовольствиями любви, ибо мудрость принадлежит разумению, а любовь принадлежит воле; теперь, так как удовольствия тела и его чувства, которые суть внешними удовольствиями, составляют одно с удовольствиями внутренними, присущими разумению и воле, то явствует из того, что так же, как внутреннее отвергает понуждение со стороны внешнего до того, что отвращается, оно же взирает благодарно на удовольствие во внешнем до того, что обращается к нему, и таким образом есть соизволение со стороны разумения и любовь со стороны воли.

Все младенцы в мире духовном вводятся Господом в ангельскую мудрость, а через нее в небесную любовь посредством удовольствий и услад, сначала от прекрасных предметов в домах и обаятельных в садах, затем от представлений духовных, действующих сладостно на внутреннее их духа, и, наконец, от услад истин мудрости и добра воли; таким образом последовательно удовольствиями в их порядке, сперва удовольствиями разумения и его мудрости, и наконец удовольствиями любви воли, которая становится любовью его жизни, и ей подчинено все прочее; вошедшее удовольствиями.

Это так, потому что все присущее разумению и воле должно быть образовано внешним, прежде чем оно образовано внутренним; любови, присущие разумению и воле, сначала образуются предметами, видимыми посредством чувств телесных, особенно зрения и слуха; но когда первое разумение и первая воля образовались, то внутреннее мысли взирает на эти предметы, как на внешнее своей мысли, и или сочетается с ними, или отделяется; сочетается с ними, если это удовольствие, и отделяется, если нет.

Во всяком случае надобно твердо знать, что внутреннее разумения не сочетается с внутренним воли, но внутреннее воли сочетается с внутренним разумения и делает, что есть взаимное сочетание, которое, однако образуется внутренним воли, но никак не внутренним разумения.

Из этого явствует, что человек не может быть преобразован одною верою, но может быть любовью воли, образующей для него веру.

В-четвертых.

Есть внутреннее понужденное и внутреннее свободное. Внутреннее понужденное у тех, которые в одном культе внешнем без внутреннего культа; ибо внутреннее состоит в мысли и желании того, к чему внешнее понуждает; это те, которые в культе почитания людей, живущих и людей умерших, и затем в их богослужении и в вере по чудесам; в них нет другого внутреннего, кроме того, которое есть в то же время и внешним.

Но у тех, которые во внутреннем культе, есть внутреннее, понужденное страхом или любовью; внутреннее понуждение страхом есть у тех, которые в культе страха мучений ада и его огня; но это внутреннее не есть внутренним мысли, о котором было говорено; это внешнее мысли, которое здесь названо внутренним, потому что присуще мысли, о котором было говорено, не может быть понуждаемо никаким страхом, но может быть понуждаемо любовью и страхом потери любви; страх Божий, в смысле действительном, — нечто иное; быть понуждаему любовью и страхом потери любви, это понуждаться самим собою, и это не против свободы и не против рациональности, что будет видно впоследствии.

137. Из этого можно видеть, каков культ вынужденный и каков культ свободный; культ, вынужденный есть культ плотский, неодушевленный, темный и печальный: плотский, потому что принадлежит телу, а не духу; неодушевленный, потому что нет в нем жизни; темный, потому что нет в нем разумения, и печальный, потому что нет в нем удовольствий неба.

Но не вынужденный культ, если реален, есть духовным, жизненным, бодрственным и веселым культом; духовным, потому что в нем по Господу дух; жизненным, потому что в нем по Господу жизнь; бодрственным, потому что в нем по Господу разумение, и веселым, потому что в нем по Господу небо.

138. IV. Никто не преобразован в состояниях нерациональности и несвободы. Было выше показано, что человеку присваивается лишь то, что он сам собою творит в свободе, по рассудку, и это потому, что свобода принадлежит воле, а рассудок разумению, и человек, действуя в свободе, по рассудку, действует по воле, посредством своего разумения, и соделанное в сочетании того и другого присваивается ему.

Теперь, так как Господь желает, чтобы человек был преобразован и внутренен, дабы иметь жизнь вечную или жизнь Неба, никто же не может быть преобразован и возрожден, если добро не присвоено его воле как бы его, а истина не присвоена его разумению тоже как бы его, а так, как только кому-либо присвоено то может быть, что соделано в свободе воли, по рассудку разумения, то явствует, что никто не может быть преобразован в состоянии несвободы и нерациональности. Есть много состояний несвободы и нерациональности; их можно вообще отнести к следующим: состояния страха, несчастья, болезни души (animus), болезни тела, неведения, слепоты разумения. О каждом из этих состояний в частности будет сказано нечто.

139. Что никто не может быть преобразован в состоянии страха, то потому, что страх отнимает свободу и рассудок, или свободу и рациональность; в самом деле, любовь открывает внутреннее духа, но страх их замыкает, когда же замкнуты они, то человек мало мыслит, и только о вещах, представляющихся его душе (animus) и внешним чувствам; таков всякий страх, овладевающий душой. Что есть у человека внутреннее мысли и внешнее мысли, это было показано выше; страх никогда не может овладеть внутренним мысли, это внутреннее всегда в свободе, ибо оно в любви своей жизни, но он может овладеть внешним мысли, и когда овладеет, то внутреннее мысли закрывается; когда оно закрыто, человек не может действовать в свободе, по рассудку, ни, следовательно, быть преобразован.

Страх, овладевающий внешним мысли и замыкающий внутреннее, есть главным образом страх потери чести и наживы; страх же кар гражданских и внешних кар церковных не замыкает, потому что законы присуждают кары лишь для тех, кто говорит и действует против гражданских законов государства и духовных предметов Церкви, но не для тех, кто мыслит против них.

Страх адских наказаний овладевает, правда, внешним мысли, но лишь на несколько минут, на несколько часов и на несколько дней, и это внутреннее восстановляется в своей свободе по внутреннему мысли, принадлежащему собственно своему духу и любви своей жизни и называемому мыслью сердца.

Но страх потери чести и достатка овладевает внешним мысли человека, и овладевая им, замыкает сверху внутреннее мысли для наития неба и делает, что человек не может быть преобразован: причина та, что любовь жизни каждого человека есть, по рождению, любовью к себе и к миру; любовь же к себе составляет одно с любовью почестей, а любовь к миру составляет одно с любовью к достатку; вот почему, когда человек в почестях и в достатке, то из боязни их потери он подтверждает в себе средства, служащие почестям и наживе, как гражданские так и церковные, те и другие, принадлежащие правительству; подобно тому поступает тот, который еще не в почестях и достатке, если стремится к

ним, но оное из страха потери доброго имени, доставляющей почести и достаток.

Сказано, что этот страх овладевает внешним мысли и замыкает внутреннее сверху для наития неба; выражаются, что внутреннее закрыто, когда оно составляет с внешним одно, ибо тогда оно не в себе, а во внешнем. Но так как любови к себе и к миру суть адскими, и источниками всех зол, то видно ясно, каково в себе внутреннее мысли тех, в ком эти две любви суть любовью жизни и в ком царит та и другая любовь, а именно, что он полон вожделений зол всякого рода.

Этого не знают те, которые из боязни потери почета и богатства сильно держатся религии, в которой живут, главным образом религии, в силу которой они обожаемы как боги, а в то же время суть плутонами в аду; такие могут гореть усердием спасения душ, но тем не менее от адского огня. Так как этот страх отнимает главным образом самую Рациональность и самую Свободу, небесные по происхождению, то очевидно, что он препятствует тому, чтобы человек мог быть преобразован.

140. Что никто не может быть преобразован в состоянии несчастья, если тогда только он мыслит о Боге и испрашивает помощи, то потому, что это состояние вынужденное; выйдя же в состояние свободное, он возвращается в предыдущее состояние, когда мало думает о Боге, или только думал о Нем; иначе с теми, кто и до того, в свободном состоянии, боятся Бога.

Бояться Бога значит бояться прогневить Его, а бояться прогневить Его — это бояться грешить, и это не страх, а любовь. Любящий кого-либо не боится ли ему причинить зло? И чем больше любит, тем больше этого боится; без этого страха любовь бессмысленна и поверхностна, принадлежа одной мысли, но никак не воле. Под состояниями несчастья разумеются состояния отчаяния от опасностей, например, в сражениях, в дуэлях, в кораблекрушениях, в падениях, в пожарах, от значительной или внезапной потери достатка, должности и, следовательно, чести, и в

других подобных случаях; мыслить о Боге лишь в этих обстоятельствах — значит мыслить не по Богу, а по себе самому; в самом деле дух (mens) тогда как бы захвачен в теле и таким образом он не в свободе и затем не в рациональности, без которых нет преобразования.

141. Что никто не может быть преобразован в состоянии болезни душевной (animus), то потому, что болезнь души отнимает рациональность и свободу действовать по рассудку; ибо душа больна, а не здорова, рациональна же здоровая душа, а не больная душа. Эти болезни суть меланхолия, побочная или фальшивая совесть, фантазии разных родов, тоска и тревога духа, произведенная пороком тела, принимаемая иногда за искушения, но они не суть ими, ибо настоящие искушения имеют объектом духовное, и в них дух разумен, но те первые имеют объектом природное, и в них дух безумен.

142. Что никто не может быть преобразован в состоянии болезни тела, то потому, что рассудок тогда не в свободном состоянии, ибо состояние рассудка зависит от состояния тела: когда тело нездорово, дух тоже нездоров, хотя бы потому, что он удален от мира; ибо дух, удаленный от мира, мыслит, это правда, о Боге, но не по Богу, ибо он не в свободе рассудка; у человека свобода рассудка исходит из того, что он посередине между небом и миром и может мыслить по небу и по миру и тоже по небу о миру и по миру о небе.

Когда же человек болен и мыслит о смерти и о состоянии души своей по смерти, то он не в миру, и духом он в отвлеченном состоянии; в одном этом состоянии никто не может быть преобразован, но может быть укреплен, если до болезни был преобразован.

То же самое с теми, которые отказываются от мира и от всех дел мирских и только мыслят о Боге, о небе и о спасении; но об этих предметах будет сказано подробнее в другом месте. Вот почему если те же самые люди не были преобразованы до своей болезни, они становятся после нее, когда умрут, такими же, как прежде были;

заблуждение мыслить, что иные люди могут покаяться или получить какую-либо веру в болезнях, ибо ничего нет активного в этом покаянии и ничего нет от милосердия в этой вере, почему в той и другой все принадлежит устам и ничего сердцу.

143. Что никто не может быть преобразован в состоянии неведения, то потому, что всякое преобразование соделывается истинами и жизнью по истинам; не знающие же истин не могут быть преобразованы, но ежели они желают истин из расположения к истинам, они бывают преобразованы в духовном мире, по смерти.

144. Те, которые в состоянии слепоты разумения, тоже не могут быть преобразованы; также они не знают истин, ни жизни по истинам, ибо разумение должно их наставлять, а воля должна их творить, и когда воля творит то, чему разумение наставляет, тогда живут по истинам; но когда разумение ослеплено, то воля тоже замкнута, и тогда творят в свободе по рассудку только зло, подтвержденное в разумении ложью.

Кроме невежества, ослепляет разумение еще религия, наставляющая слепой вере, затем доктрина лжи; ибо как истина открывает разумение, так ложь его замыкает; она замыкает его сверху, но открывает его снизу, а разумение, открытое только снизу, не может видеть истин, а может лишь подтверждать все желаемое, главным образом — ложь. Разумение помрачается также вожделениями зла; пока воля в них, она побуждает разумение подтверждать их, и насколько вожделения зла подтверждены, настолько воля быть не может в наклонности к добру, ни видеть посредством него истин, ни, следовательно, быть преобразованной. Возьмем в пример того, кто в вожделении прелюбодеяния. Воля его, обратясь в удовольствие своей любви, побуждает разумение утверждать прелюбодеяние, говоря; "Что такое прелюбодеяние?

Какое зло в нем? Не то ли это, что между мужем и его супругою? От прелюбодеяния не родятся ли так же точно дети? Женщина не может ли без ущерба допустить нескольких мужчин?

Что духовное имеет общего с этим?" Так помышляет разумение, которое тогда есть проституткою воли и стало до того бессмысленно от беззаконного сношения с волей, что не может видеть того, что супружеская любовь есть самою духовною небесною любовью, которая есть образом любви Господа с Церковью, откуда она даже исходит, и, таким образом, она в себе есть святостью, сущим целомудрием, сущею чистотою и сущею невинностью; она соделывает, что люди суть любовью в форме, ибо супруги могут взаимно любить друг друга в сокровенном и таким родом образоваться в любовь, что прелюбодеяние уничтожает эту форму и с нею образ Господа, и (ужасно это!) прелюбодей смешивает свою жизнь с жизнью мужа в

супруге этого мужа, и так как это профанация, то ад называется блудом, а небо, наоборот, называется браком.

Даже любовь прелюбодеяния сообщается с адом самым глубоким, а истинно супружеская любовь с самым внутренним небом; члены деторождения того и другого тела соответствуют также обществам высшего неба. Эти подробности приведены, дабы знали насколько разумение помрачено, когда воля в вожделении зла, и что в состоянии омрачения разумения никто не может быть преобразован.

145. V. Принуждать себя самому — не против рациональности и не против свободы. Было уже показано, что есть у человека внутреннее мысли и внешнее мысли; что они различаются как предыдущее и последующее или как высшее и низшее, и что в силу того они различны, могут они действовать отдельно и действовать заодно; они действуют отдельно, когда человек по внешнему мысли говорит и делает иначе, чем мыслит и желает внутренне, и они действуют заодно, когда он говорит и делает то, что внутренно мыслит и желает; такое поведение общее искренним людям, а другое неискренним; внутреннее также может бороться с внешним и этой борьбой принудить его к соглашению; борьба происходит тогда, когда человек мыслит, что зло есть грехи, и желает отказаться от них; ибо когда он отказывается, то дверь отворяется, и раз она открыта, вожделения зла, осаждавшие внутреннее мысли, изгоняются

Господом и на то место насаждаются чувства добра; оно совершается во внутреннем мысли, но так как удовольствия вожделений зла, осаждающие внешнее мысли, не могут быть изгнаны в то же время, то посему борьба между внутренним и внешним мысли; внутреннее желает изгнать эти удовольствия, потому что они суть удовольствия зла и не соответствуют чувствам добра, в которых теперь обретается внутреннее, и на место удовольствий зла оно желает поместить соответствующие удовольствия добра; эти удовольствия добра называются добром милосердия.

По этому противодействию начинается борьба, и если она сильна, то называется искушением. Теперь, так как человек есть человеком по внутреннему мысли, ибо это внутреннее есть самим духом человека, то видно, что человек понуждает себя, когда он понуждает внешние мысли к согласию или к принятию удовольствий его влечений, которые суть добром милосердия.

Что это не против рациональности и не против свободы, но по ним, видно ясно, ибо рациональность борется, и воля выполняет борьбу; даже воля сама с рациональностью обретается во внутреннем и через него во внешнем. Когда же внутреннее побеждает, что бывает, если внутреннее привело внешнее к согласию и послушанию, то настоящая

Свобода и настоящая Рациональность даруются человеку Господом, ибо тогда человек извлекается Господом из адской свободы, которая в себе есть рабством, и поставляется в свободу небесную, которая в себе есть настоящею свободой и для него союз есть с ангелами. Что те, которые в грехах, суть рабами и Господь делает свободными получающих по Слову истину от Него, Он Сам тому поучает в Иоанне (**VIII, 31-36**).

146. Пример для наглядности: человек познал удовольствие в обманах и в тайных хищениях, но видит и внутренно признает, что-то грехи и, следовательно, хочет от них отказаться; когда он отказывается, то начинается борьба внутреннего человека с внешним; внутренний человек в расположении искренности, но внешний еще в удовольствии обмана; удовольствие это, совершенно противоположное удовольствию искренности, не отходит, разве только не принудят его, и оно не может быть принуждено иначе как борьбой, и тогда, если внутренний человек победитель, то внешний человек входит в удовольствие любви искренности, которое есть милосердием: позднее удовольствие обмана становится мало-помалу неудовольствием для него. То же самое со всеми другими грехами, которые суть прелюбодеяниями и блудом, мщениями и ненавистями, богохульствами и ложью. Но труднейшею из всех есть борьба против любви властвовать по любви к себе; покоряющий эту любовь покоряет легко все другие любови, ибо эта любовь им глава.

147. Здесь будет сказано в нескольких словах, как Господь изгоняет вожделения зла, осаждающие от рождения внутреннего человека и влагает на их место добро, когда человек удаляет, как бы сам собою, зло как грехи; уже было показано, что у человека есть дух (mens) природный, дух духовный и дух небесный, что человек в духе оном природном, пока он в вожделениях зла и в их удовольствиях, и что во все это время духовный мир закрыт; но лишь только человек по исследованию признает зло за грехи против Бога, ибо они противны божественным законам и, следовательно, желает отказаться от них, то Господь открывает духовное (начало) и входит в природное посредством чувств истины и добра, и также в рациональности, и по этому рациональному приводит в порядок то, что против порядка ниже, в природном; это и представляется человеку борьбой, а у тех, которые много предавались удовольствиям зла, искушениям, ибо в душе (animus) скорбь, когда порядок ее мыслей изгоняется.

Теперь, так как борьба идет против того, что в человеке и что человек чувствует своим, и никто не может бороться против себя, иначе как по внутреннему в себе и по свободе, которая в нем, то явствует, что внутренний человек борется тогда против человека внешнего по свободе, и что он принуждает внешнее к послушанию; это значит принуждать себя, а что это не против свободы и не против рациональности, но соответственно этим двум способностям, — очевидно.

148. Сверх того, всякий человек хочет быть свободен и удалить от себя несвободное и подвластное; всякий ребенок при учителе желает быть независим (suijuris) и, следовательно, свободен; подобно тому всякий служитель при господине и всякая служанка при госпоже; всякая молодая девушка хочет выйти замуж из дома отчего, чтобы действовать свободно в собственном доме, всякий молодой человек, желающий работать, торговать или исполнять какую-либо должность, пока он подчинен другим, желает уволиться от их главенства, чтобы вести себя по-своему; все, старающиеся, по собственному побуждению, достигнуть свободы, приневоливают себя, и приневоливая себя, действуют в свободе, по рассудку, но по свободе внутренней, при коей внешняя свобода смотрится как на услужение. Это было приведено в доказательство, что принуждать себя не значит действовать против рациональности и против свободы.

149. Если человек не хочет точно так же перейти из рабства духовного в духовную свободу, на это первая причина в том, что он не знает, что такое рабство духовное, ни что такое духовная свобода; у него нет истин, которые поучают, а без истин он мыслит, что духовное рабство есть свобода, и духовная свобода есть рабство. Вторая причина та, что религия Христианского Мира замкнула разумение, и отдельная вера запечатала его, ибо та и другая поставила вокруг себя железною стеною догмат, что предметы теологические суть трансцедентальны и, следовательно, не могут быть доступны никакой рациональности, и что они для слепых, а не для зрячих.

Этим они скрыли истины, которые бы научили, что такое свобода духовная. Третья причина та, что не многие исследуют себя и видят свои грехи, а не видящий их и не отступающийся от них обретается в свободе своих грехов, которые есть адскою и рабскою в себе свободой; видеть же посредством этой свободы свободу небесную, которая есть настоящей свободой, — это как бы сквозь туман видеть день и под черною тучей видеть то, что солнечного над нею. Отсюда явствует, что не видят, что такое свобода небесная, а разница между этой свободой и свободой адской такая же, как между тем, что живо, и тем, что мертво.

150.VI. Внешний человек должен быть преобразован человеком внутренним, а не наоборот. Под человеком внутренним и человеком внешним разумеется то же самое, что под внутренним и внешним мысли, о чем было очень часто говорено. Если внешнее преобразовывается внутренним, то потому, что внутреннее наитствует во внешнее, а не наоборот. Что есть наитие духовного в природное, а не наоборот, известно в ученом мире, и что внутренний человек должен быть сперва очищен и обновлен, а через него человек внешний, — известно в Церкви; если это известно, то потому, что Господь и рассудок оное внушают; Господь поучает этому словами: "Горе вам, лицемеры!

Ибо вы очищаете внешность чаши и блюда, но внутри они полны хищения и невоздержания. Фарисей слепой, очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы и внешность также стала чиста" **(Матф. XXIII, 25, 26**): что рассудок это внушает было показано во многих местах Трактата О Божественной Любви и Божественной Мудрости. В самом деле, то, чему поучает Господь, Он дает человеку познавать рассудком, и это двумя способами: одним в том, что он видит в себе, что это так, лишь только это услышит; другим — что он понимает это по доказательствам.

Видит в себе — это в человеке внутреннем, а понимает по доказательствам — это в человеке внешнем. Кто не видит в себе, услышав, что человек внутренний должен быть сперва очищен, а через него внешний человек?

Но не получающий от наития неба общей идеи об этом предмете может быть в заблуждении, вопрошая внешнее своей мысли; по одному этому внешнему видно только, что внешние дела, принадлежащие милосердию и благочестию, спасают без внутренних; то же самое с другими, например, что зрение и слух наитствуют в мысль, запах и вкус в сознание, таким образом внешнее во внутреннее, когда между тем наоборот; если то, что мы видим и слышим, представляется наитствующим в мысль, — это иллюзия, ибо разумение видит в глазе и слышит в ухе, а не наоборот; то же самое с остальным.

151. Но будет сказано в нескольких словах, как человек внутренний преобразовывается, а через него человек внешний: человек внутренний не преобразовыван только знанием, пониманием и умом, следовательно, только мыслью, но он преобразован желанием того, чему наука, понимание и мудрость поучают; когда человек знает, понимает и держит предметом мудрости, что есть Небо и Ад, что всякое зло от Ада и всякое добро от Неба, и если не желает зла тогда, потому что оно от Ада, и желает добра, потому что оно от Неба, то он в первой степени преобразования и на пороге ада к Небу: когда человек подвигается вперед и желает отречься от зол, то он во второй степени преобразования и тогда вне ада, но не в Небе еще: он его видит над собою, в этом внутреннее преобразование человека, но если то и другое, внешнее как и внутреннее, не преобразовывается, то человек не преобразован; внешнее преобразовывается внутренним, когда внешнее отрекается от зол, которых внутреннее не желает, потому что они адские, и еще более, когда в силу этого, оно избегает их и борется с ними; таким образом внутреннее — желает, а внешнее — творит; ибо кто не творит того, что желает, то есть внутри, что не желает он, и это, наконец, обращается в нежелание.

По этим немногим объяснениям можно видеть, как внешний человек преобразован внутренним; оное же разумеется по словам Господа Петру: "Иисус сказал: Если не омою тебя, не имеешь части со мною. Петр Ему сказал: "Господи, не только ноги мои, но также — руки и голову. Иисус сказал: омытому нужно только ноги омыть, и он чист весь" (**Иоанн, XIII, 8, 9, 10**).

Под омовением разумелось духовное омовение, которое есть очищение от зол; под омытием головы и рук разумеется очищение внутреннего человека, под омытием ног разумеется очищение внешнего человека, что внешний человек должен быть очищен после того, как очищен внутренний, разумеется под словами: "омытому нужно только ноги омыть"; что всякое очищение от зол совершается Господом, разумеется под словами: "если не омою тебя, не имеешь части со Мною"".

Что у Евреев омовение прообразовало очищение от зол, и оно же преобразуется в Слове омовением, и что очищение человека природного или внешнего означается омовением ног, — было показано во многих местах в "Тайнах Небесных".

152. Так как есть у человека внутреннее и внешнее и как то, так и другое должно быть преобразовано, для того, чтобы человек был преобразован, и никто не может быть преобразован, если не исследует себя, не увидит и не признает своих грехов и затем не отречется от них, то явствует, что надобно исследовать не только внешнее, но и внутреннее; если одно внешнее исследовано, то человек видит только то, что актуально сделал или чего не сделал, например, что он не убивал, не прелюбодействовал, не воровал, не лжесвидетельствовал и тому подобное; таким образом он рассматривает зло своего тела, а не зло своего духа, между тем как должно быть рассмотрено зло духа, дабы мог он быть преобразован, ибо человек живет духом по смерти, и всякое зло, которое в нем, остается; дух может быть исследован лишь тогда, когда человек обращает внимание на свои мысли и, главным образом, на свои намерения, ибо намерения суть мысли во вне; в них зло в своем начале и в своем корне, то есть в своих вожделениях и в своих удовольствиях; если они не усмотрены и не признаны, то человек все-таки во зле, хотя во внешних он его не совершает; что мыслить по намерению значит — желать и делать, это очевидно по словам Господа: "Кто посмотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем" (**Матф. V, 28**).

Таким исследованием внутреннего человека внешний человек существенно исследован бывает.

153. Я очень часто удивлялся тому, что, хотя всему Христианскому миру известно, что надобно избегать зол как грехов, и что иначе они не отпущены, и не отпущены, когда грехи, то нет никакого спасения, — едва ли один из тысячи это знает, ибо оными осведомлялись в духовном Мире, и было признано верным: в самом деле каждому в Христианском Мире известно это по молитвам, произносимым приступающими к Священной Вечере, ибо в них это сказано открыто; а между тем, когда спросить их, знают ли они это, они отвечают, что не знают и не знали; и это оттого, что они не думали об этом, а большинство думало только о вере и о спасении посредством нее одной. Я также удивлялся, что одна вера помрачила так глаза, что утвердившиеся в ней, читая Слово, не видят ничего, что говорится в нем о Любви, и Милосердии, и о Делах; это как будто они верою залепили все предметы Слова, как тот, кто покрывает рукопись киноварью, следствием чего ничто не обнаруживается из-под низу, и если что и обнаруживается, то бывает поглощено верою и говорят, что это вера.

4

Закон Божественного Провидения,

дабы человек был веден и поучаем с Неба Господом посредством Слова, учения,

проповедей по Слову,

и по видимости,

как бы самим собою

154. По видимости человек ведется и поучается сам собою, но истина в том, что человек веден и поучаем одним Господом; подтверждающие в себе видимость, но не истину в то же время, не могут удалить от себя зол как грехов; но подтверждающие в себе видимость и истину в то же время — это могут; ибо зло как грехи удаляется по видимости человеком, а по истине Господом; эти могут быть преобразованы, а те не могут.

Подтверждающие в себе видимость, но не истину в то же время, суть внутренние идолопоклонники, ибо они обожатели себя и мира; ежели нет религии в них, то они становятся поклонниками природы и атеистами; но ежели в них есть религия, они становятся поклонниками людей и в то же время подобий. Это они разумеются в первой заповеди Десятисловия, то есть поклонники иных богов, но подтверждающие в себе видимость, и в то же время истину, становятся поклонниками Господа, ибо Господь возвышает их из их соби, которая есть видимость, и ведет в свет, в котором истина и который есть истиною, и Он им дает внутренне сознавать, что они ведены и поучаемы не самим собою, а Господом.

Рациональность тех и других может казаться многим подобною, но весьма различна: рациональность тех, которые в видимости и в то же время в истине, есть рациональностью духовной; рациональность же тех, которые в видимости, но не одновременно в истине, есть рациональностью природной; она может быть уподоблена саду, каким он в свете зимы, но рациональность духовная может быть уподоблена саду, каким он в свете весны. Впрочем, несколько подробностей будут даны по этому предмету в следующем порядке:

I. Человек веден и поучаем одним Господом.

II. Человек веден и поучаем Господом посредством Ангельского Неба и от этого Неба.

III. Человек веден Господом посредством наития и поучаем посредством просветления.

IV. Человек поучаем Господом посредством Слова, учения и проповедей по Слову и, таким образом, непосредственно одним Господом.

V. Человек веден и поучаем Господом во внешних, по всей видимости, как бы самим собою.

155. I. Человек веден и поучаем одним Господом. Это вытекает как следствие из всего показанного в Трактате О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости, как о Божественной *Л*юбви Господа и Его Божественной Мудрости в первой части, так и о Солнце духовного Мира, и о Солнце природного Мира во второй части; затем о Степенях во второй части, о Сотворении вселенной в четвертой части и о Сотворении человека в пятой части.

156. Если человек веден и поучаем одним Господом, то потому, что он живет одним Господом, ибо воля его жизни ведена и разумение поучаемо; но это против видимости, ибо человеку кажется, что он живет сам собою, когда истиной есть, что он живет Господом, а не сам собою: но так как человек, покуда он в миру, не может сознавать ощущения, что он живет одним Господом, так как видимость, что он живет сам собою, у него не отнята, ибо без нее человек не будет человеком, то оное должно быть доказано доводами, которые затем подтвердятся опытами и, наконец, Словом.

157. Что человек живет одним Господом, а не самим собою, будет доказано такими доводами: что есть единая сущность, единая субстанция и единая форма, от которой происходят все сущности, все субстанции и все формы, которые созданы были; что эта единая сущность, субстанция и форма есть Божественная Любовь и Божественная Мудрость, от которой происходит все, что в человеке относится к любви и мудрости: что она также есть само Добро и сама Истина, к которым относится все, и что это жизнь, от которой исходит жизнь всех веществ и все вещества жизни; затем также, что Единое и самое в себе есть Вездесущий, Всеведущий и Всемогущий, и что это Единое и Самое в Себе есть Господь всей вечности или Иегова.

Во-первых.

Есть единая сущность, единая субстанция и единая форма, от Которой происходят созданные все сущности, все субстанции и все формы: в Трактате О Божественной *Л*юбви и Божественной Мудрости (**44-46 и во второй части того же Трактата**) было показано, что Солнце Ангельского Неба, происходящее от Господа и в котором Господь, есть этой единой субстанцией и формой, по которой суть все сотворенные вещества, и что нет и не может быть ничего, что бы не было по этому Солнцу; что все происходит от него посредствами (per derivationes), по степеням, было показано в третьей части.

Кто по рассудку не сознает и не признает, что есть единая Сущность, от которой происходит всякая сущность, и единое Бытие, от которого происходит всякое бытие? Что может существовать без Бытия? И что такое бытие, от которого происходит всякое бытие, если это не само бытие? А то, что есть само Бытие, — есть Бытие единое и Бытие в Себе.

Потому, что это так, и что каждый по рассудку это сознает и признает, а если нет, то может сознавать и признавать, не явствует иного, как то, что это Бытие, которое есть само Божественное или Иегова, есть всем во всем сущем и существующем; то же самое, если сказать, что есть единая субстанция, от которой происходят все вещества.

Что Солнце Ангельского Неба есть этой единой субстанцией и единой формой, затем также, что эта сущность, эта субстанция и эта форма разнообразна в сотворенных предметах, это было показано в вышеупомянутом Трактате.

Во-вторых.

Эта единая сущность, субстанция и форма есть Божественная Любовь и Божественная Мудрость, от которой происходит в человеке все, относящееся к любви и мудрости. Оное было вполне доказано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости. Все, что в человеке по видимости живет, в нем относится к воле и разумению, и каждый по рассудку сознает и признает, что эти оба (начала) составляют жизнь человека.

И что оная жизнь, как не то, что я желаю этого или понимаю это, или же люблю это, либо думаю об этом? А потому, что человек желает того, что любит, и думает то, что понимает, все присущее воле относится к любви, и все присущее разумению относится к мудрости; а так как-то и другое не может существовать у кого-либо по нем самом и может лишь существовать по Тому, Кто есть Сама Любовь и Сама Мудрость, то явствует, что оное исходит от Господа всей вечности, или Иеговы; если бы не исходило, человек бы был самой любовью и самой мудростью, следовательно, Богом всей вечности, что сама мудрость человеческая с ужасом отвергает.

Разве что-либо может существовать, иначе, как по себе предыдущему? И это предыдущее может ли существовать не имея, опять же, не иначе как предыдущего по себе? И так далее до первого, которое есть в Себе?

В-третьих.

Подобно тому она есть само Добро и сама Истина, к которым относятся все вещества: принято и признано всяким человеком, имеющим рассудок, что Бог есть само Добро и сама Истина, и что всякое добро и всякая истина не могут исходить иначе, как от самого Добра и самой Истины; положения эти признаются всяким рассудительным человеком, лишь только они возвещены; если же затем сказано, что все воли и разумения или все любови и мудрости, или же

все чувства и мысли относятся к добру и к истине, то явствует, что все, что человек желает и понимает, или что любит и чем наслаждается, или что трогает его и что он мыслит, исходит от Господа; отсюда каждый в Церкви знает, что всякое добро и всякая истина человеческие в себе не добро и не истина, но только одно исходящее от Господа есть добро и истина. Так как это есть истина, то явствует, что все, что такой человек желает и мыслит, исходит от Господа.

Что всякий злой человек не может тоже желать и мыслить из другого начала, будет видно в последующем.

В-четвертых.

Это жизнь, от которой исходит жизнь всех веществ и все вещества жизни. Оное было показано во многих местах Трактата О Божественной Любви и Божественной Мудрости. Человеческий рассудок, лишь только оное услышано, принимает также и признает, что вся жизнь человека принадлежит его воле и его разумению, ибо если воля и разумение отняты, то человек не живет; или, что-то же, вся жизнь человека принадлежит его любви и его мысли, ибо если любовь и мысль отняты, то человек не живет; теперь, так как все воли или разумения, или все любви и мысли человека исходят от Господа, как было сказано выше, то явствует, что все жизни исходят от Господа.

В-пятых.

Единое и Само в Себе есть Вездесущий, Всеведущий и Всемогущий. Это признает тоже каждый христианин по своей доктрине и каждый язычник по своей религии; отсюда каждый, в каком бы он ни был месте, мыслит, что Бог там, где он сам находится и молится Богу как присутствующему, и потому что каждый мыслит так и молится так, явствует, что нельзя мыслить иначе, как так, что Бог везде и таким образом Вездесущий, что, подобно тому, Он Всезнающий и Всемогущий; посему всякий человек, молящийся Богу, молит Его, от всего сердца, руководить им, ибо Он это может, таким образом каждый признает тогда Божественное Вездесущее, Божественное Всезнание и Божественное Всемогущество; он признает, потому что обращает лице свое к Господу, и тогда эта истина наитствует от Господа.

В-шестых.

Этот единый или Сам в Себе есть Господь всей вечности или Иегова. В Учении Нового Иерусалима о Господе показано, что Бог есть един в сущности и в лице, что этот Бог есть Господь, что Само Божественное, именуемое Иеговою Отцом, есть Господь всей вечности, что Божественная Человечность есть Сын, зачатый от своего Божественного всей вечности и родившийся в мире, и что Божественное исходящее есть Дух Святый.

Говорится Сам Собою и Единый, потому что прежде сказано было, что Господь всей вечности или Иегова есть сама Жизнь, ибо Он сама Любовь и сама Мудрость, или само добро и сама истина, по которым есть все. Что Господь создал все из Себя Самого, а не из ничего, видно в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (**282-284**); (**349-357**). По вышеизложенным соображениям, истина, что человек веден и поучаем одним Господом, подтверждена доказательствами.

158. Эта самая Истина подтверждается у ангелов не только доводами, но также живым осознанием, особенно у ангелов Третьего Неба; они сознают наитие Божественной Любви и Божественной Мудрости Господних, и так как они это сознают то есть по своей мудрости знают, что любовь и истина суть жизнь, то они вследствие этого говорят, что живут Господом, а не сами собою; и не только говорят, но еще любят и желают, чтобы это было так, и между тем постоянно они в полной видимости, что живут сами собою и даже в сильнейшей видимости, чем другие ангелы; ибо, как было сказано выше (**42-45**), чем ближе кто-либо сочетается с Господом, тем ему отчетливее кажется, что он принадлежит себе, и тем менее он замечает, что принадлежит Господу.

Мне также было дано обретаться несколько лет в подобном сознании и в то же время в подобной видимости, по которой и был вполне убежден, что ничего не желаю и ничего не люблю само собою, но кажется, что как бы сам собою, и также мне было дано желать и любить это. То же самое может быть подтверждено многими примерами из духовного мира, но эти два достаточны пока.

159. Что один Господь имеет жизнь, очевидно по этим местам в Слове: "Я воскрешение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет" (**Иоанн, XI, 25**). "Я есть путь, истина и жизнь" (**Иоанн, XIV, 6**).

"Бог был Слово — В Нем была жизнь и жизнь была свет человекам" (**Иоанн, I, 1, 4**). Слово в этом месте есть Господь.

"Как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе" (**Иоанн, V, 26**).

Что человек веден и поучаем одним Господом, очевидно по этим местам: "Без Меня не можете делать ничего" (**Иоанн, XV, 5**).

"Человек не может взять ничего, если не будет дано ему с Неба"

(**Иоанн, III, 27**).

"Человек не может сделать белым или черным ни одного волоса" (**Матф. V, 36**). Волосом в Слове означается малейшая из вещей.

160. Что жизнь злых от того же начала, будет показано впоследствии, в своей главе, здесь это будет лишь пояснено сравнениями: от солнца мира влияют теплота и свет, и они влияют в деревья, приносящие дурные плоды, так же, как в деревья, приносящие хорошие плоды, и все деревья эти прозябают и растут одинаково; формы, в которые теплота влияет, делают это различие, а не сама теплота.

То же самое со светом: он различается в красках, сообразно формам, в которые влияет; есть краски красивые и веселые, и есть краски некрасивые и печальные, и тем не менее свет один. То же самое с наитием теплоты духовной, которая в себе есть Любовь, и духовного света, который в себе есть Мудрость, исходящие от Солнца духовного Мира; формы, в которые они наитствуют, производят различие, а не сами они, ни эта теплота, которая есть любовью, ни этот свет, который есть мудростью; формы, в которые они наитствуют, суть человеческие души. Поэтому очевидно, что человек веден и поучаем одним Господом.

161. Касательно жизни животных, было выше показано, что оное такое (74-96), а именно: это жизнь влечения чисто природного со своею подругой знанием, и жизнь посредствующая (vita mediata), соответствующая жизни тех, кои в мире духовном.

162.II. Человек веден и поучаем одним Господом посредством Ангельского Неба и от этого Неба. Сказано, что человек веден Господом посредством ангельского Неба и от этого Неба; посредством ангельского Неба — это по видимости, но от этого Неба — это по истине; если посредством ангельского Неба - по видимости, то потому, что Господь является как Солнце над этим Небом; если от этого Неба

— по истине, то потому, что Господь в этом Небе как душа в человеке; ибо Господь Вездесущ и вне пространства, как показано было, посему и расстояние есть видимость, сообразно сочетанию с Ним, а сочетание сообразно с восприятием любви и мудрости, исходящих от Него;

а так как никто не может быть сочетаем с Господом так же, как Он Сам в Себе, то поэтому Он является ангелам на расстоянии как Солнце; но тем не менее Он во всем ангельском Небе, как душа в человеке, и подобно тому во всех обществах Неба, подобно же тому в каждом ангеле общества; ибо душа человека есть не только душою всего, но и душою каждой частицы.

Но так как, по видимости, Господь управляет всем Небом и, через Небо, Миром посредством Солнца, которое исходит от Него и в котором Он есть (смотри об этом Солнце в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, вторая часть), и так как дозволено каждому человеку говорить по видимости и нельзя говорить иначе, то поэтому также дозволено тому, кто не в сущей мудрости, мыслить, что Господь управляет всем вообще и в частности посредством своего Солнца, и что Оно управляет Миром посредством ангельского Неба; по этой видимости мыслят даже ангелы внешних Небес; но ангелы высших Небес говорят, это правда, по видимости, но мыслят по истине, которая в том, что от Неба Ангельского, исходящего от Господа, Он управляет вселенной.

Что простые и мудрые говорят одинаково, но не мыслят одинаково, может быть доказано по Солнцу мира: все говорят об этом Солнце по видимости, выражаясь, что оно встает и заходит, но тем не менее мыслят, что оно неподвижно; в этом истина, а в том видимость.

Это может еще быть иллюстрировано видимостями в Мире духовном, ибо там представляются пространства и расстояния, как и в Мире природном, но тем не менее это суть видимостями, сообразно чувствам и мыслям по чувствам. То же самое с видимостью Господа в Его Солнце.

163. Итак, будет сказано в немногих словах, как от ангельского Неба Господь ведет и поучает каждого человека. В Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости и выше, в настоящем Трактате О Божественном Провидении, затем в Трактате О Небе и об Аде, изданном в Лондоне в 1758 г., я, потому что видел и слышал, открыл, что целое ангельское Небо представляется перед Господом как один Человек, и, то же самое, каждое общество Неба и отсюда каждый ангел и каждый дух есть человеком в совершенной форме; в тех же самых Трактатах было показано, что Небо есть Небом не по соби ангелов, но по воспринятию ангелами Божественной Любви и Божественной Мудрости Господа; из этого можно видеть, что Господь управляет целым ангельским Небом как одним Человеком; что это Небо, сущее само в себе человеком, есть самим образом и самим подобием Господа; что сам Господь управляет этим Небом, как управляет душа своим телом; и что весь род человеческий управляем Господом, и управляем Господом не посредством Неба, но от Неба, следовательно, по Нему Самому, так как Он Сам есть Небом, как было сказано.

164. Но это, будучи тайной Ангельской Мудрости, не может быть понято иначе, как человеком, духовный разум которого открыт; ибо такой, по сочетанию с Господом, есть ангел; человек этот, по предложениям предыдущим, может понять предложения следующие:

1. Что все, как люди, так и ангелы, суть в Господе, и Господь в них, сообразно с сочетанием с Ним или, что-то же самое, сообразно с восприятиями любви и мудрости, исходящих от Него.

2. Что каждый из них получает место в Господе, таким образом в Небе, сообразно качеству сочетания, или восприятия, Господа.

3. Что каждый, в своем месте, имеет состояния, отличные от состояния других, и извлекает от общего свое назначение, сообразно со своим положением, со своею функцией и со своею потребностью, совершенно так, как каждая частица в человеческом теле.

4. Что каждый человек внедряется в свое место Господом сообразно со своею жизнью.

5. Что каждый человек с детства вводится в Божественного Человека, душою и жизнью которого есть Господь, и он веден и поучаем по Его Божественной Любви согласно Его Божественной Мудрости, и в нем, а не вне Его; но так как свобода не отнята у человека, то человек может быть веден и поучаем, лишь сообразно с восприятием, как бы сам собою.

6. Что воспринимающие ведутся на свои места по бесчисленным изгибам и поворотам, почти так же, как перевариваемая пища, переносимая месентериальными и млечными сосудами в цистерну, и оттуда грудными протоками в кровь и таким образом в свое вместилище.

7. Что не воспринимающие отделяются от тех, которые в Божественном Человеке, как отделяются кал и моча от человека. Это суть тайны Ангельской Мудрости, кои могут быть поняты человеком, но множество есть таких, кои поняты быть не могут.

165. III. Человек веден Господом посредством наития и поучаем посредством просветления. Если человек веден Господом посредством наития, то потому, что быть веденым и также наитствовать говорится о любви по воле, и если человек поучаем Господом посредством просветления, то потому, что быть поучаемым и быть просветляемым говорится собственно о мудрости и о разумении. Что каждый человек веден сообразно с любовью своею самим собою, и другими по этой любви, а не по разумению, — известно; он веден сообразно с разумением и по нем, лишь когда любовь или воля образует разумение, и в таком случае можно сказать, что ведено разумение, но тем не менее тогда не разумение ведено, а воля, от которой происходит разумение.

Сказано наитие, потому что принято обыкновением говорить, что душа наитствует в тело; что наитие духовное, а не физическое, и что душа или жизнь человека есть его любовь или воля, как было показано выше; и также потому что наитие, по сравнению, есть как излияние крови в сердце и через сердце в легкие; что есть соответствие сердца с волей и легких с разумением, и что сочетание воли с разумением есть как излияние крови, идущей из сердца в легкое, было показано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (**371-432**).

166. Но если человек поучаем посредством просветления, то это потому, что быть поучаему и быть просветляему говорится о разумении; ибо разумение, которое есть внутренним зрением человека, может быть только просветлено светом духовным, так же, как глаз или внешнее зрение человека просветлено светом духовным, так же, как глаз или внешнее зрение человека просветлено светом природным; то и другое так же поучаемо одинаково, но внутреннее зрение, принадлежащее разумению, предметами духовными, а внешнее зрение, принадлежащее глазу, предметами природными.

Есть свет духовный, и есть свет природный, тот и другой — схожие по внешней _ видимости, но различные относительно внутреннего; ибо свет природный идет от Солнца мира природного и вследствие того мертв в себе самом; но свет духовный идет от

Солнца мира духовного и вследствие того жив в себе самом; этот свет, а не природный просветляет человеческое разумение: отсвет природный и рациональный происходит не от того света, но от этого и называется отсветом природным и рациональным, потому что он духовно природный; ибо есть три степени света в мире духовном: свет небесный, свет духовный и свет духовно природный; свет небесный есть светом рдяного пламени; этот свет для тех, кто в третьем Небе; свет духовный есть светом лучезарной белизны; этот свет для тех, кто в срединном Небе; а свет духовно природный таков, как дневной свет в нашем мире; этот свет для тех, кто в последнем Небе, и также для тех, кто в Мире духов, который между Небом и Адом; но в этом мире свет такой у добрых, как летний свет, а у злых — как зимний свет на земле. Однако следует знать, что всякий свет духовного Мира ничего не имеет общего со светом Мира природного, они различаются, как живое и мертвое.

Поэтому очевидно, что не природный свет, такой, как перед нашими глазами, просветляет разумение, но духовный свет. Что Свет духовный в своем происхождении есть Божественная Мудрость и Божественная Истина, было показано в книге О Небе и об Аде (**126-140**).

167. Так как было говорено о свете Неба, то будет нечто сказано о свете ада: свет в аду тоже в трех степенях: в самом низшем аду он как свет пылающих углей; свет в срединном аде как свет пламени очага, а свет в самом высшем аду как свет от свечей, для некоторых же как лунный ночной свет.

Эти освещения отнюдь не природны, но они духовны, ибо всякий свет природный мертв и гасит разумение; те же, кто в аду, обладают способностью понимать, называемою рациональностью, как было показано выше, рациональность же исходит от света духовного и нисколько не от природного; но свет духовный, который у них от рациональности, обращается в адский свет, как свет дневной в ночной мрак.

Тем не менее все в духовном Мире, как те, кои в Небесах, так и те, кои в адах, видят в своем свете так же ясно, как человек днем в своем: и это потому, что зрение глаза всем образовано для восприятия света, в котором есть оно; таким образом, зрение глаза ангелов Неба для восприятия света, в котором обретается оно, и зрение глаза адского духов для восприятия своего света; это по сравнению, как с совами и летучими мышами, которые ночью видят предметы так же ясно, как другие птицы видят их днем, ибо глаз их устроен для восприятия их света.

Но разница этих освещений явственно различается теми, кто из одного света смотрит в другой; так, когда ангел Неба смотрит в ад, он видит в нем лишь глубокий мрак, и когда дух ада смотрит в Небо, он там видит лишь темноту; оттого, что небесная Мудрость — равно как темнота для тех, кто в аду и, взаимно, адское безумие — как темнота для тех, кто в Небе. Из этого можно видеть, что каково для человека разумение, таков для него и свет, и каждый приходит по смерти в свой свет, ибо в другом свету он не видит; в Мире духовном, где духовны все даже относительно тела, глаза всех встроены видеть по своему свету; любовь жизни каждого творит свое разумение и, следовательно, также свет; в самом деле, любовь как огонь жизни, откуда происходит свет жизни.

168. Так как немногие знают что-либо о просветлении, в коем разумение человека, поучаемого Господом, то об этом будет сказано несколько слов. Есть просветление Господом внутреннее и просветление внешнее, и есть также просветление от человека внутреннее и просветление внешнее; просветление Господом внутреннее — это когда человек, лишь только что-либо услышит, как сознает, истинно ли сказанное или не истинно; просветлением внешним есть затем мысль его; просветление внутреннее от человека исходит единственно от подтверждения, а просветление внешнее от человека исходит единственно от науки.

Но будет сказано нечто о каждом из этих просветлений. Человек рациональный, по внутреннему просветлению Господом, сразу сознает, верно ли услышанное им или нет; например, что любовь есть жизнью веры, и что вера живет любовью; человек по внутреннему просветлению также сознает, что все, что человек любит, он и желает того, и все, чего он желает, он и творит; что таким образом любит, — это творит; затем также что, все, чему

человек верит по любви, он желает также и творить, и, таким образом, верить — это тоже творить; как еще то, что нечестивый не может искать любви к Богу, ни, следовательно, веры в Бога.

Человек рациональный, по внутреннему просветлению, сознает также, как услышит, те истины, что Бог един, что Он Вездесущ, что все добро от Него исходит; затем, что все относится к добру и к истине; что всякое добро исходит от Самого Добра и всякая истина исходит от Самой Истины. Эти Истины, и подобные другие, человек внутренне сознает в себе, когда их слышит; он сознает их, потому что имеет рациональность, и она в свете Неба, который просветляет.

Просветление внешнее есть просветлением мысли по внутреннему просветлению, и мысль в просветлении этом настолько, насколько она остается в сознании от внутреннего просветления и имеет, в то же время, познания добра и истины, ибо из этих познаний она извлекает доводы, которыми подтверждает.

Мысль по этому внешнему просветлению видит дело с той и с другой стороны; с одной стороны, она видит доводы подтверждающие, с другой она видит видимости разубеждающие, она отвергает одни и собирает другие. Но просветление внутреннее от человека совершенно различно; им человек видит дело с одной стороны и не видит с другой, и подтвердив, видит его в свете, подобном тому, о котором говорено выше, но это зимний свет.

Будь это для примера: судья, который из-за взяток и наживы судит неправедно, видит в своем приговоре лишь справедливость, потому как законами и доводами подтвердил его; оные видят несправедливость, но не желая видеть, помрачают себя и заслепляют, и таким образом не видят; то же самое с судьей, который произносит решение в силу приятельства, из-за домогательства благосклонности или ради связей родства. Такие люди поступают одинаково относительно всего, что знают от человека авторитетного, или от человека известного, или что извлекли из собственного ума; это рациональные слепцы, ибо зрение их исходит от лжи, которую они подтверждают, но ложь закрывает зрение, а истина его открывает.

Такие люди не видят никакой истины по свету истины и ничего справедливого по любви к справедливости, но они видят по свету подтверждения, который есть химерический свет; в Мире духовном они являются как лица без головы, или как лица, подобные человеческим, позади которых были бы деревянные головы; и называются они рациональными животными, потому что у них рациональность в возможности. Внешнее просветление от человека у тех, которые мыслят и говорят по одному лишь знанию, запечатленному в памяти; такие мало способны что-либо сами собою подтверждать.

169. В этом различие просветления и, следовательно, сознания и мысли; есть действительное просветление духовным светом, но самое просветление этим светом не обнаруживается ни перед кем в Мире природном, потому что свет природный ничего не имеет общего с духовным светом; тем не менее это просветление мне является иногда в духовном Мире; оно было видимо у бывших в просветлении Господом, как некоторое сияние вокруг головы с блеском цвета человеческого лица. Но у бывших в просветлении сами собою это сияние показывалось не вокруг головы, а вокруг рта и ниже подбородка.

170. Кроме этих просветлений есть еще другое просветление, которым открывается человеку в какой он вере, в каком состоянии ума и в какой мудрости; откровение — это таково, что он сам в себе сознает оное; он бывает послан в общество, где реальная вера, истинный ум и истинная мудрость, и там открывается его внутренняя рациональность, по которой он видит свою веру, свой ум и свою мудрость такими, как они суть, и в такой мере, что он признает их; я видел некоторых возвращающихся оттуда и слышал их признания, что в них нисколько нет веры, хотя в миру они думали, что вера у них большая; то же относительно их ума и их мудрости; это те, которые были в вере отдельной и без всякого милосердия и которые были умны по себе

(in propria intelligentia).

171. IV. Человек поучаем Господом посредством Слова, доктрины и проповедей по Слову, и таким образом непосредственно самим Господом. Было сказано и показано, что человек веден и поучаем одним Господом, и что это от Неба, а не посредством Неба или какого-либо ангела Неба; и потому, что он веден одним Господом, явствует, что это непосредственно, а не посредственно, но как происходит это, будет сказано теперь.

172. В Учении Нового Иерусалима о Священном Писании было показано, что Господь есть Слово, и что все учение Церкви должно почерпаться из Слова; и так, по тому, что Господь есть Слово, явствует, что человек, поучаемый по Слову, поучаем самим Господом. Но так как это схватывается с трудом, то будет пояснено в таком порядке;

1. Господь есть Слово, потому что Слово исходит от Него и возвещает о Нем.

2. И потому, что оно есть Божественная Истина Божественного Добра.

3. Таким образом, быть поучаему по Слову — это быть поучаему Господом.

4. И это же посредственно проповедями, что не отнимает непосредственности.

Во-первых,

Господь есть Слово, потому что Слово исходит от Него и возвещает о Нем. Что Слово исходит от Господа, в Церкви никто не отрицает этого, но что Слово возвещает о Господе одном, этого, правда, не отрицают, а между тем не знают; оное же было показано в Учении Нового Иерусалима о Господе (**1-7 и 37-44**), и в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**62-69, 80-90, 98-100**).

Итак, потому что Слово исходит от одного Господа и возвещает об одном Господе, явствует, что человек, поучаемый по слову, поучаем Господом; ибо Слово есть Божественность: кто же может сообщать Божественность и вводить ее в сердце, как не Сама Божественность, от которой исходит Слово и о которой оно возвещает:

поэтому, когда Господь говорит о сочетании своем с последователями, Он говорит: "чтоб они оставались в Нем, и слово Его в них"

(**Иоанн, XV, 7**); "что слова Его суть дух и жизнь"

(**Иоанн, VI, 63**) и "что Он сотворит обитель у тех, кто соблюдает Его слова" (**Иоанн, XIV, 20-24**), посему мыслить по Господу — это по слову и как бы Словом.

Что все в Слове имеет сообщение с Небом, было показано в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании с начала до конца, и так как Господь есть Небом, то понимается, что все в Слове имеет сообщение с Самим Господом: Ангелы Неба [тоже] имеют сообщение [со Словом], то правда, но также по Господу.

Во-вторых.

Господь есть Слово, потому что оно есть Божественная Истина Божественного Добра. Что Господь есть Слово, Он учит этому в Иоанне в таких словах: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Слово. И Слово Плотию стало и жило между нами" (**Иоанн, I, 1, 14**). Так как это место было понято до сих пор в том смысле, что Бог поучал людей Словом, то оно согласно с этим и было объяснено, в предположении, что это выражение возвышенное, обнимающее то, что Господь не есть само Слово; это происходит от того, что не знали, что под Словом разумеется Божественная Истина Божественного Добра, или, что то же самое, Божественная Мудрость Божественной Любви; что эта Истина и эта Мудрость — Сам Господь, было показано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, первая часть, и что он — Слово, было показано в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**1-86**). Здесь будет также сказано в немногих словах, как Господь есть Божественною Истиною Божественного Добра.

Всякий человек есть человеком не по лицу и по телу, но по добру своей любви и по истинам своей мудрости, и потому что человек есть человеком по этому добру и по этим истинам, всякий человек есть также свое добро и своя истина или своя любовь и своя мудрость; без этого он не человек; но

Господь есть Само Добро и Сама Истина, или, что-то же самое, Сама Любовь и Сама Мудрость, и они суть Слово, которое в начале было у Бога, и которое было Бог, и которое стало плотью.

В-третьих.

Таким образом, быть поучаему по Слову — это быть поучаему Самим Господом, потому что это быть поучаему по Самому Добру и по Самой Истине, или по Самой Любви и по Самой Мудрости, которая суть Слово, как было сказано; но каждый поучаем, согласно с разумением своей любви, что выше, то не остается.

Все, поучаемые Господом в Слове, поучаемы не многим истинам в этом миру, но множеству, когда становятся ангелами; ибо внутреннее Слово, которое есть Божественные Духовные и Божественные Небесные, насаждаются вместе, но открываются в человеке лишь по смерти его, в Небе, где он в мудрости ангельской, которая неизреченна относительно человеческой мудрости, таким образом относительно мудрости предыдущей. Что Божественные Духовные и Божественные Небесные, составляющие ангельскую мудрость, суть во всех и в каждой из вещей Слова, видно в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании

(**5-26**).

В-четвертых.

Это соделывается посредством проповедей, что не отнимает непосредственности. Слово может быть преподаваемо лишь посредственно, родителями, учителями, проповедниками, книгами и, главное, чтением его; тем не менее оно преподаваемо не ими, но посредством них; это тоже согласно с тем, что известно проповедникам, которые говорят, что они проповедуют не от себя, но по духу Божьему, и что всякая истина и всякое добро исходят от Бога; они могут, правда, говорить это и дать проникнуть этому в разумение многих, но не в сердце кого бы то ни было; а чего нет в сердце, то пропадает в разумении; под сердцем разумеется любовь человека.

По всем этим соображениям можно видеть, что человек веден и поучаем одним Господом и непосредственно Господом, когда поучаем по Слову. Это тайна из тайн Ангельской Мудрости.

173. Что через Слово есть также свет для тех, которые вне Церкви и не имеют Слова, было показано в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**104-113**) и так как через Слово есть свет для человека, и по этому свету для него разумение, и это разумение для злых, как и для добрых, то явствует, что от света в его источнике есть свет в производствах, которые суть сознания и мысли о чем-либо; Господь говорит, "что без Него ничего нельзя сделать" (**Иоанн, XV, 5**); "что человек ничего не может взять, если не дано ему от Неба"

(**Иоанн, III, 27**) и "Отец, Который в Небесах, повелевает солнцу восходить над злыми и над добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (**Матф. V, 45**). Под солнцем разумеется здесь, как и везде в Слове, в духовном смысле, Божественное Добро Божественной Любви, а под дождем Божественная Истина Божественной Мудрости, то и другое дано злым и добрым, праведным и неправедным, ибо если бы не было дано, то не было бы ни сознания, ни мысли ни для какого человека.

Что есть единая только жизнь, по которой жизнь для всех, — было показано выше; сознания же и мысль принадлежат жизни; сознание и мысль исходят от того же источника, откуда истекает жизнь.

Что всякий свет, образующий разумение, идет от Солнца духовного Мира, которое есть Господь, было уже доказано обильно.

174.V. Человек веден и поучаем Господом во внешних, во всей видимости, как бы сам собой. Это совершается в его внешнем, а не во внутреннем. Никто не знает, как Господь ведет и поучает человека во внутренних, так же, как никто не знает, как действует душа, дабы глаз видел, дабы ухо слышало, дабы язык и уста говорили, дабы сердце толкало кровь, дабы легкое дышало, дабы желудок варил, дабы печень и поджелудочная железа располагали, дабы почки выделяли, и бесчисленное множество других вещей; эти вещи не поддаются сознанию, ни ощущению человека; то же самое с совершаемым Господом в субстанциях и внутренних формах духа, что бесконечно численнее; операции Господни в этих субстанциях и формах не заметны для человека, но самые явления, которые многочисленны, заметны, и также причины этих явлений; эти явления суть во внешних, в которых человек вместе с Господом, и так как внешние составляют с внутренними одно, ибо они в одной серии и совокупны, то поэтому расположение не может быть совершаемо во внутренних Господом иначе, как согласно с расположением, совершаемым во внешних посредством человека.

Каждый знает, что человек мыслит, желает, говорит и действует, по всей видимости, как бы сам собою, и каждый может видеть, что без этой видимости для человека не было бы никакой воли и никакого разумения, таким образом никакого чувства и никакой мысли, следовательно, никакого восприятия добра и истины, исходящих от Господа; из всего этого явствует, что без этой видимости не было бы никакого познания Бога, никакого милосердия, никакой веры, и, следовательно, никакого преобразования, никакого возрождения и таким образом никакого спасения; посему очевидно, что эта видимость была дана человеку Господом по причине всех этих действий, и главным образом, дабы у него были восприятие и взаимность, которыми Господь мог бы сочетаться с человеком, а человек сочетаться с Господом, и по этому сочетанию человек бы жил вечно. Эта видимость и разумеется здесь.

5

Закон Божественного Провидения,

дабы человек не сознавал и не ощущал действия Божественного Провидения,

но дабы он знал его и признавал.

175. Человек природный, не верящий в Божественное Провидение, мыслит в самом себе: "Что такое Божественное Провидение, если злые возвышены к почестям и приобретают богатства более, чем добрые, и если такого рода вещи случаются чаще с теми, которые не верят в Божественное Провидение, чем с теми, которые верят; что даже неверные и нечестивые могут делать оскорбления, причинять убытки и злополучия, а иногда наносить смерть верным и благочестивым, и это хитростью и злобой?"

И, следовательно, думает он: "Разве я не вижу, по самому опыту, как бы в свете дня, что коварные злоумышления, лишь бы только человек мог искусно ловкостью сделать, чтобы они казались честными и справедливыми, берут верх над верностью и справедливостью? Что все другое, как не необходимость, последствие и случайность, в которых не проявляется вовсе Божественного Провидения? Необходимость не принадлежит ли природе? Последствия не суть ли причины, истекающие из природного или гражданского порядка?

А случайности не происходят ли от неизвестных причин или вовсе не имеют причины". Так мыслит в себе человек природный, который ничего не относит к Богу, а все относит к природе; ибо ничего не относящий к Богу не относит ничего и к Божественному Провидению, так как Бог и Божественное Провидение — одно.

Но человек духовный говорит и думает иначе в себе самом; хотя он мыслию не сознает и зрением глаза не ощущает Божественного Провидения в ходе его, тем не менее он его знает и признает.

Теперь, так как видимость и вышеупомянутые иллюзии затемняют разумение, и разумение не может получить никакого зрения, если только иллюзии, причинившие слепоту и ложь, произведшие помрачение не рассеятся, и так как это может быть соделано только истинами, которые имеют могущество рассеивать ложь, то, следовательно, необходимо, чтобы они открылись; но для отчетливости будет оное в таком порядке:

I. Если бы человек сознавал и ощущал действие Божественного Провидения, он бы не поступал в свободе по рассудку, и ничто бы ему не казалось идущим от него. Подобно же тому, если бы человек обладал предведением событий.

II. Если бы человек видел явственно Божественное Провидение, он бы вошел в порядок и устройство его хода и их испортил бы или истребил.
III. Если бы человек видел явственно Божественное Провидение, он отрицал бы Бога или бы себя сделал Богом.

IV. Человеку дано видеть Божественное Провидение сзади, а не с лицевой стороны, затем также в духовном состоянии, а не в природном.

176.I. Если бы человек сознавал и ощущал действие Божественного Провидения, он бы не поступал в свободе по рассудку, и ничего ему бы не казалось, как бы идущим от него. Подобное тому, если бы человек обладал предведением событий.

Что закон Божественного Провидения в том, дабы человек действовал в свободе, по рассудку, затем также дабы все, что человек желает, мыслит, говорит и делает, ему казалось идущим как бы от него, и что без этой видимости не было бы ни для какого человека своего, или своего у человека, и таким образом никакой для него соби, и, следовательно, никакой вменяемости, вне которой безразлично, делал ли бы он зло или добро, имел ли бы он веру в Бога, или внушения ада, что, одним словом, без нее он бы не был человеком, — выше было показано для очевидности разумения в особых главах.

Здесь теперь будет показано, что человек не имел бы никакой свободы действовать по рассудку и для него бы не было никакой видимости действия как бы самим собою, если бы он сознавал и ощущал действие Божественного Провидения, потому что если бы он сознавал и ощущал, то он бы и веден был оным; ибо Господь ведет всех людей своим Божественным Провидением, и человек руководит собою лишь по видимости, как было сказано выше; если же бы он был веден с живым того сознанием и живым ощущением, то он не сознавал бы жизни, и принужден бы был издавать звуки и действовать, как автомат; сознавая по жизни, он был бы веден как человек в оковах на руках и ногах, или как подъяремные животные перед повозкой.

Кто не видит, что тогда человек не имел бы никакой свободы? А не имея свободы, он бы не имел никакого рассудка, ибо каждый мыслит по свободе и в свободе, и то, что он не мыслит по свободе и в свободе, ему кажется идущим не от него, а от другого; даже если ты рассмотришь дело внутреннее, то сознаешь, что не было бы для человека мысли, еще того менее рассудка и что таким образом он бы не был человеком.

177. Действие Божественного Провидения Господа непрерывно в том, что он отклоняет человека от зол; если бы кто сознавал и ощущал это непрерывное действие и тем не менее не был бы веден, как в цепях, разве бы он не сопротивлялся постоянно?

И тогда он боролся бы с Богом или бы вмешался в Божественное Провидение; во втором случае он бы себя сделал Богом; в первом случае он бы отрешился от уз и отрицал бы Бога; оное становится очевидным в том, что были бы две силы, постоянно действующие одна против другой: со стороны человека сила зла, со стороны же Господа сила добра; а когда две противоположные силы действуют одна против другой, тогда или побеждает одна, или погибают обе; но здесь если бы победила одна, то погибли бы обе; ибо зло, принадлежащее человеку, не воспринимает ни на минуту добра, исходящего от Господа; а добро, исходящее от Господа, не отстраняет зла от человека в одну минуту; если бы то и другое совершалось мгновенно, то жизни не осталось бы в человеке.

Это и множество других опасных консеквенций последовало бы, если бы человек явственно сознавал или ощущал действие Божественного Провидения; но примерами оно будет доказано впоследствии яснее.

178. Если человеку не дано предвидеть событий, то также из-за того, дабы он мог действовать в свободе, по рассудку; ибо известно, что все, что любит человек, он желает осуществить, и направляется к этому с помощью рассудка; затем также ничего нет из обдуманного с рассудком человека, что не происходило бы от любви достигнуть осуществления замысленного; если же бы он знал по Божественному предречению о явлении или событии, то рассудок бы покоился и с рассудком любовь, ибо любовь с рассудком приходят к своей цели в осуществлении, и после осуществления начинается новая любовь.

Самое удовольствие рассудка видеть осуществление от любви в мысли и достижение не в настоящем, а в будущем: оттуда берется у человека так называемая Надежда, которая растет и умаляется в рассудке, по мере того как он видит событие или ждет его.

Это удовольствие удовлетворяется в событии, но затем оно исчезает вместе с мыслью о событии, то же самое было бы относительно события, заранее известного. Дух человека в тех трех называемых: цели, причине и осуществлении (следствии); если одного из трех недостает, дух человеческий не живет; влечение воли есть цель (a quo), мысль разумения есть причина (per quam), а действие тела, слово уст или внешнее ощущение суть осуществление цели мыслию.

Человеческий дух не живет, пока он лишь во влечении воли, и не более того жив, пока он только в осуществлении. Это очевидно для каждого; посему нет жизни для духа в одной из этих трех вещей, но есть жизнь во всех трех вместе; эта жизнь умалилась и прошла бы относительно предсказанного события.

179. Так как предведение будущего отнимает самую человечность, которая в том, дабы действовать в свободе, по рассудку, поэтому не дано никому знать будущее, но дозволено каждому делать заключения о будущих явлениях по рассудку, вследствие чего рассудок, со всем ему принадлежащим, в своей жизни: отсюда происходит что человек не знает участи своей по смерти, или не знает события до его появления; ибо если б знал, то не думал бы он по внутреннему, как должен поступать или жить, дабы этого достигнуть, но думал бы лишь по внешнему, что достигает и такое состояние закрывает внутреннее его духа, в которых обитают главнее всего две способности его жизни: свобода и рациональность.

Желание знать будущее вперед присуще (connatum) большинству людей, но это желание берет свое начало из любви ко злу; поэтому оно отнято у тех, которые верят в Божественное Провидение, и им дана уверенность, что Господь уготовляет их участь, а затем они не желают знать ее впредь из страха вмешаться каким-либо образом в Божественное Провидение: тому Господь поучает во многих местах

(в ***Луке, гл. XII, 14-48***).

Что в том Закон Божественного Провидения, может быть подтверждено множеством примеров из духовного Мира; большинство, приходя по смерти в этот мир, желают узнать свою участь; но им отвечают, что если они жили хорошо, то их участь в Небе, а если жили худо, — то в Аду; но так как все боятся Ада, даже злые, то спрашивают они, что должны делать и чему верить, дабы войти в Небо; им бывает отвечено: "Поступайте и веруйте, как хотите, но знайте что не делают добра и не верят истине в Аду, не в Небе; осведомьтесь о том, что такое добро и что такое зло, затем мыслите правду и делайте добро, если можете". Таким образом представлено каждому в Мире духовном, как и в Мире природном, поступать в свободе по рассудку; но как поступает кто в одном, так поступает и в другом, ибо каждому остается его жизнь и вследствие того его участь, потому что участь принадлежит жизни.

180. II. Если бы человек видел явственно Божественное Провидение, он бы вошел в порядок и строй его хода и их испортил бы или истребил. Дабы это предложение ясно вошло в сознание рационального человека и также человека природного, оно будет пояснено примерами в таком порядке.

1. Внешнее в такой связи с внутренними, что во всяком действии составляют одно.

2. Человек лишь во внешнем с Господом; если бы он был в, то же время во внутреннем, то он испортил бы и уничтожил весь порядок и весь строй хода Божественного Провидения. Но, как уже было сказано, предложения эти будут пояснены примерами.

Во-первых.

Внешние в такой связи с внутренними, что во всяком действии составляют одно. Пояснение примерами будет сделано здесь посредством нескольких особенностей в человеческом теле. Во всем теле и в каждой частице его есть внешнее и внутреннее; внешними суть кожа, плева и оболочка; внутренними суть формы, различно составленные и сотканные из нервных волокон и кровеносных сосудов: окружающая оболочка входит волокнами, тянущимися от нее, во все внутреннее до сокровенного; таким образом внешнее, которое есть оболочкой, соединяется со всеми внутренними, которые суть формами, составленными из волокон и сосудов; из того явствует, что так же, как внешнее действует или приводится в действие, и внутреннее действует или приводится в действие, ибо все в нем совокупно и в непрерывном сочетании.

Возьми только в теле самую простую оболочку, например, подреберную плеву — общую оболочку Груди, или Сердца, и Легкого, рассмотри ее оком анатомиста, и, если это не твоей компетенции, расспроси анатомистов, и ты узнаешь, что эта общая оболочка различными поворотами и извлеченными из нее волокнами, все более и более разделенными, входит во внутрь легких, то есть, в мельчайшие бронхиальные разветвления и в самые пузырьки, которые суть началами легких, не говоря об ее ходе затем через дыхательное горло, в

гортань, к языку, Поэтому можно видеть, что есть непрерывное сродство самого внешнего с самым внутренним; посему как действует или приводится в действие самое внешнее, так действуют или приводятся в действие внутренние, начиная с самых внутренних; оттого, когда эта внешняя оболочка, которая есть подреберная плева, стянута, или воспалена, или в нарывах, то легкое терпит до внутреннейших, а если болезнь усиливается, то всякое действие легкого прекращается и человек умирает.

То же самое везде, во всем теле, например, с брюшиною — общею оболочкою всех органов брюшной полости, затем также с оболочками каждого органа, как-то: желудка, печени, поджелудочной железы, селезенки, кишок, брыжейки, почек и органов деторождения того и другого пола; возьми один из этих органов, рассмотри его сам, и ты увидишь, или, расспросив искусных анатомистов, ты услышишь это; возьми, например, печень, и ты заметишь, что есть сродство брюшины с оболочкой этого органа и через оболочку с его самыми внутренними частями; ибо есть продолженные волокна, которые из нее выходят и входят к внутренним частям, а продолжениями до сокровенных, следствием чего между всеми частицами есть связь такая, что когда оболочка действует или приводится в действие, то подобно же тому вся форма действует или приводится в действие.

То же самое со всеми другими органами; это происходит, оттого, что во всякой форме общее и частное или универсальное и единичное составляют одно, по удивительному сочетанию. Что в формах духовных и в изменениях и вариациях, относящихся к действиям воли и разумения, то же самое, как в формах природных и их действиях, относящихся к движениям и действиям, — будет видно впоследствии.

И так как человек, в некоторых действиях внешних, одновременно с Господом, свобода же действовать по рассудку не у кого не отнята, то явствует, что Господь не может действовать во внутренних иначе, чем так, как Он действует с человеком во внешних; если же человек не избегает зол как грехов и не отвращается от них, то внешнее мысли и воли тронуто порчей и ослаблено, а в то же время и внутреннее, точно так, как подреберная плева от болезни своей, называемой воспалением легких, вследствие которой тело умирает.

Если бы человек был одновременно во внутренних, он бы испортил и истребил весь порядок и строй Божественного Провидения. Это тоже будет пояснено примерами в человеческом теле.

Если бы человек знал, все операции того и другого мозга в волокнах, волокон в мускулах и мускулов в действиях, и поэтому знанию располагал бы всем этим, как он располагает действиями, разве бы он не испортил и не истребил всего?

Если бы человек знал, как желудок переваривает, как органы, близ него лежащие, выполняют свою задачу, перерабатывают кровь и разносят ее для всякой жизненной потребности, и если бы он этим располагал как во внешнем, а именно когда он ест и пьет, разве бы он не испортил этого и не истребил? Если он не может располагать внешним, представляющимся как одно, не губя его сладострастием и невоздержанием, что б было, если б он располагал внутренними, которые бесконечны?

Внутренние, — дабы человек не вошел в них какою-либо волею и не подчинил их своему направлению, были совершенно изъяты из его воли, исключая мускулов, составляющих оболочку, и даже неизвестно как действуют они, известно только, что они действуют.

То же самое со всеми другими частями. Например, если бы человек располагал внутренними глаза, чтобы видеть, внутренними уха, чтобы слышать, внутренними языка, чтобы вкушать, внутренними кожи, чтобы ощущать, внутренними сердца для систолического движения, внутренними легкого для дыхания, внутренними брыжейки для разноса хила, внутренними почек для выделения, внутренними половыми органами для деторождения, внутренними утробы для усовершенствования зародыша и так далее, разве бы он не испортил и не истребил бесчисленными способами порядка хода Божественного Провидения в этих частях?

Известно, что человек обретается во внешнем: например, что он видит глазом, слышит ухом, вкушает языком, ощущает кожею, дышит легким, содействует к распространению рода и т.д. недостаточно ли, чтобы он ведал внешние и ими располагал для здоровья тела и духа? Когда же он не может этого, что бы ни случилось, если бы он располагал и внутренними? По этим соображениям теперь очевидно, что, если бы человек видел явственно Божественное Провидение, он бы вмешался в порядок и строй его хода и их испортил бы и истребил.

181. Что в духовных духа то же самое, что в природном тела, то потому, что все духа соответствует всему тела; посему дух движет телом во внешних, в общем, по своему произволу; он движет глазами, чтобы видеть, ушами, чтобы слышать, ртом и языком, чтобы есть и пить и также говорить, руками, чтобы делать, ногами, чтобы ходить, органами деторождения, чтобы производить; для этих действий движет дух не только внешними, но и внутренними; во всей последовательности, во внешних, в общем, по своему произволу; он движет глазами, чтобы видеть, ушами, чтобы слышать, ртом и языком, чтобы есть и пить и также говорить, руками, чтобы делать, ногами, чтобы ходить, органами деторождения, чтобы производить; для этих действий движет дух не только внешними, но и внутренними, во всей последовательности, но самыми внутренними последними и по последним самыми внутренними, таким образом, двигая ртом для речи, он двигает разом легкими, гортанью, глоткою, языком, губами, и каждым из них различно, согласно его функции, соответственно тому тоже и лицем.

Из этого очевидно, что сказанное о формах природных тела должно быть также сказано о духовных операциях духа; посему как человек располагает внешними, так Господь располагает внутренними, таким образом иначе, если человек располагает внешними сам собою, иначе же если он ими располагает по Господу и в, то же время как бы сам собою.

Духовное начало (mens) человека есть самим человеком в целой форме, ибо оно есть духом человека, духом, проявляющимся по смерти совершенно так, как и в миру и, следовательно, подобные вещи суть в том и в другом.

Таким образом, сказанное о сочетании внешних с внутренними в теле, должно быть также понятно относительно сочетания внешних с внутренними в духе, с той одною разницей, что одно природное, а другое духовное.

182. III. Если бы человек видел явственно Божественное Провидение, он отрицал бы Бога, или бы сделал себя Богом. Человек чисто природный говорит в себе самом: "Что такое Божественное Провидение? Разве это что-либо большее или иное, чем слово, распространенное среди простаков священниками? Кто от него что-либо видел? Не по предусмотрительности ли, по разуму, по хитрости и по злобе все делается в свете? Что до иного вытекающего, то не есть ли оно необходимостью, последствием и даже большею частию случаем? Разве Божественное Провидение сокрыто в таких вещах?

Как может оно быть в хитростях и плутовствах? А между тем говорят, что Божественное Провидение устраивает все это. Покажи мне его, и я поверю; может ли кто верить ранее?" Так говорит человек чисто природный, но иначе говорит человек духовный; духовный, признавая Бога, признает и Божественное Провидение и даже его видит, но не может обнаружить его перед человеком, думающим лишь в природе и по природе, ибо такой человек не может поднять свой дух над природою, ни усмотреть в видимостях природы что-либо от

Божественного Провидения или в чем-либо сделать заключение по его законам, которые тоже суть законами Божественной Мудрости; если бы явственно он его увидел, то смешал бы его с природою и таким образом, не только бы заслонил его, и, вместо признания, отрицал бы его; а кто сердцем отрицает Божественное Провидение, отрицает и Бога. Пусть мыслят, что Бог управляет всем или пусть, мыслят, что-то природа; мыслящий, что Бог управляет всем, мыслит, что это сама Любовь и сама Мудрость, таким образом, сама Жизнь; но мыслящий, что природа всем управляет, мыслит, что это природная теплота и природный свет, которые между тем мертвы сами в себе, ибо исходят от мертвого солнца.

Не самое ли живое управляет мертвым? Мертвое может ли чем-либо управлять? Если ты мыслишь, что мертвое может дать жизнь себе, ты безумен; жизнь должна исходить от жизни.

183. Представляется неправдоподобным то, что если бы человек видел явственно Божественное Провидение и действие его, он отрицал бы Бога, потому что кажется: если бы кто явственно видел его, то не мог бы не признать его и таким образом признал бы Бога, Но тем не менее это наоборот.

Божественное Провидение не действует никогда в союзе с любовью воли человека, но постоянно действует против этой любви; ибо человек, по своему наследственному злу, всегда стремится в ад самый глубокий, но Господь, своим Провидением, постоянно от ада отклоняет его и извлекает, сперва к более смягченному аду, затем извлекает из ада и, наконец, его возносит к Себе в Небо; эта операция Божественного Провидения постоянна; если бы человек видел явственно или явственно ощущал это действие отклонения или извлечения, он бы восстал, смотрел бы на Бога как на своего врага и, по злу своей соби, отрицал бы Его; посему, дабы человек не видел оного, он удерживается в свободе, по которой только знает, что руководит сам себя.

Но примеры послужат пояснением: человек по наследственности желает быть великим и желает также быть богатым, и насколько эти любви не сдержаны, настолько он желает большего влияния и большего богатства и, наконец, величайшего величия и величайшего богатства; и это бы еще не удовлетворило его, но он желал бы стать выше Бога и обладать самим Небом; такое вожделение скрыто истинно в наследственном зле, и затем в жизни человека и в природе его жизни. Божественное Провидение не отнимает этого зла в одну минуту, ибо если бы оно в одну минуту отняло его, человек бы не жил, но оно отнимает его нечувствительно и постепенно, без всякого ведома о том человека; совершается это в том, что человеку дозволено поступать по мысли, которую он согласует с рассудком, и тогда оно отклоняет его различными средствами, как рациональными, так и гражданскими, и нравственными, и таким образом он отклоняем, насколько может быть в свободе отклонен. Зло не может быть снято с кого-либо, прежде чем не покажется, не будет узнано и признано; оно как рана, которая не может быть излечена, прежде чем не откроется.

Итак, если бы человек знал и видел, что Господь своим Божественным Провидением действует таким образом против любви его жизни, откуда идет ему высшее удовольствие, он не иначе как пошел бы в обратную сторону, гневался бы, противился, повел грубые речи и, наконец, оттолкнул бы своим наследственным злом действия Божественного Провидения, отрицая его и таким образом отрицая Бога; особенно если бы видел, что оно противится его успехам, что он низвергнут со своей значительности и лишен роскоши.

Во всяком случае, следует знать, что Господь не отклоняет никогда человека от искания почета и приобретения богатств, но Он его отклоняет от вожделения искать почета для одного преобладания или для себя лично и от вожделения приобретать богатства для одной роскоши или ради богатств, но, отклоняя его от этих вожделений, Он его вводит в любовь деятельности, дабы взирал он на возвышение не ради себя, но ради дел, и таким образом дабы оно принадлежало деятельности и затем ему лично, а не лично ему и затем деятельности; то же самое с богатством. Что Господь смиряет гордыню и возвышает смиренных, Он тому Сам поучает в Слове, а то, чему Он поучает в Слове, также принадлежит Его Божественному Провидению.

184. То же самое со всяким другим злом, в котором человек по наследственности, например, прелюбодеяния, обманы, мщения, богохульства и другое подобное зло, которое может быть удалено, лишь насколько свобода его держать в мысли и желать представлена человеку; так что таким образом человек его удаляет как бы сам собою, что, однако, может только быть, если признает он Божественное Провидение и молит, дабы это соделано было оным: без этой свободы и, в то же время, без Божественного Провидения, это зло было бы подобно яду, принятому и не изверженному, который вскоре распространился бы повсюду и принес бы смерть; еще оно было бы подобно болезни сердца, которая уничтожает в короткое время все тело.

185. Что это так, лучше узнать можно по людям по смерти их, в духовном Мире; те, которые в мире природном были возвеличены, и богаты, и в почете, также в богатстве имели в виду одного себя, по большей части там говорят сначала о Боге и о Божественном Провидении, как бы признавая их от сердца, но как они тогда видят явственно Божественное Провидение и по нем свою последнюю участь, то есть, что они пойдут в ад, то они соединяются с дьяволами, и не только отрицают Бога, но еще и хулят Его; и затем они впадают в бред признания своими богами самых могущественных дьяволов, и пламенного желания стать самим также богами.

186. Что человек пошел бы против Бога и даже отрицал бы Его, если б видел явственно действия Божественного Провидения, то это потому, что человек в удовольствии своей любви, и это удовольствие составляет самую жизнь его; когда же человек в удовольствии своей любви, то он в своей свободе, ибо свобода и удовольствие составляют одно; если же бы заметил он, что постоянно отклоняем от своего удовольствия, то вознегодовал бы, как негодовал бы на того, кто хотел бы погубить его жизнь, и на кого бы он смотрел как на врага.

Дабы оного не соделалось, Господь не проявляется явно в Своем Божественном Провидении, но им ведет человека так же нечувствительно, как ведет корабль спокойной рекою или благоприятным потоком; поэтому человек лишь знает, что он постоянно в своей соби, ибо свобода с собью составляет одно; из этого очевидно, что свобода присваивает человеку то, что вводит Божественное Провидение, и это не могло бы быть, если бы обнаруживалось оно; что присвоено — остается принадлежностью жизни.

187.IV. Человеку дано видеть Божественное Провидение сзади, а не с лицевой стороны, а также в состоянии духовном, а не в состоянии природном. Видеть Божественное Провидение сзади, а не с лица, — это видеть его потом, а не прежде, видеть же его в состоянии духовном, а не в состоянии природном, — это видеть его от Неба, а не от Мира. Все, получающие наитие Неба и признающие Божественное Провидение — особенно сделавшиеся духовными по преобразованию, — когда видят события в некоторой дивной последовательности, то видят, так сказать, по внутреннему признанию, Божественное Провидение и исповедуют его; они не желают его видеть с лицевой стороны, то есть до его осуществления, из страха дабы воля их не вмешалась во что-либо из порядка его и строя.

Иначе с не допускающими наитие Неба, но лишь наитие Мира, а главным образом с теми, которые, подтвердив видимости в себе, стали природными; такие ничего не видят от Божественного Провидения сзади или потом, но желают видеть его с лица, или до его осуществления; а так как Божественное Провидение действует средствами, и средства эти производятся человеком и миром, то, следовательно, видят ли они его с лица или сзади, они относят его к человеку или к природе и таким образом утверждаются в отрицании его существования. Если они относят его к человеку или к природе, то потому что их разумение закрыто сверху и открыто снизу, следовательно, закрыто со стороны неба и открыто со стороны мира; от мира нельзя видеть Божественного Провидения, а от Неба можно.

Я часто думал в себе, признали ли бы такие Божественное Провидение в случае, если бы их разумение было открыто сверху, и они бы увидели, как в свете дня, что природа сама по себе мертва и человеческий ум сам в себе ничтожен?

Если же та и другой представляются сущими, то это по наитию, и я сознал, что утвердившиеся за природу и за человеческую предусмотрительность не признали бы Божественного Провидения, потому что свет природный, влияющий снизу, погасил бы сейчас свет духовный, наитствующий сверху.

189. Человек, ставший духовным по признанию Бога и разумным по отвержению соби, видит Божественное Провидение повсюду в мире и в каждой и во всех вещах мира; смотрит ли он на природное, — он его видит, смотрит ли он на гражданское, — он его видит, смотрит ли на духовное, — он его видит, и видит, как в совокупном, так и в последовательном, в целях, в причинах, в явлениях, в формах, в великом и в малом видит он его; главным образом относительно спасения людей в том, что Иегова дал Слово и, посредством него, их научил о Боге, о небе и аде, о будущей жизни, и в том, что пришел Сам в мир искупить и спасти людей; посредством духовного света человек это видит в свете природном и многое другое, а в том числе Божественное Провидение.

Но человек чисто природный не видит ничего из этого; он как тот, кто видит великолепный храм и слышит проповедника, просвещенного в предметах Божественных, и придя к себе говорит, что видел только каменный дом и слышал только раздававшийся звук; или как близорукий, который входит в сад, замечательный плодами всякого рода, и по возвращении сказывает, что видел только лес и деревья. Когда такие люди, став по смерти Духами, бывают вознесены в ангельское Небо, где все предметы суть прообразовательными формами любви и мудрости, они не видят этих предметов, ни того даже, что они там; это видел я со многими, отрицавшими Божественное Провидение Господа.

190. Есть множество вещей постоянных, созданных для того, чтобы могли существовать вещи непостоянные; постоянные вещи суть определенные возвраты восхода и захода солнца и луны и также звезд; их затемнения через заступление, называемые затмением; их теплота и их свет — времена года, называемые весна, лето, осень и зима, и времена дня, которые суть утро, полдень, вечер и ночь; то же атмосферы, воды, земли, взятые отдельно; способность прозябания в Царстве растительном и эта же способность, а также дето рождаемость в Царстве животном, затем то, что по вышесказанному совершается постоянно, когда приведено оно в действие, согласно с законами порядка. Устроены Промыслом от создания все эти и многие другие вещи, дабы бесчисленные вещи непостоянные могли существовать; в самом деле, вещи изменяемые могут лишь существовать в вещах постоянных, утверждаемых и определенных.

Но это будет пояснено примерами: изменяемость в растительности не имела бы места, если бы восход и заход солнца и затем теплота и свет не были постоянны. Звуки бесконечно разнообразны, но они бы не имели места, если бы атмосферы в своих законах и уши в своей форме не были постоянны; разнообразия зрения, тоже бесконечные, не существовали бы, если бы эфир в своих законах и глаз в своей форме не были бы постоянны; подобно тому цвета, если бы свет не был постоянен; то же самое с мыслями, со словами, с действиями изменяемости бесконечной: они бы не существовали, если бы органические части тел не были постоянны.

Не должен ли быть дом постоянен, дабы разнообразные в нем вещи могли быть проделаны человеком? Точно также храм, дабы различные обрядности культа, проповеди, поучения и благочестивые размышления в нем могли происходить; так и с остальным. Что же касается самих изменяемостей, происходящих в вещах постоянных, утвержденных и определенных, то они идут в бесконечность и не имеют конца, а между тем никогда нет ни одной, совершенно схожей с другою, во всем существующем во вселенной, и не будет в последующем.

Кто же располагает этими изменяемостями, идущими до бесконечности и вечно, дабы они в порядке были, как не Тот, Кто создал вещи постоянные с тою целью, дабы изменяемые существовали в них? И кто же может располагать бесчисленными изменяемостями жизни людской, как не Тот, Кто есть самою Жизнью, то есть, самою Любовью и самою Мудростью? Разве без Его Божественного Провидения, которое есть как бы продолженным творением, бесконечные чувства людей и затем их бесконечные мысли, и таким образом сами люди могли быть приведены составлять одно: чувства и мысли дурные — одного дьявола, который есть Адом, чувства и мысли добрые — одного Господа в Небе? Что все ангельское Небо пред лицем Господа как один Человек, который есть Его образ и подобие, и что весь Ад в обратности как один человек-чудовище, было несколько раз сказано и пояснено. Эти замечания приведены, так как некоторые природные люди извлекают даже из вещей постоянных и утвержденных, — которые суть потребностями той цели, дабы изменяемые существовали в них, — доводы своего бреда в пользу природы и в пользу собственной предусмотрительности.

Глава пятая

СОБСТВЕННАЯ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ НИЧТОЖНА, НО ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ, И ДОЛЖНА ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ КАК БЫ СУЩЕСТВУЮЩЕЮ, НО БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ ПО ОСОБЕННОСТЯМ УНИВЕРСАЛЬНО

191. Что собственная предусмотрительность ничтожна, оное совершенно против видимости и затем против верования многих; а потому что это так, тот, кто по видимости в веровании, что человеческая предусмотрительность делает все, не может убедиться в противном, иначе как доводами глубокого исследования, которые должны быть извлечены из причин; видимость эта есть явление: причины же те открывают, откуда оно происходит.

В этом предварении будет сказано нечто об общем верования по этому предмету. Против этой видимости поучения Церкви, что любовь и вера, затем мудрость и ум, и, следовательно, предусмотрительность идут не от человека, а от Бога; допуская истины эти, надобно также допустить, что собственная предусмотрительность ничтожна, но только кажется существующею; предусмотрительность исходит от ума и мудрости, ум же и мудрость от разумения и, таким образом, от мысли истины и добра. Сказанное допускается и принимается верою признающим Божественное Провидение, но не признающими одну человеческую предусмотрительность.

Теперь, или истина в том, чему поучает Церковь, что всякая мудрость и всякая предусмотрительность исходят от Бога, или же в том, чему учит Мир, что всякая мудрость и всякая предусмотрительность исходят от человека; возможно ли согласить это иначе, как сказав, что учение Церкви есть истина, а учение Мира есть видимость?

Ибо Церковь подтверждает свое предположение Словом, но Мир подтверждает свое собью; Слово же от Бога, и собь от человека. Так как предусмотрительность от Бога, а не от человека, то христианин, в состоянии набожности, молит Бога руководить его мыслями, намерениями и делами и прибавляет также: потому что не может этого сам; видя, что кто-либо делает добро, он говорит, что тот был приведен к оному Богом, и многое другое тому подобное.

Может ли кто-либо говорить так, не веря внутренне, а верить внутренне тому — от Неба; думая же в самом себе и собирая доводы в пользу человеческой предусмотрительности, он может мыслить обратное, и то от Мира, но внутренняя вера — победительница в тех, кто сердцем признает Бога, а внешняя вера победительница в тех, кто сердцем не признает Бога, хотя признает устами.

192. Было сказано, что тот, кто из-за видимости в той вере, что человеческая предусмотрительность делает все, может быть убежден в противном только доводами глубокого исследования, которые должны быть извлечены из причин; для того же дабы доводы, извлеченные из причин, представлялись с ясностью разумению, они будут представлены в следующем порядке:

I. Все мысли человека исходят от чувств его жизненной любви, и без этих чувств нет и не может быть никакой мысли.

II. Чувства жизненной любви человека известны одному Богу.

III. Чувства жизненной любви человека ведутся Господом посредством Его Божественного Провидения, а его мысли, от которых происходит человеческая предусмотрительность, ведутся одновременно.

IV. Господь своим Божественным Провидением, соединяет вместе чувства Рода Человеческого в одну форму, которая есть формой человеческой.

V. Оттого Небо и Ад, происходящие из Человеческого Рода, в такой форме.

VI. Признающие одну природу и одну человеческую предусмотрительность составляют Ад, а признающие Бога и Его Божественное Провидение составляет Небо.

VII. Все оное не может иметь место, если только человеку не кажется, что он сам собою мыслит и сам собою располагает.

193. I. Все мысли человека исходят от чувств его жизненной любви, и без этих чувств нет и не может быть никакой мысли. Что такое жизненная любовь, и что такое в естестве своем чувства и затем мысли, а от них ощущения и действия, существующие в теле, было показано выше в этом Трактате, а также в Трактате под заглавием: Ангельская Мудрость О Божественной Любви и Божественной Мудрости, специально в первой части и в пятой.

Теперь, так как от них происходят причины, из которых истекает человеческая предусмотрительность, как явление, то необходимо привести здесь нечто, относительно оных, ибо изложенное в другом месте не может быть в связи, как предложение, с изложенным впоследствии, если только не на помнится оно и не воспроизведется.

Выше в Трактате этом, и в вышеупомянутом Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости было показано, что в Господе Божественная Любовь и Божественная Мудрость, обе суть самою Жизнию, и по обоим в человеке Воля и Разумение, по Божественной Любви Воля и по Божественной Мудрости Разумение; что воле и разумению соответствуют в теле сердце и легкое; и в этом можно видеть, что как биение сердца в связи с движением легкого управляют всем человеком, что до тела, так же и воля в связи с разумением управляет всем человеком, что до духа; что таким образом в каждом человеке два начала жизни, одно природное, другое духовное, и что начало природной жизни есть движение сердца, а начало духовной жизни — воля духа; что то и другое сочетает с собою товарища, с которым сожительствует и исполняет функции жизни, сердце сочетает с собою легкое, а воля — разумение.

Теперь, так как душою воли есть любовь, то и другое исходящее от Господа, то явствует из этого что любовь есть жизнью каждого и что жизнь эта соответствует сочетанию любви с мудростью или, что то же самое, воля есть жизнию каждого и эта жизнь соответствует сочетанию воли с разумением; но об этом предмете можно видеть полнее в данном Трактате, а главным образом в Трактате о Божественной Любви и Божественной Мудрости, первая и пятая части.

194. В этих же самых Трактатах было показано, что жизненная *любовь* производит из себя подчинительные *любви*, называемые чувствами, что таковые суть внешними и внутренними, и взятые вместе, они составляют как бы управление или государство, в котором жизненная *любовь* как бы *властитель* и государь; затем еще было показано, что эти подчинительные *любви* или эти чувства присоединяют к себе подруг, каждое свою, чувства внутренние подруг, называемых сознаниями, и чувства внешние подруг, называемых мыслями; что каждое сожительствует со своею подругой и выполняет функции жизни; что сочетание одного с другим есть как сочетание естества жизни с жизненным существованием, которое таково, что оно не есть чем-*либо*, если не одновременно оно с другим; что такое естество жизни, если оно не существует, и что такое существование жизни, если оно не происходит от жизненного естества?

Затем также что сочетание жизни есть как сочетание звука и гармонии, или звука и речи, и вообще, как сочетание биения сердца с движением *легкого*, которое таково, что одно не есть чем-нибудь без другого, и что одно становится чем-*либо* по сочетанию с другим. Сочетания должны быть в них или соделаны ими. В пример возьму звук.

Воображающий, что звук есть чем-*либо*, если в них нет отличительного, ошибается; звук также соответствует чувству в человеке и потому что в звуке всегда есть что-*либо* отличительное, по звуку речи человека узнают чувство его *любви*, а по вариации звука, которое есть речь узнают его мысль; от этого по одному звуку говорящего мудрейшие ангелы постигают *любви* его жизни вместе с определенными чувствами, которые их сопровождают.

Оное приведено для сведения, что нет чувства без его мысли, ни мысли без ее чувства. Но можно видеть этот предмет полнее в настоящем Трактате выше, и в Мудрости Ангельской О Божественной *Любви* и Божественной Мудрости.

195. Теперь, так как жизненная любовь имеет свое удовольствие, а ее мудрость свое обаяние, то же самое с каждым чувством, которое в своем естестве есть подчинительной любовью, произведенной от жизненной любви, как ручей от своего источника, или как ветвь от своего дерева, или как артерия от своего сердца; посему каждое чувство имеет свое удовольствие и также каждое сознание, и каждая мысль имеет свое обаяние, из чего следует что эти удовольствия и эти обаяния составляют жизнь человека.

Что такое жизнь без удовольствия и без обаяния? Это не что-либо одушевленное, это неодушевленное; уменьши удовольствие и обаяние, и ты станешь холоден и оцепеней, отними их, и ты умрешь; от удовольствий чувства и от обаяний сознаний и мыслей есть жизненная теплота. Потому что каждое чувство имеет свое удовольствие и затем каждая мысль свое обаяние, можно видеть откуда происходят добро и истина и затем что такое добро и истина в их естестве: добром для каждого есть удовольствие его чувства; а истина есть обаяние его мысли; в самом деле каждый называет добром то, что ощущает как удовольствие, по любви своей воли, и называет истиною то, что затем сознает как обаяние, по мудрости своего разумения, то и другое изливается из жизненной любви, как вода изливается из своего источника, или как кровь изливается из сердца; взятые вместе они как волна или как атмосфера, в которой все человеческого духа.

Эти удовольствие и обаяние суть духовны в духе, но в теле они природны; с той и с другой стороны они составляют жизнь человека. Поэтому ясно видно, что в человеке называется добром и что называется истиною, затем также что в человеке называется злом и что называется ложью, а именно, что для него зло то, что уничтожает удовольствие его чувства, а ложь то, что затем уничтожает обаяние его мысли; также что зло по своему удовольствию и ложь по своему обаянию могут быть названы и приняты верою как добро и истина.

Добро и истины суть в действительности изменениями и вариациями состояния форм духа, но эти изменения и вариации сознаются и живут единственно своими удовольствиями и обаяниями. Эти подробности даны, дабы знали, что такое чувство и мысль в их жизни.

196. Теперь, так как мыслит дух человека, а не тело, и мыслит по удовольствию своего чувства, и так как дух человека есть его дух, живущий по смерти, то явствует, что дух человека есть безусловно не что иное, как чувство и затем мысль.

Что не может быть никакой мысли без чувства, явно обнаруживается на Духах и на Ангелах в духовном Мире в том, что там все мыслят по чувствам своей жизненной любви и каждый окружен удовольствием этих чувств, как своею атмосферою; и в том, что там сочетаемы сообразно со сферами, испаряемыми (exhalatas) из их чувств их мыслями: каждый так же по сфере своей жизни известен таким, как он есть.

Поэтому можно видеть, что всякая мысль исходит из чувства и есть формою своего чувства. То же самое с волею и разумением, то же самое с добром и истиной и то же самое с милосердием и верой.

197. II. Чувства жизненной любви человека ведомы одному Господу. Человек знает свои мысли и свои намерения, потому что видит их в себе, а так как всякая предусмотрительность от них происходит, он также видит предусмотрительность в себе; если тогда любовью его жизни есть любовь к себе, то он входит в гордость собственного ума и предусмотрительность к себе относит; он собирает аргументы в пользу нее и таким образом удаляется от признания Божественного Провидения: то же самое, если любовь к миру есть его жизненной любовью, но, впрочем, удаляется он не в такой степени тогда.

Из того очевидно, что эти любови относят все к человеку и его предусмотрительности, и если внутренне расследовать их, то ничего не относят к Богу и ничего к Его Божественному Провидению; раз же случайно люди любовей таких услышат, что истина в том, что человеческая предусмотрительность ничтожна, и что одно Божественное Провидение всем управляет, то, если они совершенные атеисты, они смеются над тем; если же удерживают в памяти нечто из религии, а говорят им, что всякая мудрость исходит от Бога, они, правда, утверждают это предложение, раз услышали его, но, тем не менее, внутренне, в духе своем его отрицают.

Таковы особенно священники, любящие себя более чем Бога и любящие мир больше неба или, что-то же самое, поклоняющиеся Богу ввиду почета и наживы, а тем не менее проповедующие, что милосердие и вера, что всякое добро и всякая истина, что всякая мудрость и даже всякая предусмотрительность исходят от Бога и ничто из этого не идет от человека.

Однажды в Мире духовном я слышал спор двух священников с одним посланником, по предмету человеческой предусмотрительности, от Бога ли она или от человека; спор был оживлен; они все трое сердцем верили одно и то же, а именно: что человеческая предусмотрительность совершает все, а Божественное Провидение ничего не совершает; но священники, которые были тогда в рвении богословском, говорили, что ничто мудрости и предусмотрительности не идет от человека, а как посланник возражал, что таким образом ничто от любви не от человека, то они говорили — ничто.

Но так как Ангелами сознано было, что все они трое одного верования, то было сказано посланнику: "Оденься в платье священника, думай, что ты священник и тогда говори". Тот оделся, стал думать, что он священник и громким голосом объявил, что ничего от мудрости, ни от предусмотрительности не может никогда быть в человеке, иначе как Богом; и он поддерживал это своим обычным красноречием полным доводов рациональных.

Затем было также сказано и этим двум священникам: "Снимите ваши платья и наденьте платья политических деятелей и думайте, что вы посланники". Они так сделали и тогда стали мыслить по своему внутреннему и говорить согласно с аргументами, которые перед этим держали в себе, в пользу человеческой предусмотрительности, против Божественного Провидения. Затем все трое, будучи одного верования, стали сердечными друзьями и избрали вместе дорогу собственной предусмотрительности, ведущей в ад.

198. Было выше показано, что никакая мысль человеческая иначе не существует, как по известному чувству *л*юбви, и что мысль есть не что иное, как форма чувства: что человек затем видит мысль свою, но не видит своего чувства, а ощущает его, из чего явствует, что согласно со зрением, которое в видимости, он решает, что собственная предусмотрительность совершает все, а не согласно с чувством, которое невидимо, но ощутительно; в самом *д*еле, чувство проявляется *л*ишь некоторым удовольствием мысли и некоторым наслаждением рассуждения об этом удовольствии, и тогда это удовольствие и наслаждение состав*л*яют одно с мыслью у тех, кто в веровании собственной предусмотрительности, по *л*юбви к себе и по *л*юбви к миру, и мысль течет в своем удовольствии, как судно в потоке реки, на который кормчий не обращает внимания, взирая *л*ишь на распущенные им паруса.

199. Человек, по правде, может размышлять об удовольствии своего внешнего чувства, когда это удовольствие составляет как бы одно с удовольствием его телесного ощущения, но все же он не думает, что это удовольствие исходит из удовольствия его чувства в мысли. Например, когда развратник видит проститутку, взгляд его блестит огнем сладострастия, от коего он ощущает удовольствие в том, но не ощущает удовольствия своего чувства или своего вожделения в мысли, разве только некоторое пламенное желание в связи с телом; то же самое с разбойником в лесу, когда он видит путешественников или с пиратом в море, при виде кораблей; то же самое с другими; что эти удовольствия управляют мыслями человека и что без них мысли — ничто, это очевидно; человек же думает, что это только мысли, когда между тем мысли суть только чувствами собранными в форму его жизненною любовью, дабы проявлялись в свете они; ибо всякое чувство в теплоте и всякая мысль в свете.

В оном внешние чувства мысли, обнаруживающиеся в ощущениях, но редко в мысли духа. Что же касается до внутренних чувств мысли, по которым существуют чувства внешние, то они не обнаруживаются никогда перед человеком: человек о чувствах этих знает не более чем знает путешественник, спящий в карете, о дороге, по которой проезжает он, и не более чем ощущаемы вращательные движения земли. Теперь, так как человек не знает ничего о происходящем во внутренних его духа, беспредельных до того, что они не могут быть определены числами, между тем как малочисленные внешние, доходящие до зрения его мысли, производятся внутренними и один Господь управляет внутренними, своим Божественным Провидением, и управляет, вместе с человеками, малочисленными внешними, как же тогда кто-либо может сказать, что его предусмотрительность все совершает? Если бы ты видел открытой одну лишь идею мысли, ты бы увидел больше чудес, чем язык может выразить.

Что во внутреннем духе человека столько вещей бесконечных, не подлежащих определению числами, очевидно по бесконечным вещам в теле, от которых не достигает до зрения и до ощущения ничего, кроме очень простого акта, коему однако же способствуют тысячи мускульных или двигательных волокон, тысячи нервных волокон, тысячи кровеносных сосудов, тысячи частей легкого, которое содействует в каждом акте, тысячи частей мозгов головных и спинного, и гораздо еще более в духовном человеке, который есть духом человеческим и которого частности суть формы чувств и затем формы сознаний и мыслей. Душа, располагающая внутренними, не располагает ли также действиями, по внутренним; душа человека ничто иное как любовь его воли и затем любовь его разумения; какова эта любовь, таков весь человек и он становится таким согласно с расположением внешним, в которых человек одновременно с Господом; если все относит он к себе и к природе, то душа становится любовью к себе; если же он все относит к Господу, то душа становится любовью к Господу; эта любовь есть небесною любовью, а та любовью адскою.

200. Теперь, по тому, что удовольствия чувств человека влекут его от сокровенных внутренних к внешним и наконец к наружным, которые в теле, как волна или воздух влекут корабль, и ничто не проявляется перед человеком, кроме того, что совершается в наружных духа и в наружных тела, как тогда может человек относить к себе Божественное, потому только, что эти малочисленные наружные ему представляются как бы своими?

И, тем не менее, должен он относить к себе Божественное, зная по Слову, что человек не может что-либо принять сам собою, если не будет это дано ему с Неба, зная также по Рассудку, что эта видимость ему дана, дабы он жил человеком, дабы он видел, что такое добро и зло, дабы он выбирал то или другое, дабы он усвоил выбранное, ради взаимного сочетания с Господом, ради своего преобразования, возрождения, спасения и жизни в вечности.

Что эта видимость дана человеку, дабы он действовал в свободе, по рассудку, таким образом, как бы сам собою, и дабы не оставался со сложенными руками, в ожидании наития, было сказано и показано выше. Из этого следует подтверждение того, что имело быть доказано в-третьих, а именно:

III. Чувства жизненной любви человека ведутся Господом посредством Его Божественного Провидения, а его мысли, от которых происходит человеческая предусмотрительность, ведутся одновременно.

201.IV. Господь Своим Божественным Провидением соединяет вместе чувства любви всего Человеческого Рода в одну форму, которая есть формой человеческой. Что в оном универсальность Божественного Провидения, будет видно в следующем параграфе; относящие все к природе, все относят также к человеческой предусмотрительности; ибо относящие все к природе отрицают сердцем Бога, относящие же все к человеческой предусмотрительности отрицают сердцем Божественное Провидение, одно нераздельно с другим.

Все же те и другие, из-за славы доброго имени и боязни потерять ее, говорят устами, что Божественное Провидение универсально, что частности его у человека, и эти частности в полном составе разумеются под человеческой предусмотрительностью. Но размысли в самом себе: что такое универсальное Провидение, если частности отделены от него? Разве иное это что, как не простое слово?

Ибо универсальным называется образованное из соединенных частиц, так же как общим называют то, что существует частностями; если же отделишь ты единичные, чем тогда будет универсальное, как не чем-либо в себе пустым, в роде поверхности, внутри которой ничего нет, или слагаемою из ничего? Если сказать, что Божественное Провидение есть универсальное Правление, когда ничто не управляемо, но содержит все в сцеплении, и предметы, подлежащие правлению, располагаемы другими, может ли это быть названо правлением универсальным?

Ни у какого государя нет такого правления, ибо если бы Государь предоставлял своим подданным управлять всем в его государстве, то он бы не был государем, а только бы им назывался и таким образом обладал бы честью названия, а не честью самого дела; нельзя сказать, что есть правление у такого государя, а тем более универсальное правление Провидение у Бога названо предусмотрительностью у человека; так же, как предусмотрительность не может быть названа универсальною у Государя, который предоставил себе только название государя, дабы государство его было государством и под держалось бы; и Провидение не могло быть названо универсальным, если бы люди способствовали всему собственною предусмотрительностью.

То же самое с названием универсального Провидения и универсального правления в применении к природе, когда говорят, что Бог создал вселенную и предоставил природе все производить собою: чем бы в таком случае было универсальное Провидение, как не термином метафизическим, который есть ничем, кроме слова?

Среди относящих все производимое к природе и все, совершаемое людской предусмотрительности есть также много мыслящих о Божественном Провидении как о слове, лишенном смысла.

Но действительно то, что Божественное Провидение — в мельчайших особенностях природы и в мельчайших особенностях человеческой предусмотрительности и что по этим мельчайшим особенностям оно универсально.

202. Божественное Провидение Господа универсально по мельчайшим особенностям в том, что Господь создал вселенную, дабы Им существовало в ней творение бесконечное и вечное, и творение существует тем, что Господь образует из людей Небо, которое перед Ним как один человек — Его образ и подобие; что Небо, образованное из людей, таково перед лицом Господа и что оно было целью творения, — показано выше (**27-45**); что Божественное во всем соделываемом имеет в виду бесконечное и вечное (см. **56-69**), имеемое в виду Господом при образовании из людей своего Неба в том, чтобы оно приумножалось до бесконечности и вечно и чтобы таким образом Он Сам обитал постоянно в цели своего творения.

Этому, по Творению бесконечному и вечному, Господь способствовал, промыслом, творением вселенной, и Он постоянно в этом творении Своим Божественным Провидением. Кто, зная и веруя по учению Церкви, что Бог Бесконечен и Вечен — ибо во всех Церквях христианского мира сказано, что Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святый Бесконечен, Вечен, Несотворен, Всемогущ (см. символ Анастасия), — может быть настолько лишен рассудка, дабы, раз услышав, не подтвердить, что Бог в своем великом деле творения не может иметь в виду иного, как бесконечное и вечное, — ибо что же иное может Он иметь в виду, действуя от Себя, и что имеет это Он в виду в Человеческом Роде, из которого образует Небо?

Может ли Божественное Провидение иметь целью что-либо иное, как не Преобразование Рода Человеческого и его Спасение? Никто же быть не может преобразован сам собою, посредством своей предусмотрительности, но преобразует Господь посредством своего Божественного Провидения, из чего явствует, что если бы Господь не руководил человеком каждую минуту, самую даже малейшую, то человек сошел бы с пути и погиб; каждое движение и изменяемость в духе человеческом производит некоторое движение и некоторую изменяемость в серии вещей настоящих, значит и последующих; не должно ли то же самое быть поступательно в вечности?

Это как стрела, пущенная из лука, если бы, вылетев, она хотя бы малейше уклонилась от цели, то уклонение это на расстоянии одной или нескольких миль было бы громадно; то же самое было бы, если бы Господь в каждую минуту самую малейшую не направлял состояний человеческого духа.

Господь соделывает оное по законам своего Божественного Провидения; и соответствует этим законам то, чтобы казалось человеку, что он руководит сам собою; но Господь предвидит как тот поведет себя и постоянно приноравливает (accommodat). Что Законы попущения суть тоже законами Божественного Провидения, что всякий человек может быть преобразован и что ничего нет предопределенного, будет видно впоследствии.

203. Затем, так как всякий человек по смерти живет вечно и получает, соответственно жизни своей, место в Небе или в Аде, то и другое, как Небо, так и Ад, должны быть в форме, действующей как одно, что уже было сказано, и так как в этой форме никто не может получить иного места, как свое, то явствует, что род человеческий на всем земном шаре пребывает под Богом, что каждый с детства до конца жизни руководим Господом в самых мельчайших особенностях (in singularissimus) и его место предвидится, и в то же время Промыслом приспособляется тому. Из оного очевидно, что Божественное провидение универсально, ибо оно в самых особенностях, и что в том и есть Творение бесконечное и вечное, которому Господь способствовал Промыслом для Самого Себя, созданием вселенной. Человек не может ничего увидеть в этом универсальном Провидении, а если бы увидел, то оно представилось бы его глазам, как представляются перед прохожими кучи материалов, разбросанных в беспорядке, из которых должно построить дом; но перед Господом оно как великолепный дворец, которого устройство и увеличение постоянно.

204.V. Небо и Ад суть в такой форме. Что Небо в форме человеческой, было показано в Трактате О Небе и об Аде, изданном в Лондоне в 1758 г. (**59-102**), и также в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости, и еще в данном Трактате, в нескольких местах, почему и бесполезно подтверждать оное полнее. Сказано, что также Ад в человеческой форме, но эта форма человеческая чудовищная, как форма дьявола, под которым разумеется Ад во всем составе: Ад в форме человеческой, потому что в нем рожденные также людьми и обладающие также двумя человеческими особенностями — Свободою и Рациональностью, хотя они и злоупотребили Свободою, дабы желать и делать зло, и Рациональностью, дабы его мыслить и подтверждать.

205.VI. Признавшие одну природу и одну человеческую предусмотрительность составляют Ад, а признавшие Бога и Его Божественное Провидение составляют Небо. Все, ведущие дурную жизнь, внутренне признают одну природу и одну человеческую предусмотрительность; признание той и другой скрыто в каждом зле, хотя бы затеняемом добром и истинами; эти последние, — как занятые одежды или как тленные гирлянды цветов, окружающие зло, дабы оно не появлялось в своей наготе.

Что все, ведущие дурную жизнь, внутренне признают одну природу и одну человеческую предусмотрительность — неизвестно, по причине того общего затемнения, ибо оно скрывает оные от зрения; но все же они их признают, как это можно видеть по происхождению и по причине такого признания, и для открытия ее будет сказано, откуда происходит и что такое собственная предусмотрительность; затем откуда происходит и что такое Божественное Провидение, затем еще кто и каковы признающие одно и признающие другую, и, наконец, что признающие Божественное Провидение — в Небе, а признающие собственную предусмотрительность — в аду.

206. Откуда происходит и что такое собственная предусмотрительность. Она происходит от соби человека, соби, которая есть его природой и называется душой, переданною от отца; эта собь есть любовь к миру, или любовью к себе.

Любовь к себе такова, что лишь себя принимает во внимание и смотрит на других как на низких или ничтожных; если же считает кого-либо во что-нибудь, то лишь по степени от него почести и уважения. Интимно в этой любви, как усилие к оплодотворению и производительности в семени, скрыто желание величия — если возможно сделаться царем и после, по возможности, стать Богом; таков дьявол, ибо он — сама любовь к себе; он таков, что обожает себя и благоприятен тому, кто ему поклоняется; другого дьявола, подобного ему, он ненавидит, потому что хочет быть обожаем один.

Так как не может быть никакой любви без подруги — подруга же любви или воли в человеке называется разумением, — то, когда любовь к себе внушает свою любовь разумению, своей подруге, любовь эта в нем становится гордостью, и это гордость собственной предусмотрительности.

Теперь, так как любовь к себе желает быть единым властителем мира, и, следовательно, также Богом, то вожделения зла, которые суть его державами, живут этой любовью; также и сознания вожделений, которые суть лукавствами, и удовольствия вожделений, которые суть злом, и мысли их, которые суть ложью: все они как бы служители и управители своего господина и действуют согласно со всеми его прихотями, не ведая, что не действуют они, но приводимы в действие; они приводятся в действие любовью к себе, посредством гордости собственной предусмотрительности; отсюда явствует, что во всяком деле скрыта, по его происхождению, собственная предусмотрительность.

Что признание одной природы также скрыто в нем, это потому, что любовь к себе закрыла окно своей кровли, которым открывается небо, и также боковые окна, дабы не видеть и не слышать, что один Господь всем управляет, что природа сама в себе мертва, что собь человека есть адом, и затем любовь соби есть дьявол; и тогда она с закрытыми окнами во мраке и там устраивает себе очаг, при котором садится со своею подругою, и дружески рассуждают они в пользу природы против Бога и в пользу собственной предусмотрительности против Божественного Провидения.

207. Откуда происходит и что такое Божественное Провидение. Оно есть Божественным действием в человеке, удалившем любовь к себе, ибо любовь к себе, как было сказано, есть дьявол, и вожделения с их удовольствиями суть злом его Царства, которое есть ад; по удалении этой любви, Господь вступает с чувствами любви к ближнему, Он открывает окно кровли и затем боковые окна, и соделывает, что человек видит, что есть Небо, что есть жизнь по смерти и что есть вечное блаженство, и духовным светом одновременно с духовною любовью, которые тогда наитствуют, Он заставляет его признать, что Бог управляет всем Своим Божественным Провидением.

208. Кто и каковы признающие одно и признающие другую. Признающие Бога и Его Божественное Провидение суть, как и Ангелы в Небе, имеющие отвращение быть руководимы сами собою и любящие быть руководимы Господом; признак их ведения Господом тот, что они любят ближнего. Наоборот, признающие природу и собственную предусмотрительность суть как адские духи, имеющие отвращение быть руководимы Господом и любящие быть руководимыми собою; если они были высокими лицами в государстве, то желают властвовать над всем; подобно же тому, если они главенствовали в Церкви; если же были они судьями, то искажают приговоры и господствуют над законами; если учеными — то применяют науки к подтверждению соби человека и природы, если купцами — то поступают как воры, если хлебопашцами — то поступают как разбойники; все они враги Бога и насмехаются над Его Божественным Провидением.

209. Удивительно, что когда открывается Небо для тех, кто такие, и им говорят, что они безумны, и даже это обнаруживается перед их сознанием, что соделывается наитием и просветлением, они однако в гневе закрывают себе небо и обращают глаза на землю, под которою Ад; это происходит в духовном мире с теми, кто еще вне ада и кто таковы.

Из оного ясно видно заблуждение мыслящих: "Если бы я видел Небо и слышал говорящих со мною Ангелов, то я поверил бы". Впрочем, их разумение признает, но, если воля одновременно не признает, выходит, что не признают они; ибо любовь воли внушает разумению все, что желает, а не наоборот; даже более — эта любовь истребляет в разумении все, что не от нее исходит.

210. Все это не может иметь места, если только не представляется человеку, что он мыслит сам собою и располагает сам собою. Если бы человеку не представлялось, что он живет как бы сам собою и таким образом мыслит, желает, говорит и действует как бы сам собою, человек бы не был человеком, что и было вполне доказано в предыдущем.

Из того явствует, что если не располагает человек, как бы по собственной предусмотрительности, всем присущим его деятельности и его жизни, то он не может быть ни веден, ни располагаем Божественным Провидением; ибо он тогда как кто-либо, стоящий с опущенными руками, с открытым ртом, с закрытыми глазами и с удержанным дыханием, в ожидании наития; таким образом, он бы сбросил с себя человечность, которая принадлежит ему, по сознанию и ощущению, что он живет, думает, желает и действует как бы сам собою; и в то же время он бы сбросил с себя две способности:

Свободу и Рациональность, которыми он отличается от животных: что без этой видимости никакой человек не имел бы ни восприятия, ни воздействия, ни, следовательно, бессмертия, было показано выше в данном Трактате и в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости. Если же ты хочешь быть веден Божественным Провидением, то пользуйся предусмотрительностью, как служитель или управитель, с верностью распоряжающийся добром своего господина; эта предусмотрительность есть талант, данный служителям, да приумножат его и в котором они должны дать отчет (***Лука, XIX, 13-25; Матф. XXV, 14-31***).

Сама предусмотрительность представляется человеку собственной, и пока верит человек, что она собственная его, он удерживает заключенным в себе самого ожесточенного врага Бога и Божественного Провидения, то есть любовь к себе; эта любовь живет во внутренних каждого человека по рождению; если ты не знаешь ее — она не желает быть узнанною, — то живет она в безопасности и стережет дверь, дабы та не была отворена человеком, и таким образом не изгнал бы ее Господь.

Дверь отворена человеком, когда он избегает как бы сам собою зол как грехов, признавая, что это руководимо Господом. Такая предусмотрительность составляет одно с Божественным Провидением.

211. Если Божественное Провидение действует так потаенно, что едва кто-либо знает о его существовании, то это дабы человек не погиб; ибо собь человека, которая есть волею его, никогда не составляет одно с Божественным Провидением; в соби человека врожденная к нему вражда, ибо эта собь есть змеем, соблазнившим наших прародителей и о котором сказано: "Вражду Я положу между тобою и женою, между твоим семенем и ее семенем и ее семя раздавит твою главу", (**Бытие, III, 15**). Змей — это зло всякого рода, его глава — любовь к себе, семя жены — Господь; вражда, положенная между ними, это между любовью соби человека и Господом, следовательно, также между собственной предусмотрительностью человека и Божественным Провидением Господа, ибо собственная предусмотрительность не перестает поднимать голову, а Божественное Провидение не перестает нагибать ее. Если бы человек это ощущал, он бы возмутился и восстал против Бога и погиб, между тем как не ощущая этого, он может возмущаться и восставать против людей, против себя самого и против судьбы, и от того не погибает.

Из оного явствует, что Господь своим Божественным Провидением постоянно ведет человека в свободе, и свобода не иначе представляется человеку как его принадлежностью; вести же в свободе кого-либо, противящегося ведущему, — это как бы поднимать с земли груз тяжелый и упорчивый машинами, силою которых тяжесть и упорчивость не ощущается; то же как если бы кто был у врага, который втайне намеревался бы его убить, а друг бы вывел его неведомыми проходами и затем открыл ему намерение врага.

212. Кто не рассуждает о фортуне и, кто не признает ее, так как говорит о ней и знает ее по опыту? Но кто не знает, что такое фортуна? Что это что-нибудь, потому что есть оно и потому что имеет место, оного отрицать нельзя; оно же не может быть чем-нибудь и не может иметь места без причины; но причина этого чего-то или фортуны неизвестна; во всяком случае, дабы она отрицаема не была, потому лишь, что причина неизвестна, возьми кости или карты и играй, или расспроси играющих, кто среди них отрицает фортуну?

Ибо они чудесно играют с нею, и с ними она. Кто может бороться с нею, если она упорствует? Не смеется ли она над предусмотрительностью и мудростью? В то же время, как ты двигаешь костями и бросаешь картами, не кажется ли тебе, что она знает и располагает движениями руки, дабы благоприятствовать по некоторой причине одному более, чем другому?

Может ли быть причина от чего-либо иного, как не от Божественного Провидения, в-последних, где вещами постоянными и изменяемыми оно чудесно действует с человеческою предусмотрительностью и скрывается в то же время? Что Язычники некогда признавали Фортуну и ей воздвигали храм, так же, как Итальянцы в Риме, — достоверно.

О Фортуне этой, которая есть, как сказано, Божественным Провидением в-последних, мне дано было знать многие вещи, которые мне не дозволено объявить; ими для меня стало очевидно, что оное — не заблуждение духа, не игра природы, не что-либо беспричинное, ибо это все — ничто, но наглядное свидетельство того, что Божественное Провидение в самых особенностях мыслей и поступков человека. Так как Божественное Провидение в самых особенностях дел таких ничтожных и маловажных, почему Ему не быть в самых особенностях дел не ничтожных и не маловажных, каковы суть в Мире дела мира и войны, и даже спасения и жизни в Небе?

213. Но знаю, что человеческая предусмотрительность сильнее привлекает рациональное на свою сторону, чем Божественное Провидение привлекает его на свою, по той причине, что Божественное Провидение не обнаруживается, а человеческая предусмотрительность на виду. Легче допустить, что есть единая Жизнь, которая есть Бог, как было уже показано несколько раз, а между тем это одно и то же, так как предусмотрительность принадлежит жизни.

Кто, рассуждая не говорит в пользу собственной предусмотрительности, когда рассуждает по человеку природному или внешнему? И кто, рассуждая, не говорит в пользу Божественного Провидения и Бога, когда рассуждает по человеку духовному или внутреннему? Но прошу тебя — сказал бы я человеку природному, — напиши две книги и наполни их аргументами благовидными, вероятными или правдоподобными, вескими по твоему суждению; одну — в пользу собственной предусмотрительности, другую — в пользу природы; и затем передай их в руки Ангела, и я знаю, что он напишет внизу эти несколько строк: Все это — Видимости и Обманы чувств.

Глава шестая

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ ВЗИРАЕТ НА ВЕЧНОЕ; НА ВРЕМЕННЫЕ ЖЕ ВЕЩИ ЛИШЬ НАСТОЛЬКО, НАСКОЛЬКО ОНИ СОГЛАСУЮТСЯ С ВЕЧНЫМИ

214. Что Божественное Провидение взирает на вечные, на временные же вещи лишь настолько, насколько они составляют одно с вечными, будет доказано в таком порядке:

I. Временное относится к богатствам и также к почету и наживам в Мире.

II. Вечное относится к духовным почету и богатствам, принадлежащим любви и мудрости в Небе.

III. Временное и вечное отделяются человеком, но соединяются Господом.

IV. Сочетание временного с вечным есть Божественным Провидением.

215. Временное относится к почестям и богатствам, также к почету и наживам в Мире. Есть множество временных вещей, но тем не менее все они относятся к почестям и богатствам; под временными вещами разумеются вещи, погибающие со временем или прекращающиеся с жизнью человека в мире; но под вечными вещами разумеются вещи, не погибающие и не прекращающиеся со временем и, следовательно, с жизнью в мире.

Потому, что, как было сказано, все временные вещи относятся к почестям и богатствам, важно знать следующие пункты, а именно: что такое почести и богатства и откуда они; какова *любовь* к почестям и богатствам ради них самих, и какова *любовь* к почестям и богатствам ради *дел*; что эти *любови* различны между собою, как Ад и Небо; что различие этих *любовей* с трудом познается человеком; но каждый из этих пунктов будет разбираем отдельно.

Во-первых.

Что такое почести и богатства и откуда они. Почести и богатства в древнейшие времена были совсем другими, чем они стали впоследствии: в древнейшие времена почести были не иными, как существующие между родителями и детьми.

Эти почести были почестями любви, полными уважения и почитания, не по причине рождения от родителей детей, но по причине обучения и мудрости, которые они от них получили, что было вторым рождением, духовным в себе, ибо касались их духа; в том была единственная почесть в древнейшие времена, потому что тогда жили отдельно родами, семьями и домами, а не под правительствами, как теперь; времена эти были названы древними писателями золотым веком.

Но после этого времени любовь властвования из-за одного удовольствия этой любви постепенно вторгалась, и так как недружелюбие и вражда вторгались одновременно, то необходимость принудила роды, семьи и дома соединиться в сборища и выбрать себе начальника, которого вначале называли судьей, затем князем и, наконец, королем и императором; и тогда же начали становиться под защиту с помощью башен, валов и стен. Подобно заразе, беспорядочное желание властвовать распространилось на многих, как с головы на тело; отсюда произошли степени почестей и также по ним почета, а с этим — любовь к себе и гордость собственной предусмотрительности.

То же самое было с любовью к богатствам: в древнейшие времена, когда роды и семьи жили отдельно, другой любви к богатству не было, кроме любви обладания потребностями жизни, доставляемыми стадами крупного и мелкого скота, полями, лугами, садами, из которых добывали пищу; в числе потребностей жизни были дома, убранные мебелью всякого рода, и также одежда; уход за тем и управление всем этим составляло занятие родителей, детей, служителей и служанок дома.

Но после того, как любовь властвовать вторглась и уничтожила это Правление, вторглась и любовь обладания богатствами за пределами потребностей и увеличилась до степени желания обладать богатством всех других. Эти два рода любви — как родные братья; в самом деле, желающие властвовать желают также всем обладать, ибо таким образом все остальные становятся рабами, а господами они одни; это всего очевиднее на тех, которые вознесли, в римском католичестве, свое владычество в самое Небо, на престол Господа, куда они и сели; в том, что оные ищут богатств со всей земли и увеличивают без конца свои сокровища.

Во-вторых.

Какова любовь к почестям и к богатствам ради них самих, и какова любовь к почестям и богатствам ради дел. Любовь к почестям и почету ради них самих есть любовью к себе, собственно любовью властвовать по любви к себе; а любовь к богатствам и к роскоши ради богатств и роскоши есть любовью к миру, собственно любовью присвоения себе имущества других людей, каким-либо способом; но любовь к почестям и богатствам ради дел есть любовью дел, которая есть любовью к ближнему, ибо то, для чего действует человек, есть целью a quo и первым или главным, а другое все — средствами и второстепенным.

Что касается до любви к почестям и богатствам ради почестей и богатств, которая есть то же самое, что любовь к себе, и, собственно, одно и то же, что любовь властвования по любви к себе, это любовь соби, а собь человека есть всякое зло: посему и говорится, что человек родится во всяком зле и что его наследственное — не что иное, как зло; наследственное человека есть его собь, в которой он обретается и в которую он входит по любви к себе, а главным образом любовью властвовать по любви к себе; ибо человек, который в этой любви, принимает во внимание лишь самого себя и погружает таким образом в свою собь мысли свои и свои чувства; из этого явствует, что есть в любви к себе любовь злодеяния, и это потому, что он не любит ближнего и любит только самого себя, а любящий лишь самого себя видит других лишь вне себя и видит их людьми низкими или ничтожными, которых он, сравнивая с другими, презирает и не считает ни во что им делать зло; из того явствует, что тот, кто в любви властвования по любви к себе, считает ни во что обманывать, совершать прелюбодеяние с его супругою, клеветать на него, дышать на него мщением смертельным, подвергать его жестокостям и подобное другое; в человеке это есть, потому что сам дьявол, с которым он соединен и которым ведется, есть не что иное, как любовь властвования по любви к себе; а кто ведется дьяволом, то есть адом, ведется во всякое зло, и ведется постоянно удовольствиями этих зол; из оного явствует что в аду все желают всем делать зло, между тем как в Небе все желают всем делать добро.

От этой противоположности существует срединное, в котором человек, и человек там в равновесии, дабы он мог обращаться к Аду и к Небу; и насколько он благоприятствует злу любви к себе, настолько он обращается к Аду, и настолько он удаляет его от себя, настолько он обращается к Небу.

Мне дано было ощутить, каково удовольствие властвования по любви к себе и как оно велико; я был введен в это удовольствие, дабы познать его, и оно было таково, что превосходило все удовольствия в мире; это было удовольствие всего духа от его самых внутренних до последних, но в теле оно лишь было ощущаемо как нега и довольно расширением груди; мне дано было также ощутить, что от того удовольствия, как от источника, истекали удовольствия всех зол, как то: совершения прелюбодеяния, мести, обмана, богохульства и вообще злодеяния.

Подобное же удовольствие в любви обладания богатствами других, каким бы то ни было способом, и в вожделениях, которые суть ее производствами; впрочем, эта любовь не высшей степени, разве только она в союзе с любовью к себе.

Что касается почестей и богатства не ради них самих, но ради дел, в оном нелюбовь к почестям и к богатствам, но любовь дел, которой почести и богатства служат средствами; любовь эта небесна, но о ней более будет сказано впоследствии.

В-третьих.

Эти любови различаются между собою, как Ад и Небо. Оно очевидно по данным объяснениям, я к ним прибавлю следующие: все, кто в любви властвовать по любви к себе, суть, что до духа, в аду, каковы бы они ни были — великие или малые; и все, кто в этой любви, суть в любви всех зол; если они их не совершают, то тем не менее в духе они их считают дозволенными и затем совершают их телесно, когда достоинство, честь и страх закона не препятствуют тому; и более того, любовь властвовать по любви к себе интимно заключает в себе ненависть против Бога, следовательно, против Божественного Провидения, принадлежащих Церкви и, главным образом, против Господа; если признают они Бога, то признают лишь устами, а если признают Божественные Церкви, то это делают из страха потери чести. Если любовь эта интимно заключает в себе ненависть против Господа, то потому, что в этой любви интимно есть желание быть Богом, ибо она себя одну почитает и поклоняется себе; отсюда явствует, что если кто чествует ее до того, что говорит, что в ней Божественная Мудрость и что она — Божество земного шара, то она его любит сердечно.

Иначе с любовью к почестям и богатствам ради дел; эта любовь небесна, потому что, как было сказано, она — то же самое что любовь к ближнему. Дела означают добро, а затем деятельность означает творить добро; творить же дела или добро означает быть полезным и оказывать услуги другим; такие люди, хотя они в почестях и в пышности, однако смотрят на почести и пышность как на средства творить дела, следовательно, быть полезными и оказывать услуги. Это они разумеются под словами Господа:

"Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом" (**Матф. XX, 26, 27**).

Они суть также те, которым даровано Господом владычество на Небе, ибо для них владычество есть средством творить дела или добро и, следовательно, служить; когда же дела или добро суть целями, то не они владычествуют, а Господь, ибо все добро идет от Господа.

В-четвертых.

Различие между этими родами любви с трудом познается человеком, потому что большинство людей в почестях и в роскоши тоже творят дела, но неизвестно, творят ли они их для самих себя или ради дел; и тем менее известно это, что у тех, кто в любви к себе и к миру, более огня и рвения творить дела, чем у тех, которые не в любви к себе и к миру; но первые творят дела ради доброй славы или наживы, следовательно для самих себя, творящие же дела ради дел, или добро ради добра, творят их не по себе, но по Господу.

Различие между ними с трудом может быть познано человеком, и это потому, что человеку неизвестно, веден ли он дьяволом или он веден Господом; ведомый дьяволом творит дела для себя и для мира, ведомый же Господом творит дела для Господа и для Неба; и все, избегающие зол, как грехов, творят дела по дьяволу, ибо зло есть дьявол, а дела или добро есть Господь; этим, а не другим способом познается различие: по внешней форме то и другое представляется схожим, но по внутренней форме оно совершенно различно; одно — как золото, внутри которого выгорки, но другое — как золото, которое внутри есть чистым золотом; одно — как искусственный плод, который по внешней форме представляется плодом древесным, хотя между тем это раскрашенный воск, внутри которого пыль или смола; но другое — как превосходный плод, приятного запаха и вкуса, внутри которого семена.

216. Вечное относится к почестям и богатствам духовным, принадлежащим *любви* и мудрости в Небе. Так как человек природный называет добром удовольствия *любви* к себе, которые суть удовольствиями вожделений, и утверждает также, что оно добро, то, следовательно, он называет Божескими благословениями почести и богатства; но когда этот природный человек видит, что злые возвышаются к почестям и достигают богатств также, как и добрые, и тем более, когда видит он, что добрые в презрении и бедности, а злые в славе и достатке, то думает в себе:

"Что же это такое? Не может это быть Божественным Провидением; если бы оно управляло всем, то осыпало бы почестями и богатством добрых и оскорбило бы бедностью и презрением злых; и таким образом оно принудило бы злых признать, что есть Бог и Божественное Провидение".

Но человек природный, если только он не просветлен человеком духовным, то есть, если в то же время не духовен он, не видит, что почести и богатства могут быть Благословениями и могут быть также Проклятиями: и что когда они благословения, то идут от Бога, а когда они проклятия, то идут от дьявола; что почести и богатства идут также от дьявола — известно, отчего он и назван князем мира. Теперь, так как неизвестно, когда почести и богатства суть благословениями и когда они суть проклятиями, надобно оное изложить, но в таком порядке:

1. Почести и богатству суть благословениями, и они суть проклятиями.
2. Почести и богатства, будучи благословениями, суть духовны и вечны, но будучи проклятиями, они временны и тленны.

3. Почести и богатства, которые суть проклятия, относительно почестей и богатства, которые суть благословения, — как ничто относительно всего, или как то, что не есть в себе, относительно того, что в себе есть.

217. Эти три пункта будут теперь отдельно пояснены.

Во-первых.

Общий ответ показывает, что как *люди* благочестивые, так и нечестивые, *или* как праведные, так и неправедные, то есть как добрые, так и злые, бывают в почестях и в богатстве; а между тем никто не может отрицать, что *люди* нечестивые и несправедливые, то есть злые, идут в Ад, и что *люди* благочестивые и справедливые, то есть добрые, идут в Небо.

Из того, что это так, явствует, что почести и богатства, *или* почет и избыток, суть благословениями *или* проклятиями, и что у добрых они благословения, а у злых проклятия. В Трактате О Небе и об Аде, изданном в *Л*ондоне в 1758 году (**357-365**) было показано, что в Небе и в Аде есть богатые и бедные, и также великие, и малые, из чего очевидно, что у тех, которые в Небе, почести и богатства были в миру благословениями, а у тех, которые в Аду, они были в миру проклятиями.

Всякий человек, если только он подумает, справившись с рассудком, может знать отчего они благословения и отчего они проклятия; то есть, что они благословения у тех, кто не влагает в них сердца, и они проклятия у тех, кто влагает в них сердце; влагать в них сердце — это в них *любить* себя, а не влагать в них сердца, это в них *любить дела*, а не себя. Что такое различие есть между этими родами *любви* и каково это различие, было показано выше (**215**); надобно еще прибавить, что почести и богатства соблазняют одних и не соблазняют других; они соблазняют, когда возбуждают *любовь* соби человеческой, которая есть *любовью* ко злу и, как было сказано, адской *любовью*, названной дьяволом, но не соблазняют, когда этой *любви* не возбуждают.

Если злые так же, как и добрые возвышаются к почестям и достигают богатств, то потому, что злые так же, как и добрые, творят дела, только злые ради почета и выгоды, для своей особы, добрые же ради чести и выгоды самого дела; эти последние смотрят на почет и выгоду дела, как на причины главные, а на личные почет и выгоду — как на причины содействующие, между тем как злые смотрят на личные почесть и выгоду как на причины главные, а на почет и выгоду дела — как на причины содействующие, но кто не видит, что управитель, его служба и честь его, существует для управляемого им дела, а не наоборот?

Кто не видит, что судья существует для справедливости, сановник для общего дела и король для королевства, а не наоборот? Также из этого следует согласно с законами государства, что он в почете и чести по достоинству дела, которому служит, и кто же не видит, что существует различие между главным и привходящим? Относящий к себе или к своей особе честь дела представляется в духовном Мире, когда выводят его на вид, человеком с опрокинутым туловищем, ногами вверх головою вниз.

Во-вторых.

Почести и богатства, будучи благословениями, духовны и вечны; когда же они проклятия, то временны и тленны. В небе есть почести и богатства, как и в Миру, потому что там есть правительства и, следовательно, управления и службы, также торговля и, следовательно, богатства, потому что там общества и собрания.

Целое Небо различается на два Царства, из которых одно называется Царством Небесным, а другое Царством духовным, и каждое Царство разделяется на бесчисленные общества, одни большие, другие малые, которые все, и в каждом из них все члены, распределены в порядке, по различиям любви и мудрости; общества небесного Царства — по различию небесной любви, которая есть любовью к Господу; общества духовного Царства — по различию духовной любви, которая есть любовью к ближнему.

Потому что есть такие общества, и в этих обществах все были людьми в миру и затем удержали в себе любовь, которую в миру питали, с тем различием, что тогда они люди духовные, самые же почести и богатства духовны в Царстве духовном и небесны в Царстве небесном, то следует, что имеющие более любви и мудрости, чем другие, предпочтительно перед другими в почестях и богатстве; эти же те, для которых почести и богатства в миру были благословениями.

Из сего можно видеть, каковы почести и богатства духовные, а именно, что они принадлежат делу, а не личности; правда в том, кто в почестях, обретаются в великолепии и славе, как цари на земле, но тем не менее они не смотрят на самые почести как на что-либо, а берут во внимание дела в управлении и должность, от которой они принимают почет, каждый по своему сану, но не относят этого почета к себе, относят же его к самим делам, а так как дела от Господа, то они его относят к Господу, от Которого дела исходят.

Таковы почести и богатства духовные, которые вечны. Совершенно иначе с теми, для кого почести и богатства в мире были проклятиями; так как они их относили к себе самим, а не к делам и не желали, чтобы дела владычествовали над ними, но желали сами владычествовать над делами, которые и считали делами, лишь насколько те служили их почету и славе, то они, следовательно, в аду, и там они низкими рабами, в презрении и нищете; потому что такие почести и богатства погибают: о них и сказано, что они временны и преходящи.

Господь преподает о тех и о других такое наставление: "Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры прорывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не прорывают и не крадут, ибо где ваше сокровище, там и ваше сердце" (**Матф. VI, 19, 20, 21**).

В-третьих.

Почести и богатства, которые суть проклятиями, относительно почестей и богатств, которые суть благословениями, как ничто относительно всего и как то, что в себе не есть относительно того, что в себе есть. Все, что погибает и не становится чем-либо, не есть что-либо внутренне в себе; правда, внешнее есть что-либо, и даже, пока оно длится, то представляется великим, а для некоторых всем, но не внутренне в себе; это как поверхность, внутри которой ничего нет; это также как актер в королевском костюме, когда театральная пьеса кончена; но то, что остается во вечность, есть в себе чем-либо постоянно и, таким образом, всем; оно и Есть, потому что быть не перестает.

218. III. Временное и Вечное разделено человеком, но соединено Господом. Если это так, то потому, что все человеческое временно, из чего явствует что человек может быть назван временным; и все Господнее вечно, из чего явствует, что Господь называется Вечным; временное то, что имеет конец и погибает, но вечное то, что не имеет конца и не погибает. Что эти два рода вещей могут быть сочетаемы лишь бесконечной мудростью Господа и таким образом сочетаемы Господом, а не человеком, каждый может увидеть; но дабы видели, что эти два рода вещей разделены человеком и соединены Господом, оное будет показано в таком порядке:

1. Что такое временное и что такое вечное.

2. Человек в себе временен, а Господь в себе вечен, следовательно, от человека может исходить только временное, и от Господа вечное.

3. Временное отделяет от себя вечное, а вечное соединяется с временным.

4. Господь сочетает с собою человека посредством видимостей.

5. И посредством соответствий.

219. Но эти предложения будут пояснены отдельно и подтверждаемы сами собою.

Во-первых.

Что такое временное и что такое вечное. Временное есть все, свойственное природе и затем свойственное человеку; свойственности природы суть главным образом пространства и времена, то и другое с границами и пределами; свойственности человека, от него производящиеся, суть присущее его собственной воле и его собственному разумению и затем присущее его чувству и его мысли, главным образом его предусмотрительности.

Что все оное конечно и предельно, известно то. Но вечное есть все свойственное Господу и по нем как бы свойственное человеку. Господу свойственно все бесконечное и вечное, следовательно, то, что вне времени и вне пределов и конца: что затем как бы свойственно человеку, также бесконечно и вечно, но ничто из этого не принадлежит человеку, а принадлежит Господу в человеке.

Во-вторых.

Человек в себе временен, а Господь в Себе вечен, следовательно, от человека может исходить лишь то, что временно, от Господа же то, что вечно. Что человек в себе временен, а Господь в Себе вечен, было сказано выше. Так как от кого-либо не может исходить иного, кроме того, что в нем, то явствует, что от человека не может происходить ничего иного, кроме временного, а от Господа ничего иного, кроме вечного; в самом деле, бесконечное не может происходить от конечного; что может оно происходить, — противоречиво; тем не менее бесконечное может происходить от конечного, но впрочем не от конечного, а от бесконечного посредством конечного; и взаимно также, конечное не может происходить от бесконечного; что может оно происходить — также противоречиво; тем не менее конечное может быть произведено бесконечным, но в оном не происхождение, а сотворение.

Об этом предмете смотрите:

Мудрость Ангельская О Божественной Любви и Божественной Мудрости, от начала до конца. Вот почему, если от Господа исходит конечное, как во многих случаях у человека, то оно исходит не от Господа, но от человека; и можно сказать, что оно исходит от Господа посредством человека, потому что оное представляется так.

Это может быть пояснено словами

Господа: "Да будет ваше слово — да, да; нет, нет; что выше того — от зла" (**Матф. V, 37**). Таков язык для всех в третьем Небе, ибо они не рассуждают никогда о вещах Божественных, а именно, так ли это или не так, но видят в себе самих по Господу, что оно так или не так; если же

кто рассуждает о Божественных вещах, а именно, так ли оное или нет, то потому, что не видят их по Господу и желают их видеть по себе, а то,

что человек видит по себе, есть зло.

Но все же Господь желает, дабы человек не только думал и говорил о Божественных вещах, но также рассуждал о них, с целью видеть, так ли оно или нет; и эта мысль, этот разговор и это рассуждение, если только целью видеть истину, можно сказать, что исходят от Господа у человека, но исходят они от человека, пока он не увидит истину и не признает ее; во всяком случае только по Господу он может мыслить, говорить и рассуждать, ибо может оное по двум способностям: Свободе и Рациональности, — способностям, которые в человеке по одному Господу.

В-третьих.

Временное отделяет от себя вечное же соединяется с временным. Под временными, отделяющими от себя вечныя, разумеется то, что соделывает человек, который временен, по временному в себе; а под вечными, соединяющимися с временными, разумеется то, что соделывает Господь, Который вечен, по вечному в себе, как было сказано выше.

В предыдущем было показано, что есть сочетание Господа с человеком и взаимное сочетание человека с Господом, но не от человека, а от Господа; затем также что воля человека идет в обратную сторону относительно воли Господней, или, что-то же самое, собственная предусмотрительность человека идет в обратную сторону относительно Божественного Провидения; из этих предложений явствует, что человек, по временным своим, отделяет от себя вечныя Господа; но что Господь соединяет свои вечныя с временными в человеке;

то есть, соединяется с человеком и человека соединяет с Собою; так как

этот предмет был подробно обсужден в предыдущем, то бесполезно более подтверждать его.

В-четвертых.

Господь соединяет с Собою человека посредством видимостей. В самом деле, видимость в том, что человек сам собою любит ближнего, делает добро и выражает истину; если бы оное не казалось человеку как бы от него, то не любил бы он ближнего, не делал бы добра и не выражал бы истины, и таким образом не соединялся бы с Господом; но так как от Господа исходят Любовь, Добро и Истина, то очевидно, что Господь соединяет с собою человека посредством видимостей. Что касается до этой видимости и до сочетания этой видимостью Господа с человеком, и взаимного сочетания человека с Господом, то выше было подробно трактовано об оном.

В-пятых.

Господь соединяет с Собою человека посредством соответствий. Это имеет место через посредство Слова, которого буквальный смысл состоит из чистых соответствий. Что по смыслу этому есть сочетание Господа с человеком и взаимное человека с Господом, было показано в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании, с начала до конца.

220.IV. Соединение временного и вечного в человеке есть Божественным Провидением Господа. Так как эта истина не может проникнуть в первое сознание разумения, прежде чем все относящееся к ней не будет представлено в порядке и не будет развито и доказано по этому порядку, то вот какому последуется:

1. От Божественного Провидения, дабы человек смертию сбрасывал природное и временное и облекался в духовное и вечное.

2. Господь, Божественным Своим Провидением, соединяется с

природным посредством духовного, и с временным посредством вечного, согласно с делами.

3. Господь соединяется с делами посредством соответствий и, таким образом, посредством видимостей, согласно с подтверждениями человеком.

4. Такое сочетание временного с вечными есть Божественным Провидением. Но это будет выведено на свет виднее объяснениями.

Во-первых. От Божественного Провидения дабы человек освобождался смертию природного и временного и облекался в духовное и вечное. Природные и временные суть крайние и последние, в которые человек сначала входит, что бывает, когда он родится, дабы потом введенным быть во внутреннее и высшее; ибо крайние и последние суть вместилищами, и они — в мире природном: отсюда явствует, что никакой ангел и никакой дух не был сотворен непосредственно, но что все родились сперва человеками и таким образом были введены; оттого они и обладают крайним и последним, которые в себе устойчивы и неподвижны, и внутри которых, и которыми, внутреннее могут быть содержимо в сцеплении.

Человек сначала облекается в самые грубые элементы природы

(sed homo primum induit crassiara naturae), тело его состоит из них, но смертию он совлекает их и удерживает чистейшие элементы природы, ближайшие к духовным и эти элементы суть тогда их вместилищем.

Сверх того, в крайних или последних суть совокупно все внутренние или внешние, как это уже было показано в своем месте; поэтому всякое действие Господне производится первыми и последними одновременно и таким образом в полноте. Но так как самые внешние и последние природы не могут воспринимать духовные и вечные, для которых дух человеческий был образован, такими, как они в себе, а между тем человек родится, дабы стать духовным и жить вечно, почему человек совлекает крайние и последние природы и удерживает лишь внутренние природные, которые обрамляют духовные и небесные, согласуются с ними и служат им вместилищем; совершается оно отбрасыванием временных и последних природных, которое отбрасывание есть смертию тела.

Во-вторых.

Господь Своим Божественным Провидением соединяется с природным посредством духовного с временным посредством вечного, согласно с делами. Природные и временные не суть только свойственными природы, но также свойственностями человеков в природном мире; человек смертию совлекает те и другие и облекается в духовные и вечные, соответствующие им; что облекается он в них согласно с делами, было вполне доказано в предыдущем.

Природные, сущие свойственностями природы, относятся вообще к временам и пространствам, а в частности к тому, что видимо на земле; человек со смертию их покидает, и вместо них получает духовные схожие, по внешнему виду, или относительно видимости, но не по внутреннему виду или относительно сущности; этот предмет был также трактован выше.

Временные, сущие свойственностями человеков в мире природном, относятся вообще к почестям и богатствам, а в частности к потребностям каждого человека, которые суть пищею, одеждою и жилищем; человек их тоже совлекает и покидает со смертию, облекает же и получает схожие с ними по внешнему виду, или относительно видимости, но не по внутреннему виду или относительно сущности. Все оное имеет внутренний свой вид и свою сущность, по делам временного в мире; дела — это добро, называемое добром милосердия.

По этим объяснениям можно видеть, что Господь соединяет с природными и временными духовные и вечные, согласно с делами.

В-третьих.

Господь соединяется с делами посредством соответствий и таким образом посредством видимостей, согласно с подтверждениями их человеком. Так как это предложение может показаться темным для не получивших еще ясного понятия о том, что такое соответствие и что такое видимость, то надобно поэтому осветить оное и таким образом пояснить примером.

В Слове все — чистейшие соответствия духовных и небесных, и потому что это соответствия, оно же — видимости; то есть в Слове все есть Божественным Добром Божественной Любви и Божественными Истинами Божественной Мудрости, которые наги в себе, но одеты в буквальный смысл Слова; посему представляются они, как человек в одеянии, соответствующем состоянию его любви и мудрости; из этого очевидно, что если человек подтверждает видимости, то это все равно, как если бы он подтверждал, что одеяния это люди, через что видимости становятся заблуждениями; иначе, если человек разыскивает истины и видит их в видимостях.

Теперь, так как все деяния, или истины и дела милосердия, которые человек творит ближнему, он творит или по видимостям; или по самим истинам в Слове, из того явствует, что если он творит их по видимостям, подтвержденным им, то он в заблуждении, но если он их творит по истинам, то творит как должно.

Из этого можно видеть, что понимается под предложением тем, что Господь соединяется с деяниями посредством соответствий и, таким образом, посредством видимостей, согласно с подтверждениями их человеком.

В-четвертых.

Такое соединение временного с вечным есть Божественным Провидением. Дабы предложение это представилось перед разумением в некотором свете, следует пояснить его двумя примерами; первым, относящимся к почестям и почету и вторым, относящимся к богатству и роскоши; то и другое природное и временное в форме внешней, но в форме внутренней духовное и вечное.

Почести с их почетом природны и временны, когда человек в них видит себя, относительно своей личности, а не видит ни Государства, ни дела; ибо человек тогда может только думать в себе, что Государство для него, а не он для Государства; он как король, помышляющий что королевство и все люди в нем для него, а не он для королевства и его обитателей.

Но те же самые почести с почетом духовны и вечны, если человек в них видит себя, относительно своей личности, касательно Государства и дел, а не видит Государства и дел касательно себя; поступая последним способом, он в истине и в сущности своего сана и почета, но поступая первым способом, он в соответствии и в видимости, а если подтверждает их в себе, — то в заблуждениях и в таком же сочетании с Господом, как те, которые во лжи и затем во зле, ибо заблуждения суть ложь, с которыми зло соединяется; такие (правда) творят деяния и добро, но по себе, а не по Господу, таким образом ставят себя на место Господа.

То же самое с богатствами и избытком; они природны и временны, они же духовны и вечны; богатства и избыток природны и временны у тех, которые исключительно на них взирают, и в них взирают на себя, полагая в том и другом всю приятность и все свое удовольствие; но они духовны и вечны у тех, которые взирают на добрые в них дела, в делах же — на внутренние приятность и удовольствие; у этих даже внешние приятность и удовольствия становятся духовны и временное становится вечным: вот почему такие по смерти в Небе, и там они во дворцах, которых формы, присущие назначению, блистают золотом и драгоценными камнями; они взирают все-таки на них как на внешние, извлекающие свой блеск и свое сияние из внутренних,

которые суть деяния, и от деяний получают они эту приятность и это удовольствие, сущие в себе самих блаженством и счастием Неба.

Противная тому участь ожидает взирающих на богатства и на избыток лишь ради самих и для себя, таким образом по внешним, а не по внутренним в то же время, или по видимости, а не по сущности; совлекши же оное, что происходит, когда они умирают, они облекаются во внутренние, которые, не будучи духовны, суть адские, ибо в них то или другое (небесное или адское), то и другое не может одновременно быть, отсюда вместо богатства для них — бедность, и вместо роскоши — нищета.

Под делами разумеются не только потребности жизни, относящиеся к пище, одежде и жилищу для себя и для своих, но благо отечества, благо общественное и благо согражданина.

Торговля есть подобным благом, когда она конечная любовь, а деньги — лишь любовь, служащая средством, если только торгующий избегает и ненавидит как грехи хитрости и обманы; иначе бывает если деньги — конечная любовь, торговля же — любовь, служащая средством; ибо тогда оное — скупость, которая есть корнем зол. Смотрите по предмету скупости (***Лука, XII, 15***) и притчу, относящуюся к ней (**стих 16-21**).

Глава седьмая

ЧЕЛОВЕК ВНУТРЕННЕ ВВОДИТСЯ В ИСТИНЫ ВЕРЫ И В ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ,

ЛИШЬ НАСКОЛЬКО ОН МОЖЕТ В НИХ БЫТЬ УДЕРЖАН ДО КОНЦА ЖИЗНИ

221. В Христианском Мире известно, что Господь желает спасения всех, и также, что Он Всемогущ, из чего многие заключают, что Он может спасти всякого человека и спасает всех, испрашивающих его помилования, испрашивающих, главным образом, по принятой формуле веры, что Бог Отец умилостивляется ради Сына, особенно если в то же время они испрашивают ниспослания этой веры; но что оно совершенно иначе, уже увидится в последней главе этого Трактата, где будет пояснено, что Господь не может действовать против законов Своего Божественного Провидения, ибо действовать против них — это действовать против Своей Божественной Любви и против Своей Божественной Мудрости, таким образом против Самого Себя; там увидится что такое непосредственное Помилование невозможно, потому что спасение человека совершается способами, по которым никто иной не может вести человека, кроме Того, Кто хочет спасения всех и Всемогущ в то же время, таким образом кроме Господа.

Способы, которыми человек веден Господом, называются законами Божественного Провидения, и между ними тот, что человек не вводится внутренне в истины мудрости и добра, как лишь насколько может быть удержан в них до конца жизни. Но дабы ясно оное представить рассудку, будет дано пояснение в таком порядке:

I. Человек может быть введен в мудрость духовных вещей и также в их любовь, и все-таки не быть преобразован.

II. Если впоследствии человек отрывается от них и следует в обратном смысле, то он профанирует святое.

III. Есть много родов профанации, но этот род наихудший.

IV. От этого Господь вводит внутренне человека в истины мудрости и в то же время в добро милосердия, лишь насколько человек может в них быть удержан до конца жизни.

222. I. Человек может быть введен в мудрость вещей духовных и также в их любовь, и все-таки не быть преобразован. Это происходит от того, что человек обладает рациональностью и свободой; умом он может возвыситься в мудрость, почти ангельскую, и свободою в любовь, не различающуюся от ангельской любви, но тем не менее, какова любовь, такова и мудрость; если любовь небесна и духовна, мудрость также становится небесною и духовной, но если любовь дьявольская и адская, то мудрость также дьявольская и адская, последняя может представиться во внешней форме, и таким образом перед другими, как бы небесной и духовной, но во внутренней форме, которая есть ее сущностью, она дьявольская и адская, не вне человека, а внутри его; людям не кажется что она такова, потому что люди природны и видят и слышат природно, а внешняя форма природна; но ангелам видится, что она такова, потому что ангелы духовны, видят и слышат духовно и внутренняя форма духовна.

Поэтому очевидно, что человек может быть введен в мудрость духовных вещей и также в их любовь и все-таки не быть преобразован, но тогда введен он лишь в любовь природную, а не в любовь духовную; оттого что человек может сам войти в природную любовь, но один Господь может ввести его в любовь духовную, и введенные в духовную любовь преобразованы, но введенные лишь в природную любовь не преобразованы; ибо они суть большею частию лицемеры и многие из ордена Иезуитов; внутренне они не верят ничему божественному, но внешне играют с Божественным, как фокусники.

223. По многочисленным опытам в Мире духовном мне дано было познать, что человек обладает в себе способностью, равной самой ангельской, понимать тайны мудрости, ибо я видел рьяных дьяволов, которые, услышав высказанные тайны мудрости, не только понимали их, но даже говорили о них по своему уму; но лишь только возвращались они в свою дьявольскую любовь, как уж не понимали их и вместо этих тайн мудрости, понимали противоположное им безумие и называли безумие это мудростью; мне даже дано, было слышать, что будучи в состоянии безумия, они смеялись над мудростью.

Человек, бывший таким в миру, став по смерти духом, вводится обыкновенно попеременно в состояние мудрости и в состояние безумия, чтобы посредством одной он видел другое: но хотя по мудрости видят они, что безрассудствуют, тем не менее лишь только выбор им предоставлен, что бывает для каждого, они бросаются в состояние безумия и любят его и тогда ненавидят состояние мудрости.

Причина в том, что их внутреннее — дьявольское, а их внешнее — как бы Божественное; это они разумеются под дьяволами, делающими себя ангелами света, и под тем, который в чертоге брачном не был одет в брачное платье и которого ввергли в тьмы внешние

(Матф. XXII, 11, 12, 13).

224. Кто может не видеть, что есть внутреннее, по которому внешнее существует, что, следовательно, внешнее имеет свою сущность через внутреннее? И кто по опыту не знает, что внешнее может показываться иначе, чем по сущности, которую оно имеет от внутреннего?

В самом деле, это ясно усматривается у лицемеров, льстецов, обманщиков; известно по актерам и лицедеям, что человек может во внешнем принимать свойства, не присущие ему; ибо они умеют изображать королей, императоров и даже ангелов голосом, разговором, лицом и жестами, как будто они были этими лицами, между тем как они всего только фокусники.

Это сказано потому, что человек может так же плутовать в делах гражданских и нравственных, как и в делах духовных; известно тоже, что так поступают многие. Когда же внутреннее по сущности адское, а внешнее в своей форме представляется духовным — между тем, как сказано было, внешнее имеет свою сущность от внутреннего, — то спрашивается, где сокрыта во внешнем эта сущность?

Она не показывается ни в жесте, ни в голосе, ни в разговоре, ни в лице; но тем не менее она внутренне сокрыта в этих четырех вещах; что она в них внутренне сокрыта, очевидно по тем же личностям в Мире духовном, ибо когда человек приходит из природного Мира в Мир духовный, что случается со смертию его, то он оставляет внешние с телом, а удерживает внутренние, которые заключал в своем духе; и тогда, если его внутреннее было адское, он представляется дьяволом, таким, коим был также по духу, живя в миру.

Кто не признает, что всякий человек оставляет свои внешние с телом и входит во внутренние, становясь духом?

К этому я прибавлю, что в Мире духовном есть сообщение чувств, и мыслей от чувств, из чего следует, что никто не может говорить иначе, чем он думает, затем также, что каждый там меняет свое лице и становится схожим со своим чувством, в такой мере, что по лицу он представляется таким, как он есть; иногда лицемерам дано говорить иначе, чем они думают, но голос их раздается совершенно в не созвучии с внутренних их мыслей, и поэтому не созвучию открываются они; из этого можно видеть, что внутреннее сокрыто в голосе, разговоре, в лице и во внешней жестикуляции и что это не сознаваемо людьми в Мире природном, но сознаваемо ясно ангелами в Мире духовном.

225. По этим соображением очевидно, что человек, живя в Мире природном, может быть веден в мудрость духовных вещей и также в любовь этих вещей; и что это совершается как у тех, которые совершенно природны, так же у тех, которые духовны, но с той разницей, что последние оным преобразованы, а те нет; у тех, которые не преобразованы, может тоже казаться, что они любят мудрость, но любят они ее в роде прелюбодея, любящего благородную женщину как куртизанку, которой говорит он нежные слова и дает богатые одеяния; между тем у себя говорит в уме:

"Это лишь низкая проститутка, я уверяю ее, что ее люблю, потому что она отвечает моей страсти, но, если бы она не отвечала, я бы отвергнул ее". Внутренний человек того, кто совершенно природен, есть этот прелюбодей, а его Внешний человек — эта женщина.

226.II. Если человек впоследствии отступает и принимает обратное направление, то он профанирует святое. Об оном говорено будет в следующей главе; но этот род из всех самый важный, ибо профанаторы этого рода становятся после смерти существами, которые ***нелюди***; они, правда, живут, но постоянно в фантастическом бреду: им кажется, что они летают в вышине, и, когда в спокойствии, то что играют со своими фантазиями, которые для них видимы как реальные вещи; и так как они более не люди, то называют их не этот или эта, но это; более того, являясь на вид в небесном свете, они представляются скелетами, одни скелетами костяного цвета, другие скелетами пламенного цвета, третьи иссохшими скелетами.

Что профанаторы этого рода становятся такими после смерти, неизвестно в мире, и неизвестно потому, что не знают причины; самая причина в том, что когда человек признает сначала Божественное и ему верит, а затем отступает от него и отрицает, то он смешивает святые вещи со скверными, и смешанные они не могут отделиться иначе, как через разрушение всего.

Но дабы этот предмет был яснее сознан, он будет изложен в следующем порядке:

1. Все, что человек мыслит, говорит и делает по воле, ему присваивается и остается — как добро, так и зло.

2. Но Господь Своим Божественным Провидением приуготовляет и располагает постоянно так, чтобы зло было само по себе, а добро само по себе, и чтобы таким образом они были отделены.

3. Но это не может быть соделано, если человек сперва признает истины веры и затем удаляется от них и отрицает.

4. Тогда он смешивает добро и зло так, что они не могут быть отделены.
5. И так как добро и зло в каждом человеке должны быть отделены, а у того, кто такой, они отделены быть не могут, то явствует, что такой человек уничтожается во всем, что в нем есть истинно человеческого.

227. В том причины, по которым существует такая ужасная вещь; но причины эти, будучи затемнены, так как о них ничего неизвестно, подлежат пояснению, дабы представиться в очевидности разумению.

Во-первых.

Все, что человек мыслит, говорит и делает по воле, ему присваивается и остается — как добро, так и зло. Это было показано выше (**78-81**). В самом деле, человек имеет память внешнюю, или природную, и имеет память внутреннюю, или духовную; в его внутренней памяти начертано все и каждое из того, что он в миру по воле мыслил, говорил и делал, в такой мере все, что нет ни одной вещи, которой бы недоставало; эта память есть книгою его жизни, которая открывается по смерти и по которой он судим; об этой памяти было, по самому опыту, многое изложено в Трактате О Небе и об Аде (**461-465**).

Во-вторых.

Господь, Своим Божественным Провидением, приуготовляет и располагает постоянно так, чтобы зло было само по себе, а добро само по себе, и чтобы таким образом они были разделены. Каждый человек в зле, как и в добре, потому что он в зле по себе, а в добре по Господу; и человек не может жить, не будучи в том и в другом; ибо если бы он был в себе одном и таким образом в одном зле, то он бы вовсе не имел жизни; и если бы он был в Господе одном и таким образом в одном добре, он тоже вовсе бы не имел жизни; ибо человек в таком роде жизни подавлен был бы, постоянно задыхаясь, как умирающий в агонии; в том же роде жизни он бы угас, ибо зло без всякого добра мертво в себе; поэтому каждый человек находится в том и другом; но разница такая, что один внутренне в Господе, а внешне как бы в себе, а другой внутренне в себе, а внешне как бы в Господе; этот во зле, а тот в добре, между тем как они оба в том и другом; если то же со злом, то потому, что он в добре жизни гражданственной и нравственной, и внешне в каком-нибудь добре жизни духовной, и сверх того потому, что он удерживаем Господом в рациональности и свободе, дабы мог быть в добре; таким образом всякий человек, даже злой, ведется Господом.

По этим объяснениям видно, что Господь отделяет зло и добро, дабы одно было во внутреннем, а другое во внешнем, и таким образом приуготовляет, дабы оные не были смешаны.

В-третьих.

Но это не может быть соделано, если человек сначала признает истины веры и живет по этим истинам, а потом удаляется и их отрицает. Это очевидно по сказанному; **во-первых**, все, что человек мыслит, говорит и делает по воле, ему присваивается и остается; и **во-вторых**, что Господь, Своим Божественным Провидением, приуготовляет и располагает постоянно так, чтобы добро было само по себе и зло само по себе, и чтобы оные могли быть отделены; они же и отделимы по смерти Господом; у тех, которые внутренне злы и внешне добры, добро отнимается, и таким образом они предоставлены своему злу; наоборот, утех, которые внутренне добры, но внешне, как другие люди, обогащались, искали почестей, находили удовольствие в разных мирских вещах и предавались какому-либо вожделению; у них тем не менее добро и зло не были смешаны, но были отделены как внутреннее и внешнее; так что в форме внешней они во многом были подобны злым, но не во внутренней.

С другой стороны, то же самое со злыми, которые во внешней форме представлялись как добрые, в набожности, благочестии, разговоре и поступках, а в форме внутренней были злы; у них также зло отделено от добра. Но у тех, которые сначала признавали истины веры и жили по этим истинам и затем последовали в смысле обратном и отбросили их, а главное их отрицали, то добро и зло не отделены, а вместе смешаны; ибо человек такой усвоил себе добро и также усвоил зло и, следовательно, соединил их и смешал вместе.

В-четвертых.

Тогда он смешивает добро и зло так, что оные не могут быть разделены. Это следует из сказанного, и если зло не может быть отделено от добра, ни добро отделено от зла, то человек не может быть ни в небе, ни в аде; всякий человек должен быть в том или другом; он не может быть в том и в другом: он бы был то в небе, то в аде, и будучи в небе, он бы действовал для ада, и будучи в аду, действовал бы для неба, и таким образом разрушал бы жизнь всех окружающих его, небесную жизнь у ангелов и адскую у дьяволов; от этого жизнь каждого погибла бы; ибо жизнь каждого должна быть ему присуща; никто не живет жизнью другого, а тем менее жизнию противоположною.

Поэтому у каждого человека по смерти, когда он становится духом или духовным человеком, Господь отделяет добро от зла и зло от добра; добро от зла у тех, которые были внутренне во зле, и зло от добра утех, которые были внутренне в добре, что согласуется с Его словами:

"Кто имеет, тому дано будет и приумножится, а от неимущего отнимется то, что имеет". **(Матф. XIII, 12; XXV, 29. Марк, IV, 25; Лука, VIII, 18; XIX, 26).**

В-пятых.

Так как добро и зло у каждого человека должны быть отделены, а у того, кто такой, они отделены быть не могут, то, следовательно, такой человек уничтожается во всем, что есть истинно человеческого.

В каждом человеке истинно человеческое происходит от Рациональности, в том, что он может, если захочет, знать, что такое истина и что такое добро, и также в том, что по Свободе может он желать, мыслить, говорить и творить добро и истину, как уже было показано; но эта свобода с рациональностью уничтожены у тех, кто смешал в себе добро со злом; ибо такие не могут по добру видеть зло и по злу познавать добро, так как добро и зло составляют одно; от этого у них нет более рациональности в возможности или в силе, ни следовательно свободы, и они — как бы чистые фантастические галлюцинации, что уже сказано было, и представляются не людьми, но костями, несколько покрытыми кожей, и затем, называя их, не говорят: этот или эта, — но это; такова участь смешивающего таким образом святое со скверной; но есть много родов профанаций, которые, впрочем, не таковы; о них будет трактовано в следующей главе.

228. Всякий человек, не знающий святых, не профанирует их; ибо не знающий их не может признавать их и затем отрицать; обретающиеся вне Христианского Мира и ничего не знающие о Господе, об Искуплении, о Спасении Им, не профанируют этой святыни, когда не принимают ее и даже говорят против нее.

Даже сами Евреи не профанируют этой святыни, потому что с детства не желают ни принять, ни признать ее, и было бы иначе если бы они принимали ее, признавали и затем отрицали, что, однако редко бывает; в самом деле, многие из них признают ее внешне, но внутренне отрицают, и они подобны лицемерам.

Но профанируют святыни смешением их со скверной те, которые сначала принимают и признают, и затем отрешаются, и отрицают. Не важно, если в детстве и в юности принимают и признают, — всякий христианин это делает; ибо тогда принадлежащее вере и милосердию принимается и признается не по каким-либо рациональности и свободе, то есть не в разумении по воле, но только памятью и по доверию к наставнику, а если согласуют с ними жизнь, то по слепому послушанию; но когда человек вошел в пользование своей рациональностью и свободой, что совершается постепенно, по мере того как он растет и становится зрелым, то если он тогда признает истины веры, согласует с ними жизнь и затем их отрицает — он мешает святое со скверной и из человека, каким был, становится упомянутым чудовищем.

Если человек во зле от того времени, с которого он пользовался своей рациональностью и свободой, то есть от времени, когда он стал правоспособен (sui juris), и даже в зрелом возрасте и затем признает истины веры и живет по этим истинам, то если только он удерживается в них до конца своей жизни, он не смешивает; ибо тогда Господь отделяет зло предшествовавшей жизни от добра последующей: так оно для всех кающихся. Но об этом предмете будет сказано более впоследствии.

229.III. Есть много родов профанации святого, но этот род наихудший из всех. В общем смысле разумеется под профанацией всякое нечестие и под профанаторами разумеются все нечестивцы, сердцем отрицающие Бога, святость Слова и затем духовное Церкви, которые суть самими святынями и о чем они говорят нечестиво. Но здесь дело касается не их, а тех, кто исповедует беру в Бога, поддерживает святость Слова и признает духовное Церкви, что многие выражают устами; если профанируют они, то потому что святое, исходящее от Слова, в них и у них, и они профанируют то, что составляет часть их разумения и их воли; но в нечестивцах, отрицающих Божество и Божественное, нет ничего святого, что бы они могли профанировать; эти последние правда, профанаторы, но тем не менее они не суть кощунствующими.

230. Профанация святого разумеется во Второй Заповеди Десятисловия под "Не оскверняй Имени твоего Бога", и что не следует его профанировать, разумеется, в Молитве Господней под "Да святится Имя Твое". Что понимается под именем Бога, едва кто-либо знает в Христианском Мире, так как известно, что в Мире духовном нет имен, как в Мире природном, но каждый назван качеством своей любви и своей мудрости; в самом деле лишь кто-либо входит в общество или сообщество с другими, как он тотчас же поименован по качеству своему в этом обществе; наименование производится на языке духовном, который таков, что может дать имя каждой вещи, потому что в нем каждая буква алфавита означает предмет, а несколько букв, соединенных в слово, составляющих имя личности, обнимает собою целое состояние предмета: это одно из чудес духовного мира.

Из оного очевидно, что под Именем Бога в Слове означается Бог со всем Божественным, которое в Нем и исходящем от Него, и так как Слово есть Божественным исходящим, то оно есть Именем Бога, и так как все Божественно, называемые духовным Церкви, исходит от слов, то они суть тоже Именем Бога. По этим объяснениям можно видеть, что разумеется во Второй Заповеди Десятисловия под

"Не оскверняй имени Бога" (**Исх. XX, 7**) и в Молитве Господней под

"Да святится Имя Твое" (**Матф. VI, 9**).

Подобное же означается Именем Бога и Господа во многих местах Слова того и другого Завета, как в Матф**. VII, 22; X, 22; XVIII, 5, 20; XIX, 29; XXI, 9; XXIV, 9, 10. Иоанн, I, 12; II, 23; III, 17, 18; XII, 13, 28; XIV, 14, 15, 16; XVI, 23, 24, 26, 27; XVII, 6; XX, 31,** и сверх того в других и во многих местах Ветхого Завета.

Знающий это значение Имени может знать, что означается словами Господа: "Кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника; и кто напоит одного из малых сих чашею холодной воды во имя последователя, не потеряет своей награды" (**Матф. X, 41, 42**).

Тот, кто под именем пророка, праведника и последователя, понимает в этом месте пророка, праведника и последователя, не знает, что есть другой смысл, кроме смысла буквального; и не знает также, что такое награда пророка, награда праведника и награда за стакан холодной воды последователю, когда между тем под именем и наградой пророка разумеются состояние и благополучие тех, кто в Божественных истинах; под именем и наградой праведника — состояние и благополучие тех, кто в Божественном добре, а под последователем — состояние тех, кто в некоторых духовностях Церкви; стакан холодной воды означает что-либо от истины. То, что качество состояния любви и мудрости или добра и истины означается Именем, видно также по словам Господа:

"Входящий дверью есть пастырь овцам.

Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и своих собственных овец он зовет именем по имени и выводит их"

(**Иоанн, X, 2, 3**). Звать овец именем по имени — это поучать и вести того, кто в добре милосердия, по состоянию его любви и мудрости; под дверью разумеется Господь, как видно в Стихе **9**:

"Я есмь дверь, если кто Мною войдет, спасен будет".

Поэтому очевидно, что для возможности быть спасенным надобно обращаться к Самому Господу и что обращающийся к Нему есть пастырь овцам, а не обращающийся к Нему есть вор и разбойник, как сказано в стихе 1 той же главы.

231. Так как под профанацией святого разумеется профанация теми, которые знают по Слову истины веры и добро милосердия и также в некотором роде признают их, а не теми, которые не знают, и не теми, которые по нечестию их совершенно отвергают, то, следовательно, сказанное будет касаться не их, но первых: для таких есть несколько родов профанаций, одни легче, другие тяжелее, но можно привести их к таким семи.

Первый род профанации совершается теми, кто шутит по Слову и над Словом по Божественным Церкви и над этими Божественными.

Это случается, с некоторыми по дурной привычке выбирать имена и выражения Слова и их примешивать к неприличным и иногда непристойным речам, что не может быть иначе, как в связи с презрением к Слову; между тем как Слово во всем и каждом Божественно и свято; ибо каждое в нем слово заключает в лоне своем что-либо Божественное и имеет через это Божественное сообщение с Небом; но этот род профанации легче или тяжелее, сообразно с признанием святости Слова и неприличием, в которое введены речи шутниками.

Второй род профанации совершается теми, кто понимает и признает Божественные Истины, а между тем живет противно этим Истинам.

Во всяком случае, понимающие их профанируют легче, а признающие их — тяжелее; ибо разумение лишь научает, почти как проповедник, а не сочетается сам собою с волей; но признание сочетается, ибо ничто не может быть признаваемо без согласия воли; тем не менее, это сочетание различно, а профанация сообразна с сочетанием, когда живут обратно признанным истинам; например, если кто признает, что месть и ненависть, прелюбодеяния и соблазны, обманы и мошенничества, богохульства и ложь суть грехами против Бога, и, тем не менее, совершает их, то он в тягчайшем роде профанации; ибо Господь сказал: "Раб, который знает волю господина своего и не делает по его воле, бит будет много" (*Лука,* **XII. 47**).

И в другом: — "Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но теперь вы говорите: Мы видим, поэтому ваш грех остается" (Иоанн, IX, 41). Но иное дело признавать видимости истины, и иное дело признавать действительные истины; признающие действительные истины и, тем не менее, не живущие по этим истинам показываются в мире духовном без жизненных света и теплоты в голосе и речи — как если бы они были чистыми леностями (merae inertiae).

Третий род профанации совершается теми, которые применяют буквальный смысл Слова к подтверждению дурной любви и ложных принципов. Причина в том, что подтверждение лжи есть отрицанием истины, а подтверждение зла есть отвержением добра.

Слово же, в своем лоне, есть лишь Божественная Истина и Божественное Добро, а в последнем смысле, который буквален, оно является не в истинах действительных, исключая когда дает познавать Господа и самый путь спасения, но в истинах облегченных, которые суть видимостями истины; поэтому смысл этот может быть искажен ради подтверждений ересей различного рода; подтверждающий же дурную любовь искажает смысл Божественного Добра, а подтверждающий неверные принципы искажает смысл Божественных Истин, это искажение называется фальсификацией истины, а то подделкою добра: то и другое означается в Слове кровями; ибо Святой дух, который есть также Духом Истины, исходящей от Господа, обретается во всех и во всем буквального смысла Слова; эта святость уязвлена, когда Слово фальсифицировано или подделано; что в этом профанация — очевидно.

Четвертый род профанации совершается теми, которые устами произносят вещи благочестивые и святые и тоном голоса, и жестами притворяются, что тронуты любовью к ним, но сердцем им не верят и не любят их. Большая из них часть — лицемеры и фарисеи; от них по смерти отнимается всякая истина и всякое добро, и затем они отсылаются в тьмы внешние.

Те из этого рода, которые утвердились против Божественного, против Слова и затем против духовных Слова, сидят в этих тьмах немые, не будучи в состоянии говорить, желая пробормотать, как в Миру, благочестивое и святое, но не могут этого; ибо в духовном Мире каждый принужден говорить, как думает, но лицемер желает говорить иначе, чем он думает, от этого во рту у него препятствие, так что он может только бормотать.

Но лицемерие легче или тяжелее, смотря по утверждению против Бога и рассуждений во внешности за Бога.

Пятый род профанации совершается теми, кто относит к себе Божественное. Это те, которые означаются Люцифером в Исайе (глава XIV); там под Люцифером разумеется Вавилон, как это можно видеть в стихах 4 и 22 этой главы, где даже описана их участь; они же описаны и разумеются под непотребной женщиной, сидящей на багряном звере, в Апокалипсисе (глава XVII).

Вавилон и Халдея названы во многих местах Слова; под Вавилоном разумеется профанация добра, а под Халдеей — профанация истины, то и другое у тех, кто относит к себе Божественное.

Шестой род профанации совершается теми, кто признает Слово, а между тем отрицает Божественность Господа.

Такие в Мире называются Социнианцами, а некоторые Арианами. Участь тех и других — это призывать Отца, а не Господа, и постоянно молить Отца, иные также ради Сына, о принятии их в Небо, но тщетно, пока они не потеряют всякой надежды спасения, и тогда они посланы в ад, в среду тех, кто не признает Бога; это они разумеются под хулящими Святого Духа, которым не простится ни в этом веке, ни в грядущем. (**Матф. XII, 32**); и это потому, что Бог един в Лице и в Сущности, в Котором Троица, и этот Бог есть Господь, и так как Господь есть также Небо, и затем все, которые в Небе, суть в Господе, то по сему, отрицающие Божество Господа не могут быть допущены в Небо, ни быть в Господе. Что Господь есть Небо, и что далее все, кто в Небе суть в Господе, было показано выше.

Седьмой род профанации совершается теми, которые сначала признают Божественные истины и живут по этим истинам, а затем отступают и отрицают их. Этот род профанации ***наихудший***, по той причине, что они смешивают святое со скверной, так что нельзя их отделить, а между тем отделить надобно, чтобы быть в Небе или в Аду; и так как оное соделано быть у них не может, то весь ум человеческий и вся человеческая воля уничтожаются, и они более не люди, как уже было сказано.

Почти то же самое бывает с теми, кто сердцем признает Божественные Слова и Церкви и совершенно погружает их в собственное (proprium), которое есть любовью владычествовать над всем, любовью, о которой уже было говорено; ибо по смерти, став духами, они желают непременно быть веденными не Господом, но самими собой, и когда узда отпущена для их любви, то желают владычествовать не только над Небом, но также и над Господом; и так как они этого не могут, то отрицают Господа и становятся дьяволами.

Надобно знать, что любовь жизни, которая есть царящею любовью, остается у каждого по смерти и не может быть отнята. Профанаторы этого рода разумеются под "теплыми", о которых так говорится в Апокалипсисе:

"***Знаю твои дела, что ты не холоден и не горяч, лучше быть тебе холодным или горячим; но как ты тепел, а не холоден и не горяч, то извергну тебя из уст Моих***" **(III, 15, 16).**

Этот род профанации описан также Господом в Матфее: "***Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит.***

Тогда говорит: возвращусь в мой дом, откуда я вышел; и пришедши, находит его пустым, выметенным и убранным для него; и он идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вышедши, живут там; и последнее состояние человека бывает хуже первого" (**XII, 43-45**).

Обращение человека описано тут выходом из него нечистого духа, а возвращение к прежнему злу, по отвержении истин и добра, —

возвращением духа нечистого с семью духами злейшими от него в дом, для него убранный; затем профанация святого скверной описана тем, что последнее состояние этого человека становится хуже первого. То же самое разумеется под словами, обращенными Иисусом к человеку, которого Он исцелил в купели Вифезды:

"***Не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже***" (**Иоанн, V, 14**). Что Господь способствует Промыслом, дабы человек не признавал внутренне истин, если должен затем отрешиться и осквернить, разумеется, под этими словами: "***Он ослепил глаза их и окаменил сердца, да не видят они глазами и не уразумеют сердцем и не обратятся, и не исцелю Я их***" (**Иоанн, XII, 40**). "Да не обратятся, и не исцелю Я их" значит: да не признают истин и затем не отрешатся, и не осквернятся; для того же повода Господь говорил притчами, как Он сам сказывает в Матф. (**XIII, 13**).

Если было воспрещено Евреям вкушать жир и кровь (***Левит, III, 17, VII, 23, 25***), то это означало, что они не должны были профанировать святое; ибо жир означает Божественное Добро, а кровь Божественную Истину, Что человек, однажды обратившись, должен устоять в добре и истине до конца жизни, Господь поучает тому в Матфее: "Иисус говорит: ***Претерпевший до конца спасен будет***" (**X, 22).** Подобно тому в Марке (**XIII, 13**),

232. Поэтому Господь не вводит внутренне человека в истины мудрости и в добро любви, как лишь насколько человек может быть в них удержан до конца жизни. Для доказательства того следует начать отчетливо от двух причин: от первой в том, что это важно для спасения человеков; от второй — что от познания этого закона зависит познание законов попущения, о которых будет трактовано в следующем Отделе; это важно, действительно, для спасения человеков, ибо, как уже было сказано, признающий Божественные Слова и, следовательно, Церкви и затем отрешающийся, профанирует святое самым тяжким способом.

Для обнаружения этой тайны Божественного Провидения настолько, дабы рациональный человек мог ее видеть в своем свете, wa будет развита в таком порядке:

1. Во внутреннем человека не может быть зла и одновременно добра; ни, следовательно, лжи зла и одновременно истины добра.

2. Добро и истина добра не могут быть внесены Господом во внутреннее человека, как лишь насколько зло и неправда зла были удалены.

3. Если бы добро со своею истиною были внесены прежде, или в большей пропорции, чем зло со своей неправдой были бы удалены, то человек отрешился бы от добра и обратился бы к своему злу.

4. Когда человек во зле, то многие истины могут быть внесены в его разумение и заключены в его память, и тем не менее не быть профанированы.

5. Но Господь, Своим Божественным Милосердием, способствует с величайшею предусмотрительностью, дабы ничто не было принято волею, прежде чем человек удалит, как бы сам собою, все зла в человеке внешнем, ни в большем количестве, чем он удалит того.

6. Если бы это было ранее или в большем количестве, то воля извратила бы добро и разумение фальсифицировало бы истину, смешав их со злом и ложью.

7. Ради этого Господь не вводит внутренне человека в истины мудрости и в добро любви, как лишь насколько человек может быть в них удержан до конца жизни.

233. Для обнаружения этой Тайны Божественного Провидения так чтобы человек рациональный мог ее видеть в свете, изложенные предложения будут пояснены одно за другим.

Во-первых.

Во внутренних человека не может быть зла одновременно с добром, ни, следовательно, неправды зла одновременно с добром истины. Под внутренними человека разумеется внутреннее его мысли, о котором человек ничего не знает до вступления своего в мир духовный и его свет, что случается по смерти; в мире природном это может быть познано лишь по удовольствию любви во внешнем мысли и по самому злу, если исследовать его в себе; ибо, как уже было выше показано, внутреннее мысли связано в такой совокупности с внешним мысли человека, что они не могут быть отделены, но об этом уже было многое сказано.

Говорится добро и истина добра, также зло и неправда зла, потому что не может быть добра без его истины, ни зла без его неправды; это, в действительности, как сотоварищи по ложу или супруги, ибо жизнь добра имеет место через свою истину и жизнь истины через свое добро, то же самое со злом и его ложью.

Что во внутренних человека не может быть зла с его ложью одновременно с добром и его истиной, может быть усмотрено без объяснения человеком рациональным, ибо зло противоположно добру, а добро противоположно злу, и две противоположности не могут быть вместе; во всяком зле внедрена ненависть к добру и во всяком добре внедрена любовь защиты против зла и его удаления от себя, и если бы они были вместе, то поднялись бы столкновение и борьба, а затем истребление; тому именно Господь поучает словами: "Всякое Царство, разделившееся само в себе опустеет; и всякий город или дом разделившийся сам в себе не устоит.

Кто не со Мною, тот — против Меня и кто не собирает со Мною, тот расточает" (**Матф. Xil, 25,30**). И в другом месте; "Никто не может

одновременно служить двум господам; ибо одного будет ненавидеть, и другого любить" (**Матф. VI, 24).**

Две противоположности не могут быть вдвоем в одной субстанции и в одной форме, без того чтобы она не рассеялась и не погибла; если бы одна подвинулась и приблизилась к другой, то они бы разошлись совершенно как два врага, из которых один удалился бы в свой лагерь, вовнутрь своих оплотов, а другой оставался бы вне.

То же самое с добром и злом у лицемеров, они в том и другом, но зло внутри, и добра снаружи, таким образом оба отделены, а не смешаны. Из этого очевидно, что зло со своею ложью и добро со своею истиной не могут быть совместно.

Во-вторых.

Добро и истина добра не могут быть внесены Господом во внутренние человека, как лишь насколько зло и ложь оп зла были удалены. Это явное следствие предыдущего, ибо так как зло и добро не могут быть совместно, то добро не может быть внесено прежде, чем зло не было удалено.

Говорится во внутренних человека, под которым разумеется внутреннее его мысли; дело идет о тех внутренних, в которых должен быть Господь или дьявол; Господь в них после преобразования, а дьявол до преобразования; насколько человек поддается преобразованию, настолько дьявол отталкивается, но насколько он не допускает преобразования, настолько дьявол остается.

Кто не может видеть, что Господь войти не может, покуда дьявол там, и дьявол там, пока человек держит запертою дверь, которою человек сообщается с Господом? Что Господь входит, когда посредством человека отперта дверь, Господь поучает тому в Апокалипсисе: "Се стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и откроет дверь, войду к нему и буду вечерять с ним и он со Мною" (**III, 20**); дверь отворяется тем, что человек удаляет зло, избегая его и отвращаясь от него, как от адского и дьявольского; ибо говорят ли зло или дьявол, что одно и то же, и наоборот: говорят ли добро или Господь, — это одно и то же; ибо во всяком добре внутренне Господь и во всяком зле внутренне дьявол.

Поэтому очевидна истина данных предложений.

В-третьих.

Если бы добро со своею истиною было внесено прежде или в большем количестве, чем зло со своею неправдою не было удалено, то человек отрешился бы от добра и вернулся бы к своему злу. Причина в том, что зло превозмогло бы, а что превозмогает — побеждает, если не сейчас, то впоследствии; пока зло превозмогает, добро не может быть внесено в покои сокровенные, но оно лишь в преддверии, потому что, как сказано было, зло и добро не могут быть вдвоем; а то, что только в преддверии, отталкивается врагом, который в покоях; отсюда то, что удаляются от добра и возвращаются к злу, а это худший род профанации.

Сверх того, самое удовольствие жизни хозяина — это любить себя и мир выше всего; удовольствие это не может быть удалено в одну минуту, но удаляется мало-помалу; насколько же остается в человеке удовольствие того, настолько превозмогает в нем зло; и это зло не может быть удалено, как лишь насколько любовь к себе не станет любовью деятельности и любовь властвования не будет иметь целью деяния, а не самого человека; ибо таким способом деяния составляют голову, а любовь к себе или любовь властвования составляют сперва тело под головой, а затем ноги, на которых она идет.

Кто не видит, что, добро должно составлять голову, и когда оно составляет голову, то Господь в нем, а добро и деяния — одно и то же. Кто не видит, что, если зло составляет голову, то дьявол в нем, и что так как тем не менее должно быть принято добро гражданственное и добро нравственное, а также в форме внешней и добро духовное, то оно составляет ноги и ступни, и бывает почвой под ногами.

Затем, так как состояние человека должно быть перевернуто, дабы то, что наверху, было внизу, а этот переворот не может быть совершен в одну минуту, - ибо внешнее удовольствие жизни от любви к себе и любви властвования не может быть изменено в любовь деятельности, как только мало-помалу, то поэтому добро не может быть внесено прежде, ни в большей пропорции, чем зло было бы удалено, а если бы это было прежде и в большей пропорции, то человек отклонился бы от добра и вернулся бы к своему злу.

В-четвертых.

Когда человек во зле, то многие истины могут быть внесены в его разумение и заключены в его памяти и между тем не быть профанированы. Причина же, та что разумение не наитствует в волю, но воля наитствует в разумение; и так как разумение не наитствует в волю, то многие истины могут быть приняты разумением, заключены в памяти, а между тем не смешиваться со злом воли; следовательно, святое не может быть профанировано; сверх того, на обязанности каждого изучать истины по Слову, или по проповедям, складывать их в памяти и обращаться мыслями к ним; ибо истинами, которые в памяти, откуда они входят в мысль, разумение поучает волю, то есть человека, тому, что он должен делать; и в этом главное средство преобразования; когда истины только в разумении и затем в памяти, они не в человеке, но вне его.

Память человека может сравниться с желудком некоторых жвачных животных, в который они складывают свою пищу; пока там она, она у них не в теле, а вне тела; но по мере того как они извлекают ее и пожирают, она становится принадлежностью их жизни и тело питается ею; в памяти человека не материальные пищевые вещества, но элементы духовные, которые разумеются под истинами; насколько человек их извлекает из памяти, размышляя, как бы он пережевывал их, настолько его дух питаем; это любовь воли желает их и так сказать приготовляет и соделывает, что они извлекают и питают; если любовь дурная — то она питает и так сказать приготовляет вещи нечистые, если же она хорошая, то желает и так сказать приготовляет вещи чистые, а не годящиеся отделяет, отстраняет и отбрасывает.

В-пятых.

Но Господь Своим Божественным Провидением способствует с величайшим предусмотрением, чтобы добро не было принято прежде, чем человек не удалит, как бы сам собою, зло в человеке внешнем, ни в большем количестве, чем удалит он его.

В самом деле то, что исходит от воли, входит в человека и ему присваивается, и становится предметами его жизни; а в самой жизни, которая у человека от воли, зло и добро не могут быть совместно; ибо таким образом погибла бы она; но оные могут быть, то и другое, в разумении, где называются неправдами зла и истинами добра, однако не совместно, иначе человек не мог бы по добру видеть зла, ни по злу познавать добро, но оные в нем различны и отделены, как дом, на внутренние и внешние части.

Когда человек злой мыслит и выражает добро, то мыслит и выражает внешне, но если зло, то внутренне; когда же оно выражает добро, его разговор выходит, как бы из спины дома и может сравниться с плодом, внешность которого красива, но внутренность червива и гнила, а также со скорлупой яйца дракона.

В-шестых.

Если бы это было прежде и в большей пропорции, то воля извратила бы добро, а разумение исказило бы истину, смешав их со злом и ложью. Когда воля во зле, то в разумении она извращает добро, а добро, извращенное в разумении, есть злом в воле, ибо оно подтверждает, что зло есть добром и наоборот; зло действует так со всяким добром, которое ему противоположно; зло также искажает истину, потому что истина добра противоположна неправде зла; воля тоже совершает это в разумении, а разумение не совершает оного само собою.

В Слове извращения добра описаны прелюбодеяниями, а искажения истины — блудом. Эти извращения и искажения совершаются рассуждениями человека природного, который во зле, и также подтверждениями по видимостям буквального смысла Слова.

Любовь к себе, которая есть главою всех зол, отличается более всех других родов любви в искусстве извращать добро и искажать истины, и это делает по злоупотреблению рациональностью, которую Господь одарил каждого человека, как злого, так и доброго; даже более: подтверждениями может она соделать, что зло представится совершенно как добро, и ложь как истина: почему бы и не могла, если может, тысячью доводов подтвердить, что природа создалась сама собою, и затем создала людей, животных и растения всякого рода, затем также, что по наитию из недр своих она соделывает, что люди живут, мыслят анализируя и с мудростью понимают.

Если любовь к себе отличается в искусстве подтверждать все, что желает, то потому что ее последняя поверхность образована из некоторого сияния света, пестреющего различными цветами; это сияние любви к себе есть ее славой приобретения мудрости, а, посредством ее, значения и властвования.

Но любовь эта, подтвердив те предложения, становится сильною, до того, что видит только то, что человек — животное, что тот и другое одинаково мыслят, и даже если бы животное говорило, то оно было бы человеком под другой формой; если же любовь эта некоторым внушением приведена к верованию, что нечто от человека оживает по смерти, тогда она помрачается до убеждения, что-то же самое с животными, и что это нечто, живущее по смерти, есть только легким испарением как пар, которое спадает на свой труп; или что-то жизненное без зрения, без слуха, без слова, следовательно, слепое, глухое и немое — летающее и мыслящее, кроме многих других безумств, внушаемых фантазии самой природой, мертвою в себе.

Вот что соделывает любовь к себе, которая в сущности есть любовью собственного; и собственное человека относительно чувств, которые все природны, не различается от жизни зверя, а лишь относительно сознаний, ибо те происходят от чувств, но отличаются от соби; поэтому погружающий постоянно свои мысли в собственное свое не может быть поднят из света природного в свет духовный, ни видеть что-либо, касающееся Бога, Неба и жизни вечной.

Так как такова эта любовь, а между тем отличается в искусстве подтверждения всего, что ей угодно, то может с тем же самым искусством извращать добро Слова и искажает его истины, если по какой-либо необходимости она должна исповедывать их.

В-седьмых.

Ради этого Господь не вводит внутренне человека в истины мудрости и добро любви, как лишь насколько человек может в них удержаться до конца жизни. Господь действует таким образом, дабы человек не впал в самую тяжкую из профанаций, о которой было сказываемо в этой главе; в предупреждение такой опасности Господь попускает также зло жизни и многие ереси культа; об этом попущении в следующих отделах.

Глава восьмая

ЗАКОНЫ ПОПУЩЕНИЯ СУТЬ ТОЖЕ ЗАКОНАМИ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОВИДЕНИЯ

234. Нет законов попущения по себе, или отдельных от законов Божественного Провидения, но они — одни и те же; поэтому говорится, что Бог попущает; понимается же не то, что Он хочет, но что не может отвратить, по причинам цели, которая есть спасение.

Все, совершающееся ради цели, которая есть спасение, согласуется с законами Божественного Провидения; ибо, как уже было сказано, Божественное Провидение шествует непрестанно в смысле, обратном с волею человека и противно этой воле, устремляясь постоянно к цели.

Поэтому в каждую минуту своего шествования, заметив, что человек уклоняется от цели, оно направляет его, подчиняет и располагает по своим законам, отклоняя его от зла и ведя к добру; что оное не может быть соделано без того чтобы зло не было допущено, увидится впоследствии. Сверх того, ничто не может быть допущено без причины, и нет причины в ином, как лишь в каком-либо законе Божественного Провидения, поучающем, почему допущено.

235. Не признающий вовсе Божественного Провидения не признает в своем сердце Бога; но вместо Бога признает природу и вместо Божественного Провидения — человеческую предусмотрительность; не кажется, что это так, потому что человек может думать одним способом и думать другим, и также говорить одним способом и говорить другим; он может думать и говорить одним способом по своему внутреннему и другим по-своему внешнему; он как крюк, который может вертеть дверью в двух направлениях, в одном при входе и в другом при выходе; или как парус, который может повертывать корабль в ту или другую сторону, смотря по тому, как кормчий развернул его.

Утвердившиеся за человеческую предусмотрительность, до точки отрицания Божественного Провидения, что бы ни видели, ни слышали и ни читали, когда они в мысли своей, не замечают и не могут заметить ничего иного, потому что ничего не принимают от Неба, но все принимают от себя; и так как они заключают по самым видимостям и по самим заблуждениям и не видят ничего иного, то могут клясться, что это так; и даже признавая одну природу, они могут раздражаться против защитников Божественного Провидения, если это не священники; что до тех, то они полагают, что защита эта согласуется с их учением и их служебною обязанностью.

236. Мы теперь дадим перечень некоторых явлений, которые от попущения, а тем не менее соответствуют законам Божественного Провидения, и по которым человек чисто природный утверждается за природу против Бога и за человеческую предусмотрительность против Божественного Провидения.

Так, читая Слово, он видит, что мудрейший из людей Адам и его супруга допустили змея соблазнить себя и что Бог Своим Божественным Провидением этому не воспрепятствовал; что их первый сын Каин убил своего брата Авеля, и Бог не отклонил его от этого, говоря с ним, и только проклял его после убийства; что народ Израильский в пустыне поклонялся золотому тельцу и признал его Богом, выведшим его из земли Египетской, и между тем Иегова, видя это с горы Синайской, совсем вблизи, не воспрепятствовал; затем также, что Давид сделал исчисление своему народу и по причине этого была послана чума, от которой погибли тысячи людей, и что Бог к нему послал пророка Гада не до проступка, а после, для возвещения о наказании; что было попущено Соломону учредить идольское служение и многим Царям после него профанировать Храм и святое Церкви; и наконец, что было попущено этому народу распять Господа.

По этим местам Слова и по многим другим признающий природу и человеческую предусмотрительность видит противное Божественному Провидению, почему и может пользоваться этим как доказательством в отрицании его, если не во внешней мысли, ближайшей к слову, то в мысли внутренней, от слова отдаленнейшей.

237. Всякий поклонник самого себя и природы утверждается против Божественного Провидения; видя в миру столько нечестивых и столько нечестия с их стороны, и в то же время извлекаемую некоторыми из оного славу, без того чтобы Бог налагал на них какое-либо наказание. И еще более утверждается он против Божественного Провидения, видя злоумышления, хитрости и обманы даже против благочестивых, праведных и искренних, и что несправедливость торжествует над справедливостью в суждениях и делах.

Он, главным образом, утверждается, видя нечестивых возводимых к почестям и становящихся вельможами и примасами, избыточествующими в богатствах и живущими в пышности и великолепии; и наоборот, поклонников Бога — в презрении и бедности. Он утверждается также против Божественного Провидения, когда мыслит, что попускаются войны, в которых убивается столько людей, и столько городов, народов и семей разграбляются и даже, что победа на стороне предусмотрительности, а не всегда на стороне справедливости, и все равно, хороший ли человек командующий или нечестивый, — и много других тому подобных вещей, которые все суть попущениями, согласно законам Божественного Провидения.

238. Этот же природный человек утверждается против Божественного Провидения, когда разбирает религии различных народов; например, что есть люди, не имеющие никакого понятия о Боге, и есть такие, которые поклоняются солнцу и луне; есть поклоняющиеся идолам и даже изображениям чудовищ или же умершим людям.

Еще более, когда размышляют, что Религия Магометанская принята в стольких империях и королевствах, а Христианская лишь в небольшой части Земного Шара, называемой Европой; что там она разделилась, и что находятся в ней люди, присвоившие себе Божественную власть и желающие быть обожаемы как боги, и что в ней призывают умерших людей; затем также, что ставят спасение в некоторых словах мыслимых или произносимых, а не в творимых добрых делах; еще, что мало кто живет по Вере, не говоря о ересях, которых было так много и существующих теперь, каковы; Квакеры, Моравские братья, Анабаптисты и другие; и, наконец, что продолжается Иудейство. Отрицающий Божественное Провидение из того заключает, что религия сама по себе ничто, но тем не менее необходима, потому что служит уздой.

239. Нынче к доказательствам этим можно прибавить многие другие, которыми еще сильнее утвердятся мыслящие внутренне за природу и за одну человеческую предусмотрительность; например, что весь Христианский мир признал трех Богов, не зная, что Бог един в лице и в сущности, и что этот Бог есть Господь; затем также, что до сих пор неизвестно было, что в каждой частице Слова есть духовный смысл и что отсюда святость Слова; затем, что еще не знали, что избегать зол как грехов есть самая Христианская Религия, ни того даже, что человек живет человеком по смерти; ибо те могут говорить себе и между собою: Почему Божественное Провидение, если оно существует, открывает это теперь в первый раз?

240. Все то, чему дан перечень в (**N 237, 238 и 239**), было приведено, дабы увидели, что все и каждое, соделанное в Мире, у злых, как и у добрых — от Божественного Провидения и, следовательно, Божественное Провидение — в мельчайших особенностях мыслей и действия человека и в том оно универсально. Но так как оное видимо быть не может, если только каждое из предложений не будет отдельно пояснено, то поэтому предлагается краткое пояснение их, в том порядке, как они следуют, начиная с (**N 236**).

241.I. Мудрейший из людей Адам и его супруга поддались соблазну змея, и Бог Своим Божественным Провидением не воспрепятствовал этому: потому что под Адамом и его супругою подразумеваются [не] первые люди и сотворенные в этом Мире, но люди Древнейшей Церкви, которой новое рождение, или возрождение, было таким образом описано; их новое рождение, или возрождение, в первой главе, — Сотворением Неба и Земли, их мудрость и их разум — Эдемским садом; а конец этой Церкви — вкушением от дерева познания; ибо Слово в лоне своем духовно, заключая в себе тайны Божественной Мудрости, и дабы заключались в нем они, написано оно посредством чистых соответствий и чистых прообразов.

Поэтому очевидно, что люди той Церкви, бывшие мудрейшими от начала, и в конце, по гордости собственного умствования, сделавшиеся очень злыми, были соблазнены не каким-либо змеем, но любовью к себе, которая здесь есть главою змея, и ее семя жены, то есть Господь, должно было раздавить.

Кто по рассудку не видит, что подразумевается иное, нежели рассказанное историческим способом в буквальном смысле? В самом деле, кто может постичь, что сотворение мира было таково, как описано? Так же ученые весьма затрудняют себя толкованием заключенного в первой главе и кончают признанием, что не понимают. Они не понимают и того что, в Эдемском саду или раю было два древа, одно жизни и другое познания — оное как камень преткновения, — ни того, что от одного вкушения от этого древа они настолько согрешили, что не только сами, но и весь род человеческий — их потомки — были преданы проклятию, ни, наконец, того, что змий их мог соблазнить; кроме многих других фактов, как, например, что супруга была сотворена из ребра мужа; что после падения они признали наготу свою, что прикрыли ее фиговыми листьями, что им были даны одеяния из кожи для прикрытия их тела; и что поставлены были херувимы с огненным мечом стеречь путь к древу жизни.

Все это прообразы, которыми описано установление Древнейшей Церкви, состояние этой Церкви, перемена этого состояния и, наконец ее падение; это все тайны, заключенные в духовном смысле, пояснены в Тайнах Небесных о Книге Бытия и Исходе, изданных в Лондоне; там можно также увидеть, что под Древом жизни разумеется Господь относительно Своего Божественного Провидения, а под Древом познания — человек относительно собственной предусмотрительности.

242. II. Их первый сын Каин убил своего брата Авеля, и Бог тогда не отклонил его от этого, говоря с ним, но только проклял его после убийства. Так как под Адамом и его супругою разумеется древнейшая Церковь, как было сказано, то, следовательно, под Каином и Авелем, их сыновьями, разумеются две сущности Церкви, которые суть *Любовь* и Мудрость, или Милосердие и Вера.

Авель означает *любовь* или милосердие, а Каин мудрость или веру, специально же мудрость отдельно от *любви* или веру отдельно от милосердия; и эта мудрость так же, как и отдельная вера, такова, что не только отбрасывает *любовь* и милосердие, но даже их уничтожает, и таким образом, Каин убивает брата; что вера отдельная действует так, довольно известно в Мире Христианском, (см. Учение Нового Иерусалима о Вере).

Проклятие Каина обнимает собою духовное состояние, в которое входят, по смерти, отделяющие веру от милосердия или мудрость от *любви*. Но тем не менее, чтобы от этого отделения мудрость или вера не погибли, на Каина был наложен знак, дабы он не был убит; ибо *любви* не существует без мудрости, ни милосердия без веры.

Так как этот факт изображает почти то же самое, что и вкушенью от древа познания, то он помещен был в порядке, после описания Адама и его супруги; оттого те, которые в вере, отдельной от милосердия, — суть в собственном умствовании, те же, которые в милосердии и затем в вере, — в разуме по Господу, следовательно, в Божественном Провидении.

243. III. Израильский народ в пустыне поклонялся золотому тельцу и признал его Богом, выведшим его из Египта, а между тем Иегова это видел с горы Синайской, вблизи, и не воспрепятствовал тому. Это произошло в пустыне Синайской, у горы; что Иегова не отклонил их от идолопоклонства — согласуется со всеми законами Божественного Провидения, приведенными здесь и следующими.

Это зло было допущено, дабы они все не погибли; ибо сыны Израильские были выведены из Египта для того, чтобы изображать собой Церковь Господню; они же не могли ее изображать, если бы Египетское идолопоклонство не было предварительно искоренено из их сердца; и это не могло бы совершиться, если бы им не было свободы поступать по сердцу и вырвать его из своего сердца вследствие сурового наказания. Касательно того, что еще означается этим культом и угрозою, что они будут вполне отвергнуты и новый народ будет произведен от Моисея, можно узнать в Небесных Тайнах об Исходе, глава XXXII, где эти предметы изложены.

244.IV. Давид сделал исчисление народа, и по причине этого была наслана чума, погубившая несколько тысяч человек, и Господь к нему послал пророка Гада не до проступка, но после — возвестить ему о наказании; утверждающийся против Божественного Провидения может и об этом предмете мыслить и разное развертывать в своем уме; главным образом, почему Давид не был предупрежден заранее, и почему народ за преступление царя был так сурово наказан?

Что Давид не был заранее предупрежден, согласно с законами Божественного Провидения, показанными до сих пор, и главным образом с двумя законами, поясненными выше (**129-153 и 154-174**). Если народ был так сурово наказан за преступление царя, и семьдесят тысяч человек были поражены чумою, то это не из-за царя, а из-за народа, ибо так читают: "Гнев Иеговы продолжал воспламеняться против Израиля, поэтому Он возбудил против них Давида, говоря: Иди, исчисли Израиля и Иуду" (**2 Цар. XXIV, 1**).

245. V. Было попущено Соломону установить идолослужение. Это для того, чтобы он изображал Царство Господне, или Церковь, со всеми религиями целого Мира; ибо Церковь, установленная у народа Израильского, была Церковью преобразовательною; поэтому все определения и статуты этой Церкви прообразовывали духовные Церкви, которые были внутренними их; сам народ — Церковь; Царь — Господа; Давид — Господа, долженствовавшего прийти в Мир, а Соломон — Господа после Его пришествия; и так как Господь, по прославлении Своей Человечности, получил власть над небом и землей, как говорит Он Сам в (**Матф. XXVII, 18**), то потому его преобразователь Соломон являлся в славе и великолепии и пребывал в мудрости более всех царей земных; сверх того, построил Храм и с той поры допустил и установил культы разных народов, которыми были прообразуемы различные религии Мира; его супруги числом в семьсот и его наложницы числом в триста означали подобные — (**I Царей, XI, 3**), ибо супруги в Слове означают Церковь, а наложницы — религию.

Поэтому можно видеть, отчего Соломону даровано было построить Храм, которым означается Божественная Человечность Господа — (**Иоанн И, 19, 21**), и также Церковь; затем и отчего ему было попущено установить идольские служения и иметь столько супруг. Что под Давидом во многих местах Слова разумеется Господь, долженствующий прийти в Мир, видно в Учении Нового Иерусалима о Господе (**43, 44**).

246.VI. Было попущено многим царям после Соломона профанировать Храм и святыни Церкви, потому что народ прообразовал Церковь, и царь был начальником его; а так как народ Израильский и Еврейский был таков, что не могли они долго прообразовать Церковь, будучи в сердце идолопоклонниками, посему они отступали мало-помалу от преобразовательного культа и извращали все Церкви до той меры, что опустошали ее; оное было прообразовано профанациями Храма со стороны царей или идолослужением: самое опустошение Церкви — разрушением Храма, переселением народа Израильского и пленом народа Еврейского в Вавилоне. В том была причина, а все, что совершается по какой-либо причине, совершается по Божественному Провидению, согласно с одним из его законов.

247.VII. Было попущено этому народу распять Господа, потому что Церковь у этого народа была совершенно опустошена и стала такою, что не только они не знали и не признавали Господа, но даже ненавидели Его; тем не менее все, что они сделали Ему, было по законам Божественного Провидения. Что Крестная Страсть была последним Искуплением, или последней Борьбой, которыми Господь совершенно победил ады и совершенно прославил Свою Человечность, видно в Учении Нового Иерусалима о Господе (**12-14**), и в Учении Нового Иерусалима о Вере (**34-35**).

248. До сих пор были пояснены факты, которым перечень дан выше (**236**); эти некоторые факты взяты из Слова, которыми человек природный, рассуждающий против Божественного Провидения, может утвердиться; ибо, как уже было сказано, все, что такой человек видит, слышит и читает, может ему служить доводами против оного; тем не менее не многие *люди* утверждаются против Божественного Провидения фактами, которые в Слове, но многие утверждаются тем, что существует перед их глазами и что изложено в (N **237**). Оное подобно тому будет пояснено.

249.I. Всякий поклонник самого себя и природы утверждается против Божественного Провидения, когда видит в миру столько нечестивых и столько нечестия с их стороны, и в то же время славу, извлекаемую некоторыми из оного, без того чтобы Бог налагал на них какое-либо наказание. Всякие нечестия и слава, извлекаемая из них, суть попущениями, причины которых — законы Божественного Провидения.

Всякий человек может свободно и даже очень свободно мыслить, что ему угодно против Бога и за Бога, и мыслящий против Бога редко наказуется в Мире природном, потому что в нем он постоянно в состоянии преобразования; но наказуем он в Мире духовном, что бывает по смерти, ибо он тогда преобразован быть не может.

Что причины попущений суть законами Божественного Провидения, очевидно по законам вышеприведенным, если их припомнят и разберут; они в том: Человек должен поступать в свободе по рассудку (**7-97**). Человек не должен быть понуждаем внешними средствами мыслить и желать, таким образом, тому-то верить и то любить из принадлежащего религии, но должен к этому направляться сам собою и иногда понудить себя (**129-153 [154-174**, ред.]).

Собственная предусмотрительность ничтожна и только кажется, что существует, и должна казаться, как бы существующей, но Божественное Провидение по единичным — универсально (**191-213**).

Божественное Провидение имеет ввиду вечное, временное же лишь насколько оно составляет с вечным одно (**214-220**). Человек внутренне вводится в истины веры и добро милосердия, лишь насколько может быть в них удержан до конца жизни (**221-233**).

Что причины попущений суть законами Божественного Провидения, будет ясно видно в следующих Отделах, например, в том: зло попускается ради цели, которая есть спасение; затем в том: Божественное Провидение постоянно у злых, как и у добрых; и, наконец, в том: Господь не может действовать против законов Божественного Провидения, потому что действовать против них — это действовать против Своей Божественной Любви и Своей Божественной Мудрости, таким образом, против Самого Себя.

Эти законы, если сопоставить их, могут обнаружить причины, по которым нечестия попускаемы Господом и не наказуемы, если они только в мысли, и даже редко наказуемы, если они в намерении, следовательно, в воле, но не в действии.

Все же за всяким злом следует его наказание, которому нечестивый подвергается по смерти. По данным соображениям поясняется также следующее приближение приведенного выше в **(N 237**), а именно, что поклонник самого себя и природы утверждается еще против Божественного Провидения, когда видит преуспеяния злоумышлений хитростей и обманов даже против людей благочестивых, праведных и искренних, и что несправедливость торжествует над справедливостью в суждениях и делах.

Все законы Божественного Провидения суть необходимостями и так как они суть причинами, по которым такие вещи попускаемы, то очевидно, что дабы человек мог жить человеком, быть преобразованным и спасенным, такие вещи не могут быть сняты с человека Господом, разве только посредственно, через Слово, а особенно через поучения Заповедей у признающих за грех всякого рода убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства; у не признающих этого за грехи посредственно же через законы гражданские и страх наказаний, ими налагаемых; также посредственно через законы нравственные и страх потери доброго имени, чести и выгоды; такими средствами Господь ведет злых, но только отклоняя их от делания зла, а не от мысли о них и желания; но первыми средствами Господь ведет добрых, отклоняя их не только от делания зол, но даже от мысли о них и желания.

250.II. Поклонник самого себя и природы утверждается против Божественного Провидения, когда видит, что нечестивые введены к почестям и становятся вельможами и примасами, затем также изобилуют в богатствах, живут в пышности и великолепии, между тем как почитатели Бога — в презрении и нищете.

Поклонник самого себя и природы мыслит, что почести и богатства суть величайшим и единственным благополучием, какое может существовать, таким образом, самим благополучием; несли он по культу, в который с детства был введен, мыслит нечто о Боге, то называет оное Божественным благословением; насколько не стремится он к более возвышенному, то думает, что есть Бог, и даже поклоняется Ему, но в культе его скрыто, чего он сам даже не знает, желание быть возведенным Богом к почестям более высоким, и к богатствам изобильнейшим; и, по достижении того, культ его продвигается более и более к внешним до того, что становится ничем, и сам он презирает и отрицает Бога; он поступает одинаково, если лишен почета и роскоши, в которых полагает свое сердце.

Тогда почести и богатства как камни преткновения для злых, но не для добрых, потому что те полагают свое сердце не в них, но в делах и добре, для исполнения которых почести и богатства служат средствами. Посему никто иной, как лишь поклонник самого себя и природы, может утвердиться против Божественного Провидения тем, что нечестивые достигают почестей и богатства и становятся вельможами и примасами. Притом, что такое большая или меньшая почесть и больший или меньший достаток?

Разве это не что-либо воображаемое в себе? Благополучнее ли и счастливее ли один другого? Почесть вельможи, и даже короля или императора, не принимается ли ими, по прошествии года, как что-то обыкновенное, не возбуждающее радостью их сердца и даже могущее стать ничтожным в их глазах? Разве они по сану своему в большей степени счастия, чем менее знатные и даже наименее, как фермеры и их служители? Те могут быть в высшей степени благополучия, когда преуспевают и довольны своею участью.

Чем непокоен сердцем, наичаще гневен, наживее раздражен, как не любовью к себе? Это с нею является всякий раз, как ее не чествуют по возбуждению ее сердца, и всякий раз, как что-либо не успевает по ней или по ея желанию. Что такое почесть, если она не для вещи или дела, как не идея? Может ли быть эта идея в иной мысли, чем мысль о себе и о мире? И сама в себе не есть ли она идеей, что мир это все, а вечное — ничто? Теперь, по вопросу о Божественном Провидении, будет сказано несколько слов, почему попускает оно, чтобы нечестивые сердцем возводились к почестям и приобретали богатства: нечестивые или злые могут так же творить дела, как и люди благочестивые и добрые, и даже с дивным рвением, ибо они взирают на себя в делах и смотрят на почет как на дело; поэтому чем сильнее растет любовь к себе, тем больше разгорается в ней желание творить дела для своей славы; такого рвения не существует у людей благочестивых или добрых, разве только оно снизу побуждаемо почетом; таким образом Господь, любовью к доброй славе, ведет нечестивых сердцем, которые в почестях, и возбуждает их творить дела для Общины или Отечества, для Общества или Города, где они, и также для сограждан или ближнего, с которыми они: таково управление Господа, называемое Божественным Провидением; в самом деле, Царство Господне есть Царством дел, и там, где малое число людей творит дела ради дел, Он соделывает, что поклонники самого себя возводятся к внешним должностям, в которых каждый своею любовью побуждаем творить добро.

Предположи в Миру, чего не существует, царство адское, где только царствует любовь к себе — Любовь к себе сама есть дьявол, — разве там каждый по огню любви к себе и по блеску славы не будет творить дел больше, чем в другом царстве? Между тем, как все такие имеют на языке благо общее, а в сердце собственное благо; и так как каждый взирает на своего государя, дабы стать выше, ибо каждый стремится быть наивысшим, возможно ли там видеть, что есть Бог?

Там все окружены дымом, как бы пожарным, сквозь который никакая духовная истина пройти не может в свете своем; я видел этот дым, как бы пожарный, вокруг адов обожателей себя самих.

Засвети фонарь и поищи, сколько в теперешних государствах, между стремящимися к почестям, таких, которые бы не были любовью к себе и к миру? Из тысячи найдешь ли пятьдесят, которые бы были любовью к Богу, и между ними только некоторые стремятся к почестям?

По тому же, что так мало людей любви к Богу, и так много людей любви к себе и к миру, и оных любви своим огнем производят более дел, чем любовь к Богу, как может кто-либо утвердиться против Божественного Провидения тем, что злые более добрых во власти и избытке?

Это даже подтверждается словами Господа: "Господин похвалил управителя неверного, что предусмотрительно поступил, ибо сыны века сего предусмотрительнее сынов света в роде своем. Так Я говорю вам: соделайте себе друзей от Маммона неправедного, чтобы, когда вы обнищаете, они вас приняли в вечные шатры" (**Лука, XVI, 8, 9**); что разумеется в этих словах в смысле природном — очевидно; но в духовном смысле под Маммоном неправедным разумеются познания истины и добра, которыми обладают злые, и каждыми они пользуются лишь для приобретения почестей и богатств; по этим познаниям добрые, или сыны света, приобретут себе друзей и, они их примут в вечные шатры.

Что любовь к себе и к миру в большом количестве, а любовь к Богу в малом, Господь поучает тоже тому в следующих выражениях: "Широки врата и пространен путь, ведущий к погибели, и многие ими входят; но тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие его находят" (**Матф, VII, 13, 14**). Что почести и богатства суть проклятия и благословения и у кого они как, показано выше в **(N 217).**

251.III. Поклонник самого себя и природы утверждается против Божественного Провидения, когда думает, что войны попускаются, и в них столько людей убито и их богатства разграблены. Не по Божественному Провидению войны, ибо они в связи с убийствами, грабежом, насилием, жестокостью и другими громадными преступлениями, диаметрально противоположными милосердию Христианскому; но тем не менее они не могут не быть попущены, потому что после древнейших, разумеемых под Адамом и его супругою, и о которых было говорено выше в (**N 241**), жизненная любовь человека стала такова, что он хочет владычествовать над другими, и наконец, над всеми, и хочет обладать богатствами мира, и наконец, всеми богатствами.

Эти любови не могут удерживаться в узде, потому что, согласно с законами Божественного Провидения, дозволено каждому поступать в свободе, по рассудку (см. выше в **N 71-97**), и без попущений человек не может быть отклоняем Господом от зла, и, следовательно, быть преобразован и спасен; ибо если бы не попущено было злу прорываться, человек не увидел бы его, следовательно, не признал бы его, и, таким образом, не мог бы приведен быть к противостоянию ему; из этого явствует, что зло не может быть удержано никаким средством Провидения; ибо в таком случае оно бы оставалось замкнутым, и как болезни, именуемые раком и гангреной, распространилось бы во все стороны и извело бы всю жизненность человеческую.

В самом деле, человек по рождению есть малым адом, между которым и небом идет непрерывное препирательство; ни один человек не может извлечен быть из своего ада Господом, если только не увидит, что он в нем, и не захочет из него быть извлеченным, а оное не может совершиться без попущений, причины которых суть законами Божественного Провидения.

По этой причине есть войны малые и войны большие; малые между владетельными лицами и их соседями, и большие между Монархами и их соседями; малые только тем отличаются от больших, что ограничены законами народа, большие же — законами народов, и в том, что, хотя малые, как и большие, стремятся преступить свои законы, малые не могут этого, большие же могут, но не за пределы возможного.

Если большие войны, ведомые королями и генералами, хотя в связи с убийствами, грабежами, насилиями и жестокостями, не возбраняются Господом, ни в их начале, ни в прогрессии, но лишь в конце, когда могущество того или другого ослабнет, и для него неизбежна опасность истребления, то оное зависит от многих причин, сокрытых в сокровищнице Божественной Мудрости; некоторые из этих причин были мне открыты; между ними есть та, что все войны, будь это даже войны гражданские, суть прообразами состояний Церкви в Небе и соответствиями: таковы были все войны, описанные в Слове, и таковы теперешние; войны, описанные в Слове, суть те, которые сыны Израильские вели с различными народами, как-то: Египтянами, Халдеями, Ассирийцами; и когда сыны Израильские, прообразующие Церковь, уклонялись от предписаний и уставов и впадали во зло, означенное этими народами, — ибо каждый народ, с которым сыны Израильские воевали, означал какой-либо род зла, — то они были наказуемы этим народом: например, когда они профанировали святое церкви позорным идолопоклонством, то были наказуемы Ассирийцами и Халдеями, потому что профанация святого означается Ассирией и Халдеей; что означалось войнами с Филистимлянами, можно увидеть в Учении Нового Иерусалима о Вере (**50-54**).

Подобное тому прообразуется теперешними войнами; в каком бы они месте не происходили, ибо все, совершаемое в Мире природном, соответствует вещам духовным в духовном Мире, а все духовные вещи касаются Церкви. Неизвестно в этом Мире, какие Христианские государства имеют отношение с Моавитянами и с Аммонитянами, с Сирийцами и с Филистимлянами, с Халдеями и с Ассирийцами, и с другими народами, против которых сыны Израильские вели войну; однако есть имеющие с ними соотношение.

Но какова Церковь на землях и каково зло, в которое она впадает и за которое наказуется войнами, невозможно вовсе видеть в Мире природном, потому что в этом Мире проявляются только внешние, не составляющие Церкви; но это видимо в Мире духовном, где проявляются внутренние, в которых и есть Церковь; и там все сочетаются по своему различному состоянию; столкновения их в Мире духовном соответствуют войнам, которые с той и другой стороны направляемы соответствующе Господом по Его Божественному Провидению.

Что войны в Мире направляемы Божественным Провидением Господа, это признается человеком духовным, но не человеком природным, за исключением, если празднуется победа, в том, что тогда он может на коленях славить Бога за дарованное одоление; он может также до начала битвы призывать Бога несколькими словами, но войдя в себя приписывает он победу предусмотрительности генерала или какой-либо мере, или непредвиденному в сражении инциденту, от чего последовала победа.

Что Божественное Провидение, именуемое Фортуною, — в мельчайших частностях даже пустячных вещей, об этом сказано в (**N 212**): если в них ты признаешь Божественное Провидение, то признаешь его вполне в событиях войны; успехи и выгоды, полученные от войны, даже обыкновенно называются боевою Фортуною; они-то и есть Божественным Провидением, главным образом в советах и соображениях командующего, хотя бы он тогда или впоследствии и" списал к собственной предусмотрительности.

Впрочем, пусть он так и делает, если желает, ибо он в полной свободе мыслить за Божественное Провидение или против него, и даже за Бога или против Бога, но да узнает он, что ничто относительно советов и соображений не от него: все наитствует от неба или от ада, от ада — по попущению, от неба же — по Провидению.

252, IV. Поклонник самого себя или природы утверждается против Божественного Провидения, когда по своему сознанию он мыслит, что победы на стороне предусмотрительности, а не всегда на стороне права, и все равно, хороший ли человек командующий или нечестивый.

Если кажется, что победы на стороне предусмотрительности, а не всегда на стороне права, то потому, что человек судит по видимости и снисходит более к одной стороне, чем к другой, а то, к чему он снисходит, может он подтверждать рассуждениями, и он не знает, что правота дела (justitia causae) в небе духовна, а в мире природна, как было сказано в предыдущем, и что та и другая сочетаются по сцеплению вещей прошедших и, в то же время, грядущих, известных одному Господу.

Если же безразлично, хороший ли человек командующий или он человек нечестивый, то это по причине, подтвержденной выше в (**N 250**), той, что злые так же, как и добрые, творят дела, и злые по своему огню творят их с большим рвением, чем добрые; главным образом в войнах, ибо злой искуснее и ловче в замышлении хитростей, и он испытывает наслаждение по любви к славе, убивая и грабя известных и объявленных своих врагов, добрый же проявляет лишь предусмотрительность и рвение к защите, а не к завоеванию.

С этим так же, как и с адскими духами и небесными ангелами; адские духи нападают, а небесные ангелы защищаются. Отсюда является заключение, что дозволено каждому защищать свое отечество и своих сограждан от осаждающих врагов, даже употребляя злых генералов, но не дозволяется объявляться врагом без повода; повод одной лишь славы — дьявольский в себе, ибо присущ любви к себе.

253. До сих пор шло пояснение изложенного выше (**237**), чем человек вполне природный утверждается против Божественного Провидения; теперь будет пояснено помещенное в (**N 238**) касательно религий различных народов, могущее тоже служить доводами для человека совершенно природного против Божественного Провидения; ибо он говорит в своем сердце: "Как может существовать столько различных религий, и не существует одной истинной на всем земном шаре, если, как было показано выше (**27-45**), Божественное Провидение имеет целью Небо, происходящее из Рода Человеческого?"

Но послушай, прошу тебя: все рожденные людьми, в какой бы области они не находились, могут быть спасены, если только они признают Бога и живут по Заповедям, которые в том, чтобы не убивать, не совершать прелюбодеяния, не красть, не лжесвидетельствовать, по той причине, что против религии, следовательно, против Бога так поступать; у тех есть страх Божий и любовь к ближнему; страх Божий в том, что они мыслят, что совершать такие поступки — против Бога, а любовь к ближнему в том, что убивать, прелюбодействовать, красть, лжесвидетельствовать, желать его дома и его супруги — против ближнего; так как такие в своей жизни возводят очи к Богу и не делают ближнему зла, то они ведутся Господом; и ведомые Господом поучаются также согласно своей религии о Боге и о ближнем; ибо живущие так любят поучаться, а живущие иначе поучаться не любят; и так как они это любят, то и бывают поучаемы ангелами по смерти, когда становятся духами, и охотно принимают истины, такие, как в Слове. Об этом предмете смотрите некоторые пояснения в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**91-97 и 104-113**).

254. III. Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения, когда разбирает религии различных народов, например, что есть люди, не имеющие никакого понятия о Боге, и есть поклонники солнца и луны, другие же, поклонники идолов и резных изображений.

Извлекающие из того доводы против Божественного Провидения не знают тайн неба, которые бесчисленны, и из которых едва ли одна известна человеку; в числе этих тайн есть та, что человек не поучается от неба непосредственно, но посредственно (см. об этом предмете **154-174**), а так как он поучаем посредственно, Евангелие же не могло, через Эмиссаров, достигнуть всех живущих на целом земном шаре, но все же религия, различными средствами, могла прийти даже к народам, которые на краю света, посему оно имело место по Божественному Провидению; в самом деле никакой человек не извлекает из себя религии, но получает ее от другого, который сам или от других, через предания узнал по Слову, что есть Бог, есть небо, есть ад, есть жизнь по смерти и что надобно почитать Бога, дабы стать счастливым.

Что Религия распространилась в целом свете по древнему Слову, и затем по Слову Израильскому — видно в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**101-103**), и что, если бы не было Слова, никто бы не имел познания о Боге, О Небе и об Аде, о жизни после смерти, ни тем менее о Господе, видно в том же Трактате (**114-118**).

Когда религия насаждена в народе, этот народ ведется Господом по поучениям и догматам своей религии: и от Промысла Господня, дабы в каждой религии были поучения такие, как в Десятисловии; таким образом чтить Бога, не осквернять Его Имени, соблюдать праздники, почитать отца и мать, не убивать, не совершать прелюбодеяния не красть, не лжесвидетельствовать; народ, обращающий в Божественные эти предписания и согласующий с ними по религии жизнь, — спасен бывает, как было сказано выше в (**N 253**), и даже большая часть народов, отделенных от Мира Христианского, смотрит на эти законы не как на гражданские, но как на Божественные и почитает их святыми; что человек спасен бывает жизнию по этим поучениям, видно в Учении Нового Иерусалима по заповедям Десятисловия, от начала до конца.

В числе тайн неба есть та, что все Ангельское Небо перед Господом — как один человек, которого душою и жизнью есть Господь, и что этот Божественный человек есть человеком в совершенной форме, не только что до внешних членов и органов, но даже относительно внутренних членов и органов, которые многочисленны, затем также относительно кожи, плевы, хрящей и костей; однако части эти, как внешние, так и внутренние, в теле Человека не материальны, но они духовны: и от Промысла Господня дабы те, к которым не могло достичь Евангелие, но у которых есть религия, могли иметь место в Божественном Человеке, то есть в Небе, образуя части, именуемые кожею, плевою, хрящем и костью, и дабы они были, как и прочие, в небесной радости; ибо безразлично тому, кто в радости, в радости ли он той, как для ангелов внешнего неба, или в радости как для ангелов последнего неба; в самом деле, входящий в небо входит в высшую радость своего сердца и не выдержал бы большей радости, ибо ею бы задохся.

Это как по сравнению с землепашцем и королем; землепашец может быть на верху счастия, когда идет, одетый в новое платье из грубого сукна и когда сидит за столом, на котором свинина, кусок говядины, сыр и вино; он бы стеснялся, если бы, подобно королю, был одет в пурпур, в шелк, в серебро и в золото, и находился бы за столом с изысканными и роскошными разного рода блюдами, и тонкими винами; из этого очевидно, что есть небесная радость для последних, как и для первых, для каждого в своей степени; следовательно, также для тех, которые вне Христианского мира, если только они избегают грехов против Бога, так как оные против религии.

Мало таких, которые не имеют решительно никакого познания о Боге; а что такие, если вели нравственную жизнь, поучаемы ангелами по смерти и принимают духовное в свою нравственную жизнь, видно в Учении Нового Иерусалима о священном Писании (**116**).

Подобно тому поклонники Солнца и Луны, верующие что в них Бог: они не ведают иного, им также это в грех не вменено, ибо Господь

говорит: "Если б вы были слепы, то есть, если бы вы не знали, на вас бы не было греха" (**Иоанн, IX, 41**). Но многие есть поклоняющиеся идолам и вырезанным изображениям, даже в Христианском Мире; это действительно идолопоклонство, но не у всех; в самом деле, есть такие, для кого изображения служат средствами возбуждения мысли о Боге; ибо по наитию, исходящему от Неба, происходит, что признающий Бога желает видеть Его; но он не может так, как внутренне духовные, вознести дух над чувственным и возбуждает себя образом резным или гравированным; поступающие так и не поклоняющиеся самому изображению как Богу, спасены, если они живут по религии, согласно с Заповедями Десятисловия.

По этим объяснениям очевидно, что так как Господь желает спасения всех, то Он приуготовил также, дабы каждый имел свое место в небе, если хорошо живет. Что небо перед Господом — как один человек, и что затем небо соответствует всему и каждой частности в человеке, и что есть соответствующие коже, плеве, хрящу и кости, — видно в Трактате О Небе и об Аде, изданном в Лондоне в 1758 (**59-102**), также в Тайнах Небесных, (**5552-5569**) и выше в (**N 201-204**).

255.II. Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения, когда размышляет, что Магометанская религия принята в стольких империях и королевствах. Что эта религия принята большим число государств, чем христианская религия, — может служить соблазном для тех, кто мыслит о Божественном Провидении и, в то же время, верит, что нельзя спастись, если не родиться Христианином, то есть в стране, где есть Слово и где знают Господа; но религия Магометанская не служит соблазном для тех, кто верует, что все исходит от Божественного Провидения; такие изыскивают, в чем тут Провидение, и находят то же; это в том, что религия Магометанская признает Господа Сыном Божиим, мудрейшим из людей и величайшим пророком, пришедшим в Мир поучать людей; большая часть Магометан Его ставят выше Магомета.

Для полнейшего выяснения того, что эта религия была установлена Божественным Провидением Господа, ради истребления идолопоклонства многочисленных народов, предмет этот будет изложен в некотором порядке; вследствие чего сначала говориться будет о происхождении идолопоклонства.

До Религии этой служение идолам было обычно по всей земле, происходили они от того, что Церкви, до пришествия Господа, были все Церквями Преобразовательными, таковою была также Израильская Церковь; там скиния, одежда Аарона, жертвы, все принадлежности Храма Иерусалимского, также уставы, были преобразовательными; у древних же была наука соответствий, которая есть тоже наукою преобразований, — истинная наука мудрецов, процветавшая, главным образом, в Египте, откуда их иероглифы; по науке этой знали они, что означали животные всякого рода, деревья всякого рода, затем горы, холмы, реки, источники, и также солнце, луна, звезды; и так как культ их был культом преобразовательным, состоящим из чистых соответствий, то они поэтому совершали его на горах, на холмах и также в рощах и садах; посвящали источники и обращали лицо к восходящему солнцу при поклонении Богу; сверх того, они делали резные изображения коней, быков, телят, ягнят и даже птиц, рыб, змей и помещали их в своих домах, в известном порядке,

согласно с духовными началами Церкви, которым они соответствовали и которые прообразовали.

Они помещали также подобные предметы в своих Храмах для напоминания святостей, которые те означали. После того времени, когда была утрачена наука соответствий, потомство их стало поклоняться этим разным изображениям как священным в самих себе, не зная, что их предки ничего не видели в них святого, но смотрели на них только как на прообразующие и затем означающие святое по соответствиям.

Отсюда возродились идолопоклонства, наполнившие всю землю, как Азию с прилегающими островами, так Америку и Европу. Для уничтожения этих идолопоклонств произошло то, что, по Божественному Провидению Господа, восстала новая Религия, приноровленная к духу восточных народов, в которой было нечто из того и другого Заветов Слова, и которая поучала, что Господь пришел в Мир, что Он был величайшим Пророком, мудрейшим из всех и Сыном Божиим; оное соделано было Магометом, от которого эта религия названа Религиею Магометанскою.

Религия эта была установлена по Божественному Провидению Господа и приноровлена, как было сказано, к духу восточных народов, для

уничтожения идолопоклонств стольких народов и дарования им некоторых познаний о Господе, до их пришествия в Мир духовный; она бы не была принята столькими государствами и не могла бы уничтожить идолопоклонство, если бы не сложилась согласно и прилично идеям мысли и жизни всех этих народов.

Что в ней не признавался Господь Богом неба и земли, то это потому, что Восточные народы признавали Бога Творца Вселенной и не могли понять, что этот Бог пришел в Мир и принял человечность, так как этого не понимают тоже Христиане, которые в своей мысли отделяют Его Божественность от Его Человечности и помышляют Его Божественность при Отце в Небе, а Его Человечность — неизвестно где.

Из этого можно видеть, что Религия Магометанская обязана тоже своим происхождением Божественному Провидению Господа; и что все в этой религии, признающие Господа за Сына Божия и, в то же время, живущие по Десяти Заповедям, которые и их Заповеди, избегая зол как грехов, приходят в Небо, называемое Магометанским Небом; это Небо тоже разделено на три Неба: вышнее, среднее и низшее; в вышнем суть признающие, что Господь — одно с Отцем и что таким образом Он Сам есть единый Бог; во втором Небе суть отказавшиеся иметь несколько супруг и живущие с одною, и в последнем посвященные в это. Относительно этой Религии более подробно в Продолжении о Последнем Суде и Духовном Мире (**68-72**), где говорится о Магометанах и о Магомете.

256.III. Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения, когда видит, что Религия Христианская только в меньшей части обитаемого земного шара, называемой Европою, и что и там она разделена. Если Христианская Религия только в меньшей части обитаемого земного шара, называемой Европою, то потому, что она не была приноровлена к духу восточных народов, как Религия Магометанская, которая есть смешанною, как было показано; а Религия, не приноровленная к духу человека, не принимается им; например, религия, провозглашающая, что недозволенно иметь нескольких супруг, не принимается теми, которые от веков были полигамами, но отвергается ими; то же самое с некоторыми другими предписаниями Христианской Религии.

Все равно, меньшая или большая часть Мира приняла ее, лишь бы были народы, у которых Слово, ибо оттого всегда является свет для тех, которые вне Церкви и не имеют Слова, как было показано в Учении Нового Иерусалима и Священном Писании (**104-113**).

И дивно, что везде, где Слово читается со святостью и Господь чтим по Слову, там Господь с Небом; это потому, что Господь есть Слово и что Слово есть Божественная Истина, образующая Небо; Господь и говорит: "Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них" (**Матф. XVIII, 20**).

Оное может быть соделано со Словом Европейцами во многих местах обитаемого земного шара, ибо они сообщаются с целым светом и везде через них, где читается Слово, бывает поучение по Слову; оно представляется измышленным, но тем не менее верно.

Если Христианская Религия разделена, то это потому, что она основана на Слове, Слово же писано чистыми соответствиями; соответствия же по большей части суть видимости истины, в которых, однако, подлинные истины сокрыты; а так как Учение Церкви должно быть извлекаемо из буквального смысла Слова, которое таково, то невозможно, чтобы в Церкви не происходили споры, несогласия и распри, особенно относительно разумения Слова, но не относительно самого Слова, ни Самой Божественности Господа;

в самом деле, всюду признано, что Слово свято и что Божественность принадлежит Господу; а эти два пункта составляют существенности Церкви, посему тоже, отрицающие Божественность Господа, называемые Социнианцами, удалены от Церкви, и отрицающие святость Слова не считаются христианами.

К этим объяснениям прибавлю нечто о Слове из меморандума, почему можно заключить, что Слово внутренне есть самой Божественной Истиной, и сокровенно Господом.

Когда дух открывает Слово и натирает им лице свое или одежду, то по одному этому трению его лице или одежда блестят, как луна или звезда, и на виду у всех, кого он встречает; это свидетельствует, что в Мире нет ничего святее Слова. Что слово было писано чистейшими соответствиями, видно в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**5-26**).

Там видно также, что Учение Церкви должно быть извлекаемо из буквального смысла Слова и подтверждаемо этим смыслом (50-61); что ереси могут быть извлекаемы из буквального смысла Слова, но что опасно их подтверждать (**91-97**); что Церковь существует Словом и каково в Церкви разумение Слова — такова Церковь (**76-79**).

257.IV. Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения тем, что во многих Государствах, где принята Христианская религия, есть люди, относящие к себе Божественную власть и желающие быть чтимыми как боги, и потому, что там призывают умерших людей.

Они говорят, правда, что не присваивают себе Божественной власти и не желают быть чтимыми как боги; но тем не менее говорят они, что могут отворить и затворить Небо, отпустить и оставить грехи, следовательно, спасти и осудить людей, а это есть самим Божественным; ибо Божественное Провидение имеет единственной целью преобразование и затем спасение, в этом его постоянное действие с каждым; спасение же совершается лишь признанием Божественности Господа и верованием, что Господь действует Сам, когда человек живет по Его Заповедям.

Кто может не видеть, что это Вавилония, описанная в Апокалипсисе, и Вавилон, о котором говорится местами в Пророках? Что это тоже Люцифер, в Исайи (**глава XIV**) очевидно по стиху (**4 и 22**) этой главы, где такие слова: "Ты произносишь эту притчу на Царя Вавилонского" (**Стих 4**); затем: "Я изыму от Вавилона имя и останки" (**Стих 22**); из чего ясно, что в этом месте Вавилон есть Люцифер, о котором сказано: "Как пал ты с неба, Люцифер, сын зари?

А ты сказал в сердце своем: вознесусь на небеса, превыше звезд Бога возведу мой престол, возлягу на горе завета, в сторонах севера, вознесусь превыше вершин облака и уподоблюсь Всевышнему" (**стихи 12, 13, 14**). Что призывают умерших людей, то достоверно; говорят, что призывают их, потому что призывание установлено папскою буллою, подтверждающею декреты Тридентского собора, которым сказано открыто, что их должно призывать.

Кто не знает, что должно призывать одного Бога, и никакого умершего человека? Но теперь будет сказано почему Бог попустил такое; что оное было попущено ради цели, которая есть спасение, — отрицать нельзя; известно, в самом деле, что без Господа нет спасения, и потому, что это так, необходимо было проповедание о Господе по Слову и установление Церкви Христианской; но это не могло быть соделано без радетелей, которые бы по усердию совершили то; и не было других, как те, которые по любви к себе были в рвении с усердием; этот огонь их возбудил сперва проповедывать о Господе и поучать Слову; по такому первобытному состоянию радетелей Люцифер назван сыном зари (**стих 12**).

Но по мере того, как они видели, что над святостями Слова и Церкви могли владычествовать они, любовь к себе, которою они сначала были возбуждаемы проповедывать о Господе, вырвалась из их внутреннего и поднялась, наконец, до такой высоты, что они перенесли на себя все Божественное Господа, ничего Ему не оставив.

Это не могло быть воспрепятствовано Божественным Провидением Господним; ибо если бы было воспрепятствуемо, то они бы громко объявили, что Господь не есть Бог, и Слово не свято, и сделались бы Социнианцами или Арианами, и совершенно уничтожили бы Церковь, которая, каковы бы ни были ее главенствующие, держится у народов под их господством; ибо все в этой религии, обращающиеся к Господу и избегающие зол как грехов, спасены, почему даже есть в Мире духовном много небесных обществ, составленных из них; то же от Промысла, дабы был народ: не носящий ига такого господства и принимающий Слово как святое; этот благородный Народ есть Народ Французский.

Но что произошло? Когда Любовь к себе возвела владычество до престола Господа, она изгнала оттуда Его и сама там поместилась; эта Любовь, которая есть Люцифер, могла лишь профанировать все предметы Слова и Церкви; дабы оного не произошло, Господь, Своим Божественным Провидением, приуготовал, чтоб они удалились от Его культа, призывали умерших людей, обращались с молитвами к их статуям, целовали их кости, преклонялись перед их гробницами, запрещали бы чтение Слова, полагали бы святость богопочитания в обеднях, которых не понимает толпа, и продавали бы спасение за деньги; потому что, не делая этого, они бы профанировали святость Слова и Церкви; в самом деле, как показано было в параграфе предыдущем, только знающие святое могут профанировать.

Поэтому, дабы не профанировали они Святую Евхаристию, было уготовано Божественным Провидением, чтобы они ее разделили: дали бы народу хлеб, а себе взяли вино; ибо в Священной Вечере вино означает святую истину, а хлеб — святое добро, но отделенные, вино означает профанированную истину, а хлеб — извращенное добро; и сверх того, по Промыслу, они ее соделали плотскою и материальною и приняли оное главным предметом религии.

Обращающий внимание на эти особенности и разбирающий их в некотором просветлении ума может увидеть дивные действия Божественного Провидения для охранения святостей Церкви, спасения всех, кто может быть спасен, и вырвания, как из пожара, тех, кто желает быть вырван.

258.V. Человек вполне природный утверждается против Божественного Провидения тем, что между исповедующими Христианскую Религию иные полагают спасение в некоторых словах, мыслимых и произнесенных, а не в творимых добрых делах.

Что таковы делающие спасительною одну веру, а не жизнь милосердия, следовательно, отделяющие веру от милосердия, доказано в Учении Нового Иерусалима о Вереи видно также, что такие разумеются в Слове под Филистимлянами, драконами и козлами.

Что такая Доктрина была попущена — это по Божественному Провидению, дабы Божественность Господа и Святость слова не были профанированы; Божественность Господа не профанирована, когда спасение полагается в этой фразе: "Да умилостивится Бог Отец ради Сына, страдавшего на кресте и удовлетворившего за нас"; ибо таким образом обращаются не к Божественности Господа, но к его человечности, которой за Божественную не признают; и Слово также не профанировано, потому что не обращают внимания на места, где выражения любовь, милосердие означают творить дела; говорят, что все это в вере, состоящей в упомянутой фразе, и подтверждают оное в себе рассуждением: "Закон не осуждает меня, ни следовательно зло; и добро не спасает, потому что добро, идущее от меня, не есть добро". Они не знают никакой истины Слова и от этого самого не могут профанировать его.

Но вера, состоящая из этой фразы, подтверждается только теми, кто по любви к себе обретается в гордости собственного ума; такие нехристиане по сердцу, но лишь желают ими казаться.

Что Божественное Провидение Господне действует, однако постоянно на спасение тех, у кого вера, отдельная от милосердия, стала предметом религии, будет сказано теперь; хотя эта вера стала предметом религии, но, по Божественному Провидению Господа, каждый знает, что спасает не вера, но жизнь милосердия, с которой эта вера соединена; в самом деле, во всех Церквях, где эта Религия принята, поучаемо, что нет спасения, если только человек не исследует себя, не увидит своих грехов, не признает их, не покается, не отступится от них и не начнет

новой жизни; это читается с большим рвением всеми, приступающими к Святой Вечере; к тому добавляется, что не делая этого, они мешают святое со скверной и повергаются в вечное осуждение, и более того, в Англии, что если не сотворят того, то дьявол войдет в них, как в Иуду, и погубит их душу и тело: из этого очевидно, что в Церквях, где принята одна вера, каждый, тем не менее, научен, что должно избегать зол как грехов.

Сверх того, каждый, родившийся Христианином, знает также, что должно избегать зол как грехов, так как Заповеди даются в руки всякому мальчику и всякой девочке, и учат им родители и учители; все граждане Государства, особенно простой народ, испытываются священником по одним Заповедям, передаваемым на память, относительно того, что они знают из Религии Христианской, и приглашаются делать заключаемое в них; ни одним духовным лицем не говорится им, что они не под игом Закона и что не могут делать указанного, так как никакое добро не от них. Символ Афанасия также был принят во всем Христианском Мире, и также признается содержимое в конце его, а именно; что Господь придет судить живых и мертвых, и тогда делавшие добрые дела войдут в жизнь вечную, а делавшие злые дела пойдут в огонь вечный.

В Швеции, где принята Религия одной веры, ясно поучаемо также, что нет веры, отдельной от милосердия, или без добрых дел, и это в Прибавлении для памяти, приложенном ко всем книгам псалмов под заглавием: Помехи или Причины падения нераскаявшихся (Obot erdigas oerhinder), где такие слова: "Богатые добрыми делами показывают этим, что они богаты верою, потому что вера, спасая, действует через милосердие; ибо вера оправдательная не существует никогда одна и отдельно от добрых дел, так же, как доброе дерево не существует без плодов, и солнце без света и без теплоты, и вода без влажности".

Эти подробности даны для сведения, что, хотя принята Религия одной веры, но всюду наставляемо добру милосердия, которое есть добрые дела, и это от Божественного Провидения Господня, дабы простые не соблазнялись такою верою. Я слышал Лютера, с которым беседовал в Мире духовном, проклинающим одну веру, и сказывал он, что когда постановлял ее, то был предостерегаем Ангелом Господним не делать этого, но он помыслил в себе, что если не отбросит дел, то не произойдет разделения с Римским Католичеством; из этого он утвердил эту веру, ***помимо предупреждения***.

259.VI. Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения тем, что в Мире Христианском было столько ересей, и есть еще таковые, как Квакеры, Моравские братья, Анабаптисты и многие другие. Действительно, он может мыслить в себе самом: "Если бы Божественное Провидение в самых особенностях было универсально и имело целью спасение всех, то оно бы соделало, дабы на всем земном шаре была только истинная Религия, не разделенная и тем более не расколотая ересями".

Но воспользуйся своим рассудком и мысли поглубже, если можешь: может ли человек быть спасен, прежде чем он не преобразован?

В самом деле, он родился в любви к себе и к миру, а так как в этих любовях нисколько нет любви к Богу, ни любви к ближнему, разве лишь из-за себя, то он родился и во зле всякого рода. Может ли существовать в той и другой любви что-либо от любви или милосердия? Не считает ли он за ничто обманывать другого, проклинать его, смертельно его ненавидеть, прелюбодействовать с его супругою, тиранить его из мести, потому что желает быть выше всех и обладать богатством всех прочих; следовательно, считает других по сравнению с собою низшими и ничего не значащими.

Дабы такой человек был спасен, не надобно ли, чтобы он был отклоняем от этих зол и, таким образом, преобразован? Что это можно совершить лишь по нескольким законам, которые суть законами Божественного Провидения, было показано выше; законы эти по большей части неизвестны, а между тем это законы Божественной Мудрости и, в то же время, Божественной Любви, против которых Господь не может действовать; ибо действовать против них — это погубить человека, и не спасти его; перечитай изложенные Законы, сопоставь их и ты увидишь. Затем так как, согласно Законам же, нет наития непосредственного с неба, но наитие посредственное, через Слово, учения, проповеди, и что Слово, дабы быть Божественным, не могло быть писано иначе, как чистейшими соответствиями, из этого явствует, что расколы и ереси неизбежны, и что попущение их тоже по законам Божественного Провидения; и более того:

так как Церковь сама приняла за существенное то, что присуще одному разумению и таким образом Доктрине, а не присущее воле, и таким образом жизни; когда же присущее жизни не есть существенностями Церкви, то человек, по разумению, тогда в чистейшем мраке и бродит, как слепой, который спотыкается везде и падает в ямы; в самом деле: воля должна видеть в разумении, а не разумение в воле, или, что то же самое, жизнь и любовь должны направлять разумение — мыслить, говорить и действовать, а не наоборот; в противном случае разумение могло бы, по дурной и даже дьявольской любви, схватывать все, подлежащее внешним чувствам, и понуждать волю оное творить.

По этим объяснениям можно видеть, откуда расколы и ереси. Но все-таки от Промысла, дабы каждый, в какой бы не был ереси относительно разумения, мог, тем не менее, быть преобразован и спасен, лишь бы избегал зол как грехов и не подтверждал в себе лжи еретической; ибо избеганием зол, как грехов, преобразуется воля, а через волю разумение, которые тогда впервые переходят от мрака в свет.

Есть три существенности Церкви: признание Божественности Господа, признание святости Слова и жизнь, именуемая милосердием; по жизни, которая есть милосердием, каждый человек имеет веру; по Слову знает он какова должна быть жизнь, а по Господу для него преобразования и спасение.

Если бы Церковь держала эти три пункта за существенные, то умственные расколы не разделяли бы ее; они бы ее разнообразили, как свет разнообразит цвета в прекрасных предметах и как видоизменение алмазов составляет красоту Царского венца.

260.VII. Человек совершенно природный утверждается против Божественного Провидения тем, что Иудейство еще продолжается, то есть потому, что Евреи, после стольких веков, не обратились, хотя живут между Христианами, и потому что они не исповедуют Господа согласно с предсказаниями в Слове и не признают Его за Мессию, Который должен, как они воображают, их вернуть в землю Ханаанскую, но постоянно упорствуют в отречении от Него, а между тем для них все хорошо идет.

Но мыслящие так и из-за этого сомневающиеся в Божественном Провидении, не знают, что под Евреями в Слове разумеются все от Церкви и признающие Господа, а под Землею Ханаанскою, в которую, сказано, что они введены будут, разумеется Церковь Господня; они упорствуют в отречении от Господа, потому что таковы они, что, приняв и признав Божественность Господа и святость Церкви, они бы профанировали их; посему Господь сказывает, говоря о них: "Он ослепил глаза их и окаменил их сердце, да не видят глазами и не обратятся, дабы Я исцелил их" (**Иоанн, XII, 40; Матф. XIII, 14; Марк, IV, 12; Лука, VIII, 10; Исайя, VI, 9, 10**).

Сказано: "Да не обратятся, дабы я исцелил их", потому что если бы они обратились и исцелились, то профанировали бы; а по закону Божественного Провидения, о котором трактовано выше (**221-233**), никто не вводится внутренне Господом в истины веры и добро любви, как лишь насколько может он быть в них удержан до конца жизни, и что иначе он профанировал бы святое.

Если этот Народ был сохранен и распространен в большей части Земного Шара, то это из-за Слова на его Первобытном Языке, которое он чтит святым ближе, чем это делают Христиане, а в каждой частности Слова есть Божественность Господа, ибо Божественная Истина в нем соединена с Божественным Добром исходящим от Господа, и, через это, Слово есть союзом Господа с Церковью и присутствием Неба, как было показано в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**62-69**), а присутствие Господа и Неба везде, где читается Слово со святостью.

Вот цель, которую Божественное Провидение в виду имело, сохраняя Евреев и распространяя их по большей части земного шара. Какова их участь по смерти, видно в Продолжении о Последнем Суде и Духовном Мире (**79-82**).

261. По предметам, выше изложенным в N 238, человек природный утверждается, или может утверждаться, против Божественного Провидения. Есть еще некоторые другие вышеупомянутые (239), могущие служить человеку природному доводами против Божественного Провидения и также проникнуть в душу (animas) иных и возбудить некоторые сомнения. Вот они.

262.I. Может подняться сомнение относительно Божественного Провидения из того, что весь Христианский Мир поклоняется Богу под тремя *Л*ицами, а это значит поклоняться трем Богам, и до сих пор не видел он, что Бог един в *л*ице и в сущности, в Котором Троица, и что этот Бог есть Господь.

Рассуждающий о Божественном Провидении может сказать: "Три *л*ица не три *л*и Бога, так как каждое *л*ице по себе есть Бог?" Кто может думать иначе, и даже кто иначе думает? Сам Афанасий этого не мог, почему в Символе Веры, названном его именем, он говорит: "Хотя по истине Христианской мы должны признавать, что каждое *Л*ице есть Бог и Господь, тем не менее не дозволяется по вере Христианской сказать или назвать трех Богов или трех Господов".

Из этого не понимается ничто иное, кроме того, что мы должны признать трех Богов и трех Господов, но не дозволено сказать или назвать трех Богов и трех Господов. Кто может постигать одного Бога, если этот Бог не в одном *Л*ице? Если скажут, что можно постигать Его, лишь бы только мыслить, что три *л*ица — одна Сущность, то кто поэтому сознает или может сознать что-*л*ибо иное, как не то, что таким образом трое в единодушии и согласии, но тем не менее это три Бога?

А мысля поглубже, говорят себе: "Как может Божественная Сущность, которая бесконечна, быть разделена? И как может она от вечности родить другого и произвести еще другого, исходящего от первого и второго?" Говорят, что надобно верить этому, а не думать, но кто не думает о том, во что ему говорят верить? Иначе откуда быть признанию, которое есть вера в сущности своей? Разве не от мысли относительно Бога, который о трех *л*ицах, родились Социнианство и Арианство, царящие в сердце больших, чем думают? Вера в одного Бога и в то, что этот один Бог есть Господь, составляет Церковь, ибо в Нем Божественная Троица; что это так, показано в Учении Нового Иерусалима о Господе, от начала до конца. Но что мыслят иначе о Господе? Мыслят *л*и, что Он Бог и Человек, Бог по Иегове, своему Отцу от Которого Он был зачат, и Человек по Деве Марии, от которой Он родился?

Мыслит ли кто-либо, что в Нем Бог и Человек, или что Его Божественность и Человечность — одно Лице и что он — одно, как душа и тело — одно?

Знает ли кто-либо это? Спроси ученых Церкви, и они скажут, что не знают, когда между тем оно согласно с Учением Церкви, принятом во всем Христианском Мире, где такие слова: "Наш Господь Иисус Христос, Сын Божий, есть Бог и Человек; и, хотя Он Бог и Человек, но их не двое, а единый Христос; Он един, потому что Божественное приняло на себя Человеческое, и даже Он вполне един, ибо Он — одно лице, потому что как душа и тело составляют одного человека, так и Бог, и Человек составляют одного Христа".

Это из Символа Веры Афанасия; если они этого не знали, то потому, что, читая это место, они думали о Господе не как о Боге, но только как о Человеке. Пусть спросят у этих ученых, знают ли они, от кого Он был зачат, от Бога ли Отца или от своей собственной Божественности? Они ответят, что от Бога Отца, ибо так согласно с Писанием; но разве Отец и Он — не одно, как одно душа и тело?

Кто может мыслить, что Он был зачат от двух Божественностей, а если это от Своей, то что Божественность эта не была Его Отец? Если ты спросишь их еще; "Какое ваше представление о Божественности Господа и какое о Его Человечности?", — они ответят, что Его Божественность есть от Сущности Отца, а Его Человечность от Сущности матери и что Его Божественность у Отца.

Если же спросить тогда: "Где Его Человечность?", — то они не ответят, ибо в своей идее они разделяют Его Божественность и Его Человечность и делают Его Божественность равною Божественности Отца, а Его Человечность подобною человечности другого человека.

И не знают они, что таким образом разделяют душу и тело; они не видят также противоречия, что в этом случае Он бы родился человеком рациональным по одной матери.

От впечатления идеи и человечности Господа, подобной человечности другого человека, происходит то, что Христианин с трудом может быть

приведен к мысли о Божественной Человечности, хотя бы ему говорили, что душа или жизнь Господа была и есть по зачатию Самим Иеговой.

Собери теперь эти доводы и рассмотри, есть ли другой Бог вселенной, кроме одного Господа, в котором Сама Божественность (a quo), именуемая Богом Отцом, Божественная Человечность, именуемая Сыном и Божественное Исходящее, именуемое Духом Святым, и что таким образом Бог один в Лице и в Сущности, и что этот Бог есть Господь.

Если ты настаиваешь, говоря, что Сам Господь назвал Трех в Матфее: "Идите и учите все народы, крестя их во Имя Отца и Сына, и Святого Духа" (**XXVIII, 19**), — то я отвечу, что Он сказал это, дабы знали, что в

Нем, тогда прославленном, была Святая Троица, как это видно по стиху, непосредственно предшествующему, и по последующему; в предшествующем стихе Он говорит, что всякая власть Ему дана на небе и на земле, а в последующем — что Он Сам будет с ними до скончания века; так говорит Он о Себе Одном, а не о Трех. Теперь, относительно Божественного Провидения, почему попустило оно чтобы Христиане поклонялись одному Богу в трех Лицах, что значит поклоняться трем Богам, и коль произошло, что они до сих пор не знали, что Бог один в Лице и в Сущности, в котором Троица, и этот Бог есть Господь, то этому не Господь, но сам человек причиной; Господь поучает ясно тому в Слове своем, как можно это видеть из всех приведенных мест в Учении Нового Иерусалима о Господе, Он тоже учит тому в Учении всех церквей, где сказано, что Его Божественность и Его Человечность - не два, но одно лицо, соединенное как душа с телом. Но если разделили Божественное и Человечное и сделали Божественность равною Божественности Иеговы Отца, а Человечность равною человечности другого человека, то причиной первого было то, что Церковь, после своего установления, впала в Вавилонию, перенесшую на себя Божественную власть Господню; однако, дабы не говорили, что это власть Божественная, но что она только человеческая, начальники соделали Человечность Господа подобною человечности другого человека; и позднее, когда Церковь преобразовалась,

и вера отдельная, которая в том, что Бог Отец умилостивляется ради Сына, была принята, как единственное средство спасения, Человечность Господня не могла быть рассматриваема иначе, и потому не могла, что никто не может обращаться к Господу и признавать Его от сердца Богом неба и земли, кроме живущего по Его заповедям; в духовном Мире, где обязуется каждый говорить, как мыслит, назвать Иисуса может лишь тот, кто в миру жил христианином, и это по Божественному Провидению, дабы Его Имя не было профанировано.

263. Но, чтобы сказанное стало очевиднее, я прибавлю приведенное в Учении Нового Иерусалима о Господе в конце (60, 61). Что в Господе, по Доктрине, Бог и Человек — не два Лица, но одно и совершенно одно, как одно душа и тело, ясно видно по большому числу извещений Самого Господа; например, что Отец и Он — одно; что все, что имеет Отец — Его есть, и что именно Он — Отец есть; что Он в Отце и Отец в Нем; что все дано Ему в руку; что всякая власть Ему принадлежит; что Он — Бог Неба и земли; что верующий в Него имеет жизнь вечную, и что гнев Божий пребывает на том, кто не верует в Него; и сверх того, что не одна Божественность, но также Человечность вознесены на Небо, и как с тем, так и с другою Он восседает одесную Бога, то есть что Он Всемогущ; и много других мест в Слове о Его Божественной Человечности, приведенных выше в большом количестве, которые все свидетельствуют, что Бог один как в Лице, так и в Сущности, что в Нем Троица и что этот Бог есть Господь.

Если такие вещи относительно Господа открыты теперь впервые, то это потому, что было предсказано в Апокалипсисе (**гл. XXI и XXII**), что Новая Церковь, в которой этот Пункт Учения займет первое место, будет учреждена Господом в конце предшествовавшей; эта Церковь разумеется, под Новым Иерусалимом, в которую войдет лишь признающий одного Господа Богом Неба и земли; посему Церковь эта именуется Супругою Агнца; и я могу возвестить, что все Небо признает одного Господа, и не признающий одного Господа не принимаем в Небо; ибо через Господа Небо есть Небом; это самое признание, исходящее от любви и веры, совершает то, что там все в Господе, и Господь в них, как Он Сам поучает в Иоанне: "В тот день узнаете вы, что Я в Отце и вы во Мне и Я в вас" (**XIV, 20**), затем в том же: "Пребудьте во Мне и Я в вас: Я есмь лоза, вы — ветви; кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон" (**XV, 4, 5, 6**); и также (**XVII, 22, 23**).

Если доктринал, извлеченный из Слова, не был усмотрен прежде, то потому, что, будучи усмотрен ранее, он все же не был бы принят; ибо последний Суд еще не происходил; до этого же Суда могущество ада превозмогает над могуществом неба; так, если бы этот доктринал был прежде усмотрен, то дьявол, то есть ад, вырвал бы его из людского сердца и даже бы профанировал его.

Это могущество ада было совершенно уничтожено последним Судом, которой теперь окончен; с этого суда, то есть теперь, всякий человек, желающий быть просветлен и стать разумен, — это может.

264.II. Может подняться сомнение относительно Божественного Провидения из того, что до сих пор неизвестно было, что во всяком предмете Слова есть смысл духовный и что оттуда святость Слова.

В самом деле, можно возбудить сомнение относительно Божественного Провидения, говоря: "почему это открыто теперь впервые?" Затем: "Почему-тем-то или другим, а не Примасом Церквей?" Но Примасом ли Церкви или служителем Примаса, — это как угодно Господу; Он ведает каков тот и другой.

Во всяком случае, если этот смысл Слова не был открыт ранее, то вот тому причины.

I. Если бы он был открыт ранее, Церковь профанировала бы его и тем профанировала бы самую святость Слова.

II. Также подлинные истины, из которых состоит духовный Смысл

Слова, были открыты Господом лишь по совершении Последнего Суда, когда новая Церковь, разумеемая под Новым Иерусалимом, имела быть установленною Господом. Но эти два пункта будут рассмотрены отдельно.

Во-первых.

Духовный смысл Слова не был открыт ранее, потому что если б был открыт, то Церковь профанировала бы его и тем профанировала бы самую святость Слова. Церковь, немного времени спустя после своего учреждения, обратилась в Вавилонию, и затем в Филистимию; Вавилония, правда, признает Слово, но тем не менее презирает его, говоря, что Дух Святый вдохновляет их в высшем решении, как вдохновлял Пророков; если признают они Слово, то по причине викариата, установленного на словах Господа Петру; но все же они презирают его, ибо оно не согласуется с их взглядами; даже поэтому оно изъято от народа и заключено в монастырях, где немногие его читают; но если бы духовный Смысл Слова, в котором Господь, и в то же время вся Ангельская Мудрость, был открыт, то Слово профанировалось бы не только, как на деле есть, в своих последних, содержимых им в буквальном смысле, но и в сокровенных.

Филистимия, которою означается вера, отдельная от милосердия, также профанировала бы духовный смысл Слова, ибо полагает спасение в нескольких словах мыслимых или произносимых, а не в творимых делах, как было показано выше, и таким образом делает спасительным то, что не спасительно; сверх того, удаляет разумение от вещей, в которые должно верить.

Что могут они иметь общего со светом, в котором духовный смысл Слова? Не обратится ли он во мрак? Когда природный смысл обращен во мрак, что сталось бы с духовным? Среди утвердившихся в вере, отдельной от милосердия, и в оправдании ею, кто пожелает знать, что такое добро, что такое любовь к Господу и к ближнему, что такое милосердие и дела милосердия, что такое добрые дела, что такое творить, и даже что такое вера в своей сущности, и узнать какую-либо реальную истину, составляющую ее? Они пишут томы и подтверждают только то, что называют верою, а про все вышеупомянутое говорят, что оно в этой вере.

Из этого очевидно, что если бы смысл духовный Слова был открыт прежде, произошло бы то, что Господь говорит в Матфее: "Если око твое худо, то все тело твое будет темно. Если же свет, который в тебе становится тьмою, то какова же тьма?" (**VI, 23**). Под оком, в духовном смысле, понимается разумение.

Во-вторых.

Также подлинные истины, из которых состоит духовный смысл Слова, были открыты Господом лишь по совершении Последнего Суда и когда новая Церковь, разумеемая под Новым Иерусалимом, имела быть установленною Господом. Было предсказано Господом в Апокалипсисе, что по совершении Последнего Суда подлинные истины будут открыты, новая Церковь установлена и духовный смысл обнаружен. Что Суд последний совершен был, показано в Статье о Последнем Суде, и затем в Продолжении о Последнем Суде, разумеется оное под небом и землею, которые должны миновать (**Откр. 21, 1**). Что сущие истины должны быть открыты, предсказано такими словами в Апокалипсисе: "Сидящий на престоле сказал: се сотворю все новое" (**стих 5**), и также гл. **XIX, 17, 18; XXI, 18-21; XXII, 1, 2**). Что тогда духовный смысл Слова должен быть обнаружен, видно в (**гл. XIX, 11-16)**. Разумеется, оное под Белым Конем, на котором сидел тот, которому имя — Слово Божие, и который был Господом господствующим и Царем царствующим (см. по этому предмету Статью о Белом Коне). Что под Святым Иерусалимом разумеется Новая Церковь, которая имела быть установленною Господом, видно в Учении Нового Иерусалима о Господе (**62-65**), где оно показано из этого очевидно, что духовный смысл Слова должен быть открыт для новой Церкви, которая будет признавать и чтить одного Господа, принимать и чтить Его Слово за Святое, любить Божественные истины и отвергать веру, отделенную от милосердия; но об этом смысле Слова смотри более подробно в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**5-26 и след**.); например: что такое духовный смысл (**5-26**); что есть духовный смысл во всех и в каждой из частиц Слова (**9-17**); что по духовному Смыслу Слово Божественно вдохновленно, и свято в каждом слове (**18, 19**); что духовный смысл Слова не был известен до сих пор и почему он не был открыт прежде (**20-25**); что духовный смысл будет дарован впоследствии лишь тому, кто по Господу в подлинных истинах (**26**); По этим объяснениям можно теперь видеть, что по Божественному Провидению Господа духовный смысл был сокрыт для мира до сего

века, и в это время храним в Небе у Ангелов, которые почерпают из него свои мудрости.

Этот смысл был известен и процветал у древних, живших до Моисея, но так как их потомки обратили соответствия, из которых одних состояло их Слово и затем религия, в различные идолопоклонства, а в Египте в магию, то смысл этот был закрыт, по Божественному Провидению Господа, сначала у сынов Израильских и затем у Христиан, по вышеизложенным причинам, и теперь открыт для Новой Церкви Господней.

265.III. Может подняться сомнение относительно Божественного Провидения в том, что до сих пор не было известно, что избегать зол как грехов есть сама Христианская Религия. Что в этом сама Христианская Религия — было показано в Учении Жизни для Нового Иерусалима, от начала до конца; а так как вера, отделенная от милосердия, есть единственным препятствием к принятию оного, то трактовалось и об этой вере.

Как сказано, неизвестно было, что избегать зол как грехов есть сама Христианская Религия, ибо почти никто не знает этого, а между тем каждый знает (**см. выше в N 258**); если тем не менее никто не знает этого, то потому, что оное стерла отдельная вера, ибо учит она, что одна вера спасает, а не какое-либо доброе дело или дело милосердия; затем также, что никто не под игом закона, но в свободе; слышавшие иногда такое учение не мыслят более ни о каком зле жизни и ни о каком добре жизни; каждый человек даже склонен, по своей природе, принять такое учение, и раз приняв его, не думает более о состоянии жизни: вот отчего не знают.

Что не знают этого, мне было открыто в мире духовном; я спрашивал более чем у тысячи ново пришельцев из мира, знают ли они, что избегать зол как грехов есть сама религия; они мне сказали, что не знают и что это что-то новое, о чем они до сих пор не слышали; слышали же они, что нельзя делать добро самому себе и что мы более не под игом закона.

Когда я спрашивал, не знают ли они, что человек должен исследовать себя, увидеть свои грехи, покаяться и затем начать новую жизнь, что многие грехи отпущены не будут, а если не отпущены грехи, то нет спасения, и что все это громко читалось перед ними всякий раз, как они приступали к Святой Евхаристии, — то они отвечали, что не на это обращали внимание, но лишь на то, что через Святую Евхаристию было для них оставление грехов, а вера довершала остальное без их ведома.

Я говорил им еще: "Почему вы учили Десятисловию детей ваших?

Не для того ли, чтобы они знали какого зла следует избегать как греха? Разве для того только чтобы они знали и верили, а не для того, чтобы не творили?

Почему же говорите вы, что это новое?" На вопросы эти они ничего не могли отвечать, кроме того, что они это знали, а между тем не знали; что они вовсе не думали о шестой заповеди, прелюбодействуя, и о седьмой, совершая тайно какое-либо воровство или мошенничество, еще менее думали они, что такие поступки — против Божественного Закона, следовательно, против Бога. Когда я им напомнил многое, извлеченное из Учений Церквей и из Слова, подтверждающее что избегать и отвращаться от зол как от грехов есть сама Христианская Религия, и каждый имеет веру по мере того, как он избегает и отвращается от них, то они сохраняли молчание, но убедились в истине того, видя, что все исследуемы относительно жизни и судимы по делам, но не по вере, отделимой от жизни, так как у каждого вера по жизни.

Если Мир Христианский большею частью не ведал этой истины, то это по Закону Божественного Провидения поступать каждому в свободе по рассудку (**71-99, и 100-128**); затем по тому закону, что никто не наставляет непосредственно от Неба, но посредственно через Слово, через Учение и проповеди по Слову (**154-174**); и сверх того по всем Законам попущения, которые тоже суть Законами Божественного Провидения. Смотрите об этих законах многие подробности выше, в (**N 258**).

[***Далее по неизвестной причине в тексте следует другая нумерация. — Прим. перев.***]

274.IV. Может подняться сомнение относительно Божественного Провидения из того, что до сих пор было неведомо, что человек живет человеком по смерти, и это прежде не было открыто. Если было неведомо, то потому, что у избегающих зол как грехов внутренне скрыто верование, что человек не живет по смерти, и поэтому для них вовсе не важно, говорят, ли, что человек живет по смерти, или что он воскреснет в день последнего суда; если же, случайно, кто-либо обладает верою воскресения, то говорит в самом себе: "Мне будет не хуже, чем другим; если пойду в ад, то буду там в большой компании; то же самое, если пойду в небо".

Но тем не менее у всех, имеющих какую-либо веру, есть врожденное знание, что они живут по смерти людьми; идея что они живут душами, а не людьми, лишь у тех, кто помрачен собственным умствованием. Что у имеющих некоторую религию врождено знание, что человек живет по смерти, очевидно по следующим соображениям:

1. Кто мыслит иначе в минуту смерти?

2. Есть ли какой-либо хвалитель, который в своих сетованиях об умерших, не переносит их в небо, не ставит среди ангелов, в беседах с ними и разделяющими их радость? Не говоря об апофеозе некоторых.
3. Кто из среды простых не верит, что, умерев, если хорошо жил, пойдет в небесный рай, облачится в белую одежду и насладится вечной жизнью?

4. Какой священник не говорит того или подобно умирающему, и говоря оное, верит сам, если только в, то же время не думает о последнем суде.

5. Кто не верует, что его дети в небе, и после смерти он увидит там любимую жену? Кто мыслит, что это призраки, или тем более души или умы, порхающие во вселенной?

6. Кто противоречит, когда говорят об участи и состоянии отошедших от времени в жизнь вечную? Я говорил многим о состоянии и участи тех и других личностей, и не слышал ни от кого ответа, что для них теперь нет никакой участи, но будет во время суда.

7. Кто, видя ангелов в живописи или скульптуре, не признает, что они таковы? Кто думает тогда, что это духи без тела, дуновения или облака, как и воображают себе некоторые ученые?

8. Римские Католики веруют, что их святые пребывают человеками в небе, остальные же в другом месте. Магометане мыслят то же самое о своих умерших; африканцы более прочих; подобно тому многие народы, почему бы Реформаты Христиане не поверили тому, зная оное по Слову?

9. От такого врожденного у каждого познания истекает также то, что некоторые стремятся к бессмертию славы, ибо познание это обращается у иных в любовь к славе и делает из них героев и храбрых воинов.

10. Разыскивали в мире духовном, у всех ли врождено такое знание, и открыли, что оно у всех в духовной идее, принадлежащей сокровенной мысли, но не в природной идее, принадлежащей мысли внешней. По этим соображениям можно видеть, что никакого сомнения не должно подниматься против Божественного Провидения из той мысли, что человек живет человеком по смерти. Это лишь чувственное в человеке желает видеть и осязать то, чему должно верить; тем, кто не мыслит надчувственно, обретаться во мраке ночи касательно жизни своей.

Глава девятая

ЗЛО ПОПУСКАЕТСЯ ДЛЯ ЦЕЛИ, КОТОРАЯ ЕСТЬ — СПАСЕНИЕ

275. Если бы человек рождался в любви, в которой он был создан, то не обретался бы ни в каком зле и даже бы не знал, что такое зло; ибо тот, кто не был и, затем, не есть во зле, не может знать, что такое зло; если бы ему сказали, что-то или другое есть злом, он бы не почел этого возможным; такое состояние есть состояние невинности, в котором были Адам и его супруга; нагота, от которой они не краснели, означала это состояние.

Познание зла после падения разумеется под действием вкушения от дерева познания добра и зла. Любовь, в которой человек был создан, есть любовь к ближнему, дабы он ему послал столько же добра, сколько себе желает, даже более, и было бы в удовольствие своей любви делать ему добро, почти как отец, делающий добро детям.

Это любовь истинно человечная, ибо в ней духовное, которым она разнится от любви природной, присущей животным: если бы человек рождался в этой любви, то не рождался бы в темноте неведения, как каждый человек теперь, но в некотором свете знания и также разума, в которые бы вступал через малое время; сначала, правда, он бы ползал, как четвероногое, но с врожденным усилием подняться на ноги, ибо, хотя четвероногое, он бы не опускал своего лица к земле, но поднимал бы его к небу и встал бы, потому что мог.

276. Но когда любовь к ближнему изменилась в любовь к себе, и эта любовь возросла, то человеческая любовь изменилась в любовь животную, и из человека, каким был, человек стал животным, с тою разницею, что мог мыслить то, что ощущал телесно и рационально, различать один предмет от другого, мог быть научаем и стать человеком гражданственности и благопристойности, и наконец, человеком духовным; ибо, как было сказано, есть в человеке духовное, которым он разнится от скота; духовным, в самом деле, он может познавать, что такое зло гражданственное и добро гражданственное, затем, что такое зло нравственное и добро нравственное, и также, если пожелает, что такое зло духовное и добро духовное.

Когда любовь к ближнему изменилась в любовь к себе, то стало невозможным человеку родиться в свете знания и разума, но мог он лишь родиться в темноте неведения, ибо он рождался в самом последнем жизни, называемом чувственно-плотским, и быть вводимым во внутренние природного духа (in interiora mentis naturalis) посредством науки, при постоянном сопутствии духовного начала.

Впоследствии будет видно, почему родится он в последнем жизни, именуемом чувственно-плотским, и, следовательно, в темноте неведения. Что любовь к ближнему и любовь к себе — любови противоположные, каждый может это увидеть; в самом деле, любовь к ближнему делает всем от себя добро, но любовь к себе желает, чтобы все ей делали добро; любовь к ближнему желает всем служить, а любовь к себе желает, чтобы все ей служили; любовь к ближнему взирает на всех как на братьев и на друзей, а любовь к себе взирает на всех как на служителей, а если не хотят они служить — то как на врагов; одним словом, любовь к себе видит только себя, а на других едва взирает как на людей, которых в сердце своем ставит ниже коней своих и собак, и так как они стали в глазах ее ничтожны, то считает за ничто им делать зло; отсюда ненависть и мщения, прелюбодеяния и блуд, кражи и мошенничества, обманы и проклятия, насилия и жестокости и другие подобные распутства.

Вот зло, в котором от рождения человек. Что это зло попущения для цели, которая есть спасение, будет доказано в таком порядке:

I. Всякий человек в зле и должен быть извлечен из него для того, чтобы быть преобразованным.

II. Зло не может быть удалено, прежде чем не появится.

III. Насколько зло удалено, настолько оно отпущено.

IV. Таким образом, попускается зло для цели, которая есть спасение.

277.I. Всякий человек во зле, и должен быть извлечен из него, дабы быть преобразованным. Что в каждом человеке есть наследственное зло, и что по этому злу человек в вожделении различных зол — известно в Церкви; отсюда явствует, что человек сам собою не может делать добро, ибо зло не делает добро, разве только то добро, в котором внутренне есть зло; зло во внутреннем состоит в том, что делается добро ради самого себя, то есть, показное.

Что это зло наследственное исходит от родителей — известно; говорят, что оно идет от Адама и его супруги, но это заблуждение; ибо каждый родится во зле от своего отца, а его отец от своего, тот также от своего, и оно переносится постепенно от одного к другому и, следовательно, накопляется и возрастает как ком и переходит в потомство; оттого в человеке ничего нет здравого, но он весь во зле.

Кто чувствует, что любить себя более, чем другого есть зло? Кто затем знает, что в этом зло? А между тем в том глава зол.

Что наследственное зло идет от отцов, дедов и предков, очевидно по многому, известному в мире; так от различия по одному виду лиц, домов, семейств и даже народов; лица же суть типами душ (animi), а души суть по чувствам, присущим любви; иногда даже лицо предка повторяется во внуке или правнуке; я узнаю по одному взгляду, еврей ли человек или нет; узнаю также из какого рода происходят некоторые личности, и не сомневаюсь, что другие тоже узнают это.

Если чувства, присущие любви, исходят таким образом от родителей и передаются, то явствует, что-то же самое относительно зол, так как они принадлежат чувствам.

Но будет сказано теперь, откуда это сходство: душа каждого исходит от отца и только одевается телом от матери; что душа исходит от отца, явствует не только из изложенного выше, но также из многих иных признаков и даже из такого, что дитя негра или мавра от матери белой или европеянки родится черным и наоборот; а главным образом из того, что душа в семени, ибо семенем совершается импрегнация, и семя одевается телом от матери; семя есть первая форма любви, в коей отец, это форма любви господствующей ближайшими деривациями,

которые суть интимными чувствами этой любви. Чувства эти у каждого заложены со всех сторон пристойностями жизни нравственной и добром, принадлежащим частию жизни гражданственной и частию жизни духовной; такое внешнее жизни даже у злых, в этом внешнем родится каждый ребенок, отсюда он приветлив, но по мере того как растет и становится взрослым, он подвигается от этого внешнего к внутренним и, наконец, к господствующей любви отца; если любовь эта была дурная, и средствами воспитания не умерялась и не сгибалась, то любовь его становится такою, как отцовская.

Во всяком случае, зло никогда не искоренено, но лишь удалено бывает; о том говориться будет впоследствии. Посему можно видеть, что каждый человек во зле.

277(a). Что человек должен быть извлечен из зла, дабы быть преобразованным, очевидно без пояснения: в самом деле, тот, кто во зле в миру, во зле же по выходе из мира; если зло не было удалено в миру, оно не может быть удалено позднее; где дерево падает, там оно остается лежать, так же и жизнь человека остается такою, какою была, когда он умирал; каждый также судится по делам своим, не тем, что их бы исчисляли, но тем, что возвращается он к ним и поступает одинаково; ибо смерть есть продолжением жизни, с тою разницею, что человек не может быть тогда преобразован.

Всякое преобразование совершается в полноте, то есть в первых одновременно с последними, а последние преобразовываются в миру сообразно с первыми и не могут быть преобразованы позднее, потому что последние жизни, которые человек уносит по смерти с собою, вступают в покой и согласование, то есть составляют одно с его внутренним.

278.II. Зло не может быть удалено, прежде чем оно не проявится. Под этим разумеется не то, что человек должен творить зло с тою целью, чтобы оно проявлялось, но что он должен исследовать и изыскать не только свои поступки, но мысли свои и то, что совершил бы он, если б не боялся законов и бесчестия; главным образом, каково то зло, которое считает он в уме своем дозволенным не принимать за грехи, ибо такое он совершает.

Для того, чтобы человек исследовал себя, ему даровано разумение, и это разумение было отделено от воли, дабы он знал, понимал и признавал, что такое добро и что такое зло; затем, дабы он видел также, какова его воля или что любит он и чего желает.

Для того были даны его разумению высшая и низшая мысли, дабы мыслию высшею или внутреннею он видел, чем занимается его воля в мысли низшей или высшей; он видит это, как видит человек лице свое в зеркале, и когда видит это и знает, что это грех, то может, испросив помощи Господа, не желать этого греха, избегать его и затем действовать против него, если не свободно, то покоряя его борьбой, наконец, питает к нему отвращение и омерзение, и тогда впервые сознает он, что зло есть зло, добро есть добро, но не прежде.

В этом способ исследовать себя, видеть свое зло, признать его, исповедать и отступиться от него. Но как немногие знают, что это есть самой Религией Христианской, ибо только поступающие так имеют милосердие и веру, то они ведутся Господом и Им творят добро; будет сказано нечто о тех, кто не поступает так, а тем не менее воображает, что в нем религия.

Это:

1. Признающие себя виновными во всех грехах и не изыскивающие в себе никакого.

2. Те, которые по религии минуют изыскание их.

3. Те, которые по причине мирских вещей вовсе не помышляют о грехах и затем их не знают.

4. Те, которые благоволят к грехам, следовательно, не могут их знать.

5. У всех таких грехи не проявляются и, следовательно, не могут быть удалены.

6. Наконец, будет открыта причина, не известная до сих пор, почему зло не может быть удалено, если оно не изыскано, не проявлено, не признано, не исповедано и, если не удерживаются от него.

278 (a). Следует отдельно рассмотреть каждый из этих пунктов, ибо в них главные предметы Христианской Религии со стороны человека.

Во-первых.

О Признающих себя виновными во всех грехах и не изыскивающих в себе никакого. Они говорят: "Я — грешник, я родился в грехах, ничего нет зазорного во мне от головы до ног; Боже благий, будь за меня, прости меня, очисти меня, спаси меня, соделай, чтобы я шел в чистоте и по пути праведных", — или многое подобное другое; а между тем никто из них не исследует себя и потому не знает никакого зла за собою: никто же не может избегать, чего не знает, и еще менее побороть то; такой человек считает себя чистым и омытым после исповедей, когда между тем с головы до пят он нечист и не омыт; ибо исповедь во всех грехах есть усыпление и, наконец, ослепление; оно как бы общее без особенностей, а оное есть ничем.

Во-вторых.

О тех, кто по религии минует изыскание. Это, главным образом, отделяющие милосердие от веры, ибо говорят они в себе: "Зачем я стану изыскивать зло это или добро?

Зачем, если зло оно, и меня же оно не осуждает? Зачем, если добро, и меня же оно не спасает? Одна вера, мыслимая и заявленная с убеждениями и доверием, оправдывает и очищает от всякого греха; и раз оправданный, я чист перед Богом.

Правда, что я во зле, но Бог его смывает, лишь только соделано оно, и, таким образом, оно не появляется".

И сверх того многое другое подобное. Но кто не видит, лишь бы открыл глаза, что это пустые слова, в которых ничего нет действительного, так как нет добра. Кто бы не мог так мыслить и так говорить даже с уверенностью и доверием, думая в то же время об аде и вечном осуждении?

Разве такой человек желает знать что-либо более об истине или о добре? По вопросу об истине он говорит: "Что такое истина, как не подтверждение этой веры?" По вопросу о добре он говорит: "Что такое добро, как не то, что во мне по этой вере? Но чтобы оно было во мне, я не стану его творить как бы сам собою, ибо это ради заслуги, а добро, вменяемое в заслугу, не есть добром".

Так минует он все, до того, что не ведает, что такое зло. Что же тогда исследует он и увидит в себе? Тогда его состояние не будет ли таким, а именно: огонь вожделений зла пожирает внутренние его духа и их опустошает вплоть до двери? Он стережет лишь эту дверь, дабы пожар не обнаружился, но она открывается по смерти, и тогда этот пожар обнаруживается перед всеми.

В-третьих.

О тех, которые из-за мирских дел нисколько не помышляют о грехах и, следовательно, не могут их знать. Это любящие мир выше всего и не допускающие никакой истины, отклоняющей их от какой-либо неправды их религии, говоря в себе: "Что это? Оно не присуще мысли моей". Таким образом они отвергают истину, лишь только ее услышат, а слыша подавляют ее.

Они поступают почти так же, слушая проповеди, — удерживают из них несколько слов, не удерживая ничего существенного. Поступая таким образом относительно истины, они не знают, следовательно, что такое добро, ибо истина и добро составляют одно, и через добро, не идущее от истины, зло не познается, разве только говорится, что оное есть тоже добро, и это с помощью рассуждений, основанных на лжи. Они-то разумеются под семенами, упавшими в тернии, о которых Господь так говорит: "Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Это кто слышит Слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает Слово, и оно становится бесплодным" (**Матф. XIII, 7, 22. Марк, IV, 7, 18, 19. Лука, VIII, 7, 14)**.

В-четвертых.

О тех, которые благоволят к грехам и не могут их знать. Это признающие Бога, и служащие Ему по обычным формам, и утвердившиеся в идее, что известное зло, которое есть грех, не есть грехом; ибо они переиначивают его с помощью иллюзий и видимостей и скрывают его громадность: сделав это, они благоволят к нему и делаются его другом и приятелем. Сказано, что признающие Бога поступают так, ибо другие не признают никакого зла грехом, так как всякий грех против Бога. Но это будет пояснено примерами.

Человек, жадный к наживе, считающий, по измышленным доводам, некоторые виды мошенничества дозволительными, не принимает их за грех; также поступает подтвердивший в себе месть против врагов и подтвердивший ограбление тех, кто не суть боевыми врагами.

В-пятых.

У всех таких грехи не проявляются и, следовательно, не могут быть удалены. Всякое не проявляющееся зло остается в духе; оно как огонь в дереве под пеплом и тоже как сукровица в ране не открытой, ибо всякое замкнутое зло усиливается и не прекращается, пока не изведет всего; поэтому дабы никакое зло не оставалось замкнутым, попускается каждому мыслить за Бога или против Бога, за святое Церкви или против него, не будучи за это в миру наказанным.

Господь так выражается по этому поводу в Исаие: "От ступней до главы ничего здравого, рана, и порез, и свежая язва, не зажатые, не обвязанные, не смягченные елеем.

Омойтесь, очиститесь, удалите лукавство ваших дел от очей Моих, прекратите творить зло; научитесь творить добро; и тогда, если грехи ваши будут как багрянец, обелятся они как снег, если они будут красны, как пурпур, то соделаются как шерсть.

Если все откажетесь и воспротивитесь, то мечом будете пожраны" (**I, 6,16,17,18,20**). Быть пожрану мечом — значит погибнуть от неправды.

В-шестых.

Причина, не известная доныне, по которой зло не может быть удалено, если только оно не разыскано, не проявлено, не признано, не исповедано и, если не отступятся от него.

В предыдущем было изложено, что целое небо расположено обществами по чувствам добра, противоположным вожделениям зла, и целый ад расположен обществами по вожделениям зла, противоположным чувствам добра; каждый человек духом своим в каком-либо обществе; в обществе небесном, если он в чувстве добра, и в обществе адском, если он в вожделении зла; человек не знает этого, живя в миру; но тем не менее духом он в каком-либо обществе; без этого он не может жить, и этим он управляем Господом; если он в адском обществе, то не может быть извлечен из него Господом иначе, как по Законам Его Божественного Провидения, между которыми есть тот, что бы человек видел, что он там, желал бы оттуда выйти и усиливался это сделать сам собою; человек — это может, пока в миру, но не по смерти; ибо тогда он вечно останется в обществе, в которое вступил, будучи в мире; по этой причине человек должен исследовать себя, видеть и признавать свои грехи, покаяться и затем устоять до конца жизни.

Что это так, я бы мог подтвердить, до полного убеждения, многочисленными опытами, но здесь не место приводить доказательства, извлеченные из опытов.

279.III. Насколько зло удалено, настолько оно отпущено. Заблуждение века — мысль, что зло отделено от человека и даже выброшено вон, когда оно отпущено; и что состояние жизни человека может быть изменено в одну минуту, даже в состояние противоположное; что таким образом злой человек может стать добрым, следовательно, быть возведенным из ада и перенесенным в Небо, и это по непосредственной Благости Господней; но питающие такое верование и такое мнение вовсе не знают, что такое зло и что такое добро, не имеют никакого познания о состоянии жизни человека и вовсе не ведают, что чувства, присущие воле, суть простыми изменениями и вариациями состояния чисто органических субстанций духа; что мысли, присущие разумению, суть простыми изменениями и вариациями форм этих субстанций, а память — продолженным состоянием этих изменений.

По этим сведениям, можно ясно видеть, что зло может быть удалено лишь постепенно, и отпущение грехов не есть удалением его. Все это сказано вкратце, но как недоказанное может быть признано, но не усвоено; а не усвоенное — как колесо, которое вертят рукою. Итак, сказанное будет доказано, одно за другим, в том порядке, как оно представляется.

Во-первых.

Заблуждение века — мысль, что зло отделено и даже выброшено вон, когда оно отпущено. Что всякое зло, в котором родится человек и которого он набирается актуально, не отделяется от человека, но удаляется до того, что не показывается, — мне было дано познать от Неба; до этого я был в убеждении, в котором большая часть людей в мире, что зло, когда отпущено, то отброшено, омыто и очищено, как нечистота лица водою; но не так со злом и грехами; они все остаются, и когда, после покаяния, отпущены, то отнесены к краям; и тогда то, что в центре, находясь прямо под лицезрением, показывается в свете дня, а то, что по краям, представляется в тени и иногда как бы во мраке ночи; и так как зло не отделяется, а только удаляется, то есть относится к краям, и человек может быть перенесен от центра к периферия м, то может случиться, что он возвращается к своему злу, которое он мыслит как отброшенное; в самом деле, человек таков, что может перейти от одного чувства к другому, и иногда к чувству противоположному, и таким образом из одного центра в другой; чувства любви человека составляют центр, пока они обретаются в нем; ибо тогда он в удовольствии и свете этого чувства.

Есть люди, которые по смерти вознесены Господом в Небо, потому что жили хорошо, но которые унесли с собою верование, что они чисты от грехов и, следовательно, ни в чем не виноваты.

Они сперва, по верованию своему, облечены были в белые одеяния; ибо белые одеяния означают состояние очищения от зол; но затем, как в Мире, начинают они мыслить, что они как бы омыты от всякого зла, и поэтому славиться, что не такие они грешники, как другие, и это может быть с трудом отделено от некоторой гордости и некоторого презрения к другим по сравнению с собою; тогда, дабы их отклонить от их измышленного верования, отсылаются они с Неба и водворяются во зле, которое себе усвоили в Мире; и в то же время им показано, что они тоже в наследственном зле, о котором вовсе не знали прежде; по признании же ими, что их зло не отделено от них, но лишь удалено, что таким образом они по себе нечисты, что они даже одно зло, и что Господь их отклоняет от зол и удерживает в добре, а им лишь кажется, что это как бы ими, — они опять вознесены Господом в Небо.

Во-вторых.

Заблуждение века, что состояние жизни человека может быть изменено в одну минуту, что таким образом злой может сделаться добрым, следовательно, быть выведенным из ада и тотчас перенесенным в Небо, и оное по непосредственной Благости Божьей.

В заблуждении таком обретаются отделяющие милосердие от веры, и полагающие спасение в одной вере, ибо они воображают, что одна мысль и произнесение слов, относящихся к этой вере, если оно с уверенностью и доверием, оправдывают и спасают; многие даже предполагают, что это совершается мгновенно, если не ранее, то по крайней мере в последний час жизни человека; такие не могут иначе, как верить, что состояние жизни человека изменяется в одну минуту и человек спасен по непосредственной Благости; но что Благость Господня не непосредственна, и человек не может из злого сделаться добрым в одну минуту и быть выведенным из ада и перенесенным в рай, иначе как через постоянные действия Божественного Провидения, от детства человека и до конца жизни его, увидится в последнем параграфе этого Трактата; только будет замечено, что законы Божественного Провидения имеют целью преобразование и, таким образом, спасение человека; следовательно, перевороты его состояния, по рождению адского, в противоположное небесное; это может совершаться лишь постепенно, по мере того, как человек удаляется от зла и от удовольствия зла, и вступает в добро и в удовольствие добра.

В-третьих.

Питающие такие верования вовсе не знают, что такое зло и что такое добро. В самом деле, они не знают, что зло есть удовольствие вожделения поступать и мыслить против Божественного порядка, и добро есть удовольствие любви поступать и мыслить согласно с Божественным порядком; что мириады вожделений входят в каждое зло и составляют его и что, подобно тому, мириады чувств любви входят в каждое добро и составляют его; и во внутренних человека эти мириады вожделений в таком порядке и сцеплении, что одно зло не может быть изменено, если не изменены одновременно все.

Не знающие этого могут иметь верование или мнение что зло, представляющееся перед нами как единичное, может быть легко отклонено и что добро, представляющееся перед нами тоже единичным, может быть поставлено на место зла.

Так как они не знают, ни что такое зло, ни что такое добро, то они лишь могут верить, что спасение совершается в минуту и что благость непосредственна; но что оное не так — видно будет из последнего параграфа этого Трактата.

В-четвертых.

Верующие, что спасение совершается мгновенно и что благость непосредственна, не знают, что чувства, присущие воле, суть простыми изменениями состояния чисто органических субстанций духа; что мысли, присущие разумению, суть простыми изменениями и вариациями форм этих субстанций; а память есть продолженным состоянием этих изменений и этих вариаций.

Кто, услышав, не признает, что чувства и мысли существуют лишь в субстанциях и в формах этих субстанций, которые суть субъектами, и так как они существуют в мозгах, наполненных субстанциями и формами, то и называются формами чисто органическими?

Ни один человек, мыслящий рационально, не удержится от смеха над фантазиями тех, кто предполагает, что чувства и мысли не суть в субстанционных предметах, но что это пары, видоизменяемые теплотою и светом, появляющиеся как образы в воздухе и эфире; тогда как мысль не может существовать отдельно от формы субстанционной, так как не может зрение без своей формы, которая есть глаз, как слух без своей, которая есть ухо, и вкус без своей, которая — язык. Рассмотри мозг, и ты увидишь бесчисленные субстанции и бесчисленные волокна, и ничего в нем нет неорганизованного.

На что лучше подтверждение, как получаемое от глаза? Но спрашивается, что такое чувство и что такое мысль в предметах субстанционных? Это может быть выведено из всех частей и каждой, которые в теле; в нем множество черев (visceras), каждое в определенном месте, исполняющих свою службу изменениями и вариациями состояния и форм; что они каждое в своих операциях — достоверно: желудок в своих, кишки в своих, чресла в своих, печень, поджелудочная железа, селезенка — каждое в своих; и что все эти действия движимы внутренне, быть же движиму внутренне — это быть движиму изменениями и вариациями состояния и формы.

Из того можно видеть, что действия чисто органических субстанций духа — подобного же свойства, с тою разницею, что действия субстанций органических тел природно, те же, отдуха, — духовны, и что те и другие по соответствию составляют одно.

Нельзя показать наглядно., каковы изменения и вариации состояния и формы органических субстанций духа, которые суть чувствами и мыслями; но тем не менее их, как в зеркале, можно видеть по изменениям и вариациям состояния легкого в речи и пении, и даже соответствие есть, ибо звуки речи и пения, а также артикуляция звука, которою суть слова речи, и модуляция пения совершаются легким; звук же соответствует чувству, а речь — мысли; они и производятся по чувству и мысли, и оное совершается изменениями и вариациями состояния и формы органических субстанций в легком, и по легкому, через дыхательное горло в гортани и в гортанном отверстии, затем в языке и, наконец, в губах; первые изменения и вариации состояния и формы звука совершаются в легком, вторые в дыхательном горле и гортани, третьи в гортанном отверстии через различные отверстия его устья, четвертые в языке, посредством приложения его к небу и к зубам, пятые в губах, через различные формы; из этого можно видеть, что простые изменения и вариации состояния органических форм, постепенно продолженные, производят звуки и их артикуляцию, принадлежащую речи и пению.

Теперь, так как звук и речь не производятся ничем иным, как только чувствами и мыслями духа, ибо ими они существуют, а без них не существовали бы, то очевидно, что чувства воли суть изменениями и вариациями, чисто органическими, субстанций духа, а мысли разумения — изменениями и вариациями формы этих субстанций.

Из того, что чувства и мысли суть чистыми изменениями состояния форм духа, явствует, что Память есть не что иное, как продолженное состояние этих изменений: ибо все изменения и вариации состояния в органических субстанциях таковы, что, раз став привычными они остаются; таким образом легкие привыкли производить различные звуки в дыхательном горле, варьировать их в гортани, выражать языком и видоизменять во рту; и когда эти органические части к тому усвоены, то звуки эти в них и могут быть воспроизведены. Что эти изменения и вариации бесконечно совершеннее в органических частях духа, чем в органических частях тела, видно по сказанному в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости **(119-204**), где показано, что все совершенства растут и повышаются со степенями и по степеням; об этом предмете смотрите более подробно ниже (**319**).

280. Что грехи, когда они отпущены, также и удалены, в том опять заблуждение века; в оном заблуждении верующие, что через Таинство Евхаристии отпущены им грехи, хотя они не удалили их покаянием; в таком же заблуждении верующие, что они одною верою спасутся, и верующие в спасение через разрешение папы; все такие верующие веруют в Благость непосредственную и в спасение мгновенное.

Но предложение в обратном виде становится истиною, а именно, что когда грехи удалены, то они отпущены, ибо покаяние должно предшествовать отпущению, без покаяния же нет никакого отпущения; поэтому Господь повелел ученикам проповедовать покаяние для отпущения грехов (**Лук. XXIV, 47**), и Иоанн проповедывал крещение покаяния для отпущения грехов.

Господь всем отпускает грехи, никого не осуждает и никому не вменяет, но тем не менее не может их снять иначе, как по законам Божественного Провидения, ибо, как сказал Он Петру, который спросил Его, сколько раз должен он прощать согрешившему против него брату, не до семи ли раз? — что должен он прощать не до семи, но до седмижды семидесяти раз (**Матф. XVIII, 21, 22**), чего же бы не соделал Господь, Который есть сама Благость.

281.IV. Таким образом попускается зло для цели, которая есть спасение. Известно, что человек в полной свободе мыслить и желать, но не в полной свободе говорить и делать то, что мыслит и желает; ибо он может мыслить, как атеист отрицать Бога, богохульствовать над святостями Слова и Церкви, может желать словами и действиями совершенно уничтожить их, но законы гражданские, нравственные и духовные препятствуют тому; посему содержит он во внутреннем своем эти нечестия и злодейства, мысля о них и желая, даже стремясь к ним, но не творя. Человек не атеист, тоже в полной свободе держать в мысли многие, относящиеся ко злу, например, мошенничества, сластолюбие, месть и другие безумия, что иногда и делает он.

Кто бы мог поверить, что если б человек не имел полной свободы, то не только бы он не мог спастись, но погиб бы весь?

Да узнает тому причину: всякий человек, по рождению, во зле различных родов; это зло в его воле, а то что в воле, любимо, ибо то, что человек желает от внутреннего, он любит, а того, что он любит, желает он; любовь же воли влияет на разумение и совершает то, что удовольствие ее осуществляется в нем; оттуда она идет в мысли и также в намерения; если бы не дозволено было человеку мыслить по любви своей воли — любви, по наследственности врожденной в нем, — то любовь эта осталась бы замкнутою и не явилась бы на вид человеку; но любовь зла, не показывающаяся, — как неприятель в засаде, как сукровица в нарыве, как яд в крови, как нагноение в груди, — все оное, удержанное в сокрытии, приводит смерть.

Но когда дозволено человеку мыслить зло своей жизненной любви до того, что держать его в намерении, это зло исцеляется средствами духовными, как болезни средствами природными.

Чем бы стал человек, если б не было попущено ему мыслить по удовольствиям его жизненной любви, — будет изложено теперь: он бы не был человеком, он потерял бы свои две способности: свободу и рациональность, — в которых состоит сама человечность; удовольствия этих зол заняли бы внутренние его духа, до степени замкнутия двери; и тогда он бы мог говорить и поступать лишь сообразно с этим злом;

следовательно, был бы безумен не только в собственных глазах, но и в глазах мира, и, наконец, не сумел бы прикрыть своей наготы; но дабы он не стал таким, ему попущено мыслить и желать свое наследственное зло, но не высказывать и творить его; и этим временем он поучается вещам гражданственным, нравственным и духовным, которые даже входят в его мысли и удаляют безумия эти, и таким образом он исцеляется Господом, но не дальше, как до умения стеречь дверь, разве только он признает Бога и испросит Его помощи, дабы мочь устоять от этих зол; и тогда насколько он удерживается, настолько он не допускает этих безумий в свои намерения и, наконец, в свои мысли. Затем человеку свободно мыслить, как ему угодно, дабы любовь его жизни выходила из своего укрытия на свет разумения его, так как иначе он ничего не знал бы о своем зле и, следовательно, не мог бы избегать его, из чего явствует, что его зло выросло бы до того, что ему бы не осталось средств восстановления, и с трудом обладали бы такими средствами дети его, если б он их родил; ибо зло отца переходит в род его; но Господь способствует Промыслом, дабы того не происходило.

282. Господь бы мог исцелить разумение всякого человека и таким образом соделать, чтобы каждый человек мыслил не зло, но добро; Он бы мог это с помощью различных страхов, чудес, разговоров с умершими, видений и снов; но исцелить одно разумение — это исцелить человека только внешне; ибо разумение, со своею мыслию, есть наружное жизни человека, а воля, со своим чувством, есть внутреннее его жизни; исцеление одного разумения было бы изменением паллиативным, через которое внутренняя порча, замкнутая без возможности выступить, извела бы сначала части ближайшие, а затем отдаленнейшие до того, что все пришло бы в состояние смерти.

Сама воля должна быть исцелена не по наитию в нее разумения, так как такого наития нет, но по учению и увещанию согласно с разумением. Если бы одно разумение было исцелено, человек бы стал как труп набальзамированный или покрытый ароматами и розами, которые вскоре извлекли бы из трупа такое зловоние, что никто бы приблизиться не мог То же было бы с небесными истинами в разумении, если бы дурная любовь воли удерживалась замкнутою.

283. Если попущено человеку мыслить зло, что держать его в намерении, то это, как было сказано, дабы оно было удалено посредством вещей гражданственных, нравственных и духовных, что бывает, когда он мыслит, что оные против справедливого и должного, против честного и благопристойного и против добра и истины, таким образом, против спокойствия, веселия и счастия жизни; Господь, с помощью этих трехродов (расположений), исцеляет любовь жизни человека, сначала (это правда) страхом, а затем любовью Тем не менее, зло не отделимо и не отброшено от человека, а лишь отодвинуто и отложено на края, и когда оно там, а добро в середине, то зло не показывается, ибо то, что в середине, прямо под лицезрением, видимо и сознаваемо.

Но надобно знать, что, хотя бы добро было в середине, человек от этого не в добре, если зло, которое по краям, не склоняется вниз или наружу; если смотрит оно вверх или вовнутрь, то оно не удалено, ибо постоянно усиливается вернуться в середину; оно склоняется и смотрит вниз или наружу, когда человек избегает зол своих как грехов, и еще более, когда он отвращается от них, ибо тогда он осуждает их и придает аду и делает, что они обращаются в ту сторону.

284. Разумение человека есть приемник как добра, так и зла, и как истины, так и лжи; но не то с самою волею человека: она должна быть во зле или в добре и не может быть и в том, и другом; ибо воля есть сам человек, и в ней любовь его жизни; но добро и зло в разумении разделены как внутреннее и внешнее: оттуда может человек быть внутренне во зле и внешне в добре. Когда же человек преобразуется, то добро и зло становятся вместе, и тогда — столкновение и борьба; сильная борьба называется искушением; но если не сильна она, то бывает, как брожение вина или пива, если добро побеждает, то зло, со своею ложью, отталкивается к краям, как отстой, падающий на дно бочонка, а добро становится, как перебродившее вкусное вино или светлое пиво; но если побеждает зло, тогда добро со своею истиною отталкивается к краям и становится мутным и испорченным, как не перебродившее вино и пиво. Сравнение сделано с дрожжами, ибо в Слове дрожжи (или закваска) означает зло, как у Осии,

(VII, 4; Лука, XII, 1) и в других местах.

Глава десятая

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ ГОСПОДА РАВНО У ЗЛЫХ, КАК И У ДОБРЫХ

285. У каждого человека, как доброго, так и злого, есть две способности, из которых одна составляет разумение, а другая волю; способность, составляющая разумение, есть та, что он может понимать и мыслить (она затем названа Рациональностью); а способность составляющая волю, в том, что он это может свободно, именно мыслить и затем выражать и творить, лишь бы не против рассудка и рациональности; ибо поступать свободно — это поступать всегда, когда желаешь, и так, как желаешь (способность эта именуется Свободою).

Так как эти способности не нарушимы и постоянны от первых и до последних, во всех и во всем, что человек мыслит и творит, и в человеке они не от него самого, но управляемы у человека Господом, из того явствует, что присутствие Господа, будучи в них, есть также в особенностях и даже в самых (мельчайших) особенностях разумения и мысли человека, и также воли и чувства его; удали эти способности от одной из особенностей этих, и ты не сможешь ни помыслить ее, ни произнести как человек.

Что через эти способности человек есть человеком, может мыслить и говорить, сознавать добро и понимать истину не только гражданственную и нравственную, но и духовную, и быть преобразован и возрожден, одним словом, сочетаем с Господом, и через это жить вечно, было выше доказано; было также доказано, что эти две способности не только у людей добрых, но и у злых. Теперь, так как эти способности управляемы у человека Господом и не были присвоены человеку как его, но могут быть ему приданы и представляться как бы его, и так как это Божественное у человека в его самых особенностях, то явствует что Господь управляет и самими особенностями как у человека злого, так и у доброго; управление же Господне есть то, что называется Божественным Провидением.

286. Теперь, так как Закон Божественного Провидения, дабы человек мог действовать в свободе по рассудку, то есть по этим двум способностям — Свободе и Рациональности; и так как тоже Закон Божественного Провидения, дабы все, что человек соделывает, ему казалось делаемым как бы им самим и затем как бы ему присущим, и еще в том закон, что зло попускаемо ради того, чтобы он мог быть извлекаем из него, — то явствует, что человек может злоупотреблять этими способностями и свободно, по рассудку, подтверждать все, что ему угодно, ибо может он сделать сообразным рассудку все, что пожелает, сообразно ли оно или несообразно в себе.

Поэтому некоторые люди и говорят: "Что такое Истина? Не могу ли я сделать истиною все что захочу? Разве мир не так же поступает?" И тот, кто может, это делает посредством рассуждений.

Возьми самое ложное положение и скажи ловкому человеку: "Подтверди это", — и он подтвердит; предложи ему, например, подтвердить, что человек животное и что душа — как маленький паук в своей паутине, и управляет телом, как паук своими нитями; или что религия не что иное, как узда; он подтвердит каждое из этих предложений, так что оно представится как бы истинным.

Что легче этого, ибо не знает он ни что такое видимость, ни что такое ложь, принятая за истину по сильной вере? Отсюда явствует, что человек не может видеть той истины, что Божественное Провидение в самих особенностях разумения и воли или, что-то же самое, в самих особенностях мыслей и чувств у каждого человека, как злого, так и доброго; особенно их сбивает то, что в таком случае зло исходило бы от Господа, но, тем не менее, от Господа не исходит ни малейшего зла, а все зло идет от человека, ибо он подтвердил в себе видимость что мыслит, желает, говорит и действует сам собою, как увидится в последующем.

Этот предмет для яснейшего представления будет показан в таком порядке:

I. Божественное Провидение универсально в самих особенностях, не только у добрых, но и у злых, а между тем оно не в их зле.

II. Злые сами постоянно бросаются во зло, но Господь их извлекает постоянно из зол.

III. Злые не могут быть вполне извлечены из зол и введены в добро Господом, пока они верят, что собственная предусмотрительность есть все, а Божественное Провидение — ничто.

IV. Господь управляет адом противоположностями, и злыми, которые в миру, он управляет в аду, относительно их внутренних, а не внешних.

287.I. Божественное Провидение универсально в самих особенностях, не только у добрых, но также у злых, и тем не менее оно не во зле их. Было выше показано, что Божественное Провидение в самих особенностях мыслей и чувств человека, и этим разумеется, что человек не может ничего мыслить и ничего желать сам собою, но все, что он мыслит и желает, и затем говорит, и делает, идет от наития; если оно добро, то от наития Неба, если зло — от наития ада, или, что-то же самое, добро — от наития, исходящего от Господа, а зло от собственного человеческого.

Но знаю я, что это будет понято с трудом, ибо сделано различие между наитствующим от Неба, или от Господа, и наитствующим от ада и от собственного человеческого, между тем как было сказано, что Божественное Провидение в самих особенностях мыслей и чувств человека, и того, что человек не может ничего ни мыслить, ни желать сам собою; но так как сказано, что он может мыслить и желать от ада и своего собственного, то это представляется противоречивым, однако оно не противоречит; что нет — увидится впоследствии после некоторых предводительных данных, которыми пояснится этот предмет.

288. Все ангелы признают, что никто не может мыслить сам собою, но каждый мыслит по Господу; наоборот, все духи адские говорят, что никто не может мыслить по-другому, как только по самому себе; но часто было им показано, что никто из них не может мыслить сам собою, но что мысль наитствует; тем не менее, это было показано напрасно: они не могли этого допустить.

Опыт, однако, научит сперва тому, что все мысли и чувства наитствуют также от Неба у адских духов, но что добро, наитствующее в них, изменяется во зло, а истина — в ложь; таким образом, каждое в свою противоположность; показано это было так: Истина, извлеченная из Слова, была послана в ад и принята теми, кто во внешних адах, и ими послана в низшие ады до самого глубокого ада; эта истина в нисхождении была постепенно изменяема в ложь, и наконец, в ложь, противоположную истине; те же, у которых она изменялась, мыслили ложь как бы сами собою, не подозревая ничего иного, когда, между тем, то, что мыслили они, было истиною этой, нисходящей с Неба и искаженной и извращенной в своем пути до глубочайшего ада.

Я был уведомлен три или четыре раза, что это происходило так. То же самое совершалось с добром; добро, истекающее от Неба, прогрессивно изменялось во зло, противоположное ему.

Из этого стало очевидным, что истина и добро, исходящие от Господа, когда приняты теми, кто во лжи и во зле, изменяются и переходят в другую форму до того, что первая форма не является. То же происходит у всякого злого человека, ибо злой, относительно духа своего, в аду.

289. Мне также очень часто было показано, что в аду никто не мыслит сам по себе, но каждый мыслит сообразно с другими, которые вокруг него; и те другие мыслят не сами по себе, но тоже по другим; и что мысли и чувства идут в порядке от одного общества в другое. Некоторые, думающие, что они мыслят и желают сами по себе, были отправлены в общество, сообщение же с соседними обществами, к которым их мысли обычно простираются, было преграждено — и они задержаны были в этом обществе; тогда им было сказано мыслить иначе, чем мыслят духи этого общества и стараться мыслить противное; но они сознались, что это невозможно им. Это было сделано со многими и также с Лейбницем, который даже убедился, что никто не мыслит сам по себе, но что мыслят по другим и что те другие тоже не мыслят сами по себе, но все мыслят по наитию с Неба, а Небо по наитию от Господа.

Некоторые, размышлявшие об этом предмете, сказали, что это удивительно, и едва ли кто может быть приведен к такому убеждению, так как оно совершенно против видимости, но что тем не менее они не могут отрицать того, ибо им было вполне доказано; однако, обретаясь в изумлении, они сказали, что таким образом никто не виноват, если мыслит злое; и затем оттого кажется, что зло идет от Господа; и сверх того, что не понимают они, как Господь один может соделать, чтобы все мыслили так различно. Но эти три пункта будут развиты в последующем.

290. К изложенным уже экспериментам будет прибавлен следующий. Когда мне было даровано Господом разговаривать с духами и с ангелами, эта тайна мне была тотчас открыта, ибо мне было сказано с Неба, что я думаю, как и другие, будто мыслю и желаю сам по себе, когда, между тем, это отнюдь не по себе, но по Господу, если оно добро, и по аду, если зло; мне даже было показано живым опытом (ad vivum) различными мыслями и различными чувствами, введенными в меня, что это так, и мне дано было постепенно это сознавать и это чувствовать; поэтому впоследствии, лишь только вкрадывалось какое-либо зло в мою волю или какая-либо ложь в мою мысль, то я справлялся, откуда это зло и эта ложь, и оное мне было открыто; мне также было дано говорить с теми, которые внушали, им выговаривать и заставлять их удаляться и, следовательно, отобрать свое зло и свою ложь, удержать их при себе и ничего такого не внушать моей мысли; это со мной случалось тысячи раз, я оставался в этом состоянии в продолжении нескольких лет и остаюсь еще; и, тем не менее, мне кажется, как и другим, без всякого различия, что я мыслю и желаю, как бы сам собою, ибо от Божественного Провидения Господа, дабы каждому так казалось, что и было показано выше, в отдельной главе.

Духи новоприбывшие удивляются такому состоянию, которое мне обычно, воображая, что я не мыслю и ничего не желаю сам собою и что я, следовательно, как бы что-то пустое, но я открыл им тайну и сверх того сказал, что я даже мыслю внутренне и сознаю наитствующее в мою внешнюю мысль, от Неба ли наитие или от ада, что я отталкиваю последнее и принимаю другое и что всегда мне кажется, как и им, что я мыслю и желаю сам собою.

291. Что всякое добро от Неба и что всякое зло от ада — не есть неведомым в миру, каждый от Церкви это знает; кто, посвященный в духовенство, не поучает, что всякое добро от Бога, и человек не может сам собою ничего взять, если ему не дано от Неба; затем также, что дьявол внушает злое в мысль, что соблазняет он и побуждает его творить. Поэтому священник, думая, что проповедует по святому рвению, молит Святого Духа наставить его, направить его мысли и его речь, и некоторые говорят, что ощутительно сознавали, как возбуждало их, и хвалящим их проповеди набожно отвечают, что говорили не от себя самих, а от Бога.

Вот почему еще, видя, что кто-нибудь хорошо говорит и хорошо поступает, они говорят, что тот приведен к оному Богом, и наоборот, видя кого-либо дурно говорящего и дурно поступающего, говорят, что он приведен к тому дьяволом. Известно, что такие речи держат в Церкви, но кто верит, что это так?

292. Что все, что человек мыслит и желает, и затем все, что он говорит и делает, наитствует из единого источника жизни, и тем не менее единый источник жизни, который есть Господь, не причинен в том, что человек мыслит зло и ложь, — может быть пояснено следующими наблюдениями из природного Мира.

От Солнца этого мира исходят теплота и свет, и они наитствуют во все субъекты и во все объекты, представляющиеся глазам, не только в субъекты хорошие и в объекты прекрасные, но и в субъекты дурные и в объекты некрасивые, и производят в них различные действия; ибо наитствуют они не только в деревья, приносящие хорошие плоды, но и в деревья, приносящие дурные, и даже в самые плоды, и их взращивают; они также входят в доброе семя и в плевелы; затем также в кусты полезные и целебные и в кусты вредные и ядовитые, а между тем все это — одна теплота и один свет, в которых нет никакой причины зла; причина же эта — в субъектах воспринимающих.

Теплота, раскрывающая яйца, в которых сова, филин или змея, действует одинаково, как и с яйцами, в которых голубь, прекрасные птицы или лебедь; положи яйца того и другого рода под курицу, и от ея теплоты, в себе безвредной, они откроются.

Что же эта теплота имеет общего с теми творениями, злыми и вредными? Теплота, вливаясь в субстанции болотные, навозные, гнилостные и трупные, действует одинаковым способом, как и вливаясь в субстанции винные, пахучие, мощные и живые.

Кто не видит, что причина в субъектах-приемниках, а не в теплоте? Тот же свет производит в одном объекте цвета приятные, а в другом неприятные; даже более: он проясняется в предметах белых и сияет живым блеском, в предметах же, впадающих в черное, помрачается и темнеет. То же самое в Мире духовном: и там есть теплота и свет, исходящие от своего Солнца, которое есть Господь; они наитствуют, от своего солнца, в свои субъекты и в свои объекты; субъекты и объекты суть там ангелы и духи, особенно способности их волевые и интеллектуальные; там Теплота есть исходящая Божественная Любовь, а Свет там — исходящая Божественная Мудрость; они не причины

тому, что принимаются одним иначе, чем другим; в самом деле, Господь говорит, что Он повелевает восходить своему Солнцу над злыми и над добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (**Матф. V, 45**). В смысле внутреннем под Солнцем разумеется Божественная Любовь, а под дождем — Божественная Мудрость.

293. К этим объяснениям прибавлю мнение ангелов о воле и уме у человека; мнение это в том, что у человека нет крупицы воли и предусмотрительности, принадлежащих ему в собственность; они говорят, что если б было оного по одной крупице у каждого человека, то ни Небо, ни ад не удержались бы, и весь бы человеческий род погиб; они приводят доводы, что мириады мириадов людей, сколько родилось их от создания мира, составляют Небо и ад, из которых один под другим в таком порядке, что как тот, так и другое образуют одно:

Небо — одного прекрасного Человека, ад же — одного чудовищного Человека; если б в каждом человеке была крупица собственной воли и собственной предусмотрительности, то одно это не могло бы существовать, но распалось бы, и с ними погибла бы Божественная Форма, которая может быть устойчива и неизменна, как если только Господь будет всем во всем, они же ничем во всем. Они еще приводят в доказательство, что мыслить и желать самим собою есть самое Божественное, а мыслить и желать по Господу — самое Человечное, и что самое Божественное не может быть присвоено никакому человеку, ибо тогда человек был бы Богом. Удержи это, и ты будешь, если пожелаешь, убежден ангелами, когда придешь после смерти в духовный мир.

294. Было сказано выше (**289**), что когда в некоторых вошло убеждение, что никто не мыслит сам собою, а мыслит по другим, и другие те не мыслят тоже сами собою, но мыслят все по наитию, исходящему от Господа Небом, то они сказали в изумлении своем, что таким образом не виновен делающий зло; затем, что если так, то кажется, что зло от Господа; и сверх того, они не понимают, как может Господь один соделать, чтобы все мыслили так различно.

Теперь, так как эти три чувства не могут не влиять на мысли заключающих о явлениях только по явлениям, то необходимо овладеть ими и раскрыть сообразно причинам.

Во-первых.

Что, таким образом, не виноват делающий зло; в самом деле, если все, что человек мыслит, идет от другого по наитию, то кажется, что вина тех, от кого наитие; но тем не менее вина в принимающих, ибо принимает он как свое; он не знает ничего иного и не хочет знать ничего иного; в самом деле, каждый желает быть самим собою, вести себя сам собою, особенно мыслить и желать самим собою, ибо в этом сама свобода, представляющаяся собственным, в котором каждый человек; поэтому если бы знал он, что все, что он мыслит и желает, идет от другого по наитию, то смотрел бы на себя как на скованного и плененного, не господина самому себе, и таким родом погибли бы все удовольствия его жизни и, наконец и, самая человечность.

Что это так, я был очень часто убеждаем: было дано некоторым духам сознавать и чувствовать, что они ведены другими, они вошли в такой гнев, что были как бы вне себя и говорили, что предпочли бы быть скованными в аду скорее, чем не иметь способности мыслить, как они желают, и желать по мысли.

Не иметь этой способности называют они быть скованным относительно жизни самой, а это жесточе и невыносимее, чем быть скованным относительно тела; не иметь способности говорить и поступать так, как мыслишь и желаешь, они не называли быть скованным, потому что удовольствие жизни гражданственной и жизни нравственной, состоящей в речах и поступках, — в возможности ограничивать чье-либо влияние и преодолевать его.

Теперь, так как человек не хочет знать, что он веден другими к мышлению, но хочет мыслить сам собою и даже думает, что мыслит так, из того явствует, что он сам виновен и не может отбросить от себя вины, пока любит мыслить то, что мыслит; если же не любит, то он порывает связь с теми, от кого идут ему его мысли; оное имеет место, когда он знает, что это зло, и, следовательно, хочет избегать его и отступиться от него; тогда он извлекаем также Господом из общества, которое в таком зле, и переносим в общество, где нет такого зла; но если знает он, что это зло и не избегает его, тогда вменяется ему, и он становится виновен в этом зле.

Все, что, как мыслит человек, он делает сам собою, признается сделанным по человеку, а не по Господу.

Во-вторых.

Таким образом кажется, что зло от Господа. Этот пункт может быть принят за решенный по вышепоказанному (**288**), а именно, что добро наитствует от Господа, и что оно изменяется во зло, а истина в ложь — в аду; но кто может не видеть, что зло и ложь не идут от добра и истины, следовательно, от Господа, но идут от принимающего субъекта и объекта, который, будучи во зле и во лжи, извращает и изменяет добро и истину, как было вполне доказано выше (**292**). Что касается происхождения зла и лжи в человеке, то об этом было трактовано несколько раз в предыдущем.

Также был произведен опыт в Мире духовном с полагающими, что Господь может удалить зло от злых и на место его ввести добро, и таким образом, переселить весь ад в Небо и всех спасти; но что это невозможно, увидится в конце данного Трактата, когда будет вопрос о мгновенном спасении и непосредственной Благости.

В-третьих.

Что они не понимают, как Господь один может соделать, что все мыслят так различно. Божественная Любовь Господня Бесконечна и Его Божественная Мудрость Бесконечна, и Бесконечности любви и Бесконечности мудрости исходят от Господа и наитствуют на всех в небе и затем на всех в аду, а от того и другого на всех в Мире; никто не может лишиться мышления и желания, ибо бесконечности суть бесконечно все. Эти бесконечности, исходящие от Господа, наитствуют не только универсально, но весьма особенно, ибо Божественное универсально по особенностям, и Божественные мельчайшие особенности названы Универсальностью, как было показано выше; Божественные же мельчайшие особенности тоже бесконечны.

По этим объяснениям можно видеть, что Господь Один соделывает, что каждый мыслит и желает согласно своему качеству и согласно законам Божественного Провидения. Что все, что в Господе, и исходящее от Господа Бесконечно, — было показано выше (**46-49**) и также в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (**17-22**).

295.II. Злые бросаются постоянно сами во зло, но Господь их постоянно извлекает из зла. Легче понять, каково Божественное Провидение у добрых, чем понять, каково оно у злых, а так как теперь дело касается Божественного Провидения у злых, то оно будет изложено в таком порядке:

1. Есть бесконечные вещи в каждом зле.

2. Злой сам собою погружается непрестанно глубже и глубже в свое зло.

3. Божественное Провидение относительно злых есть постоянным попущением зла с целью, дабы они постоянно из него извлекаемы были.

4. Отрешение от зла производится Господом тысячью способов, даже весьма сокрытых.

296. Дабы Божественное Провидение относительно злых было отчетливо сознаваемо и, следовательно, понято, вышеизложенные предложения будут пояснены в порядке, в котором они представлены,

Во-первых.

Есть вещи, бесчисленные в каждом зле. Каждое зло представляется человеку как несложный предмет; такими представляются ненависть и мщение, кража и обман, прелюбодеяние и блуд, высокомерие и гордость, и всякое другое зло; неизвестно то, что в каждом зле есть бесчисленные вещи, в гораздо большем количестве, чем волокна и сосуды в человеческом теле; ибо злой человек есть адом в самой малой форме; ад же состоит из мириадов мириад духов, каждого в форме человека, но человека — чудовища, и в нем все волокна и сосуды превращены; самый дух есть злом, которое ему кажется, единичным, но насколько бесчисленны органы в нем, настолько же бесчисленны вожделения этого зла; ибо каждый человек есть своим злом или своим добром от головы до ступней; затем, так как таков есть и злой, то очевидно, что он одно зло, составленное из бесчисленных разностей, которые суть каждая обособленным злом и называются вожделениями зла.

Из того явствует, что все, в том порядке, как оно обретается, должно быть исправлено и превращено Господом, дабы человек мог быть преобразован, и это может лишь быть соделано Божественным Провидением Господа постепенно, от первого возраста человека до последнего.

Когда вожделения зла являются в аду, тогда они представлены как вредное животное, например, как дракон, или василиск, или ехидна, или филин или сова и так далее; также проявляются вожделения зла у злого человека, когда его видят ангелы; все эти формы вожделений должны быть перевернуты одна за другой; сам человек, являющийся по духу как чудовище, или как дьявол, должен быть восстановлен, дабы стать прекрасным ангелом, и каждое из вожделений должно быть превращено, дабы являться как агнец, или овца, или как голубь, или

горлица; так являются чувства добра у ангелов в Небе, когда представлены они; преобразовать же дракона в агнца, василиска в овцу и филина в голубку возможно лишь постепенно, с искоренением зла в их семени, и насаждением на это место доброго семени. Это лишь может быть совершено, как с прививкой деревьев, которых корень остается со стволом, но тем не менее привитая ветвь меняет сок, извлекаемый посредством старого корня, в сок, производящий добрые плоды; такая привитая ветвь может быть взята лишь от Господа, Который есть Древом жизни, что согласно со словами Господа

(**Иоанн, XV, 1-7**)

Во-вторых.

Злой погружается сам беспрерывно глубже и глубже в свое зло. Сказано сам, потому что всякое зло от человека, ибо человек изменяет в зло добро, исходящее от Господа, как сказано было выше.

Если злой погружается глубже и глубже во зло, то потому, что входит внутреннее и, таким образом, глубже в адские общества, по мере того как желает и делает зло; затем также удовольствие зла усиливается и в такой мере овладевает его мыслями, что, наконец, он не чувствует ничего приятнее; а вступившие внутренне и глубоко в адские общества становятся как бы скованными цепями; но живя в миру, они не ощущают этих цепей, они — как мягкая шерсть или как тонкие шелковые нити, которые любит он, ибо они производят щекотание; но после смерти эти цепи из нежных становятся тяжкими и вместо щекотания производят уязвления.

Что удовольствие зла возрастает, достоверно по кражам, разбоям, хищениям, мщениям, духу властвования, корысти к наживе и по другим дурным страстям.

Кто не чувствует усиления удовольствия от успеха и беспрепятственности в нем?

Известно, что вор находит столько удовольствия в кражах, что не может отказаться от них и, что удивительно, предпочитает один украденный червонец десяти даром предложенным; то же было бы с прелюбодеянием, если бы, по Промыслу, это зло не ослабевало от излишества, но все же у многих прелюбодеев остается удовольствие мысли и речи о том, и ежели не больше, то похоть осязания.

Однако неизвестно, что это оттого, что человек погружается более и более внутренне и более, и более глубоко в адские общества, по мере того, как совершает он зло по воле и, в то же время, по мысли; если зло только в мысли, но не в воле, то они еще не в адском обществе со злом, но вступают туда, лишь только оно в воле; если же мыслит он тогда, что это зло против Десяти Заповедей, и считает эти заповеди Божественными, то он их совершает умышленно и через это погружается глубоко в ад, откуда может быть извлечен лишь покаянием актуальным.

Надобно знать, что всякий человек, что до духа своего, в Мире духовном, и там в каком-либо обществе, злой человек в адском обществе, а добрый в обществе небесном; он даже иногда появляется там, когда находится в глубоком размышлении.

Опять надобно знать, что так же, как в природном Мире звук с речью распространяются во все стороны в воздухе, — в духовном мире распространяются чувство с мыслью во все стороны в обществах; в том также соответствие, ибо звук соответствует чувству, а мысль — речи.

В-третьих.

Божественное Провидение относительно злых есть постоянным попущением злу с целью, дабы они были постоянно из него извлекаемы.

Если Божественное Провидение у злых людей есть постоянным попущением, то потому, что из их жизни может лишь выйти зло; ибо человек — в добре или во зле; он не может быть в том и в другом одновременно или поочередно; разве только он теплый; зло жизни Господом не вводится в волю и ею в мысль, но вводится человеком, что и называется попущением. Теперь, так как все, что человек злой желает и мыслит, есть от попущения, то спрашивается, что такое Божественное Провидение, которое, как говорят, в мельчайших особенностях у каждого человека, как у злого, так и у доброго?

Отвечаю, что оно состоит в том, что попускает постоянно ради цели и попускает относящееся к этой цели, но не иное что; он постоянно исследует, разделяет и очищает зло, являющееся по попущению, отлагает неподходящее и изгоняет его неведомыми путями; эти действия совершаются, главным образом, во внутренней воле человека и по ней в его внутренней мысли; Божественное Провидение неизменно также в том, что наблюдает, дабы отложенное и изгнанное не было вновь принято волею, потому что принятое волею присваивается человеку; но принятое мыслью отделяется и удаляется.

В этом постоянное Провидение у злых, которое, как было сказано, есть постоянным попущением злу с целью, дабы они постоянно из него извлекаемы были.

Человек едва что-либо знает об этих действиях, потому что их не сознает; если он не сознает их, то главная причина в том, что в нем есть зло вожделений его жизненной любви, а это зло ощущаемо не как зло, а как удовольствие, на которое никто не обращает внимания.

Кто обращает внимание на удовольствия своей любви? Мысль человека в них плывет, как ладья, увлекаемая потоком реки, и сознается как благоуханная атмосфера, вдыхаемая полною грудью; он может ощущать лишь нечто во внешней мысли своей, но тем не менее и на это не обращает внимания, разве только знает, что это зло. Но в последующем будет сказано более об этом предмете.

В-четвертых.

Отрешение ото зла совершается Господом тысячью способов, даже весьма сокрытых. Лишь некоторые из них были открыты, но только самые общие, вот они: что удовольствия вожделений, о которых человек ничего не знает, брошены кучею и пучками во внутренние мысли, принадлежащие духу человека, и затем в его мысли внешние, в которых представляются они под некоторым ощущением приятности, обаяния или желания и примешиваются к его удовольствиям природным и чувственным; здесь обретаются средства отделения и очищения, также пути отрешения и удаления; средствами главным образом, суть удовольствия размышления и рассуждения для некоторых целей, относящихся к делам: цели же, относящиеся к делам, в таком же большом количестве, как и частности и особенности занятия и службы человека; затем, они в таком же большом количестве, как и удовольствия рассуждений с целью представиться человеком гражданственным и нравственным, а также человеком духовным, кроме становящихся препоною неудовольствий; эти удовольствия как принадлежащие любви в человеке внешнем суть средствами отделения, очищения, удаления и отрешения удовольствий вожделений зла в человеке внутреннем.

Будь примером неправедный судья, принимающий подарки или дружеские отношения за цель или за дело своей службы; внутренне судья этот беспрестанно в таких целях, но внешне цель его есть действовать юристом и справедливым человеком; он постоянно в удовольствии размышления, мысли, рассуждения и намерения склонить право, вывернуть его, применить и приспособить, пока оно не представится согласным с законами и соответственным справедливости; он не знает, что его внутреннее удовольствие состоит из хитрости, обмана, лукавства, тайного хищения и многого иного, и удовольствие это, составленное из стольких удовольствий возбуждении зла, господствует во всем и вся его мысли внешней, где обретается удовольствие казаться справедливым и искренним; в эти удовольствия внешние опускаются удовольствия внутренние и смешиваются, как

элементы в желудке; там они отделяются, очищаются и удаляются; но эти удовольствия вожделений зла суть только самые опасные: ибо у человека злого совершается отделение, очищение и отрешение только важнейших зол от зол менее важных, меж тем как у доброго человека совершается отделение, очищение и отрешение зол не только важнейших, но и наименее важных, и это производится удовольствиями чувств добра и истины, справедливости и искренности, в которые вступает он, насколько считает зло грехами, и с этой целью избегает их и отвращается от них, и еще более — если борется против них; в оном средства, которыми Господь очищает всех спасенных; Он очищает тоже их средствами внешними, касающимися доброй славы и чести, иногда наживы, но в эти средства вводит Господь удовольствие добра и истины, которыми они направляются и располагаются стать удовольствиями любви к ближнему.

Если бы кто увидел удовольствия вожделений зла вкупе, в одной форме, или бы сознал их отчетливо каким-либо ощущением, то он увидел бы их и сознал в таком количестве, что их нельзя определить, ибо целый ад есть только формой всех вожделений зла; и там ни одного нет вожделения зла, совершенно схожего с другим или тождественного с другим, и не может быть во всю вечность ни одного совершенно схожего или тождественного с другим; относительно же этих бесчисленных вожделений человек едва что-либо знает, еще менее знает он как они связаны между собою; но Господь, Божественным Провидением своим, попускает постоянно выступать им, дабы они были удаляемы, что имеет место в каждом порядке и в каждой серии; злой человек есть адом в самой малой форме, а добрый человек есть небом в самой малой форме.

Что отрешение от зол производится Господом тысячью средств, даже средств самых сокрытых, можно наилучше видеть и, таким образом, заключить по сокрытым действиям души в теле; действия, известные человеку, суть эти: он видит пищу, которую хочет съесть, обоняет и желает ее, пробует ее, размалывает зубами и с помощью языка проглатывает ее, таким образом опускает ее в желудок; но сокрытые действия души, неизвестные человеку, ибо он не ощущает их, суть эти: желудок переворачивает принятую пищу, разлагает ее и отделяет, он

предоставляет надлежащие части малым полуоткрытым отверстиям и венам, которые насыщаются ими, посылает некоторые из этих частиц в кровь, другие в лимфатические сосуды, иные в млечные сосуды брыжейки, иные же вгоняет в кишки; затем сок, извлеченный из своей цистерны, грудным протоком проносится в полую вену и таким образом в сердце, а из сердца в легкие, из легкого, левым желудочком, в аорту, а из аорты разветвлениями в чрева всего тела и тоже в почки, в каждой из которых происходит отделение крови, очищение ее и отрешение разнородных частиц; кроме того, сердце посылает в мозг свою кровь, очищенную в легком, что производится артериями, называемыми сонными, и как мозг отсылает оживленную кровь в вышеупомянутую полую вену, где грудной проток принимает и несет кровь снова в сердце.

Эти действия, и бесчисленные другие, суть сокрытыми действиями души в теле; человек не знает обо всем этом ничего, и человек, не знакомый с анатомией, не знает этого; между тем, подобные же действия совершаются во внутренних духа человека, ибо ничто не может быть совершаемо в теле, иначе как сообразно с духовным началом, так как духовное начало в человеке есть духом его, а его дух есть все человека, с тою единственною разницею, что совершаемое в теле совершается природно, а совершаемое в духе — духовно; сходство совершенное.

По этим объяснениям очевидно, что Божественное Провидение действует тысячью способов, и даже способами, сокрытыми у каждого человека, и что оно постоянно в цели очищения его, ибо оно в цели его спасения; и человеку остается лишь заботиться о том, чтобы удалить зло в человеке внешнем; Господь же, если призываем Он, способствует всему остальному.

297.III. Злые не могут быть вполне извлечены из зол и введены в добро Господом, пока уверены, что собственная предусмотрительность есть все, а Божественное Провидение — ничто. Представляется, что человек может сам собою выйти из зла, лишь бы думал он, что-то или другое противно общественному благу, противно пользе, противно законам его страны и противно праву людскому; злой так же, как и добрый, может это мыслить, если он только от рождения или по упражнению таков, что может внутри себя отчетливо мыслить аналитически и рационально; однако он не может сам выйти из зла; причина в том, что, хотя способность понимать и сознавать, даже отвлеченно, дарована Господом каждому, как злому, так и доброму, что было показано выше в разных местах, но человек, посредством этой способности, не может выйти из зла; в самом деле, зло принадлежит воле, а разумение не наитствует на волю, разве только со светом; оно уясняет и поучает, если же теплота воли, то есть любовь жизни человека, кипит вожделением зла, то оно холодно; что до любви к добру, оно не принимает его, но отбрасывает или потушает, или, какою-либо измышленною ложью, изменяет во зло.

С этим то же, что с зимним светом, столь же ясным, как и летний, который, влияя на застывшие деревья, производит подобное действие.

Но это может быть видимо полнее в следующем порядке:

1. Собственное умствование, когда воля во зле, видит только ложь и не может видеть иного.

2. Если собственное умствование видит тогда истину, то отворачивается от нее и извращает ее.

3. Божественное Провидение соделывает постоянно, что человек видит истину, и даже дарует ему любовь сознавать и также принимать ее.

4. Человек через это извлекаем из зла, но не сам собою, а Господом.

298. Эти предложения будут объяснены, в своем порядке, перед человеком рациональным, злой или добрый он, следовательно, в свете ли от зимы или в свете лета, ибо в том и другом цвета представляются одинаково.

Во-первых.

Собственное умствование, когда воля во зле, видит только ложь и не желает и не может видеть иного. Это было часто показано в духовном Мире: каждый человек, став духом — что происходит после смерти, ибо тогда он сбрасывает тело материальное и облекается в тело духовное, — вводится попеременно в два состояния жизни: внешнее и внутреннее; в состоянии внешнем он говорит и поступает рационально и разумно, совершенно так, как рациональный и разумный человек в миру, и может также поучать других многому, относящемуся к жизни гражданственной и нравственной; если он был проповедником, то может даже поучать предметам, касающимся жизни духовной; когда же он из этого состояния переведен в состояние внутреннее, а человек внешний усыплен, внутренний же пробужден, то если он был злой, сцена изменяется: из рационального он становится чувственным и из разумного безумным; ибо тогда он мыслит по злу своей воли и по удовольствию этого зла, таким образом, по собственному умствованию, и видит только ложь, и делает только зло, принимая злость за мудрость и хитрость за предусмотрительность; по собственному умствованию себя считает он божественным, и почерпает из своего духовного начала омерзительные ухищрения; я видел это безумие множество раз; я также видел духов, вводимых в эти попеременные состояния два или три раза в час, и тогда им дано было видеть свои безумия и также признавать их; тем не менее, они не желали оставаться в состоянии рациональном и нравственном, но бросались охотно сами во внутреннее состояние, чувственное и безумное, ибо любили его больше иного, так как в нем было удовольствие их жизненной любви.

Может ли кто предположить, что злой человек внутри своего внешнего вида таков, и претерпевает такое превращение, когда входит во внутреннее свое.

По одному этому опыту видно, каково собственное умствование, когда человек мыслит и поступает по злу своей воли. Совсем иначе с добрыми: введенные из состояния внешнего в состояние внутреннее, они становятся еще разумнее и нравственнее.

Во-вторых.

Если собственное умствование тогда видит истину, то отворачивается от нее и искажает ее. Есть в человеке собственное хотение и есть собственное умствование; собственное хотение есть зло и собственное умствование есть ложь от зла; одно называется хотением человека, а другое хотением плоти (**Иоанн, I, 13**). Собственное хотение есть, в своей сущности, любовью к себе, а собственное умствование есть гордынею, происходящею от этой любви; ибо они как два супруга, и их супружество называется браком зла и лжи; каждый дурной дух вводится в этот брак, прежде чем отсылается в ад, и когда он в таком состоянии, то не знает, что такое добро, ибо называет зло свое добром, ощущая его как удовольствие, и тогда он также отворачивается от истины, и не желает видеть ее, потому что видит ложь, согласующуюся с его злом, как видит глаз прекрасный предмет и как слышит ухо гармоничный звук.

В-третьих.

Божественное Провидение соделывает постоянно, что человек видит истину, и даже ему дарует любовь ее сознавать и принимать. Это происходит потому, что Божественное Провидение действует внутренним и наитствует, через него, во внешних, или человеком духовным в начала человека природного, и светом неба оно освещает разумение, и теплотою неба оживляет волю; свет неба, в своей сущности, есть Божественная Мудрость, а теплота неба, в своей сущности, есть Божественная Любовь; от Божественной Мудрости может лишь наитствовать истина, а от Божественной Любви может лишь наитствовать добро, и по добру Господь дает разумению любовь видеть истину, также сознавать ее и принимать; таким образом, человек становится человеком не только по внешнему виду, но также по виду внутреннему.

Кто не желает казаться человеком рациональным и духовным?

И кто не знает, что человек желает им казаться, дабы другие думали, что он настоящий человек? Если же он рационален и духовен лишь во внешнем виде, а в то же время не во внутреннем, разве он человек? Разве он что-либо иное, как не фокусник в театре или как обезьяна, вид которой почти схож с человеком? Из того не можно ли познать, что только тот есть человек, кто внутренне есть тем, чем он желает другим казаться? Признающий одного признает и другого.

Собственное умствование может ввести лишь во внешние человеческую форму, но Божественное Провидение вводит ее во внутренние и через внутренние во внешние, и когда форма эта введена, то человек не только человеком представляется, но человеком есть.

В-четвертых.

Человек через это извлекается из зла, но не сам собою, а Господом. Если, когда Божественное Провидение дает видеть зло и, в то же время, любить истину, человек может быть извлечен из зла, то это потому, что истина указывает и предписывает, и когда воля исполняет указанное и предписанное, то сочетается с истиною и превращает в себе истину в добро, ибо истина становится предметом любви человека, а то, что принадлежит любви добро есть; всякое преобразование совершается истиною, а не без нее, ибо без истины воля постоянно во зле, и если совещается с разумением, то не научается, но зло подтверждается ложью.

Что же касается ума, то оно представляется как у человека доброго, так и у человека злого собственным его; и добрый, как и злой, поставлен поступать по уму как бы собственному; но верующий в Божественное Провидение извлекается из зла, а неверующий не извлекается; верит же в него тот, кто признает, что зло есть грехами, и желает быть выведен из него, а не верит в него не признающий того и не желающий; разница между этими родами ума такая же, как разница между тем, что почитают существующим в себе, и тем, что почитают существующим не в себе, но как бы в себе; так же, как разница между внешним без его внутреннего подобия и внешним с его внутренним подобием; так же точно, как и разница между разговорами и жестами лицедеев и комедиантов, играющих роли королей, принцев и генералов, и самими королями, принцами и генералами; эти последние ими суть внутренне и, в то же время, внешне, но те только внешне, и когда внешность совлекается, их называют комедиантами, фокусниками и паяцами.

299.IV. Господь управляет адом противоположностями, и злыми, которые в миру, Он управляет в аду, что до их внутренних, но не внешних. Не знающий, каково небо и каков ад, не может вовсе знать каково духовное начало человека; духовное начало человека есть его дух, живущий после смерти, и это потому, что духовное начало, или дух человека, есть во всей той форме, в которой небо или ад; никакой нет разницы, кроме той, что небо или ад очень велики, а дух очень мал, или что одно есть образом, а другое типом; поэтому человек, относительно духовного начала или духа, есть в самой малой форме небо или ад; ведомый Господом есть небо, а ведомый собственно собою есть ад. Теперь, так как мне дано было познать каково небо и каков ад, а весьма важно знать каков человек относительно своего духовного начала, или своего духа, то я опишу в немногих словах то и другое.

300. Все, обретающиеся в небе, суть чувствами любви добра и, по ним, мыслям истины, и все, обретающиеся в аду, суть вожделениями зла и, по ним, воображениями лжи; с той и другой стороны они расположены так, что вожделения зла и воображения лжи в аду совершенно противоположны чувствам любви к добру и мыслям истины в небе; поэтому ад под небом диаметрально противоположен небу; таким образом небо и ад — как два человека, лежащие обратно один к другому, или стоящие как два антипода, следовательно, обращенные в противоположные стороны, соединяясь лишь ступнями и отталкиваясь пятками; иногда даже ад представляется в подобной опрокинутости положении и в подобном опрокинутии относительно неба; это оттого, что те, кто в аду, делают из вожделений зла главу, а из чувств любви и добра — ступни; а те кто в небе, делают из чувств любви добра главу, а из вожделений зла — ступни.

Говорится, что в небе чувства любви добра и затем мысли истины, а в аду вожделения зла и затем воображения лжи; понимается же, что духи и ангелы таковы, ибо каждый есть своим чувством и своим вожделением: ангелы неба есть чувством, а дух адский — вожделением,

301. Если ангелы неба суть чувствами добра и, по ним, мыслями истины, то потому, что они суть приемниками Божественной Любви и Божественной Мудрости, исходящих от Господа, и потому, что все чувства любви добра — от Божественной Любви, и все мысли истины — от Божественной Мудрости; а если адские духи суть вожделениями зла и, по ним, воображениями лжи, то потому, что они в любви к себе и в собственном умствовании, и потому, что все вожделения зла — от любви к себе, и все воображения лжи — от собственного умствования.

302. Распределение чувств любви в небе и вожделений в аду дивно и ведомо одному Господу. Чувства любви и вожделения с той и другой стороны различны по родам и видам и соединены так, чтобы составлять одно; они соединены как все, что в человеке, и затем небо в своей форме — прекрасный человек, которого душою есть Божественная Любовь и Божественная Мудрость, таким образом Господь; ад же в своей форме есть человеком-чудовищем, душою которого есть любовь к себе и собственное умствование, таким образом, дьявол; дьявола никакого нет, который бы один был владыкою в аду, любовь к себе называется дьяволом.

303. Но дабы лучше познать, каково небо и каков ад, то вместо чувств любви добра пусть возьмут удовольствия добра и вместо вожделений зла пусть возьмут удовольствия зла; ибо нет ни чувств, ни вожделений без удовольствий; в самом деле, удовольствия составляют жизнь каждого; удовольствия эти различны и соединены, как было сказано выше о чувствах любви добра и вожделениях зла; удовольствие чувства наполняет и окружает каждого ангела неба, и также удовольствие общее наполняет и окружает каждое небесное общество; удовольствие же всех вместе взятых, или удовольствие наиболее общее, наполняет и окружает целое небо; точно так же удовольствие вожделения наполняет и окружает адского духа, а удовольствие общее — каждое адское общество, удовольствие же всех, или наиболее общее, целый ад.

Так как небесные чувства и адские вожделения, как уже было сказано, диаметрально противоположны одни другим, то очевидно, что удовольствие небесное для ада есть неудовольствием, какое невозможно вынести, и наоборот, удовольствие адское для неба — неудовольствие, которое невозможно там вынести; отсюда антипатия, отвращение и разделение.

304. Удовольствия эти, составляя жизнь каждого в особенности и всех вообще, не ощутительны для тех, кто в них, но противоположные ощущаются при приближении, главным образом, когда они обращены в запахи, ибо каждое удовольствие соответствует запаху, и может быть в мире духовном обращено в запах; и тогда удовольствие общее обоняется в небе как запах сада с разнообразием, соответствующим благоуханным испарениям цветов и плодов, удовольствие же общее в аду обоняется как стоячая вода, в которую брошены нечистоты с разнообразием по зловониям, испаряющимся из веществ гнилостным и смрадных.

То, как обоняется удовольствие каждого чувства добра в небе и удовольствие каждого вожделения в аду, мне было дано познать; однако было бы слишком долго излагать оное здесь.

305. Я слышал жалобы многих новоприбывших из мира на то, что не знали они, что участь их жизни будет по чувствам их любви; они говорили, что не думали в миру об этих чувствах и, тем более, об удовольствиях этих чувств, потому что любили то, что было для них удовольствием; и только думали они, что участь каждого — по мыслям, происходящим от ума, особенно по мыслям благочестия и также веры; но им отвечено было, что если бы они захотели, то узнали бы, что зло жизни неприятно в небе и неугодно Богу, а приятно аду и угодно дьяволу; и наоборот, добро жизни приятно в небе и угодно Богу, а неприятно в аду и неугодно дьяволу; и что затем зло в себе имеет запах вонючий, а добро запах хороший; что, так как они могли, если бы желали, знать это, то почему не избегали они зол как дьявольских и адских и почему благоприятствовали им по единственному поводу, что они были приятны; и теперь, зная, что удовольствия зла имеют такой дурной запах, они могут знать, что издающие такой запах не могут войти в небо.

После этого они удалились к тем, которые были в подобных удовольствиях, и только там могли дышать, а не в ином месте.

306. По представлению, данному О Небе и об Аде, можно видеть, каково духовное начало человека, ибо, как было сказано, духовное начало, или дух человека, есть, в очень малой форме, небо или ад — а именно, его внутренние суть чистейшими чувствами и чистейшими мыслями, разделенными на роды и виды, как общества большие и меньшие, и соединенные, дабы составлять одно; и Господь управляет ими так же, как Он управляет небольшим небом или адом. Что человек, в очень малой форме, есть небо или ад, можно видеть в Трактате О Небе и об Аде, изданном в Лондоне в 1758 г. (**51-87**).

307. Теперь, возвращаюсь к предложению, что Господь управляет адом противоположностями, и злыми, которые в миру, управляет в аду, что до их внутренних, но не до внешних.

Во-первых.

Господь управляет адом противоположностями. Было выше показано (**288-289**), что ангелы небесные в любви и в мудрости, или в чувстве добра и затем в мысли истины, не сами собою, но Господом; и что добро и истина наитствуют от неба в ад, и там добро обращается во зло и истина — в ложь из-за того, что внутренние адских обитателей обращены в противную сторону; теперь, так как все в аду противоположно всему в небе, то явствует, что Господь управляет адом противоположностями.

Во-вторых.

Злыми, которые в миру, Господь управляет в аду, потому что человек, духом своим, в миру духовном, и там в каком-либо обществе: в адском, если он злой и в небесном, если он добрый; ибо духовное начало человека, которое в себе духовно, может лишь быть среди духовных, в общество которых и приходит оно по смерти; что это так, было тоже показано выше.

Но там человек не так, как дух, вписанный в общество; ибо человек постоянно в состоянии преобразования, и посему, сообразно с жизнью своею и ее изменениями, он, если злой, — переносится Господом из одного адского общества в другое; если же он поддается преобразованию, то извлекается из ада и ведется к небу, где также переносится из одного общества в другое, и это до своей смерти, после которой он уже не переходит из общества в общество, потому что он не в состоянии преобразования, но остается в том состоянии, в котором он есть по жизни, вот почему, когда умирает человек, то назначается в свое место.

В-третьих.

Злыми, которые в миру, Господь так управляет относительно их внутренних, но иначе, чем относительно их внешних. Господь управляет внутренними духа человека так, как было показано, но внешними управляет в мире духов, который между небом и адом; причина в том, что человек, по обыкновению, иной во внешнем, чем во внутренних, ибо он может во внешних уподобляться ангелу света, а между тем, во внутренних быть духом тьмы; поэтому иначе управляемо его внешнее и иначе внутреннее; внешнее управляемо в мире духов, и внутреннее, пока он в миру, управляемо в Небе или в Аде; посему, умерев, он идет сначала в Мир духов, и там он во внешнем своем, которое совлекает, когда же совлечет, то переносится в свое место, куда был назначен. Что такое Мир духов и каков он, видно в

Трактате О Небе и об Аде, изданном в Лондоне в 1758 г. (**421-535**).

Глава одиннадцатая

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ НЕ ПРИСВАИВАЕТ КОМУ БЫ ТО НИ БЫЛО НИ ДОБРО,

НИ ЗЛО, НО СОБСТВЕННАЯ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ ПРИСВАИВАЕТ ТО И ДРУГОЕ

308. Почти все думают, что человек мыслит и желает сам собою, и затем говорит и действует сам собою; может ли кто думать иначе, если думает по самому себе, так как видимость, что это так, настолько сильна, что нет разницы между нею и свойствами мыслить, желать, говорить и действовать действительно самим собою, что невозможно, однако. В Мудрости Ангельской О Божественной Любви и Божественной Мудрости было показано, что есть единая жизнь, и люди суть приемниками жизни; затем, что воля человека есть приемником любви, а разумение человека — приемником мудрости; обе — любовь и мудрость — составляют эту единую жизнь.

Было тоже показано, что по творению и затем по постоянному действию Божественного Провидения эта жизнь представляется в человеке с таким подобием, как если бы она ему принадлежала и, следовательно, была его собственной, но что видимость эта для цели, дабы человек мог быть приемником.

Тоже было показано выше (**288-294**), что ни один человек не мыслит сам собою, но мыслит по другим, и те другие не мыслят тоже сами собою, но все мыслят по Господу, как злой, так и добрый; затем также, что оное известно в христианском мире, особенно у тех, которые не только говорят, но и верят, что всякое добро и всякая истина от Господа, и таким же образом всякая мудрость, следовательно, вера и милосердие, и что всякое зло и всякая ложь — от дьявола, или от ада.

Из этих всех предложений нельзя заключить ничего иного, как то, что все, что человек мыслит и желает, идет от наития, а так как всякая речь вытекает из мысли, как явление вытекает из своей причины, и то же самое со всяким действием относительно воли, то все, что человек говорит и делает, тоже от наития, хотя способом производным и посредственным.

Что все, что человек видит, слышит, обоняет, вкушает и ощущает, — от наития, отрицать нельзя, почему не быть тому же с мыслимым и желаемым человеком.

Может ли быть в том иная разница, кроме той, что в органы внешних чувств, или тела, наитствуют предметы из мира природного, а в органические субстанции внутренних чувств или духа наитствуют предметы из мира духовного?

Следовательно, как все органы внешних чувств суть приемниками объектов природных, так органические субстанции внутренних чувств, или духа, суть приемниками объектов духовных.

Так как таково состояние человека, что же тогда собственное его?

Его собственное не состоит в том, что он такой или иной приемник, потому что это собственное — не что иное, как его качество воспринимания, но оно не есть собственностью жизни; ибо под собственным всякий подразумевает жить собою и, следовательно, мыслить и желать собою, но что такого собственного нет у человека и даже не может ни у кого существовать, есть следствием вышесказанного.

309. Но передам слышанное мною от некоторых в мире духовном; то были духи из числа полагавших, что собственная предусмотрительность есть все, а Божественное Провидение - ничто. Я говорил им, что у человека нет никакого собственного, разве только захотят назвать собственным человека то, от чего он такой или иной субъект, такой или иной организм, такая или иная форма; но не это понимается под его собственным, ибо это только качество его, и ни один человек не имеет собою всего такого, какое вообще разумеют под собственным.

Они же, относившие все к собственной предусмотрительности и могущие назваться собственниками в образе своем, так возгорелись, что даже пламя показалось выходящим из их ноздрей, и сказали мне:

"Ты произносишь парадоксы и безрассудства; в таком случае человек был бы ничем, он был бы пустотой, или идеей и фантазией, или вырезанной фигурою или статуей".

Я мог лишь отвечать им, что парадокс и безумие думать, что человек есть жизнию по себе, и что мудрость и предусмотрительность не наитствуют от Бога, но суть в человеке; то же самое с добром, принадлежащим милосердию, и с истиной, принадлежащей вере; что относить к себе все это — назовется мудрецом безумием, и затем тоже парадоксом; что сверх того, они подобны живущим в доме и во владении другого и убежденным, что это все им принадлежит; или как экономы и управители, мыслящие, что владения господ — их собственность; или каковым были бы служители, которым господин дал таланты и мины для приумножения, если бы они не отдали в них отчета, но удержали бы как собственность и, следовательно, поступили бы как воры; о том и о другом можно сказать, что они — безумцы и даже, что они — ничто, что они пустоты, что они мечтатели (idealistae), не имеющие в себе по Господу добра, которое есть самим Бытием жизни, ни, следовательно, истины, почему они названы мертвыми, людьми ничтожества и пустоты (**Исаия, XL, 17-23),** и в других местах — делателями образов, затем разных фигур и статуй.

Но в последующем этот предмет будет изложен полнее в таком порядке:

I. Что такое собственная Предусмотрительность и что такое предусмотрительность не собственная.

II. Человек, по собственной предусмотрительности, убеждается и подтверждает в себе, что всякое добро и всякая истина — от него и в нем, и то же самое со всяким злом и со всякой ложью.

III. Все, в чем человек убедился и что он подтвердил в себе, остается как бы собственным у него.

IV. Если бы человек верил — так как это истина, — что всякое добро и всякая истина от Господа и что всякое зло и всякая ложь от дьявола, он не присваивал бы себе добра и не вменял бы его себе в заслугу и не присваивал бы себе зла и не ставил бы себя в нем ответственным.

310.I. Что такое собственная Предусмотрительность и что такое не собственная Предусмотрительность.

В собственной Предусмотрительности обретаются подтверждающие в себе видимости и обращающие их в истины, особенно ту видимость, что собственная предусмотрительность есть все, а Божественное Провидение — ничто или какая-либо универсальность, которая, однако не может существовать без составляющих ее особенностей, как было сказано выше; такие в иллюзиях, ибо всякая видимость, подтвержденная как истина, становится иллюзией, и насколько утверждаются они в иллюзиях, настолько становятся натуралистами и верят лишь тому, что могут в то же время ощутить каким-либо чувством телесным, особенно чувством зрения, так как оно, главным образом, составляет одно с мыслью; наконец, они становятся чувственными и если утверждаются за природу против Бога, то замыкают внутренние своего духа и ставят как бы заслону, так что мыслят под заслоном и не мыслят ни о чем поверх ее.

Эти чувственные были именуемы древними змиями древа познания; в мире духовном все говорят, что по мере того как они утверждаются, они замыкают внутренние своего духа и, наконец, до носа, ибо нос означает чувствование истины, и если заткнут он, то означает, что никакого нет сознания. Теперь будет сказано каковы они.

Более всех прочих они изворотливы и хитры, это искусные резонеры, называющие умом и мудростью изворотливость и хитрость и не смотрящие на них иначе; тех, кто не такие, как они, принимают они за простаков и глупцов, особенно поклонников Бога и признающих Божественное Провидение; что же до внутренних основ их духа, о которых они сами знают немногое, то они — как называемые Макиавелистами, считающие за ничто убийства, прелюбодеяния, кражи и лжесвидетельства, взятые в себе, и резонирующие против них лишь из предосторожности, дабы не показаться, каковы они.

О жизни человека в мире думают они, что она подобна жизни животного; о жизни человека по смерти — что это жизненное испарение, поднимающееся от трупа, обратно падающее и пропадающее; из этого безумия выходит мысль, что духи и ангелы суть воздушные дуновения, а у тех, для кого обязательна вера в жизнь вечную, идея, что-то же самое с душами людей и что, таким образом, они не видят, не слышат, не говорят и, следовательно, слепы, глухи, немы и только мыслят в частичках своего образа.

"Как, — говорят, они, — может душа быть чем-либо иным? Не умирают ли внешние чувства вместе с телом? И как возможно получить их прежде, чем душа не воссоединится ее своим телом?"

И так как они могли понять лишь чувственно, но не духовно, состояние души по смерти, то и установили это состояние чувственное, иначе погибла бы вера в вечную жизнь.

Они главным образом подтверждают в себе любовь к себе, называя ее жизненным огнем и побуждением для различных служб в обществе, и, будучи таковыми, они суть тоже идолами себя самих, и мысли их, будучи иллюзиями и происхождениями от иллюзий, суть образами лжи, а так как они благоприятствуют удовольствиям вожделений, то сами суть сатанами и дьяволами; сатаною называют подтверждающих в себе вожделение зла, а дьяволами — живущих по этим вожделениям.

Мне тоже дано было познать, каковы самые коварные чувственные люди: их ад позади, в глубине, и они хотят быть невидимы, поэтому показываются летающими, как призраки, которыми суть их фантазии, и называются они Гениями. Однажды некоторые были высланы из своего ада, дабы я познал, каковы они; сейчас они приложились к моему затылку, ниже затылочной кости, и оттуда входили в мои чувства, не желая войти в мои мысли, которые они ловко избегали, и они изменяли одно за другим мои чувства, намереваясь их нечувствительно обратить в противоположные, которые суть вожделениями зла; и не затрагивая ни в чем моих мыслей, они бы, при неведении моем, вывернули и перевернули мои чувства, если бы Господь тому не воспрепятствовал.

Таковыми становятся неверующие, что существует что-либо от Божественного Провидения, и которые исследуют в других лишь вожделения и желания и направляют их до меры господствования над ними; так как они это делают столь скрытно и столь хитро, что другие не замечают, и после смерти становятся подобными себе, то ввергаются они в этот ад тотчас по вступлении в мир духовный.

При свете неба представляются они безносыми, и удивительно что, хотя столь изощренные, но они чувствительнее всех других. Так как древние называли змием человека чувственного, а такой человек изворотливее, хитрее и остроумнее всех других, то поэтому сказано, что "змий был лукавее всякого животного полевого" (**Бытие, III, 1**) и Господь сказал: "Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби" (Матф. X, 16); и Дракон, также названный древними змием, дьяволом и сатаною, описан как "имеющий семь голов и десять рогов, и на голове его семь диадем"

(**Отк. XII, 3, 9**). Семью головами означается лукавство, десятью рогами — могущество убеждать иллюзиями, а семью диадемами — профанированные святости Слова и Церкви.

311. По описанию собственной предусмотрительности и тех, которые в ней, можно видеть какова предусмотрительность не собственная и каковы те, которые в ней; а именно, что предусмотрительность не собственная есть предусмотрительностью у тех, которые не подтверждают в себе, что ум и мудрость — от человека.

Такие говорят: "Как может кто-либо быть разумен сам по себе? И как может кто-либо делать добро сам по себе?"

И говоря это, они в себе видят, что это так; ибо они мыслят внутренне и верят, что другие — особенно ученые — мыслят также, ибо не знают, что кто-либо может мыслить только внешне.

Они не обретаются в иллюзиях через какое-либо подтверждение видимостей, поэтому знают и сознают, что убийства, прелюбодеяния, кражи и лжесвидетельства суть грехами, и нужно избегать их; затем также, что злоба не есть мудростию, ни лукавство — умом; слыша искусные рассуждения, основанные на иллюзиях, удивляются им они и над ними в себе смеются, потому что в них нег заслоны между внутренними и внешними, или между духовными и природными духовного начала, как она есть у чувственных, оттого они и получают с неба наитие, по которому внутренне видят то.

Они говорят с большею простотою и искренностью, чем другие, и полагают мудрость в жизни, а не в речах, относительно они как агнцы и овцы; между тем как те — в собственной предусмотрительности, как волки и лисицы; они как живущие в доме и видящие в окна небо, между тем как те — в собственной предусмотрительности, как обитающие в подвалах дома и видящие в свои окна лишь то, что под землею; тоже первые как стоящие на горе и видящие тех, которые в собственной предусмотрительности, блуждающими в долинах и лесах.

Поэтому можно видеть, что предусмотрительность не собственная есть предусмотрительностью по Господу, подобно по видимости, во внешних, собственной предусмотрительности, но во внутренних совершенно различно; во внутренних предусмотрительность не собственная представляется в Мире духовном как человек, и собственная предусмотрительность представляется подобием человека, кажущимся, что имеет жизнь лишь оттого, что те, которые в этой предусмотрительности, обладают, тем не менее, рациональностью и свободой, или способностями понимать и желать и, следовательно, говорить и действовать и через эти две способности могут представляться людьми; если они такими подобиями, то потому, что зло и ложь не живут, но живут лишь добро и истина, а так как, по своей рациональности, они это знают — ибо не зная этого они бы не притворялись добрыми и правдивыми, — то они обладают человеческою жизненностью в своем подобии.

Кто не может познать, что каков человек внутренне, таким он и есть? Следовательно, тот, кто внутренне таков, каким он желает быть видим внешне, есть человеком; а тот, кто человек внешне, а не внутренне, есть человеческим подобием; мысли о Боге, о религии, о справедливости, об искренности так, как говоришь о них, и ты будешь человеком, и тогда Божественное Провидение будет твоею предусмотрительностью, и ты увидишь у другого, что собственная предусмотрительность — безумие.

312. II. Человек, по собственной предусмотрительности, убеждается и подтверждает в себе, что всякое добро и всякая истина — от него и в нем, и то же самое со всяким злом и со всякой ложью. Доказательство будет проведено через аналогию между добром и истиною природными и добром и истиною духовными. Спрашивается: что такое истина и добро в зрении глаза?

Разве истина не то, что называется прекрасным, и добро не то, что называется удовольствием? В самом деле, чувствуется удовольствие при виде прекрасных предметов.

Спрашивается, что такое истина и добро в слухе? Не есть ли истина в нем тем, что называют гармоничным, а добро тем, что называют наслаждением? В самом деле, чувствуется наслаждение при слушании гармоничных звуков. То же самое с другими чувствами. Из этого ясно видно, что такое истина и добро природные.

Рассмотрим теперь, что такое истина и добро духовные. Разве истина духовная есть что-либо иное, как не красота и гармония вещей и предметов духовных? И разве добро духовное не есть удовольствием и наслаждением от сознания их красоты и гармонии?

Посмотрим теперь, можно ли сказать об одном иное, чем о другом, или о духовном иное, чем о природном. О природном говорят, что красота и удовольствие в зрении наитствуют от предметов, и что гармония и наслаждение в слухе наитствуют от инструментов.

Разве иначе в органических субстанциях духа? О них говорят, что красота и удовольствие, гармония и наслаждение в них; о глазе же и ухе говорят что-то же самое наитствует в них. Но если спросят, почему наитствует, нельзя ничего ответить, кроме того, что представляется расстояние (между органом чувства и объектом).

А если спросят, почему в другом случае он в них, то ничего иного не ответят, как то, что не представляется расстояние. Следовательно, от видимости расстояния мыслят о том, что человек думает и сознает иначе, чем о том, что он видит и слышит.

Но это не выдерживает, когда известно, что духовное — не в расстоянии, как природное в нем. Подумай о солнце и о луне, или о Риме и Константинополе; разве в мысли они на расстоянии, если только мысли не придан опыт, приобретенный зрением и слухом? Почему же ты убеждаешь себя — оттого лишь, что расстояние не представляется в мысли, — что добро и истина, а также зло и ложь — в ней, а не наитствуют. Прибавлю к этому эксперимент, весьма обычный в духовном Мире. Дух может внушить свои мысли и свои чувства другому духу, и тот не знает ничего иного, как только то, что эти мысли и эти чувства — его собственные мысли и чувства.

Это там называют мыслить по-другому или мыслить в другом; я видел этот опыт тысячу раз и сам его производил сотни раз, а между тем была значительная видимость расстояния; но лишь только духи узнавали, что другой внушил эти мысли и эти чувства, как они негодовали и отворачивались, однако признавая, что расстояние не представляется во внутреннем зрении или мысли (разве только оно открыто), как представляется в зрении внешнем или глазе, из чего заключается, что есть наитие.

К этому опыту прибавлю другой, для меня обыденный: дурные духи очень часто пускали в мысль мою зло и ложь, которые мне казались от меня и во мне, как будто бы я сам их мыслил; но зная, что это зло и ложь, я разыскивал, кто их пускал; те были открыты и обращены в бегство; были же они на значительном расстоянии от меня.

Из этого можно видеть, что всякое зло со своею ложью наитствует из ада, и всякое добро со своею истиною наитствует от Господа, и что-то и другое представляется как бы в человеке.

313. Каковы те, которые в собственной предусмотрительности и каковы те, которые в предусмотрительности не собственной и затем в

Божественном Провидении, описано в Слове, Адамом и его супругою Евою в Эдемском саду, где были два древа, одно жизни, другое познания добра и зла, и их вкушением от древа жизни. Что под Адамом и Евою, супругою его, во внутреннем или духовном смысле разумеется и описана Древнейшая Церковь Господня на земле, Церковь более благороднейшая и небесная, чем все последующие, видно выше **(241**).

Другие предметы имеют следующие значения: Эдемским садом означается мудрость людей этой Церкви, древом жизни — Господь, относительно Божественного Провидения; а древом познания — человек, относительно собственной предусмотрительности: змием — чувственное и собственное человека, которое в себе есть себялюбием и гордынею собственного мудрствования, таким образом дьяволом и сатаною, вкушением от древа познания — присвоение добра и истины, как если бы добро и истина были от человека, а не от Господа, и затем, как если бы они принадлежали человеку, а не Господу; а так как добро и истина суть Божественными в себе у человека, ибо под добром разумеется, все любови и под истиною все мудрости, то если человек их присваивает как свои, он не иначе, как себя принимает за Бога; посему змий говорит:

"В тот день, как вкусите вы, откроются глаза ваши, и вы будете как Бог, познав добро и зло" (**Бытие, III, 5**). Так и делают те, кто в любви к себе и в гордости собственного умствования в аду; осуждением змия означается осуждение собственной любви и собственного умствования; осуждением Евы — осуждение собственной воли, осуждением Адама — осуждение собственного умствования; волчцем и тернием, которое произведет земля, вполне означается зло и ложь; изгнанием из вертограда — полное лишение мудрости; охранением пути, ведущего к древу жизни, — надзирание

Господа, дабы святости Слова и Церкви не были нарушены; фиговыми листьями, которыми они прикрыли свою наготу, означаются истины благопристойности, которыми прикрывается присущее их любви и гордости, и кожаными туниками, которыми они затем оделись, — видимости истин, в которых одних они. Это духовное означение тех вещей. Желающий остаться в буквальном смысле пусть остается, но да ведает он, что этот смысл так разумеется в небе.

314. Каковы ослепленные собственным умствованием, можно видеть по произведениям их воображения относительно предметов внутреннего суждения, например, относительно Наития, Мысли и Жизни. Относительно Наития они думают обратное тому, как есть, что зрение глаза наитствует во внутреннее зрение духа, которое есть разумением, и слух уха наитствует в слух внутренний, который есть тоже разумением; и они не сознают, что разумение, по воле, наитствует в глаз и в ухо и не только творит это внешнее чувство, но даже пользуется им, как орудием, в природном мире; но так как это не по видимости, то они оного не сознают; и если говорят, что природное не наитствует в духовное, но что духовное наитствует в природное, то они мыслят:

"Что такое духовное, как не более чистое природное?"

Затем: "Разве не представляется, что когда глаз видит какой-нибудь прекрасный предмет, и когда ухо слышит какой-либо гармоничный звук, то дух, который есть разумением и волей, наслаждается?"

Они не знают, что глаз не видит сам собою, язык не вкушает сам собою, ноздри не обоняют сами собою и кожа не ощущает сама собою, но что духовное начало, или дух человека, сознает все это внешними чувствами и этим аффектируется, по качеству этих чувств; тем не менее, духовное начало, или дух человека, ощущает это не по себе, но по Господу; иначе мыслить — это мыслить по видимости, а если видимости подтверждены — то по иллюзиям.

Относительно Мысли они говорят, что это что-то, определившееся в воздухе, меняющееся, смотря по предметам, и усиливающееся от обработки; что, таким родом, идеи мысли суть образами, как метеоры, показывающиеся в воздухе, а память — скрижаль, на которой начертаны они; они не знают, что мысли суть точно так же в субстанциях чисто органических, как зрение и слух в своих.

Если они рассмотрят мозг, то увидят его наполненными такими субстанциями; порань эти субстанции, и ты впадешь в бред, уничтожь их, и ты умрешь; но что такое мысль и что такое память, можно увидеть выше (**279**), в конце.

Относительно Жизни, они не знают ничего иного, как то, что это некоторая деятельность природы, дающая ощущать себя различными способами, смотря по тому, как живущее тело органически движимо; если скажут, что, следовательно, природа живет, то они отрицают, но приводят, что она заставляет жить; если же скажут:

"Разве жизнь рассеивается, когда тело умирает?",

— они отвечают, что жизнь остается в частице воздуха, называемой душой. Если скажут:

"Что же тогда Бог? Разве Он не есть самою жизнию?"

На этот вопрос они молчат и не хотят объявлять, что думают.

Если скажут:

"Не желаете ли вы, чтобы Божественная Любовь и Божественная Истина были самою жизнию?",

— они отвечают: "Что такое любовь и что такое истина?"

Ибо, в своих иллюзиях, не видят, ни что такое любовь, ни что такое истина, ни что такое Бог.

Эти рассуждения были приведены, дабы видно было, что человек ослепляется собственным умствованием, оттого что во всем видит заключения по видимостям, и затем по иллюзиям.

316. Если собственная предусмотрительность убеждает и подтверждает, что всякое добро и всякая истина — от человека и в человеке, то потому, что собственная предусмотрительность есть собственною интеллектуальностью человека, наитствуемой любовью к себе, которая есть собственною волею человека; а собственное может лишь ставить все своим, ибо оно не может быть поднято человеком. Все, ведомые Божественным Провидением Господа, поднимаются над собственным, и тогда они видят, что всякое добро и всякая истина — от Господа, и даже видят, что то, что в человеке от Господа, поднимается над собственным, и тогда они видят, что всякое добро и всякая истина от Господа, и даже видят, что то, что в человеке от Господа, принадлежит незримо Господу и никогда человеку.

Мыслящий иначе есть как имеющий на сохранении добро своего господина и требующий и присваивающий его себе, как свое; и он не управитель есть, а вор; а так как собственное человека — одно зло, то поэтому он погружает добро это в зло свое, которым уничтожается оно, как жемчуг, брошенный в навоз или растворенный в уксусе.

317.III. Все, в чем человек убедил себя, и в чем он утвердился, остается как собственное у него. Многие думают, что никакая истина не может быть видима человеком иначе, как в подтверждении, но это ложь.

В гражданских и экономических делах Государства, или Управления, нельзя увидеть полезного и хорошего, не зная нескольких уставов и предписаний; в судебных — не зная законов, в природных, как-то в физике, в химии, в анатомии, в механике и других, — не будучи обученным наукам, но в чисто рациональном, нравственном и духовном истины являются в собственном свете, если только человек, подходяще воспитанный, стал несколько рациональным, нравственным и духовным.

Причина в том, что, по духу своему, каждый есть то, что мыслит, каждый человек в мире духовном и среди тех, которые там; следовательно, в свете духовном, просвещающем внутренние его разумения, и так сказать внушающем; ибо свет духовный, по своей сущности, есть Божественною Истиною Божественной Мудрости Господней; отсюда человек может мыслить аналитически, заключать в суждениях о справедливости и честности, видеть благопристойность в жизни нравственной, добро в жизни духовной и также много истин, падающих во мрак от подтверждений лжи; человек это видит почти таким же родом, как видит он намерения другого по лицу его и сознает чувство по звуку голоса, без иной науки, кроме врожденной каждому.

Почему бы человеку не видеть по наитию внутренние жизни, которые суть духовные и нравственные, когда нет животного, которое не знало бы по наитию для него необходимого, которое природно?

Птица умеет лепить гнездо, класть в него яйца, вылуплять птенцов, знает их пищу, кроме многих других чудес, называемых инстинктом.

318. Но коль изменяется состояние человека от подтверждений и затем от убеждений, об этом будет сказано теперь в таком порядке:

1. Нет ничего, что не могло бы быть подтверждено, и ложь может быть подтверждена более, чем истина.

2. Когда ложь подтверждена, то истина не показывается, но от подтвержденной истины показывается ложь.

3. Способность подтверждать все желаемое не есть умом, но только изощренностью, которая может существовать даже у злых.

4. Есть подтверждение умственное и, в то же время, не волевое, но всякое подтверждение волевое есть тоже умственное.

5. Подтверждение зла волевое и, в то же время, умственное производит в человеке веру, что собственная предусмотрительность есть все, а Божественное Провидение — ничто, но не так относительно одного умственного подтверждения.

6. Все, подтвержденное волею и в то же время разумением, пребывает вечно, но не то, что подтверждено только разумением.

Во-первых.

Нет ничего, что не могло бы быть подтверждено, и ложь может быть подтверждена более, чем истина.

Чего нельзя подтвердить, если подтверждается атеистами, что Бог не есть Творцом вселенной, но что природа — творческая от себя; что Религия — лишь узда, и она для простаков и для черни; что человек есть как животное и умирает подобно ему; когда подтверждено, что позволительны прелюбодеяния, подобно им тайные хищения, обманы, коварные злоумышления, что лукавство есть умом, а злоба — мудростью? Кто не подтверждает ереси своей?

Нет ли томов, наполненных информациями в пользу двух ересей, царящих в христианском мире? Сочини десять ересей, даже непонятных, и скажи остроумному человеку подтвердить, их и он подтвердит их все.

Если затем ты их рассмотришь по подтверждениям, то не увидишь ли ложь как истину? Так как всякая ложь блестит в человеке природном от видимостей и от иллюзий в этом человеке, а истина блестит лишь в человеке духовном, то очевидно, что можно легче подтвердить ложь как истину. Дабы ведомо было, что всякая ложь и всякое зло могут быть подтверждены, так что ложь покажется как истина, а зло как добро, то вот тому пример, как можно подтвердить, что свет есть мрак, и что мрак есть свет. Разве нельзя сказать: "Что такое свет в себе?

Не иное ли он что, как некоторая видимость в глазу, соответственно его состоянию? Что такое свет, когда глаз закрыт? Летучие мыши и совы не с такими ли глазами, что видят свет как мрак, а мрак как свет?"

Я узнал о некоторых людях, что они видят таким же образом, и об адских обитателях, что хотя они во мраке, но тем не менее видят один другого. Разве нет света для человека в сновидении посреди ночи?

И так мрак не есть ли светом, а свет мраком? Но можно ответить: "Что это доказывает?

Свет есть светом, как истина есть истиною, а мрак есть мраком, как ложь есть ложью". Другой пример: подтвердить, что ворон бел. Не могут ли сказать; "Чернота его есть только тенью, которая недействительный его цвет; перья его белы внутри, так же, как и тело: это субстанции, из которых он состоит; так как чернота его есть тенью, то поэтому ворон белеет, становясь старым: видели таких. Что такое чернота в себе, как не белизна? Обрати в порошок черное стекло, и ты увидишь, что пыль бела; называя ворона черным, ты говоришь о тени, а не о действительности".

Но можно отвечать: "Что это доказывает?

Так можно сказать, что все птицы белы".

Хотя рассуждения эти противны здравому рассудку, но они приведены, дабы могли увидеть, что ложь, диаметрально противоположное истине, и зло, диаметрально противоположное добру, могут быть подтверждены.

Во-вторых.

Когда ложь подтверждена, то истина не показывается; но от подтверждений истины показывается ложь. Всякая ложь во мраке и всякая истина в свете; во мраке же ничто не показывается; даже более: неизвестно, что такое там, разве лишь ощупать; иначе в свете; потому в Слове ложь названа мраком, и о тех, кто во лжи, говорится, что они ходят во мраке и в тени смерти; и наоборот, истины названы светом, и затем о тех, кто в истине, говорится, что они ходят в свете и называются сынами света. Что когда ложь подтверждена, то истина не показывается, а от подтверждений истины показывается ложь, очевидно по многим соображениям; например: кто бы увидел какую-либо духовную истину, если бы Слово не поучало ей.

Разве не было бы глубокой темноты, способной быть рассеянной лишь светом, в котором Слово, и лишь у тех, кто хочет быть просвещен? Какой еретик может увидеть свою ложь, если не допустит реальной истины Церкви? Ранее не видит он ее.

Я беседовал с утвердившимися в вере, отделенной от милосердия, и когда их спросил:

"Разве не видели они в Слове многочисленных изречений о любви и милосердии, о делах и поступках, о соблюдении заповедей и сказанного, что человек счастливый и мудрый — тот, кто творит, а безумный — кто не творит?",

— они мне отвечали, что читали эти места, но в них не видели ничего, кроме веры, и таким образом пропустили их, как если бы глаза их были закрыты.

Утверждавшиеся во лжи подобны тем, кто видит на стене полосы и, по своей фантазии, в тени вечерней, из сочетания этих полос видит, как бы всадника или человеческое видение, рассеиваемое при свете дня.

Кто может чувствовать духовную нечистоту блуда, как не обретающийся в духовной чистоте целомудрия? Кто может чувствовать жестокость мести, как не тот, кто в добре, по любви к ближнему? Какой прелюбодей и какой алчущий мести не посмеется над именующими их удовольствия адскими удовольствиями, удовольствия же супружеской любви и любви к ближнему — небесными? И так с остальными.

В-третьих.

Способность подтверждать все желаемое не есть умом, но только изощренностью, могущею существовать даже у злых. Есть очень ловкие подтвердители, не знающие никакой истины и, тем не менее, могущие подтвердить истину и ложь. И некоторые из них говорят:

"Что такое истина? Существует ли она? То, что я ставлю истиною, не есть ли истина?"

И таких в мире всегда считают умными; между тем как они лишь перемазчики стен: умны лишь сознающие, что истина есть истиною, и подтверждающие это истинами, постоянно сознаваемыми; тех и других различить весьма трудно, так как нельзя различить света утверждения от света сознания истины, и кажется вполне, что те, кто в свете утверждения, суть тоже в свете сознания истины; когда, между тем, есть разница между светом химерным и светом настоящим, и свет химерный в мире духовном таков, что изменяется во мраке, при наитии действительного света; в аду есть подобный химерный свет у многих, которые не видят вовсе ничего, когда введены в свет настоящий.

Из этого очевидно, что способность подтверждать все желаемое есть только изощренностью, могущею существовать даже у злых.

В-четвертых.

Есть подтверждение умственное, и в то же время не волевое, но всякое подтверждение волевое есть тоже умственное. Подтверждающие веру, отдельную от милосердия, а между тем ведущие жизнь милосердия, и вообще все, подтверждающие *л*ожь учения, но не живущие по этой *л*жи, суть в подтверждении умственном, но не в волевом в то же время; но подтверждающие *л*ожь доктрины и живущие по этой *л*жи суть в подтверждении волевом, и в то же время в умственном; оттого, что разумение не наитствует в волю, но воля наитствует в разумение.

Из этого тоже видно, что такое *л*ожь зла и *л*ожь, которая не есть *л*ожью зла; эта *л*ожь может быть соединена с добром, но не первая, потому что *л*ожь, которая не есть *л*ожью зла, есть *л*ожь в разумении, но не в воле; а *л*ожь зла есть *л*ожью в разумении по злу в воле.

В-пятых.

Подтверждение зла волевое, и в то же время умственное, производит в человеке веру, что собственная предусмотрительность есть все, а Божественное Провидение — ничто, но не так относительно одного подтверждения умственного. Многие подтверждают в себе собственную предусмотрительность по видимостям в мире, но в то же время не отрицают Божественное Провидение; у них подтверждение только умственное, но у отрицающего Божественное Провидение подтверждение тоже волевое; и это подтверждение в связи с уверенностью, главным образом, у поклонников природы и у поклонников самих себя.

В-шестых.

На века остается все, подтвержденное волею, и в то же время разумением, но не то, что подтверждено одним разумением. В самом деле, принадлежащее одному разумению — не в человеке, но вне его; оно лишь в мысли, ничто же не входит в человека и не прививается ему, кроме того, что принято волею; ибо оное становится принадлежностью любви его жизни; что оное остается вечно — будет сказано в следующем номере.

319. Если все, подтвержденное волею, и в то же время разумением, остается вечно, то потому, что каждый есть своя любовь, и любовь его принадлежит его воле; затем также потому, что каждый человек есть своим добром и своим злом, ибо называется добром все, что принадлежит любви, и злом — что ей противно. Так как человек есть своею любовью, он также есть и формою своей любви, и может быть назван органом Любви своей жизни.

Выше (**279**) было сказано, что чувства любви и затем мысли человека суть изменениями и вариациями состояния и формы органических субстанций его духа; теперь будет сказано, что такое эти изменения и вариации и каковы они; о них можно иметь представление по Сердцу и Легкому, в том, что происходят попеременные растяжения и сжимания, или расширения и сокращения, которые в сердце называются систолою и диастолою, а в легком дыханием; они суть растяжением и стягиванием, или расширением и суживанием его долей: в том изменения и вариации состояния сердца и легкого; подобные тому в других черевах, и им подобные в частях их, которыми кровь и животный сок принимаются и отталкиваются.

То же самое в органических формах духа, которые суть субъектами чувств и мыслей человека, как было показано выше, с тою разницею, что их растяжения и сжимания, или взаимодействия, суть относительно в совершенстве, настолько высшем, что не могут быть выражены словами природного языка, но лишь словами языка духовного, которые возможно передать, сказав лишь, что это внутрь и обратно коловращения по способу непрерывного и неизменного винта, дивно переплетенные в воспринимательных формах жизни.

Теперь сказано будет, каковы эти субстанции и эти формы чисто органические у злых и каковы у добрых; у добрых они вперед спиралью, а у злых обратно; те, которые спиралью вперед, обращены к Господу и принимают от него наитие, но те, которые спиралью назад, обращены к аду и не принимают наития: надобно знать, что чем более они обращены назад, тем более открыты сзади и закрыты спереди; и наоборот, насколько обращены они вперед, настолько открыты спереди и закрыты сзади.

Поэтому можно видеть, какова форма, или каков орган у злого человека и какова форма и каков орган у человека доброго, и что они обращены в обратные стороны; а так как направление, однажды принятое, не может быть превращено, то очевидно, что в каком направлении человек умрет, в том он остается в вечность; любовь воли человека производит это направление, ибо, как было сказано, каждый человек есть своею любовью; от этого происходит, что каждый, после смерти, следует по пути своей любви: к небу — тот, кто в доброй любви, и к аду — тот, кто в дурной любви и успокаивается лишь в обществе, где его любовь царит; и что удивительно, каждый знает путь, как бы чуял его ноздрями.

320.IV. Если бы человек верил — так как это истина — что всякое добро и всякая истина от Господа, и всякое зло и всякая ложь от ада, то он бы не присваивал себе добра и не вменял бы его в заслугу, и не присваивал бы зла и не ставил бы себя в нем ответственным. Но так как эти предложения противны верованию подтвердивших в себе ту видимость, что мудрость и предусмотрительность — от человека и не наитствуют, согласно организации его духа (**см. выше, 319**), то они будут доказаны, и для отчетливости в таком порядке:

1. Подтверждающий в себе видимость, что мудрость и предусмотрительность — от человека и затем как в нем принадлежащие ему, может только видеть, что если бы было иначе, то он бы не был человеком, но был бы животным или статуей, а между тем это наоборот.

2. Верить и мыслить — так как это истина, — что всякое добро и всякая истина от Господа, а всякое зло и всякая ложь от ада, представляется невозможным, а между тем это поистине человечно и затем ангельское.

3. Верить и мыслить так невозможно для не признающих Божественности Господа и не признающих, что зло есть грехами; но возможно для признающих эти два пункта.

4. Признающие эти два пункта размышляют только о зле; которое в них, и отгоняют его от себя в аду, откуда идет оно, насколько избегают его и отвращаются от него как от греха.

5. Таким образом, Божественное Провидение никому не присваивает зла и никому добра, но собственная предусмотрительность присваивает то и другое.

321. Но эти предложения будут пояснены в данном порядке.

Во-первых.

Подтверждающий в себе видимость, что мудрость и предусмотрительность — от человека и затем как принадлежащие в нем ему, может лишь видеть, что если бы было иначе, то он бы не был человеком, но был бы животным или статуей, а между тем это наоборот.

Закон Божественного Провидения, дабы человек мыслил, как бы сам собою, но тем не менее бы признавал, что-то по Господу; из сего следует, что думающий и поступающий благоразумно, как бы сам собою, и признающий в то же время, что-то по Господу, есть человеком, но не тот, кто подтвердил в себе, что думает и действует сам собою, и не тот, кто, зная, что мудрость и предусмотрительность от Бога, ждет постоянно наития, ибо этот становится как бы статуей, а тот животным; что ожидающий наития становится как бы статуей, очевидно по тому, что ему надобно стоять или сидеть неподвижно, с опущенными руками, с открытыми или закрытыми глазами, без малейшего движения, не думая, не дыша.

Какая же в нем жизнь тогда? Что верующий, что все, что он мыслит и делает, — от него, не различается от животного, тоже очевидно; ибо он думает лишь по духу природному, общему человеку и животным, а не по духу рационально духовному, который есть духом истинно человечьим, так как дух этот признает, что один Бог мыслит Сам по Себе, а человек мыслит по Богу; поэтому такой человек не знает другой разницы между человеком и животным, кроме той, что человек говорит, а животное издает звуки, и полагает, что тот и другое умирают одинаково.

Будет еще нечто сказано о признающих наитие: они не получают никакого наития, кроме желающих того от всего сердца; те иногда получают ответ в живом сознании мысли или сокровенно, немою речью в ней, но редко явственно речью, и это для того, чтоб они мыслили и поступали, как желают и как могут, и чтобы поступающий разумно был разумен, а поступающий безумно был безумен; и никогда не поучаемы они тому, во что должны верить и что должны делать; для того, чтобы рациональность и свобода человеческая, состоящая в том, чтобы каждый поступал в свободе по рассудку, во всей видимости как бы сам собою, не погибали.

Научаемые по наитию тому, во что они должны верить и что должны делать, научаемы не Господом и ни одним ангелом небесным, а каким-либо исступленным духом, Квакером или Гернгутом, и они соблазняемы. Всякое наитие от Господа совершается просветлением в разумении и любовью истины, и через последнюю в первое.

Во-вторых.

Верить и мыслить — так как это истина, — что всякое добро и всякая истина от Господа, и всякое зло и всякая ложь от ада, представляется невозможным, а между тем это истинно человечное и затем ангельское.

Верить и мыслить, что всякое добро и всякая истина от Бога, представляется возможным, лишь бы только не сказать ничего сверх того; потому что оное согласно с теологией, против которой не дозволено мыслить; но верить, что всякое зло и всякая ложь — от ада, представляется невозможным, потому что, в таком случае, это было бы верить, что человек не может мыслить; но все же человек мыслит, как бы сам собою, хотя это по аду, потому что каждому даровано Господом то, что мысль, откуда бы она не исходила, в нем представляется как его; иначе человек не жил бы человеком, не мог бы выведен быть из ада и введен в небо, то есть, быть преобразован, что многократно выше показано.

Для этого даже Господь дает человеку знать и, следовательно, мыслить, что он в аду, если мыслит по злу, и дает ему также мыслить о средствах выйти из ада и не мыслить по адскому, но войти в небо и мыслить по Господу и, наконец, дает человеку свободу выбора.

Из этого можно видеть, что человек может мыслить зло и ложь как бы сам собою, и тоже мыслить, что-то или другое есть зло и ложь, следовательно, только видимость, что он мыслит сам собою, видимость, без которой человек бы не был человеком.

Самое человечное и затем ангельское — это мыслить по истине, а именно: что человек не мыслит сам собою, но что ему даровано Господом мыслить по всей видимости, как бы сам собою.

В-третьих.

Верить и мыслить так невозможно для непризнающих Божественности Господа и того, что зло есть грехом, но возможно для признающих эти два пункта. Если это невозможно для непризнающих Божественности Господа, то потому, что один Господь дарует человеку мыслить и желать, и не признающие Божественности Господа, будучи разделены с Ним, верят, что мыслят сами собою; если невозможно это тоже для непризнающих зла грехом, то потому, что они мыслят по аду, а там каждый воображает, что мыслит сам собою. Но что это возможно признающим два эти пункта — видно по изложенному с долгими подробностями выше (**288-294**).

В-четвертых.

Признающие эти два пункта размышляют лишь о зле, которое в них, и отгоняют его от себя в ад, откуда оно, насколько избегают они его и отвращаются от него как от грехов. Кто не знает или не может знать, что зло от ада, а добро от неба?

И кто затем не может знать, что насколько кто-либо избегает зла и отвращается от него, настолько он избегает и отвращается от ада? И кто затем не может знать, что насколько кто-либо избегает и отвращается от зла, настолько он желает и любит добро и, следовательно, выводится из ада Господом и вводится в небо?

Все это рациональный человек может видеть, лишь бы знал он, что есть ад и небо, и что зло своего происхождения, а добро — своего; если же человек размышляет о зле, которое в нем, а это то же самое, что исследовать себя, и если избегает его, то отрешается от ада, и отбрасывает его позади себя, и вступает в небо, и лицезреет Господа; говорится, что человек это делает, но он не делает сам собою, а по Господу, Когда человек от доброго сердца и благочестивой веры признает эту истину, то эта истина внутренне тогда сокрыта во всем, что он затем мыслит и творит, как бы сам собою, так же, как в семени производительная сила, сопровождающая внутренние его до нового семени, и как удовольствие склонности к пище, раз человек признал ее полезной, словом, как сердце и душа во всем, что он мыслит и творит.

В-пятых.

Таким образом, Божественное Провидение не присваивает никому зла и никому добра; но собственная предусмотрительность присваивает то и другое. Это следствие всего сказанного: цель Божественного Провидения есть добро, оно во всех действиях направляется к добру, поэтому никому не присваивает добра, ибо таким образом добро вменялось бы в заслугу; и никому не присваивает зла, ибо таким образом это соделает человека виновным во зле; однако человек творит то и другое по собственному, ибо собственное есть одно зло; собственное воли есть любовь, а собственное разумения есть гордость собственного умствования, отсюда собственная предусмотрительность.

Глава двенадцатая

ВСЯКИЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ БЫТЬ ПРЕОБРАЗОВАН, И НЕТ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ

322. Здравый рассудок говорит, что все предназначены к небу и никто к аду, ибо все родились людьми и затем в себе образом Божьим; образ Божий в них в том, что они могут понимать истину и могут творить добро; способность понимать истину — от Божественной Мудрости, а способность творить добро — от Божественной Любви; эта возможность есть образ Божий, который остается в человеке, здоровом духом, и не искореняется из него; отсюда явствует, что человек может стать гражданским и нравственным, а тот, кто гражданствен и нравственен, может стать духовным; ибо гражданственное и нравственное есть приемником духовного; гражданственным называется человек, знающий законы государства, в котором он гражданином, и живущий по этим законам; а нравственным называется человек, который ставит эти законы нравами для себя и добродетелями и согласует с ними свою жизнь.

Теперь я скажу, каким родом жизнь гражданственная и нравственная есть приемником жизни духовной: живи по этим законам, не только как по законам гражданственным и нравственным, но также как по Божественным законам, и ты будешь человеком духовным. Едва ли есть народ, каким бы варварским он ни был, который бы не освящал законами, что не должно убивать, ни прелюбодействовать с женою другого, ни красть, ни лжесвидетельствовать, ни нарушать прав другого; человек гражданственный и нравственный соблюдает эти законы, дабы показаться добрым гражданином, но если не считает он эти законы Божественными, то он лишь только человек гражданственный и нравственный природный; считая же их за

Божественные, он становится человеком гражданственным и нравственным духовным; разница в том, что он не только добрый гражданин земного царства, но добрый гражданин небесного царства: добро, творимое ими, различает их; добро, творимое людьми гражданственными и нравственными природными, не есть добром в себе, ибо человек и мир в этом добре; добро, творимое людьми гражданственными и нравственными духовными, есть добром в себе, потому что Господь и небо в этом добре.

Из этого можно видеть, что каждый человек, рождаясь могущим стать человеком гражданственным и нравственным природным, рождается тоже в возможности стать человеком гражданственным и нравственным духовным; достаточно, чтобы он признавал Бога, не творил бы зла, потому что оно против Бога, а творил добро, потому что оно с Богом; от этого дух входит в гражданственное и нравственное человека, и оные живут, но без того нет духа в них, и оные не живут; поэтому человек природный, как бы гражданственно и нравственно не поступал, называется мертвым, между тем как человек духовный называется живым.

По Божественному Провидению Господа, каждый народ имеет какую-либо религию, и главным пунктом всякой религии есть признание, что есть Бог; ибо иначе это не называлось бы религией; и всякий народ, живущий по религии, то есть не делающий зла, потому что зло против Бога, получает некоторое духовное в природное свое.

Кто, услыша язычника, говорящего, что он не хочет делать того или другого зла, потому что зло против Бога, не скажет в себе:

"Разве человек этот не будет спасен? Мне кажется, что не может быть иначе".

Здравый рассудок внушает это. И с другой стороны кто, услыша, что христианин говорит: "Я считаю за ничто такое или другое зло, что мне до мнения, что оно против Бога", — не скажет в самом себе:

"Разве этот человек будет спасен?"

Мне кажется, что невозможно; здравый рассудок тоже внушает это. Если такой человек говорит:

"Я родился христианином, я крещен, знаю Господа, читал Слово, приступал к таинству Евхаристии",

— значит ли это что-нибудь, если он не считает грехами убийства, смертоносного мщения, прелюбодеяния, лжесвидетельства или лжи и различных насилий? Мыслит ли такой человек о Боге или о какой-либо жизни вечной? Мыслит ли он даже, что есть Бог и жизнь вечная?

Здравый рассудок не внушает ли, что такой человек не может быть спасен? Это сказано о христианине, потому что язычник более христиански мыслит о Боге по религии, в жизни своей.

Но в последующем сказано будет подробнее об этом предмете, и в таком порядке:

I. Цель сотворения есть Небо, произведенное из Рода Человеческого.

II. Затем от Божественного Провидения дабы всякий человек мог быть спасен, и были спасены все, признающие Бога и живущие хорошо.

III. Вина самого человека, если он не спасен.

IV. Таким образом все предназначены к небу, и никто к аду.

323.I. Цель сотворения есть Небо, произведенное из Рода Человеческого. Что небо состоит лишь из родившихся людьми, было показано в Трактате О Небе и об Аде, изданном в Лондоне в 1758 г., а также выше; а так как небо не состоит из иных, то явствует, что цель создания есть небо, произведенное из рода человеческого. Что такое цель создания, было, правда, показано выше (**27-45**), но оное увидят еще яснее по объяснению следующих предложений:

1. Всякий человек был создан, дабы жить вечно.

2. Всякий человек был создан, дабы жить вечно в счастливом состоянии.

3. Таким образом, всякий человек был создан, дабы вступить в небо.

4. Божественная Любовь не может иначе, как желать этого, и Божественная Мудрость иначе, как способствовать Промыслами к этому. Так как из этих объяснений можно видеть, что Божественное Провидение есть лишь предназначением к небу, и что не может быть изменено оно в другое предназначение, то будет здесь показано, что цель сотворения есть Небо, происходящее от Рода Человеческого, и это в данном порядке.

Во-первых.

Всякий человек был создан, дабы жить вечно. В Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости (**части III и V**) было показано, что в человеке три степени жизни, именуемые природною, духовною и небесною, и что эти степени актуальны в каждом человеке; у животных же одна степень жизни, которая, будучи подобна последней степени в человеке, именуется природною; из того следует, что человек, по воздвижению своей жизни к Господу, обретается сверх того, как у животных, в таком состоянии, что может понимать присущее Божественной Мудрости и желать присущее Божественной Любви, таким образом принимать Божественное; а принимающий Божественное, до того, что видит и сознает его в себе, не может быть иначе, как только в сочетании с Господом, и по этому сочетанию жить вечно.

К чему бы послужило Господу все творение Вселенной, если бы Он не создал образов и подобий Самого Себя, которым бы мог сообщить свое Божественное! Иначе, что бы это было, как не устроение, дабы такая-то вещь была и не была бы, или дабы такая-то вещь существовала и не существовала бы, и без иной цели, кроме возможности издали рассматривать чистейшие превратности и постоянные изменяемости, как на каком-либо театре.

Что бы сталось с Божественным в этих образах и подобиях, если бы они существовали не ради цели служить субъектами, воспринимающими Божественное ближе, видящими и ощущающими его? А так как Божественное неисчерпаемой славы, то было бы удержано, и могло бы удержать оно это в себе одном?

Ибо любовь желает сообщать свое другому, и даже давать от своего, сколько может, тем более Божественная Любовь, которая Бесконечна. Может ли она дать и потом отнять? Дать то, что должно погибнуть, — не есть ли это дать то, что внутренне в себе не есть чем-либо, так как оно, погибая, становится ничем, и в нем нет того, что Есть.

Но она дает то, что Есть и не перестает Быть, а это вечное. Дабы всякий человек жил вечно, от него отнимается то, что есть смертного в нем; смертное в нем — материальное тело, которое отрешается смертию; таким родом обнажается бессмертное, которое есть его духовным началом, и он становится духом в форме человеческой; его духовное начало есть этим духом. Что дух человеческий не может умереть, то видели древние мудрецы, ибо они говорили:

"Как может душа (animus), или дух, умереть, если он может быть разумен?"

Не многие теперь ведают внутреннюю идею этих философов о данном пункте; эта идея, ниспадавшая в их общее сознание от неба, была в том, что Бог есть самою мудростию, которой приобщается человек, и что Бог бессмертен и вечен.

Так как мне дано было говорить с Ангелами, то я скажу тоже нечто по опыту. Я беседовал с жившими много веков тому назад, с существовавшими до потопа, с жившими во время Господа и одного из его апостолов, с жившими в последующие века, и все они мне представлялись людьми среднего возраста и говорили мне, что они не знают, что такое смерть, и только знают, что это — осуждение. Все, жившие хорошо, вступая в небо, возвращаются к юности своей мирской жизни и в ней остаются вечно, даже достигшие в миру старости и дряхлости, а женщины, хотя бы старые и дряхлые, вступают в расцвет возраста и красоты.

Что человек по смерти живет вечно, весьма очевидно по Слову, где жизнь в Небе названа жизнию вечною (так сказано **в Матф. XIX, 29, XXV, 46; Марк, X, 17; Лука, X, 25, XVIII, 30; Иоанн, III, 15, 16, 36; V, 24, 25, 39; VI, 27, 40, 68; XII, 50); затем также просто Жизнию (Матф. XVIII, 8, 9; Иоанн, V, 40; XX, 31)**.

Господь также сказал своим ученикам: "Я живу, и вы жить будете" (**Иоанн, XIV, 19**) и по предмету воскресения, что "Бог есть Бог живых, а не Бог мертвых"; и также, что они не могут умереть (**Лука, XX, 36, 38**).

Во-вторых.

Всякий человек был создан, дабы жить вечно в счастливом состоянии. Это последовательно, ибо желающий, чтобы человек жил вечно, желает также, чтобы он жил в счастливом состоянии. Что такое вечная жизнь без этого состояния? Всякая любовь желает добра другому: любовь родительская желает добра детям; любовь жениха и мужа желает добра невесте или супруге, и любовь дружеская желает добра друзьям.

Тем более того же желала Любовь Божественная! А что такое добро, как не приятное, и что такое Божественное добро, как не вечное блаженство? Всякое добро называется добром по приятности или блаженству этого добра; называется, правда, добром то, что дается и чем обладают, но если в том нет удовольствия, то оное — бесплодное добро; из этих объяснений очевидно, что вечная жизнь есть также вечное блаженство.

Такое состояние человека есть целью творения, но, если в этом состоянии одни вступающие в небо — вина не Господа, но человека; что в том вина человека, увидится из последующего.

В-третьих.

Таким образом, всякий человек был создан, дабы войти в небо. В том цель творения; но если входят в небо не все, то потому, что насыщаются адскими удовольствиями, противоположными небесному блаженству; и не обретающиеся в небесном блаженстве не могут войти в небо, ибо не могут выносить его.

Не отказывается кому бы то ни было из пришедших в мир духовный взойти на небо, но, когда тот, кто в адском удовольствии, входит в небо, его сердце замирает, дыхание затрудняется, жизнь начинает угасать, он задыхается, он в муке и крутится как змея, придвинутая к огню; так оно, потому, что противоположное действует на противоположное.

Тем не менее, родясь человеком, и потому в способности мыслить и желать и затем в способности говорить и действовать, они не могут умереть; но не будучи в возможности жить с иными, кроме тех, которые в подобном удовольствии жизни, они и посылаются к ним; следовательно, обретающиеся в удовольствии зла и обретающиеся в удовольствии добра посылаются соответственно к себе подобным; даже каждому дано быть в удовольствии своего зла, лишь бы только он не наваждал тех, кто в удовольствии добра; но так как зло не может не наваждать добро, ибо в зле есть ненависть к добру, для этого, дабы не причинял ущерба, они удалены и ввергнуты в свои места в аду, где удовольствие их изменяется в неудовольствие.

Но оное не мешает тому, дабы по созданию, и затем по рождению, человек не был таков, чтобы не мог войти в небо; ибо кто умирает ребенком - идет в небо, воспитывается там и обучается, как человек в миру; и по чувству любви к добру и к истине он наполняется мудростью и становится ангелом; то же самое могло быть с человеком, воспитанным и обучаемым в мире; ибо в нем способность та же, как и в ребенке; о детях в Мире духовном смотрите в Трактате О Небе и об Аде, изданном в Лондоне в 1758 г. (**329-345**).

Если оное не так для весьма многих в Мире, то потому, что они любят первую степень жизни своей, называемую природною, и не желают отрешиться от нее и стать духовными; рассмотренная же в себе, первая степень жизнь любит лишь себя и мир, ибо оное в связи с чувствами телесными, принадлежащими тоже миру; но рассмотренная в себе духовная степень жизни любит Господа и небо, любит тоже себя самое и мир, но Бога и небо, — как высшее, главное и преобладающее, себя же и мир — как низшее, орудийное и служащее.

В-четвертых.

Божественная *Любовь* не может иначе, как желать этого, и Божественная Мудрость иначе, как способствовать этому. Что Божественною Сущностью есть Божественная *Любовь* и Божественная Мудрость, было вполне доказано в Трактате О Божественной *Любви* и Божественной Мудрости; было тоже доказано (**358-370**), что во всяком человеческом зародыше Господь образует два приемника: один для Божественной *Любви*, другой для Божественной Мудрости; приемник Божественной *Любви* — для будущей воли человека и приемник Божественной Мудрости — для его будущего разумения; и, таким образом, Он вложил в каждого человека способность желать добро и способность понимать истину.

Теперь, так как по рождению человек имеет эти две способности, дарованные ему Господом, и Господь в них как в Ему принадлежащем человеке, то очевидно, что Божественная *Любовь* не может иначе, как желать, чтобы человек вошел в небо, и там наслаждался вечным блаженством, а Божественная Мудрость иначе не может, как способствовать этому.

Но так как от Божественной *Любви* Господа, дабы человек ощущал в себе небесное счастие как свое, и оное возможно лишь только, если человек удержится во всей видимости, и что он мыслит, желает, говорит и действует сам собою, то Господь, по этому самому, может лишь вести человека по законам Своего Божественного Провидения.

325. II. Затем от Божественного Провидения, дабы всякий человек был спасен, и были спасены признающие Бога и живущие хорошо. Что всякий человек может быть спасен, очевидно по тому, что было показано выше.

Некоторые в том мнении, что Церковь Господня лишь в Христианском мире, потому что там только ведают Господа и только там есть Слово; между тем, там много таких, которые верят, что Церковь Божия — общая, или разошедшаяся и распространенная на всем земном шаре; таким образом даже у тех, которые не знают Господа и не имеют Его Слова, они говорят, что это не тех вина, что для тех неведение непреодолимо, и что противно Любви и Благости Божией, дабы некоторые люди родились для ада, когда, между тем, они одинаково суть людьми.

Теперь, так как у христиан, если не у всех, то у большого числа, есть верование, что Церковь общая — и даже названа она Общением, — то явствует, что весьма общие предметы Церкви входят во все религии и составляют это Общение; что эти общие предметы суть признание Бога и добро жизни, увидится в последующем порядке.

1. Признание Бога соделывает сочетание Бога с человеком и человека с Богом, отрицание же Бога соделывает разъединение.

2. Каждый признает Бога и сочетается с ним по добру своей жизни.

3. Добро жизни, или жить хорошо, — это избегать зла, потому что оно против религии и, таким образом, против Бога.

4. В этом общие пункты всех религий, по которым каждый может быть спасен.

326. Но эти предложения будут рассмотрены и доказаны отдельно

Во-первых.

Признание Бога соделывает сочетание Бога с человеком и человека с Богом, отрицание же Бога соделывает разъединение. Некоторые могут думать, что не признающие Бога могут быть также спасены, как и признающие, если только ведут пристойную жизнь; они говорят:

"Что производит признание? Не есть ли оно только мыслию? Не могу ли я легко признать, когда, наверное, узнаю, что есть Бог?

Я слышал о Нем, но я Его не видел; сделай, чтобы я Его увидел, и поверю я". Такую речь ведут очень многие из отрицающих Бога, когда им дозволено рассуждать с человеком, признающим Бога.

Но что признание Бога сочетает, а отрицание Бога разъединяет, будет пояснено некоторыми доводами, познанными мною в духовном Мире.

Там, когда кто-либо подумает о другом и пожелает с ним говорить, то сейчас тот другой присутствует; там это обще и не бывает иначе; причина в том, что в Мире духовном нет расстояния, как в Мире природном, но есть лишь видимость расстояния.

Другое то, что так как мысль, по некоторому знакомству с другим, производит присутствие, любовь, по некоторому чувству к другому, производит сочетание, отчего происходит то, что двое ходят вместе, дружески разговаривают, живут в одном доме или в одном обществе, сходятся часто и оказывают друг другу взаимные услуги.

Обратное тоже случается, когда один не любит другого, и еще более, когда ненавидит его, то он его не видит, нейдет к нему, и они тем отдаленнее, чем сильнее нелюбовь его или ненависть, и даже, если тот присутствует, а он припоминает ненависть свою, то становится невидим.

Из этих немногих примеров видеть можно, откуда присутствие и откуда сочетание в духовном Мире, то есть, что присутствие происходит от воспоминания о другом с желанием его увидеть, а сочетание от чувства, присущего любви.

Тоже самое со всем в человеческом духе, оное же бесчисленно, и сочетаемо, и совместно по чувствам, или по тому, как один любит другого.

Это сочетание есть сочетание духовное, подобное себе, как в общем, так и в частностях; сочетание это духовное берет свое начало от сочетания Господа с духовным Миром и с природным Миром, в общем и в частности; из этого очевидно, что насколько кто знает Господа и мыслит по знаниям о Нем, настолько Господь с Ним сочетается; и наоборот, насколько кто не знает Господа, настолько Господь отсутствует, и насколько кто Его отрицает, настолько он с Ним разъединен. Сочетание производит то, что Господь обращает лице человека к себе и тогда ведет его; поэтому все ангелы небесные обращают лице к Господу как Солнцу, и все духи адские отвращают лица свои от Господа.

Из этих объяснений ясно видно, что производит признание Бога, и что производит отрицание Бога. Отрицающие Бога в Мире, отрицают Его и после смерти, и они становятся организмами, по описанию выше (**319**), организация же, устроенная в Мире, остается вечно.

Во-вторых.

Каждый признает Бога и сочетается с Ним по добру своей жизни. Все, ведающие что-либо из религии, могут знать Бога, они также могут говорить о Боге по знанию или из памяти, и даже могут некоторые мыслить о Боге по разумению; но если человек не живет хорошо, это все производит лишь присутствие, ибо, тем не менее, он может отвращаться от Бога и обращаться к аду, что и бывает, когда он дурно живет. Но признавать Бога от сердца могут лишь живущие хорошо; Господь, по добру их жизни, их отвращает от ада и обращает к Себе, оттого, что только такие любят Бога, ибо любят Божественное, исходящие от Бога, творя их; Божественное, исходящее от Бога, суть заповеди закона Его; это Божественное суть Богом, потому что Он Сам есть исходящим Божественным Своим, и в том любовь к Богу; поэтому Господь говорит:

"Кто соблюдает заповеди Мои, тот Меня любит; но не соблюдающий заповеди Мои Меня не любит" (**Иоанн, XIV, 21, 24**).

По той причине две Скрижали Десятисловия: одна для Бога, а другая для человека; Господь постоянно действует, дабы человек принимал то, что в Скрижали Божией, но если человек не делает того, что в человеческой скрижали, то он не получает сердечного признания того, что в скрижали Божией, а не получая, он не соединен, посему эти две скрижали составляют одно и названы скрижалями Союза: союз означает соединение.

Каждый признает Бога и соединяется с Ним по добру своей жизни, оттого что добро жизни подобно добру, которое в Господе и, следовательно, которое от Господа; когда же человек в добре жизни, то сочетание соделывается. Обратное со злом жизни: это зло отвергает Господа.

В-третьих.

Добро жизни, или хорошо жить, — это избегать зол, потому что они против религии и, таким образом, против Бога. Что в оном добро жизни, или жить хорошо, было вполне доказано в Учении Жизни для Нового Иерусалима, от начала до конца. Вот что я только прибавлю: если ты делаешь добро во всем обилии, например, если строишь храмы, украшаешь их и наполняешь дарами, если принимаешь на себя расходы больниц и богаделен, если раздаешь ежедневно милостыню, если оказываешь помощь вдовам и сиротам, если правильно присутствуешь на богослужениях, если даже по поводу этих дел святых ты мыслишь, говоришь и проповедуешь как бы от сердца, а между тем не избегаешь зол как грехов против Бога, то все это добро не есть добром, оно лицемерно или заслуги ради, ибо в нем внутренне, тем не менее, зло, так как жизнь каждого во всех и в каждом из его дел.

Из этого очевидно, что избегать зол, оттого что они против религии, таким образом против Бога, — это жить хорошо.

В-четвертых.

В этом общее всех религий, через которые каждый может быть спасен. Признавать Бога и не делать зла из-за того, что оно против Бога, — два пункта, по которым религия есть религией; если одного недостает — нельзя сказать, что-то религия; ибо признавать Бога и делать зло — противоречиво; также делать добро, не признавая Бога; одно не может быть без другого. Приуготовлено было Промыслом Господним, дабы почти везде была религия, и дабы в каждой религии были эти два пункта; было тоже приуготовлено Господом, дабы кто признает Бога и не делает зла из-за того, что оно против Бога, — имеет место в Небе; ибо Небо, в полном составе, представляет подобие Человека, жизнию и душою которого есть Господь; в этом небесном Человеке есть все то, что и в человеке природном, с такою разницею, какая существует между небесными и природными.

Известно, что в человеке не только есть органы, состоящие из кровяных сосудов и нервных волокон, называемые черевами, но также кожа, перепонки, жилы, хрящи, кости, почки и зубы; эти части жизненны, но в меньшей степени, чем органы, которым они служат связками, покровами и подпорой; небесный Человек, который есть Небом, не может быть составлен из людей одной религии, но надобно, чтобы он был составлен из людей многих религий; от этого все, применяющие к своей жизни те два универсальные пункта Церкви, имеют место в Человеке небесном, то есть в Небе, и наслаждаются благополучием в своей степени; но об этом предмете большие подробности выше (**254**).

Что эти оба пункта — главные во всякой религии, можно видеть из того, что тому и другому пункту поучает Десятисловие; Десять Заповедей были началом Слова; они были вслух провозглашены Иеговой с высоты Синайской горы, и начертаны перстом Божиим на каменных Скрижалях, и, помещенные в Ковчег, именовались Иеговою, и составляли святое святых Скинии и святилища Иерусалимского Храма, и по ним одним все, что было в Ковчеге,

— свято было, не говоря о многом другом, касающемся Десятисловия, что было изложено, по Слову, в Учении Жизни для Нового Иерусалима (**53-61**). Прибавлю это: по Слову известно, что Ковчег, где находились две Скрижали, на которых начертаны были Десять Заповедей, был взят Филистимлянами и помещен в храм Дагона в Аскалоне, что Дагон пал на землю перед ним и затем голова его и обе руки, отделенные от туловища, найдены были распростертыми на пороге храма; что жители Аскалона и Екроныты в числе нескольких тысяч, были поражены наростами, по причине Ковчега, и их земля опустошилась крысами; затем также, что Филистимляне, по совету главенствующих из их народа, сделали пять наростов и пять крыс из золота, и новую колесницу, и на колесницу поместили Ковчег, а около него золотые наросты и крыс; и что двумя коровами, которые мычали перед колесницею на пути, они отослали Ковчег к сынам Израильским, принесшим в жертву коров и колесницу, (**1 Цар. V и VI**).

Теперь будет сказано, что это все означало: Филистимляне означают тех, которые в вере, отдельной от милосердия; Дагон представлял собою это вероучение; болезни, какими они были поражены, означали природную любовь, которая, в отдельности от любви духовной, нечиста; крысы же означали опустошение Церкви искажениями истины; новая колесница, на которой они отослали Ковчег, означала новую доктрину, но природную, ибо колесница в Слове означает доктрину по истинам духовным; коровы означали природные добрые чувства любви; наросты из золота означали природную любовь, очищенную и ставшую хорошею; золотые крысы означали то, что опустошение Церкви устранено добром; ибо золото в Слове означает добро; мычание коров в дороге означало трудное обращение вожделений зла человека природного в добрые чувства; жертва сожжения коров и колесницы означала, что таким образом Господь умилостивлен.

Это то, что разумеется духовно под оными материями; соедини их в один смысл и примени. Что те, кто по вере, отдельной от милосердия, изображались Филистимлянами, видно в Учении Нового Иерусалима о Вере (**49-54**). И что Ковчег, по причине Десятисловия, заключенного в нем, был священнейшим предметом Церкви, видно в Учении Жизни для Нового Иерусалима (**53-61**).

327.III. Вина самого человека, если он не спасен. Всяким рациональным человеком признается истина, лишь только он услышит ее, что из добра не может вытекать зло, ни из зла добро, ибо они противоположны; что, следовательно, из добра вытекает только добро и из зла — зло; когда эта истина произнесена, то признается также, что добро может быть обращено в зло не хорошим приемником, но дурным; ибо всякая форма изменяет в свое собственное качество наитствующее в нее (**см. выше, 292**). Теперь, так как Господь есть Добро в Самой Сущности Своей, или Само Добро, то очевидно, что зло не может вытекать от Господа или быть произведенным Им, но что добро может быть обращено во зло; таким субъектом является человек относительно своего собственного; этот субъект принимает постоянно от Господа добро и постоянно обращает его в качество своей формы, которая есть формою зла; из этого явствует, что вина человека, если он не спасен. Зло, правда, идет от ада, но из того, что человек его принимает оттуда как свое и тем присваивает его себе, явствует, что безразлично сказать, что зло от человека, или сказать, что зло от ада. Но почему присвоение зла доходит до того, что религия погибает, будет изложено в таком порядке:

1. Всякая религия, с течением времени, оскудевает и истощается.

2. Всякая религия оскудевает и истощается по ниспровержении образа Божьего в человеке.

3. Это происходит от постоянных умножений наследственного зла в поколениях.

4. Тем не менее от Промысла Господня, дабы каждый мог быть спасен.

5. Также от Промысла Господня, дабы новая Церковь следовала за Церковью предшествовавшей, опустошенной.

328. Эти предложения будут доказаны по порядку.

Во-первых.

Всякая религия, с течением времени, оскудевает и истощается. На этой Земле было несколько Церквей, одна за другою; ибо где род человеческий, там и Церковь, так как Небо, которое есть целью творения, состоит из рода человеческого, как было показано выше, и никакой человек не может войти в Небо, если он не в двух универсальных пунктах Церкви, которые суть признанием Бога и хорошей жизнию, как было показано выше (**326**); из того явствует, что на этой земле были Церкви от древнейшего времени до настоящего.

Эти Церкви описаны в Слове, но не исторически, как Израильская и Иудейская Церковь, до которой было несколько их, однако описанных лишь именами народов и лиц и некоторыми касающимися их особенностями.

Древнейшая Церковь, которая была первой, описана Адамом и Евой, супругою его. Следующая Церковь, которая должна называться Древнею Церковью, была описана Ноем, его тремя сыновьями и их потомками; она была обширна и распространена во многих государствах Азии; а именно в Земле Ханаанской, в пределах Иордана и за ним, в Сирии, в Ассирии и в Халдее, в Месопотамии, в Египте, в Аравии, в Тире и в Сидоне; там было древнее Слово, о котором говорилось в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**101, 102, 103**).

Что эта Церковь существовала в тех государствах — очевидно по различным частностям, касающимся их в Пророческих Писаниях Слова. Эта Церковь однако же была значительно изменена Евером, от которого Церковь Еврейская берет свое начало; в оной культ жертвенный первоначально был установлен.

Из Еврейской Церкви родилась Церковь Израильская и Иудейская, установленная торжественно по причине Слова, которое должно было написано быть в ней. Четыре эти Церкви разумеются под статуей, виденною Навуходоносором во сне, голова которой была из чистого золота, груди и руки из серебра, чрево и бедра из меди, ноги и ступни из железа и глины (**Даниил II, 32, 33**).

Ничто, кроме того же, не подразумевается под Веками золотым, серебряным, медным и железным, о которых говорят писатели древних времен. Что Церкви Еврейской наследовала Церковь Христианская — известно. Что все эти Церкви, с течением времени, оскудевали до запустения своего, которое называется Кончиною Века, можно видеть тоже из Слова. Завершение Древнейшей Церкви вкушением от древа познания — акт, означающий гордость собственного умствования, — описано Потопом. Конец Древней Церкви описан различными опустошениями народов, о чем говорится в Слове, как Историческом, так и Пророческом, главным образом изгнанием народов из земли Ханаанской сынами Израильскими. Конец Израильской и Иудейской Церкви разумеется под разрушением Храма Иерусалимского, под безысходным пленением народа Израильского и переселением народа Иудейского в Вавилон; наконец, под вторым разрушением Храма, и одновременно Иерусалима, и под рассеянием этого народа.

Такой конец предсказан во множествах мест в Пророках и Данииле, (**IX, 24-27**).

Что же до Церкви Христианской, то ее постепенное запустение, до завершения ее, описано Господом в (**Матфее, гл. XXIV, в Марке, гл. XIII**) и в (**Луке, гл. XXI**), а конец ее описан в Апокалипсисе.

Из этого можно видеть, что с течением времени Церковь оскудевает и истощается, следовательно, и религия также.

Во-вторых.

Всякая религия оскудевает и истощается ниспровержением образа Божия в человеке. Известно, что человек был создан образом Божиим, по подобию Божию (**Бытие, I, 26**); но будет сказано, что такое образ Божий и подобие Божие; один Бог есть Любовь и Мудрость; человек создан быть приемником той и другой; воля его создана быть приемником Божественной Любви, а разумение его — приемником Божественной Мудрости.

Что эти два начала по творению суть в человеке и составляют человека, и даже что у каждого они образованы в утробе, было показано выше; и так человек есть образом Бога в том, что он приемник Божественной Любви; поэтому приемник, называемый разумением, есть образом Бога, а приемник, называемый волею, есть подобием Бога; затем из того, что человек сотворен и устроен быть приемником, явствует, что он был сотворен и устроен так, чтобы его воля принимала от Бога любовь, а его разумение принимало от Бога мудрость; человек и принимает их, когда признает Бога и живет по Его заповедям, но в большей или меньшей степени по тому, как по религии он знает Бога и заповеди Его, следовательно по тому, как он знает истины, ибо истины учат, что такое Бог и как он должен быть признаваем, и что такое заповеди и как должно с ними согласовывать свою жизнь.

Образ и подобие Божие не уничтожаются в человеке, но они бывают как бы уничтожены; в самом деле, они остаются внедренными в двух способностях — Свободе и Рациональности, о которых говорилось выше во многих местах; становятся они как бы уничтоженными, когда человек из приемника Божественной Любви, который есть его волею, делает приемник любви к себе, и из приемника Божественной Мудрости, который есть его разумением, — приемник собственного умствования; этим ниспровергается образ и подобие Божие, ибо он отвращает от Бога эти приемники и обращает их к себе, оттого они закрываются сверху и открываются снизу, или закрываются спереди и открываются сзади, когда между тем они, по

созданию, открыты спереди и сзади закрыты; будучи же открытыми и закрытыми в обратном смысле, приемник любви или воля принимает наитие от ада или от своего собственного, подобно же тому и приемник мудрости или разумения.

Затем в Церквах установился культ людей вместо культа Бога и богопочитание, происходящее от учений лжи, вместо богопочитания от учений истины, одно от собственного умствования, другое — по любви к себе.

Из этих пояснений очевидно, что религия, с течением времени, оскудевает и уничтожается через ниспровержение образа Божьего в человеке.

В-третьих.

Это происходит от постоянных умножений наследственного зла в поколениях. Что наследственное зло не идет от Адама и его супруги Евы, оттого что они вкусили от древа познания, но истекает и, постепенно, передается от отцов к детям и таким образом увеличивается от постоянных умножений в поколениях, было показано выше.

Когда затем усилится зло у многих, то оно распространяется, само собою, на большинство; ибо во всяком зле есть желание соблазна, в ином — пылающие гневом против добра, отсюда зараза зла; когда же она охватила сановников, правителей и учителей Церкви, то религия испорчена, и средства исцеления, которыми суть истины, извращены фальсификацией, отсюда опустошение добра и постепенное запустение истины в Церкви, до ее уничтожения.

В-четвертых.

Тем не менее от Промысла Господня, дабы каждый был спасен. Господом приуготовлено, дабы повсюду была религия и дабы в каждой религии были два существенные пункта, которые суть признание Бога и не делание зла, потому что оно против Бога; для каждого (по жизни его) приуготовлено Промыслом все, присущее разумению и затем мысли, именуемое принадлежностями веры, ибо они суть дополнениями жизни, и если предшествуют, то все же ранее не оживлены. От Промысла тоже, дабы все, хорошо жившие и признававшие Бога, были поучаемы по смерти ангелами, и тогда те, которые в мире обретались в этих двух существенных пунктах религии, принимают истины Церкви такими, как они в Слове, и признают Господа Богом Неба и Церкви, принимают же это легче, чем христиане, которые вынесли с собою из мира представление Человечности Господа, отделенной от Божественности Его.

Еще от Промысла Господня, дабы все, умирающие детьми, в каком бы они месте ни родились, были спасены. Также каждому человеку, по смерти, дана способность исправить свою жизнь, если это возможно; все поучаемы и направляемы Господом посредством ангелов, и так как они узнают, что живут по смерти, что есть небо и ад, то сначала принимают истины; но не признававшие Бога и не избегавшие зол как грехов в мире немного спустя испытывают отвращение к истинам и отступают; признававшие же оное устами, но не сердцем суть как неразумные девы, которые имели светильники без масла, спросили масла у других дев, затем пошли его купить, но не были впущены в чертог брачный; светильники означают истины веры, а масло — добро милосердия. Из того можно видеть, что от Божественного Провидения, дабы каждый мог быть спасен, и если человек не спасен, то в этом его вина.

В-пятых.

Также от Промысла, дабы новая Церковь следовала за Церковью, предшествовавшей и опустошенной. Это совершается от древнейших времен, то есть что за предшествовавшей опустошенной Церковью следует новая; за Церковью Древнейшею последовала Древняя Церковь; за Древней Церковью следовала Церковь Израильская, или Еврейская; за тою Христианская Церковь; что новая Церковь должна последовать за Церковью Христианской — предсказано в Апокалипсисе; в нем разумеется оное под Новым Иерусалимом, спускающимся с Неба.

Причина, по которой Господом приуготовано, дабы новая Церковь следовала за предшествовавшей опустошенной, была приведена в Учении Нового Иерусалима о Священном Писании (**см. 104-113**),

329.IV. Таким образом, все предназначены для Неба, и никто для ада. Что Господь никого не ввергает в ад, но что сам дух туда ввергается, было показано в Трактате О Небе и об Аде, изданном в Лондоне в 1758 г. (545-550), и это происходит со всяким злым и нечестивым по смерти; подобное же тому происходит со всяким злым и нечестивым в мире, с тою разницею, что в мире он может быть преобразован, взяться за средства спасения и проникнуться ими, но не по выходе из мира.

Средства спасения сводятся к этим двум: избегать зол, потому что они против Божественных законов Десятисловия, и признавать, что есть Бог. Каждый это может, если только не любит зол, ибо Господь постоянно и мощно наитствует в волю человека, дабы он мог избегать зол, и мощно в разумение, дабы он мог мыслить, что есть Бог; но, тем не менее, одно никому невозможно без другого; эти два пункта соединены, как соединены Скрижали Десятисловия, из которых одна для Господа, другая же для человека; Господь, по своей Скрижали, просвещает и укрепляет каждого, но насколько человек исполняет Заповеди своей Скрижали, настолько принимает укрепление и просвещение, до того же две скрижали представляются сложенными одна на другую и запечатанными, но по мере того, как человек исполняет заповеди своей скрижали, они распечатываются и раскрываются.

Что теперь Десятисловие, как не закрытая маленькая книжка или пропись, открытая лишь в руках детей?

Скажи какому-либо взрослому: "Не делай этого, потому что это против Заповедей", — разве он обратит внимание на такие слова?

Если же ты скажешь ему: "Не делай этого, потому что это против Божественных законов", — он может обратить внимание, между тем как Десять Заповедей суть самими Божественными законами; было исследовано оное в мире духовном, относительно многих, которые, когда им говорили о Десятисловии или о Катехизисе, с презрением его отвергали; оттого что Десятисловие на второй Скрижали, которая есть скрижалью человека, поучает, что следует избегать зол;

а тот, кто их не избегает по нечестию, или религиозному верованию, что дела ничего не оказывают, а все оказывает одна вера, с некоторым презрением слышит название Десятисловия или Катехизиса, как бы он слышал о какой-то детской книге, которая больше не нужна ему. Все это было сказано для сведения, что нет человека, лишенного знания средств, которыми он может быть спасен, ни силы, если он спасен быть желает, из чего явствует, что все предназначены были к небу и никто к аду.

Но как у некоторых преобладает верование в Предопределение к не спасению, которое есть осуждением, и так как это верование опасно, и может лишь быть разделено тогда, когда рассудок увидит, что в нем безумного и жестокого, то будет о нем изложено в таком порядке:

1. Предназначение иное, как к Небу, противно Божественной Любви которая бесконечна.

2. Предназначение иное, как к небу, противно Божественной Мудрости которая бесконечна.

3. Предположение, что спасены лишь родящиеся в лоне Церкви, есть безумной ересью.

4. Предположение, что кто-либо из рода человеческого по предопределению осужден, есть жестокою ересью.

330. Но дабы показать, как пагубна вера в Предопределение, разумеемое вообще, следует принять и подтвердить те четыре предложения.

Во-первых.

Предназначение иное, как к Небу, противно Божественной Любви, которая бесконечна. Что Иегова, или Господь, есть Божественная Любовь, и эта Любовь бесконечна и есть Бытием всякой жизни, затем также, что человек был создан образом Божиим, по подобию Божию, — было показано в Трактате О Божественной Любви и Божественной Мудрости; и так как каждый человек образован в утробе по этому образу, согласно подобию Господу, что тоже показано было, то явствует что Господь есть Отцем Небесным всех людей, а люди — Его духовными сынами; поэтому Он говорит:

"Отцем не называйте вашего отца на земле, ибо один ваш Отец, который на небесах" (**Матф. XXIII, 9**).

Под этим разумеется, что один Он — Отец, что до жизни, и отец земной есть отец, что до оболочки жизни, которая есть телом; поэтому в небе никто иной не называется Отцем; что люди, не ниспровергнувшие эту жизнь, называются сынами и рожденными от Бога — ясно видно по многим местам в Слове. Из этого можно видеть, что Божественная Любовь — во всяком человеке, в злом или добром, и что, следовательно, Господь, который есть Божественная Любовь, не может поступать иначе, чем отец земной со своими детьми, и поступает бесконечно лучше, так как Любовь Божественная бесконечна; затем также, что не может Он отступить ни от одного человека, потому что жизнь каждого — от Него; представляется, что Он отступает от злых, но это злые отступают, и все-таки, любовью, Он их ведет; поэтому Господь говорит:

"Просите и дастся вам; ищите и найдете; стучите и отворится вам: кто из вас человек, который, если сын попросит у него хлеба, ему даст камень? Если же вы, будучи злы, умеете давать благое детям вашим, тем более ваш Отец, который в небесах, даст блага просящим у Него"

(**Матф. VII, 7-11**); и в другом месте:

"Он заставляет солнце свое восходить над злыми и над добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных" (**Матф. V, 45**).

Также известно в Церкви, что Господь желает спасения всех, а не смерти кого бы то ни-было. Из того можно видеть, что Предназначение иное, как к Небу, противно Божественной Любви.

Во-вторых.

Предназначение иное, как к Небу, противно Божественной Мудрости, которая бесконечна. Божественная Любовь, своей Божественной Мудростью, приуготовляет средства, которыми каждый человек может быть спасен; поэтому сказать, что есть иное Предназначение, чем к Небу, — это сказать, что она не может доставить средств к спасению, когда между тем эти средства для всех, как было показано выше, и средства эти от Божественного Провидения, которое бесконечно.

Если есть люди не спасенные, то потому, что Божественная

Любовь желает, чтобы человек ощущал в себе благополучие и блаженство Неба, ибо иначе не имел бы он Неба, а оное соделаться не может, если только человеку не представляется, что он мыслит и желает сам собою, ибо без этой видимости ничто бы не присвоилось ему, и он бы не был человеком; поэтому есть Божественное Провидение, присущее Божественной Мудрости по Божественной Любви.

Но это не уничтожает истины, что все были предназначены к небу, и никто к аду; если бы, наоборот, недоставало средств к спасению, то это уничтожило бы ее; было же показано выше, что для каждого приуготовлены средства к спасению, и Небо таково, что все, живущие хорошо, к какой бы они религии не принадлежали, имеют в нем место.

Человек — как земля, производящая плоды всякого рода, способность, по которой земля есть землей; если она производит также дурные плоды, то это не отнимает у нее способности производить хорошие, способность же эта была бы отнятой, если бы она могла производить только дурные.

Человек есть тоже как предмет, разнообразящий в себе лучи света; если этот предмет представляет собой цвета, лишь неприятные, то в этом не свет причиной: лучи света могут также пестриться в приятных красках.

В-третьих.

Предположение, что могут быть спасены лишь родящиеся в лоне Церкви, есть безумною ересью. Родившиеся вне Церкви — такие же люди, как и родившиеся в лоне Церкви; они подобного же небесного происхождения; они суть, одинаковы с теми, души живые и бессмертные; у них есть также религия, по которой они признают, что есть Бог и что должно жить хорошо; признающий же Бога и живущий хорошо, становится духовен, в своей степени, и спасен, как было показано выше.

Говорят, что они не крещены, но крещение спасает лишь тех, кто духовно омыт, то есть, кто возрожден, ибо крещение для знамения и напоминания о возрождении; говорят, что они не знают Господа и что без Господа нет спасения, но ни один человек не спасен тем, что знает Господа, но спасен тем, что живет по заповедям Господним; и Господа знает всякий, признающий Бога, ибо Господь есть Богом неба и земли, как Он Сам тому поучает (**Матф. XXVIII, 18 и в других местах**); сверх того, те, кто вне Церкви, имеют более, чем Христиане, представление о Боге как Человеке, а имеющие представление о Боге как человеке и живущие хорошо, приняты Господом; они признают даже Бога одного в лице и сущности, чего не делают христиане; они тоже мыслят о Боге в жизни своей, ибо считают зло грехом против Бога, а считающие зло таким, мыслят о Боге в своей жизни. Христиане владеют уставами своей религии по Слову, но не многие извлекают из него какие-либо правила для жизни: Римские католики не читают его, а Реформаты, которые в вере, отделенной от милосердия, обращают внимание не на относящееся к жизни, но на относящееся к вере, между тем, как все Слово есть вполне доктриною жизни.

Христиане только в Европе, Магометанство же и язычество в Азии, в Индии, в Африке и в Америке, и род человеческий в этих частях земного шара в десять раз превосходит количеством род человеческий в части христианского мира, и в этой части не многие поставляют религию в жизни; может ли быть что безумнее верования, что только те спасены, а другие осуждены, что Небо дается человеку по рождению, а не по жизни. Также Господь сказал:

"Говорю вам, что многие придут с Востока и Запада и воссядут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, а сыны Царства будут отвержены"

(**Матф. VIII, 11, 12**).

В-четвертых.

Предполагать, что некоторые из рода человеческого осуждены по Предопределению — жестокая ересь. Жестоко мыслить, что Господь, Который есть сама Любовь и сама Благость, потерпит, дабы такое множество людей родилось для ада, или такие мириады мириад рождались проклятыми и осужденными, то есть рождались сатанами и дьяволами, и что по своей Божественной Мудрости Он не способствует, дабы живущие хорошо и признающие Бога не были брошены в огонь и в муки вечные, между тем, как Господь есть творцом и Спасением всех. Он один ведает и не хочет ничьей смерти; жестоко же верить и мыслить, что такое великое множество народов и языков, под его покровом и смотрением, было предано в жертву дьяволу по Предопределению.

Глава тринадцатая

ГОСПОДЬ НЕ МОЖЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ ПРОТИВ ЗАКОНОВ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОВИДЕНИЯ,

ПОТОМУ ЧТО ДЕЙСТВОВАТЬ ПРОТИВ ЭТИХ ЗАКОНОВ — БЫЛО БЫ ДЕЙСТВОВАТЬ

ПРОТИВ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ И ПРОТИВ БОЖЕСТВЕННОЙ МУДРОСТИ,

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПРОТИВ САМОГО СЕБЯ

331. В Мудрости Ангельской О Божественной Любви и Божественной Мудрости было показано, что Господь есть Божественная Любовь и Божественная Мудрость, и что они суть Бытием и Жизнию, по которым все Есть и Живет; было тоже показано, что подобное исходит от Него, и что Святое Исходящее есть Им Самим; в исходящих — на первом ряду Божественное Провидение, ибо оно постоянно в цели, ради которой была создана вселенная; действие и поступательность цели средствами есть то, что называется Божественным Провидением. Теперь, так как Божественное Исходящее есть Сам Господь, и как Божественное Провидение есть то, что по первому ряду исходит, то явствует, что действовать против законов Его Божественного Провидения — это действовать против Него Самого.

Даже можно сказать, что Господь есть Провидение, так как говорится, что Бог есть Порядок; ибо Божественное Провидение есть Божественным Порядком, главным образом, в спасении людей; а так как нет порядка без законов, ибо законы составляют его, и каждый закон держится порядка, то оно тоже есть порядок; должно сказать о Божественном Провидении, что так как Господь есть Своим Провидением, Он же есть и законом своего Провидения; из этого очевидно, что Господь не может действовать против Законов своего

Божественного Провидения, потому что действовать против этих законов — это действовать против Самого Себя, Сверх того, нет никакого действия иначе, как в субъектах и средствами на этот субъект; действие не в субъекте и не средствами на этот субъект — невозможно; субъектом Божественного Провидения есть человек, средствами суть Божественные Истины, через которые он имеет мудрость, и Божественное Добро, через которое он имеет любовь;

Божественное Провидение этими средствами производит цель, которая в спасении человека; ибо желающий цели желает и средств; производящий же по желанию цель ее производит средствами.

Но предложения эти станут очевиднее, когда будут рассмотрены в следующем порядке:

I. Действие Божественного Провидения на спасение человека начинается от его рождения и продолжается до конца его жизни и затем в вечности.

II. Действие Божественного Провидения производится постоянно средствами чистой благости.

III. Спасение, произведенное мгновенно, по непосредственной благости, невозможно.

IV. Спасение, произведенное по непосредственной благости, мгновенно, есть летающим огненным змием в Церкви.

332.I. Действие Божественного Провидения на спасение человека начинается от его рождения и продолжается до конца его жизни и затем в вечности. Было показано выше что Небо, произведенное из Рода Человеческого, есть самою целью создания вселенной, и эта цель, в действии своем и поступательном движении, есть Божественное Провидение в деле спасения человеков; что все вне человека и ему служащее в употребление — второстепенная цель творения и в совокупности относится ко всему, существующему в трех царствах: животном, растительном и минеральном.

Если все в этих царствах производится постоянно по законам Божественного Порядка, установленного от первого творения, может ли первая цель, которая в спасении рода человеческого, не производиться постоянно по законам своего порядка, сущими законами Божественного Провидения?

Посмотри только на плодовое дерево: сначала не родится ли оно от малого семени нежным отростком, затем не вырастает ли в стебель, не распускает ли ветвей, и те не покрываются ли листьями, и затем не выпускает ли оно цветов, не рождает ли плодов и не вмещает ли в них новых семян, которыми способствует своей непрерывности?

То же самое со всяким кустом, со всякою полевою травою.

В этих субъектах все и каждое не производится ли, постоянным и дивным способом, по законам своего порядка, от одной цели к другой? Отчего не быть тому же с главною целью, которою есть Небо, происходящее от Рода Человеческого?

Может ли быть в ее прогрессии что-либо, не происходящее весьма постоянно по законам Божественного Провидения?

Так как есть соответствие жизни человеческой с произрастанием древесным, то выведем параллель, или сравнение.

Детство человека может быть сравнено с нежным отростком дерева, выходящего от семени, из земли; последующее детство и юность человека — как бы этот отросток, произрастающий в ствол и малые ветви; природные истины, которыми сначала исполняется всякий человек, суть как бы листья, которыми покрываются ветви, листья, и не означают иного в Слове: введение человека в супружество добра и истины, или в духовный брак, — как цветы, которые это дерево производит в весеннюю пору; духовные истины суть лепестками этих цветов; первоначальные произведения духовного брака суть как зародыши плодов; духовное добро, которое есть добром милосердия, — как плоды; они и означаются плодами в Слове; произрастания мудрости по любви — как семена; этими произрастаниями человек становится как сад, или рай; человек в Слове и описан древом, а его мудрость по любви — вертоградом; ничто иное не означается Эдемом.

Человек, правда, дерево по семени дурное, но, тем не менее, ему дается черенок, или прививка веточек, взятых от Древа жизни, которыми соки старого корня изменяются в сок, производящий добрые плоды.

Это сравнение сделано для сведения, что если в произрастании и в рождении деревьев есть столь непрестанная поступательность Божественного Провидения, то должна она быть вполне непрестанною в преобразовании и возрождении человеков, которые много предпочтительнее деревьев, по словам Господа:

"Не пять ли малых птиц продаются за два ассария?

И ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь: вы дороже многих малых птиц. Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на локоть? Если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?

Посмотрите на лилии, как они растут. Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры!" (**Лука, XII, 6, 7, 25, 26, 27, 28**).

333. Сказано, что действие Божественного Провидения на спасение человека начинается от его рождения и продолжается до конца его жизни; дабы понять это, должно знать, что Господь видит, каков человек, и предвидит, каким он быть желает, то есть каким он будет; и дабы он был человеком и затем бессмертным, свобода воли не может быть отнята от него, как было обильно доказано выше, поэтому Господь предвидит его состояние по смерти и способствует Промыслом тому от его рождения до конца его жизни; у злых Он способствует, попуская зло, и их непрестанно от него отклоняя; у добрых — ведением их к добру; таким образом,

Божественное Провидение непрестанно в действии на спасение человека, но спасены быть могут лишь желающие быть спасенными; желают же быть спасенными лишь признающие Бога и ведомые Им; не желают того не признающие Бога и ведомые сами собою; ибо они не помышляют ни о жизни вечной, ни о спасении, но те помышляют о том; Господь это видит, но ведет их, и ведет по законам своего Божественного Провидения, против которых действовать не может; ибо действовать против них, это действовать против своей Божественной Мудрости, то есть против Самого Себя.

Теперь, так как Он предвидит состояние всех по смерти и предвидит также места не желающим быть спасенными в аду и места желающим быть спасенным в небе, то явствует что, как сказано было, Он способствует Промыслом для злых их местам, попуская и отклоняя, и для добрых их местам, ведя; если бы Он не соделывал того непрестанно, от рождения каждого до конца его жизни, то Небо не удержалось бы, ни ад также; ибо без этого Предвидения, и без этого Провидения в то же время, небо и ад были бы родом хаоса; что каждому есть место, приуготовленное Господом по предвидению, видно выше (**202, 203**).

Это может быть пояснено таким сравнением: Если бы стрелок или пищальник метил в цель, за целью же продолжили бы прямую линию на расстояние мили, и целясь он ошибся только на ширину ногтя, то стрела или пуля в конце мили удалилась бы неимоверно от линии, продолженной за целью;

то же самое было бы, если бы Господь каждую минуту, даже каждое мгновение, не взирал бы на вечность, предвидя место каждого по смерти и Промыслом устрояя его; но оное соделывается Господом, потому что все будущее есть настоящим для Него, и все настоящее для него вечно. Что Божественное Провидение во всем имеет в виду бесконечное и вечное, показано выше (**46-69, 214 и след**.).

334. Сказано также, что действие Божественного Провидения продолжается в вечности, потому что всякий ангел совершенствуется в мудрости вечно, но каждый — по степени чувства любви к добру и к истине, в которых пребывал, когда вышел из мира; степень эта совершенствуется в вечности; что за этою степенью, то вне ангела и не внутри его, а то, что вне его, не может совершенствоваться внутри его. Оное разумеется под мерою доброю, нагнетенною, утрясенною и переполненною, которая дается в лоно тех, кто не взыскивает и дает другим (***Лука*, VI, 37, 38**), — то есть тех, кто в добре милосердия.

335.II. Действие Божественного Провидения производится постоянно средствами чистой Благости. Есть средства и способы Божественного Провидения; средства есть то, через что человек становится человеком и совершенствуется относительно разумения и воли; способы — то, чем средства проявляются.

Средства, через которые человек становится человеком и совершенствуется относительно разумения, именуются, в общем слове, истинами, которые становятся идеями в мысли и называются предметам памяти; в себе самих они познания, из которых выводятся науки.

Все средства эти, взятые в себе, духовны; но так как они в природных, то по покрышке их, или одеянию, они представляются природными, а некоторые — материальным.

Эти средства бесконечны в числе, и бесконечны в разнообразии; они более или менее просты и сложны, и более или менее совершенны и несовершенны. Есть средства образования и усовершенствования жизни гражданственной — природной; затем для образования и усовершенствования жизни нравственной — рациональной, как также для образования и усовершенствования жизни духовной — небесной.

Средства эти следуют род за родом, от детства до последнего возраста человека, и после этого в вечности; и так как они следуют, возрастая, то предыдущие становятся средствами для последующих; в самом деле, они входят причинами, посредствующими в образовавшееся явление, ибо по ним всякое явление и всякое заключение действительно и затем становятся причиною; таким образом последующие становятся последовательно средствами; и так как оное совершается вечно, то нет завершающего (pastremum'a), или последнего заключительного; ибо как вечное без конца, так же и мудрость возрастает в вечность — без конца; если бы был конец мудрости мудреца, то удовольствие его мудрости, состоящее в непрерывных умножении и плодорождаемости, погибло бы, и, следовательно, с ним удовольствие его жизни, и было бы заменено оно удовольствием славы, которое,

будучи исключительно одним, не имеет в себе небесной жизни; тогда этот мудрец не становился бы молодым человеком, но стал бы стариком и наконец дряхлым человеком.

Хотя мудрость мудреца возрастает вечно в Небе, но ангельская мудрость не доходит никогда до Божественной Мудрости, так чтобы могла достичь ее; это, по сравнению, как говорится о прямой линии (asymptote), протянутой подле гиперболы, которая постоянно приближается, но никогда не соприкасается с нею, или то, что говорят о квадратуре круга.

Из этого можно видеть, что разумеется под средствами, которыми Божественное Провидение производит, что человек есть человеком, и совершенствуется относительно разумения, и что эти средства, в общем слове, называются истинами.

Столько же есть и средств, через которые человек образуется и совершенствуется относительно воли, они же, в общем слове, называются добром; ими человек имеет любовь, теми же мудрость; их сочетание образует человека, ибо каково сочетание это, таков человек; это сочетание называется супружеством добра и истины.

336. Что же до способов, которыми Божественное Провидение действует на средства, и средствами, дабы образовать и совершенствовать человека, то они также бесконечны в числе и бесконечны в разнообразии; их столько же, сколько и действий Божественной Мудрости по Божественной Любви на спасение человека, таким образом столько, сколько действий Божественного Провидения по его законам, о чем было говорено.

Что эти способы весьма сокрыты, было выше пояснено действиями души в теле, действиями, о которых человек так мало имеет понятия, что едва ли что-либо знает; например, как глаз, ухо, ноздри, язык и кожа ощущают, и как желудок переваривает, брыжейка приготовляет сок, печень.

Его перерабатывает, поджелудочная железа и селезенка его очищают, почки отделяют его от нечистот, сердце его собирает и распределяет, легкое его отцеживает, мозг его сублимирует и снова оживляет, кроме других бесчисленных вещей, которые все сокрыты и в которые наука едва может войти.

Из этого очевидно, что еще менее можно войти в сокрытые действия Божественного Провидения, достаточно знать его законы.

337. Если Божественное Провидение проявляет все это по чистой Благости, то потому, что самая Божественная Сущность есть чистая Любовь, и Любовь эта действует Божественною Мудростию, какое действие именуется Божественным Провидением. Если эта чистая Любовь есть чистою Благостию, то потому, что:

1. Она действует у всех, кто на земном шаре, и которые таковы, что ничего не могут сами собою.

2. Она действует у злых и неправедных так же, как у добрых и праведных.

3. Она таковых направляет к аду, и извлекает их.

4. Она там постоянно противится им и борется за них против дьявола, то есть против зол ада.

5. Для всех Она пришла в мир и вынесла испытания до последнего, которым была крестная страсть.

6. Она действует постоянно с нечестивыми, дабы их соделать чистыми, и с безумными, дабы их исцелить от безумия, и таким образом, постоянно действует по чистой Благости.

338.III. Спасение мгновенное, по чистой Благости, невозможно. В предыдущих главах было показано, что действие Божественного Провидения на спасение человека начинается от рождения его и продолжается до конца жизни и затем в вечности; и также, что это действие производится постоянно средствами чистой Благости; из того явствует, что нет ни спасения, совершаемого мгновенно, ни непосредственной благости.

Но так как многие, не мыслящие ничего по разумению о предметах Церкви и религии, верят, что есть спасение по непосредственной благости и, таким образом, что оно совершается мгновенно, когда между тем это противно истине, и верование это сверх того опасно, то важно рассмотреть предмет в его порядке.

1. Верование в спасение, совершенное мгновенно, по непосредственной благости, взято от природного состояния человека.

2. Это верование происходит от незнания состояния духовного, которое совершенно отлично от состояния природного.

3. Рассмотренные в самих себе, учения всех Церквей Христианского мира против спасения, совершаемого мгновенно, по непосредственной благости, но, тем не менее, внешние люди Церкви поддерживают его.

Во-первых.

Верование в спасение, совершаемое мгновенно, по непосредственной благости, взято от природного состояния человека. Человек природный по состоянию своему не знает ничего иного, как то, что небесная радость наитствует, как мирская, и принимаема одинаково; что это, как например, если кто из бедных стал богатым и переходит из печального состояния нищеты в состояние счастливого избытка; или, как если кто из презираемого стал почитаем и переходит из презрения в славу; или как если переходит из дома смерти в брачный дом.

Так как состояния эти могут быть изменены в один день, и нет иного представления о состоянии человека по смерти, то видно, откуда идет верование о спасении, совершаемом мгновенно, по непосредственной благости, В мире многие личности могут быть в одном собрании и в одном частном обществе и веселиться вместе, между тем быть различного духа (animus); это бывает в мире природном по той причине, что внешнее одного человека может приноровиться к внешнему другого, хотя внутреннее различествуют; по этому состоянию природному выводят также, что спасение заключается лишь в принятии в среду ангелов в Небе, и что принятие это есть действием непосредственной благости; поэтому полагают также, что Небо может быть дано злым так же, как добрым, и что отсюда консоциация их, подобная существующей в Мире, с тою разницею, что она полна радости.

Во-вторых.

Это верование происходит от незнания состояния духовного, которое совершенно отлично от состояния природного. Выше, во многих местах, было говорено о состоянии духовном, которое есть состоянием человека по смерти, и было показано, что каждый есть своею любовью, и никто не может жить с иными, кроме тех, которые в любви, подобной его любви; что если он придет к другим, то не сможет быть удержан в дыхании собственной жизни; из того явствует, что каждый, по смерти, приходит в общество своих, то есть тех, которые в любви, его любви подобной, и он их знает как родных или друзей и дивно, что когда приходит к ним и видит их, то как бы знал он их с детства; это следствие сродства и дружбы духовных; более того, в обществе никто не может жить в ином доме, кроме своего; каждый в своем обществе имеет дом, который находит приготовленным для себя, лишь только вступает в общество: он может быть в собрании с другими, вне своего дома, но, тем не менее, не может жить иначе, как в своем и более еще того, кто-либо в покоях другого может сесть лишь на свое место, если же он сядет на другое место, то становится бессмысленным и немым; и дивно то, что каждый, войдя в покой, знает свое место, то же самое в Храмах и в местах собраний, куда там сходятся.

Из этого очевидно, что состояние духовное совершенно отлично от состояния природного, и таково оно, что никто не может быть в ином месте, чем там, где его преобладающая любовь; ибо там удовольствие его жизни, и каждый желает быть в удовольствии своей жизни; дух же человека и не может быть нигде иначе, ибо он составляет его жизнь, и даже более — самое дыхание его и биение его сердца.

Иначе в природном мире; в этом мире внешнее человека научено с детства представлять лицем, речью и жестами удовольствия иные, чем присущие его внутреннему; и так нельзя по состоянию человека в Мире природном заключать о его состоянии по смерти; ибо состояние каждого по смерти духовно и состоит в том, что можно обретаться лишь в удовольствии своей любви, приобретенной жизнию в Мире природном.

По этим объяснениям можно ясно видеть, что тот, кто в удовольствии ада, не может быть введен в удовольствие неба, вообще называемое небесным блаженством, или, что-то же самое, кто в удовольствии зла, не может быть введен в удовольствие добра; это еще яснее можно заключить из того, что после смерти не отказано никому взойти на Небо, путь каждому туда указан, способность каждому дана, и он вступает; но лишь он вступит в Небо и втягивает дыханием его удовольствие, как грудь его подавлена, сердце томится, и он ощущает ослабление, в котором корчится, как змея, придвинутая к огню; и отвратясь лицем от неба, обернувшись к аду, он убегает стремительно и не находит иначе покоя, как только в обществе любви своей; из этого можно видеть, что никто не может вступить в небо по непосредственной благости, и, следовательно, недостаточно быть приняту в него, как воображают многие в мире; затем тоже, что нет спасения, совершаемого мгновенно, ибо оно дает предполагать непосредственную благость.

Иные, верившие в мире в спасение, совершаемое мгновенно, и в непосредственную благость, став духами, желали, чтобы их адское удовольствие, или их удовольствие зла, было, по Божественному Всемогуществу и в то же время по Божественной Благости, изменено в удовольствие небесное, или в удовольствие добра; и так как они пламенно того желали, то было дозволено, дабы оное соделано было ангелами, которые тогда отняли адские удовольствия у них; но те сейчас же (так как это удовольствие было удовольствием их жизненной любви, следовательно, их жизни) пали как мертвые безо всякого ощущения и безо всякого движения, и невозможно было вдохнуть в них иной жизни, кроме жизни их, так как все в их духе и в их теле, обращенное назад, не могло быть перевернуто в противную сторону; поэтому они были призваны к жизни введением удовольствия любви их жизни; затем говорили они, что в этом состоянии внутренне чувствовали нечто жестокое и ужасное, чего они не пожелали открыть.

Поэтому говорят в Небе, что легче обратить филина в горлицу или змею в ягненка, чем обратить адского духа в небесного ангела.

В-третьих.

Рассмотренные в самих себе, учения всех Церквей Христианского мира против спасения, совершаемого мгновенно, но, тем не менее, внешние люди Церкви поддерживают его. Рассмотренные внутренне учения всех Церквей наставляют жизни. Существует ли Церковь, доктрина которой не поучала бы, что человек должен исследовать себя, увидеть и признать свои грехи, исповедаться в них, покаяться и, наконец, начать новую жизнь?

Кто допускается к Святому Причащению без этого предуведомления и без этого наказа? Осведомься, и ты получишь подтверждение.

Есть ли Церковь, учение которой не основано на заповедях Десятисловия, и эти заповеди не суть ли заповедями жизни? Какой член Церкви, в котором есть что-либо от Церкви, не признает, услышав, что живущий хорошо — спасен, а живущий дурно — осужден?

Поэтому в Символе веры Афанасия, который есть Учением, принятым во всем Христианском мире, сказано, что

"Господь придет судить живых и мертвых, и творившие добрые дела войдут в жизнь вечную, а творившие злые — в огонь вечный".

Поэтому очевидно, что, рассмотренные внутренне, доктрины всех Церквей наставляют жизни; наставляя же жизни, они наставляют, что спасение по жизни; жизнь же человека не вдохновляется мгновенно, но постепенно образуется и преобразуется, по мере того, как человек избегает зол как грехов, следовательно, по мере того, как он знает, что такое грех, как узнает и признает его, и по мере того, как он не желает его и затем отказывается от него, и как он знает также эти средства, относящиеся к познанию Бога; жизнь человека образуется и преобразуется всем этим, и оное не может быть мгновенно внедрено; ибо должно, дабы наследственное зло, которое в себе адское, было удалено, и добро, которое в себе небесное, насаждено на место этого зла; человек, по своему наследственному злу, может сравниться с совою, относительно разумения, и со змеей, относительно воли; человек же преобразованный может сравниться с

голубем относительно разумения и с овцой относительно воли; поэтому преобразование и затем спасение, произведенные мгновенно, были бы как обращение внезапное совы в голубя и змеи в овцу; кто не видит, зная что-либо о жизни человека, что этого не может произойти, если только природа совы и змеи не отнята и природа голубя и овцы не насаждена.

Известно также, что каждый умный может стать умнее и каждый мудрец мудрее, и что ум и мудрость в человеке могут расти, и растут у некоторых с детства до конца жизни, и, таким образом, человек совершенствуется постоянно.

Почему не быть лучше того, с умом и мудостию духовными, которые восходят двумя степенями выше над умом и мудростью природными и которые, восходя, становятся ангельскими, то есть неизреченными?

Что они у ангелов возрастают вечно, было сказано выше. Кто не может понять, если желает, что невозможно, дабы то, что совершенствуется вечно, стало совершенным в одно мгновение?

339. Из этого очевидно, что все, мыслящие о спасении по жизни, вовсе не мыслят о спасении, совершаемом мгновенно, по непосредственной благости, но мыслят о средствах спасения, которыми и по которым Господь действует по законам своего Божественного Провидения, и, таким образом, какими человек веден Господом по чистой Благости. Но не мыслящие по жизни о спасении предполагают мгновенность в спасении и непосредственность в Благости, так поступают отделяющие веру от милосердия; милосердие есть жизнь; они предполагают, что вера дается мгновенно, и даже в последний час смерти, если не ранее; и так верующие, что отпущение грехов без покаяния есть разрешением от грехов и, таким образом, спасением, и являющиеся к Святой Вечере; затем также доверяющие индульгенциям монахов, их молитвам за усопших и разрешениям, происходящим от права, которое приписывают себе над душами людей.

340.IV. Спасение, совершаемое мгновенно, по непосредственной Благости, есть огненным змием, летающим в Церкви. Под огненным летающим змием подразумевается зло, блистающее адским огнем; то же самое означается огненным летающим змием в Исаие: "Не ликуй, земля филистимская, оттого что сокрушен бич, каравший тебя, ибо из корня змия выйдет василиск, плод которого будет летающим огненным змием" **(XIV, 29).**

Такое зло летает в Церкви, когда в ней верят в спасение, произведенное мгновенно, по непосредственной благости, ибо этим:

1. Религия уничтожается.

2. Обеспеченность вводится.

3. Осуждение вменяется Господу. Что касается первого пункта, что этим религия уничтожается, то есть два существенных и, в то же время, два универсальных пункта религии: Признание Бога и Покаяние.

Это пустые вещи для верующих в спасение по одной Благости, как бы не жили они; ибо, что иное нужно, как не сказать: "Боже, умилосердись надо мною".

Относительно всего остального, касающегося религии, они в темноте, и даже любят эту темноту; о первом существенном пункте Церкви, то есть, о Признании Бога они ничего не мыслят, разве только — что такое Бог?

Кто Его видел? Если скажут, что Он существует, и что Он один, то они говорят, что Он один; если скажут, что они трое, но трое должны быть называемы Один. Таково у них признание Бога.

О другом существенном пункте Церкви, то есть, о Покаянии, они не мыслят ничего и, следовательно, ничего ни о каком грехе, и наконец не ведают, что есть какой-либо грех, и тогда с наслаждением слышат и принимают, что Закон не осуждает, потому что Христианин не под игом его, и если только сказать:

"Боже, умилосердись надо мною, ради твоего Сына",

— то получишь спасение; таково у них покаяние жизни.

Но отними покаяние или, что-то же самое, отдели жизнь от религии, — что же останется, кроме этих слов:

"Умилосердись надо мною"?

Явствует, что они не могут ничего сказать иного, кроме того, что этими словами спасение производится мгновенно, даже в час смерти, если не ранее.

Что тогда Слово для них, как не глупый и загадочный голос, раздающийся над треножником в пещере, или как невразумительный ответ идольского оракула?

Одним словом, если ты отнимешь покаяние, то есть отделишь жизнь от религии, что тогда человек, как не зло, блещущее адским огнем или огненный змей, летающий в Церкви?

Ибо без покаяния человек во зле, зло же есть адом.

Во-вторых.

По верованию в спасение, совершаемое мгновенно, по одной непосредственной благости, вводится жизненная обеспеченность.

Жизненная обеспеченность берет свое начало или от верования нечестивца, что нет жизни по смерти, или от верования того, кто отделяет жизнь от спасения; хотя бы он и верил в жизнь вечную, все-таки мыслит он:

"Живу ли я хорошо, или живу дурно, я могу быть спасен, так как спасение есть чистою Благостию, Благость же Божия универсальна, ибо Он не хочет ничьей смерти".

Если же случайно ему придет на мысль, что Благость должна быть испрошена словами принятого верования, то он может подумать:

"Это соделается если не ранее, то в минуту смерти".

Всякий человек, будучи в такой обеспеченности, принимает ни во что прелюбодеяния, обманы, несправедливости, насилия, богохульства, месть; но предоставляет без удержу свое тело и свой дух всему этому злу; он не знает также, что такое духовное зло и вожделение этого зла; если же узнает что-либо о том по Слову, то оно как что-либо, падающее на эбен и отскакивающее, или как то, что падает в яму и поглощается ею.

В-третьих.

По этому верованию осуждение вменяется Господу. Кто не может заключить, что вина не человека, но вина Господа, если человек не спасен, когда Господь может спасти каждого по чистому Милосердию? Если сказать, что средством спасения есть вера, то какому человеку эта вера может не быть дана, ибо вера эта есть лишь мыслию, которая может быть введена во всякое состояние духа, отвлеченного от мирского, даже с убеждением?

И оный также может сказать:

"Я не могу сам собою получить ее".

Если же она не дана, и человек осужден, что может мыслить осужденный как не то, что в этом вина Господа, который мог, но не пожелал? Не значит ли это назвать Господа немилосердным?

И, сверх того, в жару своей веры не скажет ли он:

"Как может Господь видеть столько осужденных в аду, когда между тем Он может в одну минуту их всех спасти по чистой благости?"

Не говоря о многих других подобных рассуждениях, которые нельзя считать ничем иным, как только гнусными порицаниями Божественности. Теперь, по этим объяснениям, можно видеть, что вера в спасение, совершаемое мгновенно, по чистой Благости, есть огненным змеем, летающим в Церкви. Да простят меня, если я, для замещения остатка бумаги, прибавлю это сообщение.

Несколько духов, по дозволению, поднялись из ада и мне сказали: "Ты много написал по Господу, напиши также что-нибудь от нас". Я ответил:

"Что мне писать?" Они сказали: "Напиши, что каждый дух, хороший или дурной, обретается в своем удовольствии; хороший — в удовольствии своего добра, дурной — в удовольствии своего зла".

Я сделал такой вопрос: "Что такое ваше удовольствие?"

Они сказали, что это удовольствие прелюбодеяния, кражи, мошенничества, обмана.

И снова я спросил: "Каковы ваши удовольствия?"

Они сказали: "Другими ощущаются они как вонь от извержений, как трупные зловония и как запах от застоявшейся мочи".

Я сказал: "И в этом для вас приятное?"

Они сказали: "Очень приятное".

Я сказал: "Тогда вы как нечистые животные, которые живут в подобной грязи?"

Они ответили: "Если так, то так, но этот запах — наслаждение для нашего обоняния".

Я спросил: "Что мне еще писать от вас?"

Они сказали: "То, что дозволено каждому быть в своем удовольствии, даже самом нечистом, как называют его, лишь бы только не наваждать добрых духов и ангелов, но так как мы не могли не наваждать их, то были изгнаны и ввержены в ад, где мы жестоко страдаем".

Я сказал: "Почему вы наваждали добрых?"

Они отвечали, что не могли иначе, как бы ярость овладевает ими при виде ангела и при ощущении ими Божественной сферы, окружающей его.

Тогда я сказал: «, Следовательно, вы как свирепые звери".

При этих словах на них нашла ярость, проявившаяся огнем ненависти; из опасения причинения ими вреда они были снова погружены в ад. Об удовольствиях, обоняемых как благоухание и как зловоние в Мире духовном, смотрите выше (**303, 304, 305, 324**).